

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 37

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 6-го сентября.

Содержаніе: I. Вѣчная память. В. Садовничій.—II. Во дни войны. Прот.
I. Восторговъ.—III. О загробной жизни и вѣчныхъ мученіяхъ (окон-
чаніе). А. Антоній.—VI. По Евангельскому закону (продолженіе).
И. Поповъ-Пермскій.—V. Замѣтка. Дѣйствительный способъ борьбы
съ карточной игрой.—

Вѣчная память!

Медленные удары знакомаго колокола!.. Раньше они казались такими радостными, желанными; когда, бывало, весело переливаясь предъ началомъ богослуженія, они будили въ душѣ ощущение какого-то необъятнаго счастья и заставляли забывать мелкія неудачи и невзгоды будничной жизни. Теперь же невыносимую грустію вѣетъ отъ нихъ, и кажется, что эти печальные удары какъ бы силятся о чемъ-то повѣдать міру, раскрыть предъ нимъ свое безысходное горе, для выраженія котораго не существуетъ словъ, которое можно только глубоко въ сердцѣ чувствовать и переживать! Да, въ жизни чловѣчества на землѣ произошло нѣчто страшное,

небывалое: надъ міромъ промчался грандіозный вихрь смерти, сломившій милліоны цвѣтущихъ молодыхъ жизней; это онъ— жуткій и леденящій коснулся своимъ краемъ нашего колокола и заставляетъ его не радоваться и ликовать, а мучительно скорбѣть, стонать и жалобно сѣтовать!

Необычная обстановка вотъ уже годъ царитъ въ стѣнахъ родной семинаріи. Гдѣ раньше былъ слышенъ веселый юношескій смѣхъ; гдѣ раньше молодая, полная розовыхъ надеждъ на будущее жизнь справляла свой весенній праздникъ, тамъ теперь водворилась тревожная тишина, прерываемая изрѣдка вылетающими изъ операціонной комнаты стопами. По корридорамъ скользятъ фигуры въ больничныхъ халатахъ. Съ кроватей на васъ смотрятъ блѣдныя исхудалыя лица. Сколько страданій перенесли эти мученики за родную страну! Пуля вражья или мечъ заставили ихъ покинуть ряды товарищей на полѣ брани. На носилкахъ, на костыляхъ, съ перевязанными руками и головами входили они подъ этотъ кровъ. Усталые, измученные, съ истекающими кровію ранами на тѣлѣ, преодолая нечеловѣческими усиліями боль, они не издавали ни звука жалобы и молчаливо терпѣли. Поистинѣ, великая „живая жертва“ приносится теперь за Св. Русь, ради ея очищенія, спасенія и будущаго величія. Скромные, но могучіе духомъ русскіе герои, вѣчная вамъ слава!

Южно-русское голубое небо все попрежнему прекрасно; все такъ же ласково и беззаботно играетъ своими лучами красное солнышко на золотыхъ главахъ древняго Кіева, окутаннаго зеленью и цвѣтами. Высоко въ воздухъ рѣзвятся птички. И на этомъ фонѣ ликующей жизни рѣзкимъ диссонансомъ, заставляющимъ больно сжиматься сердце звучитъ печальный похоронный напѣвъ: „Святый Боже, Святый Кръсткій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!“ Изъ семинарской ограды выносятъ на кладбище останки героя. До воротъ гробъ провожаютъ нѣсколько фигуръ въ больничныхъ халатахъ съ георгіевскими лентами на груди; они благоговѣнно крестятся,

говорятъ послѣднее „прости“ своему боевому товарищу и задумчиво смотрятъ вслѣдъ за удаляющимся шествіемъ. Не слышно рыданій, не проносятся слова скорби и обычныхъ утѣшеній, и лишь вторящіе погребальному пѣнію удары колокола ярче всякихъ словъ говорятъ о печали. Они, эти удары, медленные и тягущіе, скорбно замираютъ одинъ за другимъ. Вдругъ, срывается съ колокольни мощный ударъ всѣхъ колоколовъ вмѣстѣ, и невольно чувствуется, что это есть какъ бы минутная вспышка протеста души человѣческой предъ лицомъ того великаго, страшнаго и непонятнаго, которое теперь охватило весь міръ, предъ лицомъ одной изъ роковыхъ загадокъ жизни человѣчества на землѣ. Но вспышка прошла, и медленные заунывные удары опять говорятъ о безбрежной вѣчности, о покорности слабаго существа предъ проявленіемъ воли Всемогущаго Отца Небеснаго, держащаго въ десницѣ своей тайны бытія мірового.

Медленно движется по улицамъ скромное траурное шествіе. Гробъ безвѣстнаго мученика за родину провожаютъ взгляды случайныхъ прохожихъ. Вотъ стоитъ какая-то женщина, смотритъ на гробъ и вытираетъ платочкомъ катящіяся изъ глазъ слезы. Она не только не знала, но и не видѣла никогда покойнаго, а почему-то онъ близокъ и дорогъ ей, этотъ одинъ изъ многихъ незамѣтныхъ героевъ. Онъ погибъ въ борьбѣ за святое общее дѣло, онъ совершилъ подвигъ, выше котораго нѣтъ на землѣ, и русское благодарное и любящее сердце это чувствуетъ!..

Братское кладбище. Какъ много здѣсь свѣжихъ могилъ съ одинаковыми крестами! Длинные, тѣсные и стройные ряды ихъ невольно напоминаютъ выстроившіяся другъ за другомъ войсковыя колонны. Не хочется вѣрить, что они мертвы, а если на время и заснули сномъ смерти, то вѣдь наступитъ день, когда Сынъ Человѣческой „во гласѣ архангеловъ и трубъ Божіей свидеть съ небесе“, и лежащіе здѣть услышатъ гласъ Сына Божія и оживутъ. Они предстанутъ предъ престоломъ Христа—Судіи съ тѣмъ же кроткимъ и

спокойнымъ взоромъ, съ какимъ страдали и умерли за Русь, и этотъ незлобивый и чистый взоръ будетъ самымъ страшнымъ обличителемъ кроваваго нѣмецкаго кайзера!

Замолкли послѣднія слова надгробной молитвы священнослужителя, застучали комья земли о деревянную крышку гроба, и въ длинномъ ряду могилкозъ появилась еще одна. Она похожа на всѣ вообще могилы, развѣ только отличается отъ обычныхъ тѣмъ, что не падаютъ на нее горючія слезы матери, сестры, жены или невѣсты. Однако, эту могилку нельзя назвать сиротливой, забытой: около нея витаетъ могучій великій призракъ, надъ нею любовно склоняется матушка Русь Православная. Ни ночь, ни буря, ничто не въ силахъ заставить ее покинуть и забыть могилку вѣрнаго и любимаго сына!.. Пройдутъ года; время и непогода сотрутъ съ крестовъ имена и числа, но никогда не забудутся славные подвиги почившихъ героевъ, самоотверженно подставившихъ грудь свою подъ чудовищные снаряды вражьихъ пушекъ ради спасенія родины отъ власти варваровъ. Дорогіе, родные и незабвенные страдальцы! Лишеніями, страданіями, потоками крови и цѣною преждевременной смерти вы доказали свою любовь и вѣрность великой Россіи. Да воздастъ вамъ Господь за все это сторицею! Вѣчная память вамъ!

В. Садовничій

Во дни войны.

Истинный патриотизм ¹⁾).

Нерѣдко приходится встрѣчать и слышать даже и теперь самоувѣренно высказываемое мнѣніе о томъ, что патриотическія чувства или несовмѣстимы съ религіей и христіанствомъ, или, по крайней мѣрѣ, стоятъ отъ христіанства

---

¹⁾ Поучит. слово по поводу оставленія русскимъ воинствомъ Перемишля и Львова.

особнякомъ и въ сторонѣ. Нерѣдко и намъ, пастырямъ Церкви, приходится слышать укоры, упреки и облаченія въ томъ, что мы въ словѣ церковномъ говоримъ не „о вопросахъ чистой религіи“, но и о вопросахъ, связанныхъ съ патріотизмомъ и „политикой“. „Не ваше дѣло“,—пишетъ мнѣ нѣкто по поводу послѣднихъ нашихъ бесѣдъ о бывшихъ въ Москвѣ печальныхъ событіяхъ погрома и грабежей,—„не ваше дѣло оцѣнивать общественныя событія, говорить за или противъ нихъ; учите вѣрѣ; хочется видѣть въ каждомъ священникѣ только апостола Павла; будьте же такимъ Павломъ, который не зналъ ни эллина, ни іудея“.

Но прежде всего,—Церковь есть *общество* вѣрующихъ, „общество“ же, и въ обычномъ смыслѣ слова понимаемое, подавляющимъ большинствомъ своихъ членовъ входитъ въ Церковь, поэтому и мы не можемъ не отвѣчать на приведенныя недоумѣнія и возраженія, касающіяся церковно общественнаго служенія пастыря. Далѣе, жизнь нашего народа теперь вся проникнута настроеніями, состоящими въ зависимости отъ великой войны, которая затрогиваетъ всѣхъ прежде всего тѣмъ, что отъ всѣхъ требуетъ тѣхъ или другихъ тяжелыхъ жертвъ, волнуется удачами и неудачами, подчасъ обращается въ вопросъ о борьбѣ за самое существованіе народа: можетъ ли священникъ, сынъ своего народа, своего времени, стоять внѣ, за предѣлами всѣхъ общественныхъ и народныхъ переживаній?

Но знаютъ ли, наконецъ, апостола Павла и читали ли его священныя посланія тѣ, кто на него такъ увѣренно ссылаются? Если бы знали и читали, то именно въ лицѣ этого святого апостола увидѣли бы они образъ истиннаго и горячаго патріота! Въ текущіе дни, по уставу церковному, возглашаются въ храмахъ чтенія изъ посланія св. апостола къ римлянамъ. Вотъ что мы тамъ слышимъ: „Истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣтельствуется мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ“, такъ необычно,—клятвою именемъ Христа и Духа Святого и собственной совѣстью начинаетъ апостоль

свою рѣчь. Въ чемъ же онъ клянется? Клянется въ любви, въ благоговѣйной и воодушевленной любви къ своему народу: „Великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему; я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, *родныхъ мнѣ по плоти*, то-есть израильтянъ, которымъ принадлежитъ усыновленіе и слава, и завѣты, и законоположеніе, и богослуженіе, и обѣтованіе, ихъ и отцы, и отъ нихъ Христось по плоти, *сущій надъ всеми Богъ*, благословенный во вѣки. Аминь“ (Римл. IX, 1—5). „Братіе! Желаніе моего сердца и молитва къ Богу объ Израилѣ—во спасеніе. Ибо свидѣтельствую имъ, что имѣють ревность по Бозѣ, но не по разуму! (X, 1—2). Такъ велика любовь святаго апостола къ родному по плоти и крови народу; она не менѣе любви Моисея, который тоже просилъ Бога на Синаѣ лучше его самого истребить отъ земли живыхъ, лишь бы простить грѣхъ народа и помиловать его.

Въ какомъ же положеніи былъ народъ Израильскій въ тѣ дни, когда о немъ такъ съ туюю сердечною и вмѣстѣ съ величайшею любовью говорилъ святой апостоль? И какъ онъ относился къ самому апостолу Павлу и къ дѣлу всей его жизни? А дѣло это апостоль выразилъ въ словахъ: „Живу уже не я, а живетъ во Мнѣ Христось, если же я живу во плоти, то вѣрою живу въ Сына Божія, возлюбившаго меня и предавшаго Себя за меня“ (Гал. II, 19). Для меня жить—Христось, а умереть—пріобрѣтеніе (Фил. I, 21). Давно уже народъ этотъ былъ поработенъ врагами, давно покорился языческому римскому государству; былъ онъ въ презрѣннѣи у всѣхъ народовъ міра, и въ довершеніе всего,—что особенно было близко сердцу св. апостола,—народъ еврейскій запятналъ себя преступленіемъ богоубійства въ Іерусалимѣ, распятіемъ Христа, Сына Божія, и самъ отлучилъ себя отъ истины и любви Божіей. А по отношенію къ христіанству, которое проповѣдывалъ апостоль, іудеи вездѣ заняли самое враждебное положеніе. Они не только преслѣдо-

вали его въ Іерусалимѣ и въ Палестинѣ, но шли за апостоломъ, какъ бы по пятамъ, повсюду: они возбуждали противъ Евангелія евреевъ, жившихъ въ разсѣяніи по всему тогдашнему міру; они забывали свое отвращеніе къ язычникамъ и старались угодливостью къ язычникамъ, подкупами, клеветою, всѣми способами возстановить противъ христіанъ и римскую власть, и римскихъ ученыхъ, и толпы народа. Они проникали всюду и всюду сѣяли клевету, недовѣріе къ апостолу Павлу, роняя его и въ глазахъ іудеевъ, и въ глазахъ христіанъ. Въ настоящее время все болѣе и болѣе научно выясняется и подтверждается тотъ фактъ, что главными виновниками и подстрекателями гоненій на христіанъ въ языческомъ римскомъ государствѣ были не римляне, не правители римскіе, а именно евреи... Они же, проникнувъ своими темными вліяніями и нечестыми путями во дворецъ Нерона, направили злобу и подозрительность этого жестокаго императора на христіанъ Рима, и, невзирая на защиту закона и суда Кесарева, славившагося безпристрастіемъ и справедливостью, послѣ того, какъ ап. Павелъ вполнѣ оправдался отъ возводимыхъ на него обвиненій, все-таки вырвали у Нерона повелѣніе казнить ап. Павла и Петра. И такой-то народъ все-таки любилъ святой апостоль Павелъ, любилъ до самоубвенія и полного самопожертвованія!

Итакъ, намъ ли не любить нашъ народъ, родной по плоти, народъ богоносный, а не богоборный, народъ христіанскій православный? И пастырю ли Церкви дѣлать упрекъ за то, что онъ не можетъ не жить радостями и горестями родины?

А нынѣ мы, братіе, дѣйствительно,—во дняхъ печали и горести. Съ войны приходятъ нерадостныя вѣсти. Тѣ крѣпости и города, которые недавно были завоеваны нашими войсками съ великими трудами и усиліями, оставлены ими и вновь перешли подъ власть враговъ. Мы вынуждены были отойти изъ страны древне-русской, изъ страны исконнаго обладанія нашего, изъ Червонной Руси,—изъ страны, кото-

рую мы уже привыкли считать своею и присоединенною раз навсегда къ Россіи, въ которой мы уже успѣли положить начала нашей русской государственности.

Что же? Если апостоль любилъ задавленный и даже преступный народъ свой, потому что онъ былъ для него роднымъ, то неужели наша любовь къ своему народу умалится только потому, что онъ теперь испытываетъ дни печали и горести? Впрочемъ, не противъ народа и родины обыкновенно въ такихъ случаяхъ направляется хмурое чувство недовольства, горечи и раздраженія, а противъ правителей народа и противъ вождей арміи. Ищутъ виновниковъ... Злословятъ стоящихъ у власти... Водятся подозрѣніями... Обвиняютъ направо и на лѣво въ измѣнѣ, подкупѣ, предательствѣ, въ поустительствѣ...

Называютъ безъ всякаго основанія и безъ всякихъ доказательствъ тѣ или другія имена... Ищутъ виновныхъ!

О, эти поиски виновныхъ! Какъ часто они силою несправедливой подозрительности вводятъ въ грѣхъ цѣлыя поколѣнія, родятъ преступленія, даютъ гибельныя народныя волненія и только помогаютъ врагамъ! Какъ часто только чрезъ сотни лѣтъ безпристрастная исторія снимаетъ обвиненія съ тѣхъ или другихъ высшихъ лицъ и правителей, обвиненія, созданныя народною молвою въ годину омраченія подъ вліяніемъ несчастной государственной жизни, а иногда и сознательно, нарочито пущенныя въ народъ злонамѣренными подстрекателями! Откройте Библію: какъ легко создалъ въ народѣ недовольство противъ царя Давида его родной сынъ Авессаломъ и вызвалъ междоусобіе; какъ легко была настроена уличная толпа противъ Христа и требовала Его смерти! Вспомнимъ родную исторію: здѣсь въ Москвѣ царь Борисъ Годуновъ задыхался отъ клеветы, отъ перетолковыванья всѣхъ его дѣйствій самыхъ благихъ въ худую сторону, а народъ шумно привѣтствовалъ проходимца-Лжедмитрія и возвелъ его на престолъ, чтобы скоро потомъ убить и тоже

низвергнуть! Вспомните, сколькихъ и какихъ лицъ коснулась клевета въ минувшую русско-японскую войну... Вспомнимъ это хотя бы въ Кремлѣ у креста, что стоитъ на мѣстѣ невинно убіеннаго и несправедно оклеветаннаго Великаго Князя Сергія Александровича.. А теперь развѣ можемъ умолчать, что о лицѣ столь же высокаго положенія распускаются нелѣпыя слухи: оно 32 года служить Россіи—его обвиняютъ въ пристрастіи къ нѣмцамъ: оно собираетъ огромныя средства и жертвы на раненыхъ и на войну,—о немъ говорятъ, что все это посылается въ Германію; оно объѣзжаетъ неутомимо всѣ госпитали и лазареты и ни разу не было у плѣнныхъ нѣмцевъ; о немъ говорятъ, что оно одаряетъ раненыхъ русскихъ солдатъ иконами и крестиками, а нѣмцамъ даетъ золотыя монеты! Можетъ ли дальше идти несправедливая подозрительность и недостойное желаніе сорвать на комъ-либо зло?! Это ли истинный патриотизмъ? Это ли достойное поведеніе народа во дни скорбей и неудачъ?

И неужели мы ждемъ только радостей и побѣдъ? Неужели думаемъ, что надъ нами въ войнѣ должно свѣтить неизмѣнно только солнце счастья? Но вѣдь если и въ природѣ будетъ постоянно свѣтить солнце, безъ бурь и грозъ, безъ тучъ и дождей, то весь міръ обратится въ пустыню, и земля перестанетъ давать растенія и плоды! И корабль, отправляясь въ дальнее плаваніе, снаряжается такъ, что имѣется въ виду и хорошая погода—и бури, и тишина въ морѣ и волненія. Неужели же матросы и путники будутъ правы, если при видѣ волнъ и во время непогоды станутъ обвинять кормчихъ и управителей корабля въ томъ, что они допустили бурю и волны? А вѣдь то же самое бываетъ часто и въ сужденіяхъ о войнѣ. Мы не знаемъ во всѣхъ подробностяхъ обстоятельствъ и условій военныхъ дѣйствій. Мы только отчасти догадываемся, что у насъ, какъ и у нашихъ союзниковъ, не хватаетъ орудій и снарядовъ: а наши враги, готовясь къ войнѣ, приготовили всего этого такъ много, что могутъ имѣть теперь временный успѣхъ въ войнѣ. Мы знаемъ

только отчасти, какъ кромѣ технической подготовки, нашимъ врагамъ помогаетъ безсовѣстность въ примѣненіи такихъ средствъ борьбы, какъ удушливые газы, которые запрещены международными договорами и которыхъ мы по совѣсти примѣнять не можемъ. Мы знаемъ и то, что у врага имѣется необычайно развитая сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая даетъ ему возможность быть всегда и вездѣ, гдѣ онъ хочетъ, при быстротѣ перевозки войскъ, сильнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ наши отдѣльныя арміи. Но мы знаемъ далеко не все, и не можемъ, не смѣемъ требовать или даже только желать, чтобы намъ во всеуслышаніе все, касающееся положенія и плановъ войны, было открыто, ибо это значило бы усиливать нашего врага. Мы должны знать и быть увѣренными въ томъ только, что если наши доблестные вожди и воины, не щадя ни силы, ни здоровья, ни жизни, взяли въ свое время и Львовъ, и Галичъ, и Перемышль, то, вѣроятно, не безъ причинъ и не безъ цѣли и не безъ горечи они теперь ихъ оставили! Мы должны знать и быть увѣренными, что если мы были съ арміей во дни побѣдъ и радовались ея радостями и успѣхами, то теперь должны быть съ арміей и во дни неудачъ и быть съ нею одно по духу. Неужели та мать—настоящая мать, которая находится съ дѣтьми только тогда, когда они здоровы, веселы и беззаботно играютъ, и бросаетъ ихъ, сердится на нихъ, когда они болѣютъ и плачутъ? Неужели тѣ дѣти—добрые дѣти, которые требуютъ отъ родителей только жертвъ, тогда только къ нимъ обращаются, когда нужно что-либо отъ нихъ взять и получить,—и отворачиваются отъ нихъ, когда родители терпятъ недостатки?

Ученые увѣряютъ, что, такъ-называемая, „солнечная корона“ бываетъ видима во всей красѣ, „окружая солнце на подобіе сіянія святыхъ“ (Мейеръ „Мірозданіе“, стр. 56) только во время полного солнечнаго затменія: такъ и корона, сіяніе, духовная краса и какъ бы святость народа становится виднѣе, ярче, прекраснѣе именно во дни затменія счастья, во дни скорбей и испытаній. Чѣмъ гуще тьма, тѣмъ звѣзды ярче...

Въ чемъ же теперь наша краса духовная, въ чемъ истинный патриотизмъ?

Люби родину, люби воинство, люби народъ, родной по плоти и духу, тѣмъ съ большею любовью и самоотверженіемъ, чѣмъ тяжелѣе подвиги, которые несетъ наше воинство, чѣмъ тяжелѣе и печальнѣе дни, которые оно переживаетъ. Неужели думаете, что наши вожди, воины теперь не страдаютъ глубоко? Неужели думаете, что они равнодушны къ тому, что произошло помимо ихъ воли, *въ силу neodолжимыхъ обстоятельствъ*, въ силу того, что есть невозможное и для героевъ, или въ силу новыхъ плановъ войны, которые надлежало принять подъ давленіемъ тяжелой необходимости, но ради блага родины?

Надѣйся на то, что въ концѣ-концовъ торжество врага окажется непрочнымъ, временнымъ, что общими усиліями и арміи, и народа нашего, при напряженіи всѣхъ силъ, при вѣрности нашихъ союзниковъ, *теперь уже видимо тающая и ослабѣвающая сила нашего врага* будетъ все-таки надломлена, и то, что мы уже по праву считали нашимъ достояніемъ, обладаніе Червенною Русью, снова къ намъ возвратится.

подавляй всѣми силами разума и воли въ себѣ чувство недовольства и унынія, и не давай ему изливаться ни въ жалкихъ словахъ обвиненій противъ правителей и вождей арміи, ни въ выслушиваніи тѣхъ хулителей, которые сами хорошо ничего не знаютъ и обладаютъ только однимъ свойствомъ: развязностью языка, легкостью сужденій, а больше—осужденій. Если когда, то именно теперь преступна всякая рознь между правителями и управляемыми, между начальниками и подчиненными.

Храни это единство народное, которое доселѣ мы наблюдали въ Россіи во всѣ дни войны, и прежде всего—единство съ Царемъ и его правительствомъ. Если бы что и было достойнаго осужденія въ дѣйствіяхъ и ошибкахъ правителей, то теперь не время заниматься такими счетами; для того будетъ мирное время и закономъ открытые и разрѣшенные

пути и средства для обсуждения дѣйствій и мѣропріятій правительства. Теперь же одно должно быть у всѣхъ правило: все для войны—и армія, и флотъ, и фабрики, и заводы, и трудъ рабочихъ, и государственная производительность, и частная предпріимчивость, и всѣ наши средства духовныя и матеріальныя.

И притомъ—все въ единеніи, все въ довѣрїи къ правительству, и все въ помощь правительству.

Только теперь, во дни неудачъ военныхъ, достигла до глубины сознанія всѣхъ классовъ народа мысль о необходимости все отдать, все сдѣлать для родины, себя забыть, отъ себя отказаться, лишь бы только на всякое требованіе, идущее изъ арміи, отвѣтить краткимъ словомъ: „готово!“. Не будемъ упрекать никого, кромѣ себя, за то, что такое рѣшеніе приходитъ какъ бы поздно: здѣсь и естественное слѣдствіе нашей миролюбивой прежде жизни, и слѣдствіе неожиданности войны, и главное—здѣсь *особая исконная черта* характера русскаго народа... Но разъ все это теперь признано, то можно сказать, что война только начинается, и въ этомъ—залогъ нашей бодрой вѣры въ окончательное низложеніе врага и въ торжество нашего праваго дѣла. Въ этомъ смыслѣ самыя испытанія наши, теперь переживаемыя, являются благодѣтельными. Они вскроютъ и поднимутъ въ насъ источники истиннаго патріотизма. Если другъ отдѣльнаго человѣка познается въ несчастьи, то и истинный патріотъ познается во дни горестей, испытываемыхъ отечествомъ.

Есть трогательный разсказъ. Дѣвочка въ толпѣ отстала отъ матери и потеряла ее изъ виду. Со слезами, испуганная, растерянная, ходила она и спрашивала встрѣчныхъ и окружающихъ; не видали ли они ея мамы, и гдѣ она? Дѣвочку просили разсказать, какова ея мама, какого она возраста, вида, кто она... Дѣвочка отвѣтила: „Да развѣ вы не знаете? Та, которая всѣхъ лучше, всѣхъ краше, вотъ это и есть моя мама!“.

Такъ и отечество, родина, родной народъ: что бы съ нами ни было, каковы бы ни были скорбныя обстоятельства, нами переживаемыя, какъ бы ни больно для нашего самолюбія знать и вѣдать, что утеряны Галичъ, Ярославъ, Перемышль, Львовъ, Черновицы: о, все-таки родина наша всѣхъ краше, наше воинство всего намъ дороже, наше государство для насъ всего ближе, правительство—наше, родное, и наша любовь къ родному народу, находящемуся нынѣ на высотѣ крестнаго своего подвига,—всего для насъ выше!

И молитва cadaго изъ насъ по подобію апостольской молитвы: я хотѣлъ бы всего лишиться, отъ всего отказаться, лишь бы видѣть народъ нашъ и воинство наше въ силѣ, въ бодрости и въ благословеніи успѣха!

Таковъ былъ патріотизмъ, такова была любовь къ своему народу, такова и проповѣдь великаго и святаго апостола Павла. Аминь. (Правосл. Благов.).

Прот. *И. Восторговъ.*

О загробной жизни и вѣчныхъ мученіяхъ.

(Окончаніе).

Но возможно ли представить себѣ такое ожесточеніе въ злобѣ, которое не образумилось бы при открытіи судовъ Божіихъ, при посрамленіи царства діавольскаго?—Зачѣмъ спрашивать о возможности того, что уже имѣло мѣсто въ дѣйствительности?—Наше будущее предстаніе Лицу Господню надо всегда уподоблять тому, какъ приняла люди здѣсь явившагося Господа и жившаго среди нихъ: добрые радостно познали Его, борющіеся между добромъ и зломъ признали Его съ внутреннею борьбою и мученьемъ, какъ исцѣляемые бѣсноватые, какъ разбойникъ на крестѣ, какъ Никодимъ, князь жидовскій; а злые, чѣмъ больше познавали Его, тѣмъ болѣе ненавидѣли, а когда узрѣли воскресшеніе Имъ Лазаря, тогда *„сѣ этого дня положили убить Его“* (Іоан. 11, 53). Это и

выразилъ Господь съ словахъ Своей прощальной бесѣды, приведенныхъ нами въ началѣ сей статьи. А Апостоль Іоаннъ все свое Евангеліе, свои посланія и Апокалипсисъ построилъ именно на раскрытіи того печальнаго закона борьбы Бога и міра, который заключается въ непримиримой враждѣ противъ Христа и Его царства,—враждѣ неослабѣвающей, но, напротивъ, усиливающейся, по мѣрѣ откровенія Божіихъ судьбъ. „Четвертый Ангелъ вылилъ чашу свою на солнце и дано было ему жечь людей огнемъ. И жегъ людей сильный зной, и они хулили Имя Бога, имѣющаго власть надъ семи язвами, и не вразумились, чтобы воздать Ему славу“. Вотъ такъ и будутъ поступать грѣшники въ огнѣ адскомъ, и его вѣчность будетъ зависѣть единственно отъ ихъ нераскаянности. Но слушайте дальше Апокалипсисъ „Пятый Ангелъ вылилъ чашу свою на престолъ звѣря, и сдѣлалось царство его мрачно, и они кусали языки свои отъ страданія, и хулили Бога Небеснаго отъ страданій своихъ и язвъ своихъ, и не раскаялись въ дѣлахъ своихъ“ (Апок. 16, 8—12; ср. 9, 20, 21).

Я готовъ согласиться съ правильностью такового истолкованія и библейскихъ изреченій и настроенія осужденныхъ грѣшниковъ,—скажетъ читатель; но какъ можно допустить вѣчное упорство въ такомъ безумномъ ожесточеніи противъ Бога, вѣчную нераскаянность Его враговъ?—А что такое раскаяніе?—спросимъ мы въ свою очередь, и отвѣтимъ такъ. Раскаяніе есть переломъ воли, переломъ настроенія человѣческаго, вызванный либо новымъ познаніемъ себя самого, т. е., пробужденіемъ вновь обнаружившагоя, а дотолѣ скрытаго содержанія его души, его внутренней жизни,—либо уразумѣніемъ, усвоеніемъ своей душѣ новаго содержанія отъ воздѣйствія другихъ людей, книгъ, внѣшняго міра, наконецъ, Самого Господа, какъ это было съ Закхеемъ, когда онъ слушалъ Его святаго словеса и уразумѣлъ Его сострадательное снисхожденіе къ себѣ.—Но всѣ эти условія имѣютъ право только въ продолженіи познанія себя и судьбъ Божіихъ, а

когда все это закончится, когда „*времени уже не будетъ*“ (Апок. 10, 6), когда судьбы Божіи завершатся и познавать будетъ уже нечего ни въ себѣ самомъ, ни внѣ себя,—когда вся благодѣтельность и премудрость Божія обнаружится предъ всѣми во всемъ своемъ величїи, а ненависть враговъ Божіихъ похулитъ и проклянетъ ее и отвернется отъ нея совсѣмъ, не принявъ вразумленїя ни въ своей земной жизни, ни въ долгой промежутку между своею кончиной и Страшнымъ Судомъ, когда возносились молитвы вѣрующахъ и святыхъ за умершихъ: то уже никакого новаго побужденїя не останется для внутренняго измѣненїя ожесточенныхъ душъ; останется лишь внутренняя необходимость и для праведныхъ и для грѣшниковъ утверждаться въ своемъ настроенїи—блаженной любви и благодаренїи, или напротивъ, въ бессильной злобѣ и тяжкомъ чрезъ то мученїи.

Однако, почему же эти мученїя будутъ столь тяжки, если они будутъ заключаться всецѣло, или хотя бы преимущественно, въ мученїяхъ бессильной злобы?—На такой вопросъ мы отвѣтимъ напоминанїемъ библейскихъ выраженїй о плачѣ и скрежетѣ зубовъ. Мученїя бессильной злобы очень тяжкія муки. Но здѣсь на землѣ онѣ ослабляются временностью и многообразїемъ переживаемыхъ впечатлѣній и состоянїй; также и тѣмъ, что злобствующій человекъ надѣется удовлетворить себя, если не въ одномъ злодѣянїи, то въ другомъ, или же наконецъ въ забвенїи черезъ вино, черезъ развлеченїя земныя, черезъ другїя, доступныя ему наслажденїя и утѣшенїя, *а тамъ ничего этого уже не будетъ*. Все разнообразїе нашей сложной, суетной жизни исчезнетъ. „*Земля и яже на ней дѣла сгорятъ*“. (2 Петр. 3, 10). Останется только нравственное самоопредѣленїе у всѣхъ сознательныхъ существъ въ отношенїи къ Богу и Царству Божїю; или любовь къ нимъ, или ненависть бессильная, себя самое обличающая и потому безконечно мучительная. Брачный чертогъ Агнца будетъ сіять предъ изверженнымъ, точнѣе—извергшимъ себя самого грѣшникомъ; онъ связанъ и нарушить

торжества не можетъ, предъ нимъ свѣтъ, а онъ во тьмѣ; предъ нимъ сіяетъ Божественная любовь, съ готовностью ко всепрощенію, но ему эта любовь ненавистна, прощеніе не желательно. Такъ и сказано въ Апокалипсисѣ: *Будетъ мучимъ въ оныи и вѣрѣ предъ святыми Ангелами и предъ Лицею*“ (4, 10).—Слова Господни на Страшномъ Судѣ: идите отъ Мене проклятіи и пр. и слова катихизиса о томъ, что адъ есть мѣсто удаленія отъ Бога, надо понимать въ смыслѣ нравственной, а не мѣстной отчужденности, какъ и слова Христовы неразумно говорившему ученику: „*отойди отъ Меня, сатана, ты Мнѣ соблазнъ*“ (Мате. 16, 23).

А что такое огонь, жгучій грѣшниковъ?—Прежде всего—тотъ же огонь, который будетъ просвѣщать праведниковъ съ того дня, „въ онъ же огнемъ иснытаются дѣла, благая же и злая“, какъ мы читаемъ въ канонѣ Ангелу-Хранителю,—какъ и Халдѣйская печь „дѣйства раздѣляше, халдеи убо упалаяющи, вѣрныя же орошающи“. Огонь жжетъ древо, сѣно и солому, но просвѣгляетъ золото и серебро. *Грѣшники будутъ свернуты въ печь оженную; тамъ будетъ плачь и скръжетъ зубовъ; тогда праведники возсіяютъ какъ солнце въ царствѣ Отца ихъ*“ (Мѣ. 13, 42, 43). Подобно сему и Апостолъ Павелъ поясняетъ, что одинъ и тотъ же огонь—Божіе прикосновеніе—различно воздѣйствуетъ на разныя души. „*Каждо дѣло обнаружится, ибо день покажетъ потому, что въ оныи открывається и огонь испытаетъ дѣло каждо, каково оно есть. У кого дѣло, которое онъ строилъ, устоитъ, тотъ получитъ награду, а у кого дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ уронъ*“ (1 Кор. 3, 13—15).

Въ этомъ смыслѣ Господь называется огнемъ поядающимъ и въ Вѣтхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ. Исаія называетъ его вѣчнымъ огнемъ, вѣчнымъ пламенемъ, пожигающимъ грѣшниковъ. „*Устрашились грѣшники на Сіонѣ, трепетъ овладѣлъ нечестивыми. Кто изъ насъ можетъ жить при оныи пожирающемъ? Кто изъ насъ можетъ жить при вѣчномъ пламени? Тотъ, кто ходитъ въ правдѣ и говоритъ*

истину; кто презираетъ корысть отъ притѣсненія“ и пр. (33, 14, 15).

Не желаете-ли вы связать, что со стороны внѣшней участь праведныхъ и грѣшныхъ будетъ одна и та-же: созерцаніе Бога и невозможность отъ Него укрыться, но для однихъ это будетъ источникомъ наслажденій, а для другихъ источникомъ мученій, происходящихъ единственно отъ ихъ ненависти и безсильной злобы,—что вѣчный огонь есть только Божественное присутствіе, столь тягостное для Его враговъ. Я не сказалъ: только, а сказалъ: прежде всего. Сказать: „только“ возможно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если кто согласитъ сіе съ церковнымъ преданіемъ о вещественномъ огнѣ, которое для насъ столь-же свято, какъ слова святой Библии, и если сіе только возможно будетъ согласить съ тою несомнѣнною истиною воскресенія плоти, которою такъ дорожили древнѣйшіе христіане и которая совершенно ясно открыта намъ въ Словѣ Божіемъ.—Впрочемъ, въ пространномъ курсѣ догматики не приведено ни одного отеческаго изреченія объ огнѣ вещественномъ во адѣ. Но, конечно, тѣлесныхъ мученій тамъ мы отрицать не посмѣемъ,—а только говорить о душѣ въ отношеніи къ будущей жизни легче, чѣмъ въ отношеніи къ воскресшей плоти, ибо и въ этой жизни душа для насъ понятнѣе, чѣмъ тѣло, чѣмъ матерія, какъ справедливо говоритъ одинъ, не давно умершій, русскій философъ. Определить, что такое матерія, никто еще не сумѣлъ, а еще мудренѣе представить себѣ, какія именно свойства матеріи останутся въ воскресшей плоти. Зато безъ всякаго труда можно выяснитъ съ точки зрѣнія приведеннаго нами истолкованія загробной жизни ученіе Церкви о мытарствахъ, о молитвахъ за умершихъ, о приношеніяхъ и милостыняхъ за упокой ихъ душъ, но это мы отложимъ до другого раза. (Вѣра и Раз.).

Архиепископъ Антоній.

По Евангельскому закону.

(Продолженіе) ¹⁾.

IV

О. Савва сдержалъ свое слово. Бѣднякъ съ этихъ поръ не уходилъ отъ него съ пустыми руками. Въ домѣ начались крупныя непріятности. Скандалъ слѣдовалъ за скандаломъ. Разыгрывались крайне непріятныя для о. Саввы сцены.

— Я не позволю тебѣ дать этому дармоѣду мѣшокъ муки! — съ негодованіемъ кричала матушка мужу, когда приходилъ бѣднякъ съ просьбой о помощи.

— Твоего позволенія мнѣ и не нужно, — спокойно отвѣчалъ тотъ.

— Ты сталъ невозможенъ.

— Вѣрю. Но однако безъ хлѣба бѣднякъ не уйдетъ. О. Савва отпиралъ амбаръ и давалъ нищему муки, несмотря на брань жены. Пробовала было матушка, уѣхавъ въ одну деревню за сборомъ, взять ключи себѣ, но изъ этого ничего не вышло. О. Савва разрѣшилъ вопросъ очень просто: онъ приказалъ сторожу сломать замки. Матушка пришла въ неопредѣлимый гнѣвъ.

— Да ты окончателно спятилъ съ ума! Ломаешь свои собственные замки, точно грабитель какой.

— Это сдѣлано для того, чтобы ты не увозила никогда съ собой ключей.

— Ахъ, ты все радъ отдать! Ты, кажется, послѣднюю копейку спустишь какому-нибудь прощальгѣ. Вотъ муженекъ у меня! И за какіе грѣхи посланъ мнѣ такой расточитель мужъ!

Она плакала и злилась, видя, какъ благосостояніе ихъ не только не увеличивается, но напротивъ — уменьшается. Она долго и безцѣльно ломала голову, придумывая всевоз-

¹⁾ См. № 36.

можные способы остановить мужа, но все было напрасно. На всѣ ея мольбы о. Савва всегда отвѣчалъ такъ:

— Нужно жить по Евангельскому закону. Онъ выше всѣхъ земныхъ законовъ. Основа ему-любовь. Довольно мы жадничали. Пора и Богу послужить.

— Нѣтъ, это безуміе! Это изъ рукъ вонъ. Скоро мы и сами останемся нищими.

— Рука дающаго не оскудѣетъ. Вотъ что, Маня, говорить Писаніе.

Матушка вздергивала плечами и уходила. Доводы отъ Писанія мало ее убѣждали.

Словомъ, ихъ семейная жизнь совершенно раскололась. О. Савва поступалъ такъ, какъ подсказывали ему и долгъ, и совѣсть, а жена старалась всѣми мѣрами ему противодѣйствовать. Она не стѣснялась оскорблять мужа и при людяхъ. Но о. Савва все сносилъ съ кротостью.

— Это мой крестъ,—поворно думалъ онъ и цѣлыми часами молился въ алтарѣ передъ Престоломъ, изливая Богу скорбь своей души.

Прихожане горячо и искренно любили своего священника и жалѣли о его семейномъ разладѣ.

— Не такую бы ему жену надо,—переговаривались они:—самъ, какъ ангель Все бы сдѣлалъ, послѣднюю бы копѣйку отдалъ. А жена совсѣмъ не по нему. Очень жаль... На него бы только радоваться. Душу за него положить можно... Нонѣ мало такихъ...

Однажды матушка натолкнулась на непріятную сцену. Пришелъ къ о. Саввѣ нищій. Священникъ поспѣшилъ удовлетворить просьбу. Но матушка, конечно, начала ворчать.

— Шляетесь только вы изъ дома въ домъ, обираете людей, а дѣломъ не занимаетесь. Работать надо, тогда не придется попрошайничать.

— Маня!—вспыхнулъ о. Савва, бросивъ на жену негодующій взглядъ.

У бѣдняка навернулись слезы.

— Грѣхъ тебѣ, матушка, обижать насъ.

— А вамъ грѣхъ ѣсть даромъ хлѣбъ.

— Ежели бы даромъ. Я, вотъ, работать не могу. Не дадутъ хлѣбушка—хоть ложись и помирай. Ты, какъ сыръ въ маслѣ катаешься. Все то у тебя есть... Достатку много. А мы в хлѣбушку одному рады.

— Не указывай мнѣ. Ишь, какой выискался!...

— Нешто мнѣ указывать, а только тебѣ грѣхъ. .

Дай Господи батюшкѣ добраго здоровья.

Матушка окончательно, вышла изъ себя.

— Маршъ изъ моего дома! А то прикажу сторожу прогнать. Да скоро совсѣмъ затворю ворота на замокъ. Есть люди побогаче насъ. У нихъ и проси.

— Какъ тебѣ не стыдно, Маня!—вскипѣлъ о. Савва, послѣ ухода нищаго.

— А тебѣ какъ не стыдно доводить дѣло до того, чтобы меня упрекнулъ всякій проходимецъ!

— Ты сама виновата.

— Ну, конечно, виновата. Развѣ ты оправдаешь меня? Для тебя дороже какой-нибудь бродяга, чѣмъ я. Ахъ, какая я несчастная!.. Всякій теперь безнаказанно можетъ обижать меня.

На ея глазахъ навернулись слезы.

— О, Боже! Надъ чѣмъ ты плачешь? Надъ собственнымъ безуміемъ?

— Разумѣется, надъ собственнымъ безуміемъ. Нѣтъ, вѣтъ, такъ больше жить нельзя. Я для тебя являюсь какимъ—то посмѣшищемъ. Мы не приобретаемъ, а теряемъ и остальное. Я требую отъ тебя бережливости. Да, именно требую.

Она внѣ себя топнула о полъ ногой. О. Савва медленно прошелся по комнатѣ изъ конца въ конецъ.

— Ты говоришь, что наша дальнѣйшая жизнь невозможна?

— Конечно невозможна. Брось свои неумѣренныя благодѣянія. Ни одного дня не проходить, чтобы не зашелъ какой нибудь бродяга! Да это возмутительно!..

— Хорошо, я могу все это кончить,—вдругъ рѣзко проговорилъ о. Савва, глядя въ упоръ на жену.

Та даже оторопѣла.

— Какъ?

— А вотъ какъ. Слушай. Сознаюсь, и мнѣ эта жизнь тяжела. Ни одного почти дня не проходитъ безъ непріятности. На что же это похоже? Стыдъ и позоръ... Развѣ я, священникъ, могу выносить такую жизнь? Я колебался было, но придется выполнить свое намѣреніе.

— Какое?

О. Савва помолчалъ немного, но затѣмъ тихо, серьезно добавилъ:

— Я уйду на Аѳонъ.

Матушка на секунду окаменѣла на мѣстѣ.

— На Аѳонъ?! Этого только еще не доставало! Да ты въ умѣ ли?—всплеснула она руками.

— Да, Маня, если наша дальнѣйшая жизнь будетъ полна такихъ непріятностей, то я оставляю тебя и удалюсь на старый Аѳонъ. Ты являешься огромнымъ тормазомъ въ дѣлѣ моего спасенія. А спасеніе должно быть на первомъ планѣ.

Тонъ голоса, выраженіе лица—все это говорило, что о. Савва не шутитъ, и что намѣреніе оставить ее созрѣло у него давно. И кто знаетъ: быть можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ уйдетъ на Аѳонъ. Что тогда она будетъ дѣлать? У кого искать пріюта?—Эти вопросы молніей промелькнули въ головѣ матушки. Но потомъ она истерически разсмѣялась.

— Вотъ какой монахъ выискался! Да кто же идетъ въ монастырь отъ живой жены? Ты сначала похорони меня, закопай въ землю, а потомъ и дѣлай, какъ знаешь. Тебя и въ монахи не постригутъ. А если ты имѣешь въ виду разводъ, то опять ошибся. Для развода нѣтъ у тебя никакихъ данныхъ.

— И о разводѣ я не думаю. Я просто удалюсь на Аѳонъ и буду жить тамъ гдѣ нибудь въ кельѣ.

— Тебя начальство вытребуевъ оттуда!

— Не забывай, Маня, что тамъ не Россія. Никто вытре-

бовать мена не можетъ. Но я тебѣ еще разъ заявляю самымъ категорическимъ образомъ, что я не шучу и уйду отъ тебя, если ты не исправись.

О. Савва повернулся и вышелъ, оставивъ жену въ сильнѣйшемъ недоумѣніи и смущеніи. Матушка не въ шутку встревожилась. А что, если мужъ дѣйствительно не шутитъ и въ одно непрекрасное для нея время уйдетъ на Аѳонъ? Матушка въ первый разъ въ жизни почувствовала, что теряетъ подъ собой почву.

— И какая же я несчастная! Да что же мнѣ теперь дѣлать?—простонала она, опустивъ руки.

Ее ужаснуло намѣреніе мужа уйти на Аѳонъ. А съ другой стороны, если уступить ему—значитъ о сбереженіи, объ экономіи не можетъ быть и рѣчи. Мужъ щедрой рукой давалъ и теперь, когда она ему всячески противодѣйствовала, а что будетъ, если она предоставитъ ему полную волю? Развѣ возможно сдѣлать запасъ при такихъ условіяхъ? А запасъ такъ необходимъ!

Матушка казалась сбитой со своей обычной позиціи. Прожить болѣе двухъ десятковъ лѣтъ извѣстной жизнью—и вдругъ мѣнять ее по приказанію мужа? И возможно ли перемѣнить? Какъ перемѣнить? Да, наконецъ, нужно ли мѣнять? Вѣдь какъ много есть несчастныхъ браковъ, однако она что-то не слыхала, чтобы мужа бросали женѣ и шли на Аѳонъ. И не простая ли эта угроза со стороны мужа?

— Нѣтъ, онъ не уйдетъ на Аѳонъ! Онъ мнѣ только угрожаетъ,—пробовала она себя утѣшить. Послѣ одной крупной непріятности, о. Савва опять пристально посмотрѣлъ на жену и почти сурово проговорилъ:

— Маня, ты помнишь мое рѣшеніе?

Матушка прикинулась не понимающей.

— Какое?

— Относительно Аѳона.

— Ну, и что же?

— Помни и не забывай. Всякому терпѣнію есть конецъ.

— Уйдешь?

— Непремѣнно.

— А это не простая угроза?

О. Савва повернулся къ иконѣ Спасителя и твердо проговорилъ:

— Вотъ Кто свидѣтель, что я говорю правду.

У матушки замерло сердце. По всему тѣлу пробѣжала легкая дрожь.

— Значить, ты меня не любишь?

— Для чего такой вопросъ?

— Ну, конечно, не любишь, если хочешь бросить меня.

О. Савва покачалъ головой.

— Мы не понимаемъ, Маня, другъ друга.

Вотъ гдѣ причины нашего разлада. Я стараюсь выполнять Евангельскій законъ о любви къ ближнему, а ты во всемъ мнѣ препятствуешь. Развѣ я могу мириться съ твоимъ поведеніемъ? И вотъ, ради стремленія къ высшему, я долженъ пожертвовать низшимъ. Ты отравляешь мою жизнь, стараешься втоптать въ грязь мое имя и почему то еще претендуешь на мою любовь. При такой жизни погаснетъ и послѣдняя искорка любви. Добрыя, любящія жены не такъ поступаютъ. Но еще разъ предупреждаю тебя. Мои слова не одна только угроза. Я непремѣнно приведу свое рѣшеніе въ исполненіе, если ты не справишься.

Теперь матушка струсила не на шутку. Она дня три ходила сама не своя и рѣшила, наконецъ, излить горе передъ своей пріятельницей, женой сосѣдняго священника.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Поповъ-Пермскій.

ЗАМѢТКА.

Дѣйствительный способъ борьбы съ карточной игрой.

Священникъ с. Петрово, херс. епарх. о. Платонъ Черный, отучивъ своихъ пасомыхъ работать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, теперь приступилъ къ уврачеванію не-

дуга—карточной игры. При всякомъ удобномъ случаѣ и въ отдѣльности съ каждымъ и массѣ прихожанъ о. Платонъ говоритъ о пагубности карточной игры. Подготовивъ такимъ образомъ почву, ревностный пастырь на общемъ собраніи членовъ Кредитнаго товарищества повторилъ все и предложилъ выработать какія-либо мѣры къ наказанію для упорныхъ. Всѣ единогласно согласились штрафовать въ фондъ трезвенности каждаго провинившагося въ 5 рублей. Можно быть увѣреннымъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени картежная игра въ его приходѣ прекратится.

Самое рѣшеніе собранія кредитнаго товарищества формулировано такимъ образомъ.

На чрезвычайномъ собраніи петровскаго кредитнаго товарищества, распространяющемъ свою дѣятельность исключительно лишь на приходѣ Св. Николаевской церкви съ прилегающими хуторами и деревушками, 21 іюня, по предложенію предсѣдателя правленія т-ва, священника о. Платона Чернаго, обсуждался вопросъ относительно искорененія пагубнѣйшаго порока—карточной игры, которой теперь занимаются всѣ отъ мала до велика, затрачивая трудовыя копѣйки и приводя свои семьи въ нищенство, ибо карточная игра требуетъ большей затраты денегъ, чѣмъ бывшая раньше выпивка водки. Есть крестьяне, которые въ одинъ вечеръ проигрываютъ до 15 и болѣе рублей... Собраніе выслушало со вниманіемъ предложеніе своего о. предсѣдателя и приняло имъ составленную какъ образецъ подписку для членовъ, бросающихъ карточную игру, и рѣшило каждаго штрафовать.

Подписка членовъ петровскаго кредитнаго товарищества о прекращеніи участія въ карточной игрѣ.

19 г. мѣсяца дня. Я—нижеподписавшійся членъ петровскаго кредитнаго товарищества № общаюсь и честнымъ словомъ ручаюсь правленію петр. кред. т-ва, что съ сегодняшняго дня на все время, пока буду въ товариществѣ, я не буду играть въ карты и не допущу игры въ своемъ домѣ.

Въ случаѣ, если я нарушу мое обѣщаніе, правленіе можетъ взыскать досрочно ссуду, пять рублей (5 р.) штрафа въ капиталъ фонда трезвенности (трезвеннаго препровожденія времени) и предложить къ исключенію изъ товарищества. Подпись члена. (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.
Печатать дозволяется. Кіевъ, 1-го сентября 1915 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Тип. Авц. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерин. 6.

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на шѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 38

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 13-го сентября.

Содержаніе: I. Къ преврасностямъ войны. Н. Гумилевскій.—II. Забытый
вопросъ. К. Тихомировъ.—III. Печальное разочарованіе. В. Садов-
ничій.—IV. По Евангельскому закону (продолженіе). И. Поповъ-
Пермскій.—

Къ превратностямъ войны.

Тяжкое испытаніе переживаетъ наша родина: кровопро-
литная война, по разнымъ причинамъ, затягивается и при-
нимаетъ такой оборотъ, какого нельзя было ожидать по ея
побѣдоносному началу. Это испытаніе должно побуждать
всѣхъ насъ стремиться къ тому, чтобы покаяніемъ (прежде
чѣмъ винить въ неудачахъ кого либо, пусть каждый по-
смотреть на себя, вполне ли хорошо исполняетъ онъ ле-
жащее на немъ дѣло), исправленіемъ жизни и усиленной
молитвой къ Господу стать достойными Его милостей. Но
вмѣстѣ съ тѣмъ вѣра во Всеблагой Промыслъ, направляю-
щій самое зло къ добрымъ послѣдствіямъ, не оставляетъ ни
малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что переживаемая Россіей

бѣдствія имѣютъ для нея и свою благотворную сторону. И конечно, эта благотворность будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сознательнѣе мы будемъ относиться къ постигшимъ насъ испытаніямъ. Поэтому, остановиться вниманіемъ на данномъ вопросѣ вполне благовременно.

Легкія и блестящія побѣды естественно развиваютъ въ побѣдителей чувство горделиваго самопревозношенія. Это чувство, приведшее къ паденію даже высшаго ангела, не только осуждается Христовымъ ученіемъ, какъ корень и начало всякаго грѣха, но и съ точки зрѣнія политическихъ отношеній можетъ оказаться пагубнымъ. Мы видимъ, какое всемірное отвращеніе вызываетъ къ себѣ Германія, считающая себя *über alles* (выше всего). А вѣдь эта бѣсовская гордость, которая, въ силу всѣхъ извѣстныхъ намъ историческихъ аналогій, должна рано или поздно привести Германію къ крушенію, выросла, главнымъ образомъ, на почвѣ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ нѣмцами въ 1870 году надъ французами, а немного ранѣе надъ датчанами и австрійцами. Нѣтъ, для правильнаго духовнаго роста въ основѣ самосознанія цѣлыхъ народовъ, какъ и отдѣльныхъ личностей, должно быть положено смиреніе, побуждающее стремиться къ постоянной борьбѣ съ неизбѣжными на землѣ недостатками и несовершенствами. Наболѣе это нужно сказать относительно Россіи. Такіе глубокіе изслѣдователи славянства, какъ славянофилы, вполне убѣдительно показали, что смиреніе является одной изъ основныхъ чертъ славянскаго духа; такъ что преобладаніе у насъ духа самопревозношенія, подобнаго нѣмецкому, повело бы къ искаженію самаго самосознанія нашего. Поэтому предшествующіе нашему окончательному торжеству (на которое мы несомнѣнно надѣемся) неуспѣхи наши могутъ оказаться полезными тѣмъ, что предохранятъ русскій народъ отъ пагубнаго самообольщенія, отъ поползновенія ставить себя выше того, чего онъ дѣйствительно заслуживаетъ.

Могутъ сказать, что все это—идейныя разсужденія, мало соприкасающіяся съ практической дѣйствительностью.

Такое возраженіе невѣрно по существу, такъ какъ идеи оказываютъ не меньшее вліяніе на ходъ историческихъ событій, чѣмъ практическія соображенія. Но, помимо того, постигшія Россію испытанія могутъ имѣть и болѣе осязательныя послѣдствія. Припоминаются мысли нашего великаго мудреца Ф. М. Достоевскаго, высказанныя имъ по другому случаю, но достаточно примѣнимыя и къ современнымъ обстоятельствамъ. Ф. М. Достоевскій исходитъ изъ общаго всѣмъ славянофиламъ положенія о коренномъ различіи въ міровоззрѣніи Западной Европы и Россіи. Европа инстинктивно чувствуетъ это различіе и, плохо зная Россію, боится послѣдней, считая ее врагомъ и будущимъ разрушителемъ своей культуры. „А если боится, то должна и ненавидѣть“. Насъ замѣчательно не любятъ Европа... Вотъ потому-то она очень любитъ утѣшать себя иногда мыслию, что Россія будто бы „пока безсильна“. И это хорошо, что она такъ склонна думать. Я убѣжденъ, что самая страшная бѣда сразила бы Россію, если бы мы побѣдили, напр., въ крымскую кампанію. Увидавъ, что мы такъ сильны, всѣ въ Европѣ возстали бы на насъ тогда тотчасъ же съ фанатическою ненавистью. Они подписали бы, конечно, невыгодный для себя миръ, если бы были побѣждены, но никогда никакой миръ не могъ бы состояться на самомъ дѣлѣ. Они тотчасъ же бы стали готовиться къ новой войнѣ, имѣющей цѣлью тоже истребленіе Россіи, и, главное, за нихъ сталъ бы весь свѣтъ... Но насъ тогда сберегла судьба, доставивъ перевѣсъ союзникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сохранивъ нашу военную честь и даже еще возвеличивъ ее, такъ что пораженіе еще можно было перенести... Насъ точно также спасла уже разъ судьба, когда мы свергали съ Европы иго Наполеона I, — спасла именно тѣмъ, что дала намъ тогда въ союзники Пруссію и Австрію. Если бы мы тогда одни побѣдили, то Европа, чуть только бы оправилась послѣ Наполеона I, тотчасъ, и безъ Наполеона, бросилась бы опять на насъ. Но, слава Богу, случилось иначе: Пруссія и Австрія, которыхъ мы же освободили,

немедленно приписали себѣ всю честь побѣдъ, а впоследствии уже прямо утверждаютъ, что тогда побѣдили они одни, а Россія только мѣшала. И вообще мы такъ поставлены нашей европейской судьбой, что намъ нивакъ нельзя побѣждать въ Европѣ, если бы даже мы и могли побѣдить: въ высшей степени невыгодно и опасно¹⁾.

Въ настоящее время Россія связана и дипломатическими соглашениями, и потоками пролитой крови съ лучшими державами Западной Европы. Но свѣдѣнія о Россіи даже въ союзныхъ съ нами государствахъ и теперь еще далеко не полны и не отчетливы, и предусматриваемая Достоевскимъ опасность зависти и боязни со стороны Европы по отношенію къ Россіи окончательно не устранена. Вѣдь и нападеніе Германіи на Россію вызвано болѣе всего опасеніемъ чрезмѣрнаго роста русской мощи. Обнаруживающіяся теперь слабыя стороны нашей военной подготовки и должны успокоить подозрительность Западной Европы, показывая, что Россія, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, не можетъ, если бы и пожелала, представлять серьезной опасности для пресловутаго „европейскаго равновѣсія“, каковая опасность со стороны Германіи вызвала противъ послѣдней почти всеевропейскую коалицію.

Нужно добавить, что нѣмецкіе успѣхи должны окончательно раскрыть всѣмъ русскимъ глаза на дѣйствительные размѣры нѣмецкой опасности. Германія вполне проявила себя, какъ грозная сила и притомъ сила въ высшей степени вредная, безпощадная и подлая. Примиреніе съ такой силой возможно лишь тогда, когда она будетъ обезврежена, т. е., достаточно ослаблена; иначе спокойствія въ Европѣ не можетъ быть. Отсюда необходимо напряженіе, хотя бы самое крайнее, пока борьба, какъ съ внѣшними, такъ и съ внутренними нѣмцами не будетъ доведена до благополучнаго конца.

Н. Гумилевскій.

¹⁾ „Дневникъ писателя“, 1876 г., апрѣль, гл. вторая.

Забытый вопросъ.

Ищущему эти строки пришлось на-дняхъ впервые по-сѣтить пастырское собраніе, на которое съѣхалось изъ ближайшихъ селъ нѣсколько священниковъ, діаконовъ и псаломщиковъ. Цѣль собранія—выборъ отъ духовенства благочинническаго округа члена Государственнаго Совѣта, Собраніе это имѣло наполовину домашній характеръ и не отличалось дѣловитостью.

Но не объ этомъ одномъ собраніи будетъ наша рѣчь; оно послужило только поводомъ къ написанію настоящей статьи о пастырскихъ собраніяхъ вообще, каковая и предлагается сейчасъ вниманію читателя.

Лѣтъ пять тому назадъ духовная печать оживленно обсуждала вопросъ о пастырскихъ собраніяхъ. Довольно обстоятельно было отмѣчено многими представителями духовенства, что въ этомъ вопросѣ, въ его нормальномъ разрѣшеніи заключается основа и фундаментъ для обновленія церковно—общественной жизни. Пока священникъ одинъ работаетъ на приходѣ, онъ встрѣчаетъ столько затрудненій и всевозможныхъ препятствій въ борьбѣ съ инертной и косной деревенской средой, что самая горячая энергія, въ концѣ концовъ, ослабѣетъ. Препятствія и затрудненія, при томъ, такъ разнообразны и порою неожиданны, что найти выходъ изъ нихъ трудно даже для священника съ большимъ знаніемъ деревенской среды и съ большимъ пастырскимъ опытомъ. Особенно это нужно сказать по отношенію къ настоящей—трудно переживаемой годинѣ, когда война съ нѣмцами произвела крупныя измѣненія и перемѣны во всѣхъ областяхъ народной жизни и настроеніяхъ русскихъ людей. Насколько велики эти измѣненія и какъ они отражаются на различныхъ группахъ населенія, безъ ихъ изученія сказать совершенно нельзя. Изученіе же новыхъ настроеній въ нашемъ народѣ—задача, несомнѣнно, трудная и серьезная. Она не подъ силу отдѣль-

нымъ лицамъ, а цѣлому ряду общественныхъ и пастырскихъ собраній.

Священникъ въ настоящее время одинокій культурный работникъ въ деревнѣ,—объ этомъ не нужно забывать,—и, должно быть, онъ еще долго останется такимъ. Тѣ интеллигентные элементы, которые онъ встрѣчаетъ въ приходѣ, рѣдко идутъ съ нимъ по одной дорогѣ. Они чаще расколаживаютъ священника, заставляя терять надежду на успѣхъ, чѣмъ ободряютъ его въ работѣ. Чтобы работать въ такихъ условіяхъ, необходимо гдѣ-то на сторонѣ имѣть источникъ, изъ котораго черпалась бы расточаемая въ большомъ количествѣ, въ одинокой работѣ, энергія. Такимъ источникомъ только и можетъ быть товарищеская пастырская среда. Здѣсь можно и облегчить душу, подѣлившись своими неудачами и злключеніями, и найти сочувственный откликъ, получить и добрый совѣтъ. Нечего грѣха таить,—въ нашей духовной средѣ нѣтъ привычки и опредѣленной традиціи дѣловыхъ товарищескихъ собраній. Нельзя сказать, чтобы духовенство было необщительно другъ съ другомъ. Въ день именинъ хозяина, или въ мѣстный храмовой праздникъ въ домѣ священника соберется пять—шесть, а то и больше, окрестныхъ батюшекъ и по большей части со своими семьями. Но собираются они, чтобы попить чайку и потолковать о своихъ домашнихъ дѣлишкахъ. Отдѣлиться отъ остальной компаніи и заняться строго-дѣловыми разговорами въ кабинетѣ на такихъ собраніяхъ считается даже неприличнымъ. И хотя въ литературѣ благочинный часто изображается взыскательнымъ и сухимъ начальникомъ и вообще опаснымъ человѣкомъ для рядового священника, но и собранія въ благочинническомъ домѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они носятъ дѣловой характеръ, быстро переходятъ въ безтолковую домашнюю бесѣду и кончаются обильной закуской...

Только въ самое послѣднее время благочинническіе сѣзды начинаютъ принимать болѣе дѣловой характеръ. Это

съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ стали участвовать церковныя старосты, псаломщики и діаконы. Самый составъ участниковъ съѣздовъ является теперь и по количеству настолько значительнымъ, что всѣхъ не напоишь, не накормишь, какъ слѣдовало бы въ праздникъ, и по своему характеру не подходитъ къ тому, чтобы съ нимъ обходиться вполне семейно. Но всетаки эти собранія до сихъ поръ еще имѣютъ наполовину домашній характеръ и не отличаются ни строгимъ порядкомъ, ни дѣловитостью. Въ дѣлѣ организаціи настоящихъ пастырскихъ собраній приходится бороться, такимъ образомъ, съ прочными бытовыми традиціями и бороться въ такой обстановкѣ, которая эту борьбу затрудняетъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ тому или другому батюшкѣ по очереди, или благочинному, съѣзжается со всѣхъ сторонъ народъ. Рѣдко кто проѣхалъ всего верстъ семь—десять, большинство отцовъ проѣхало двадцать или даже тридцать верстъ; какъ же не напоить и не накормить такихъ людей! Поневоля, съ самага начала изъ подъ ногъ уходитъ чисто дѣловая почва.

А между тѣмъ регулярныя, строго дѣловыя пастырскія собранія составляютъ насущную потребность настоящаго времени. Одна война сколько выдвинула теперь новыхъ вопросовъ, требованій, недоумѣній? Да и помимо войны приходская жизнь все болѣе и болѣе ставитъ предъ священникомъ въ его просвѣтительной дѣятельности столько препятствій и затрудненій. Прошло, къ сожалѣнію, то время, когда въ сельскихъ приходахъ была тишь да гладь, да Божья благодать. Тамъ расколъ, здѣсь сектантство, въ другомъ мѣстѣ „товарищеская“ пропаганда, или вообще печальное вліяніе на крестьянъ городскихъ просвѣтителей заставляютъ cadaго священника быть на—сторожѣ. Всякому, у кого еще не погасло чувство пастырскаго долга, приходится, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, браться въ своемъ приходѣ за дѣятельную просвѣтительную работу. Особенно тревожно положеніе въ приходахъ подгороднихъ, по близости фабрикъ и заводовъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ появилось и завербовало себѣ уже нѣсколько сторонниковъ сектантство.

Настоятельно необходимы, въ частности, пастырскія собранія въ настоящій моментъ, когда духовенству необходимо выступить на защиту Церкви въ общественной борьбѣ. Мы намѣренно говоримъ о защитѣ Церкви, а не сословныхъ интересовъ духовенства, такъ какъ послѣдніе Государственной Думой начинаютъ все болѣе удовлетворяться, а противъ Церкви въ нѣкоторыхъ слояхъ общества и народа уже открыта правильная осада. Для дружнаго и сплоченнаго дѣйствія противъ этой осады необходимы частыя пастырскія собранія и по возможности, конечно, безъ обильныхъ закусокъ и обѣдовъ.

Намъ представляется, что для того, чтобы организовать правильное и строго дѣловое обсужденіе вопросовъ на пастырскихъ собраніяхъ, необходимо устраивать ихъ въ ближайшемъ городѣ, въ какомъ либо общественномъ зданіи; лучше всего въ какомъ-нибудь школьномъ помѣщеніи. Каждый священникъ имѣетъ для себя въ ближайшемъ городѣ такой уголокъ, гдѣ обычно ютится, пріѣзжая за покупками на день, на два. Если это и стоитъ денегъ, то небольшихъ. Наконецъ, если собранія пастырей разъ навсегда будутъ приурочены къ опредѣленнымъ срокамъ, то къ нимъ каждый участникъ, или во всякомъ случаѣ большинство ихъ, сумѣетъ приноровить и закупку разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Съ такимъ расчетомъ могутъ быть выбираемы и самыя сроки собраній. Такимъ образомъ, самая необходимость лишнихъ тратъ для поѣздки на пастырскія собранія, если не совершенно упразднится, то сократится до самыхъ незначительныхъ размѣровъ.

Перемѣщеніе пастырскихъ собраній въ обстановку городского общественнаго зданія сразу придастъ имъ строго дѣловой хорактеръ. Затѣмъ, назначеніе собраній въ городѣ вдвойнѣ или даже втрое увеличитъ составъ ихъ въ сравненіи съ тѣмъ обычнымъ числомъ, которое является на такъ называемыя благочинническія собранія. И это также будетъ имѣть существенное значеніе. Десять, самое большее пять-

надцать священниковъ сосѣднихъ приходовъ, всетаки слишкомъ ограничены и чисто мѣстнымъ опытомъ, и скромнымъ числомъ участниковъ, среди которыхъ найдутся и молодые, совершенно неопытные пастыри, и уже сильно престарѣлые, чтобы принимать особенно дѣятельное участіе въ общественной работѣ. Для того, чтобы пастырское собраніе могло быть дѣйствительно продуктивнымъ, необходимъ болѣе многочисленный и разнообразный составъ.

Есть и третье, не менѣе важное условіе, которое отдастъ преимущество болѣе многочисленнымъ городскимъ собраніямъ предъ сельскими благочинническими. На городскомъ, болѣе многолюдномъ собраніи возможно выбрать опытнаго авторитетнаго предсѣдателя и вести засѣданіе въ полномъ порядкѣ; на имѣющихъ же чисто домашній характеръ благочинническихъ собраніяхъ всѣ слишкомъ близко другъ друга знаютъ, чтобы вести себя чинно. Это соображеніе получаетъ особенное значеніе при нѣкоторой общей недисциплинированности нашего рядового духовенства и отсутствія у него привычки къ работѣ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ.

Если бы установился типъ городскихъ пастырскихъ собраній, то дѣятельность ихъ легко было бы регулировать и особыми программами, отнюдь не ограничивая, конечно, ими предметовъ сужденій. Желательно было бы сохранить извѣстнаго рода преемственность между собраніями и вести, если не постоянный журналъ, то во всякомъ случаѣ годовую отчетность; пусть такой отчетъ явится своего рода памяткой для участниковъ.

Въ недавнемъ прошломъ и въ настоящее время на благочинническихъ собраніяхъ обсуждались больше вопросы и нужды духовнаго быта. На пастырскихъ собраніяхъ желательно, если не совсѣмъ исключить эти вопросы изъ программы, то во всякомъ случаѣ ставить ихъ въ видѣ исключенія и только въ случаяхъ крайней необходимости. Иначе повторится то же, что и на благочинническихъ собраніяхъ,— они такъ и не выйдутъ изъ круга сословныхъ интересовъ.—

Чтобы вопросъ о пастырскихъ собраніяхъ вышелъ, наконецъ, изъ области безрезультатныхъ благихъ пожеланій, которымъ суждено оставаться только на бумагѣ, необходимо, казалось бы, и для нихъ опредѣлить нѣкоторые обязательные сроки, какъ для сѣздовъ духовенства,—окружныхъ и епархіальныхъ.

Кир. Тихомировъ.

Печальное разочарованіе.

За послѣднее время въ газетахъ промелькнуло извѣстіе о томъ, что думское духовенство представило оберъ-прокурору Св. Синода А. Д. Самарину обширную записку „съ выраженіемъ думъ, надеждъ, сѣтованіи и взглядовъ по поводу современной церковной жизни“. Для всякаго, кто интересуется жизнью Православной Церкви въ Россіи, кому не безразличны ея скорби и радости, пріятно было услышать о ревности думскихъ отцовъ. Нѣсколько позже появились въ печати ¹⁾ выдержки изъ „записки“, на основаніи которыхъ стала ясенъ ея общій духъ, характеръ и назначеніе. Приходится сознаться, что благія ожиданія наши смѣнились печальнымъ разочарованіемъ. Записка говоритъ о разныхъ дефектахъ церковной жизни, которые уже отмѣчались и разбирались на страницахъ духовной и свѣтской печати, но наряду со всѣмъ этимъ здѣсь много такого, что кладетъ, на нее отпечатокъ односторонности и узкой партійности. Сами составители „записки“ чувствовали это, заранѣе предвидѣли возраженія и потому спѣшатъ въ своей „запискѣ“ увѣрить читателей, что она „можетъ служить отраженіемъ взглядовъ всего русскаго православнаго духовенства“. Хотѣлось бы знать, что побудило авторовъ высказать эту далекую отъ истины фразу: самообманъ, близорукость, или же намѣренное желаніе ввести въ заблужденіе другихъ.

¹⁾ „Рус. Сл.“ № 182.

Совершенно правильно „записка“ отмѣчаетъ многія ненормальности церковной жизни. Узкая партійность ея проглядываетъ лишь въ указаніяхъ на мнимыя причины этихъ ненормальностей и на средства къ ихъ устраненію. Главнымъ виновникомъ всѣхъ золъ и бѣдъ составителя „записки“ совершенно ложно считаютъ монашество. И паденіе авторитета пастырей среди мірянъ, и нестроенія въ духовныхъ школахъ, и распространеніе ересей, и недостатки высшаго церковно-административнаго строя и т. д., все это благодаря монахамъ. Отстраните монаховъ отъ дѣла, дайте намъ ихъ каѳедры, и все пойдетъ прекрасно,—вотъ общій духъ „записки“. Прискорбно становится, когда видишь, что люди, повидимому, почтенные способны такъ легко относиться къ дѣлу первостепенной важности. Благо св. Церкви должно у насъ стоять выше личныхъ интересовъ; и мы свято вѣримъ, что громадное большинство нашего духовенства согласно съ этимъ и съ этой точки зрѣнія оцѣнитъ пресловутую „записку“. Съ своей же стороны не можемъ обойти здѣсь молчаніемъ тѣ пункты „записки“, гдѣ говорится о монахахъ—студентахъ академій и монахахъ—администраторахъ и наставникахъ духовныхъ школъ.

По мнѣнію составителей „записки“, въ академіяхъ бываютъ два рода студентовъ, принимающихъ монашество. Одни идутъ въ монахи „по временному влеченію, которое часто смѣняется равнодушіемъ, холодностью и даже отрицательнымъ отношеніемъ къ монашескимъ обѣтамъ“. Другіе „принимаютъ постригъ только потому, что предаются соблазну легкаго достиженія служебныхъ успѣховъ и начальственнаго положенія“. Чтобы избѣжать этого, „записка“ предлагаетъ: „Было-бы великимъ благомъ для академіи и для Церкви, если-бы совсѣмъ была прекращена практика постриженія въ монашество на академической скамьѣ“. Здѣсь ложны и предпосылки и выводъ изъ нихъ. Прежде всего, такіе монахи—студенты, которые принимали-бы монашество по временному влеченію съ неизбѣжнымъ разочарованіемъ и отрицательнымъ

отношеніемъ къ нему впослѣдствіи или же по керьеристическимъ побужденіямъ, составляютъ лишь исключеніе изъ общаго правила. Также утвержденіе позволяемъ себѣ высказать на основаніи многолѣтняго и близкаго знакомства съ этой средой. Вспоминаются товарищи—монахи по академіи. Безспорно первый студентъ на курсѣ о. В. пользовался всеобщою любовію и уваженіемъ. Съ его мнѣніемъ считался весь курсъ. Мы невольно преклонялись предъ его духовнымъ обликомъ. Въ свободные отъ занятій часы его можно было видѣть проповѣдующимъ въ ночлежкахъ и чайныхъ для безпріютныхъ, гдѣ онъ трудился надъ спасеніемъ подонковъ общества. И это не была простая вспышка ревности; такимъ труженикомъ на нивѣ Христовой мы его знали цѣлыхъ четыре года совмѣстной жизни въ академіи; такимъ онъ и остался. А не менѣе выдающійся по уму, ревностный, любимый, уважаемый товарищами, въ высшей степени правдивый и сильный духомъ о. Е., а кроткій, горящій постоянно огнемъ любви Евангельской о. А. и другіе! Ихъ общество было для насъ—свѣтскихъ студентовъ всегда желаннымъ, пріятнымъ. Бывало, въ длинные зимніе вечера, когда за окнами завываетъ снѣжная метель, придетъ что-нибудь изъ нихъ къ намъ въ номеръ побесѣдовать. Сейчасъ же остаются книги, занятія, и дружеская бесѣда на терзавшія молодую душу и умъ темы тянется до глубокой полночи. Незамѣтно летятъ часы, а о снѣ никто и не думаетъ!.. Прошли года, всѣ мы разъсѣялись по разнымъ концамъ матушки Россіи, но воспоминаніе о товарищахъ—монахахъ осталось въ душѣ самое свѣтлое, и по совѣсти можно сказать, что это воспоминаніе составляетъ одну изъ болѣе отрадныхъ страничекъ академической жизни. Въ академіи, среди быстрой смѣны возрождающихся симпатіи и горькихъ разочарованій, они всегда стояли высоко въ нашихъ глазахъ, мы въ нихъ вѣрили, и этой вѣрѣ они съ своей стороны ни на минуту не дали повода колебаться. Поэтому теперь, когда люди, взявшіе на себя трудъ огульно поносить ученое монашество,

незаслуженно оскорбляютъ ихъ, мы не можемъ молчать, возмущаемся и открыто протестуемъ противъ этого!

„Прекратить практику постриженія въ монашество на академической скамьѣ“. Какой полицейщиной вѣтъ отъ этихъ словъ; это значить допустить духовное насиліе надъ людьми совершеннолѣтними въ 22—25 и болѣе лѣтъ; это значить вырвать изъ жизни академіи болѣе цѣнное, идеальное, благородное; это значить растоптать грубыми сапожниками лучшіе цвѣтки на нивѣ Христовой. Когда же отдать себя на служеніе Христу Спасителю, какъ не во цвѣтѣ силъ духовныхъ и физическихъ?! Развѣ Господь не призвалъ и не возложилъ на юношескія рамена св. Іоанна Богослова, Своего любимѣйшаго ученика, многотрудное бремя апостольства? Развѣ исторія Церкви мало знаетъ именъ этихъ „юныхъ Іоанновъ“? А сотрудники апостоловъ: Варнава, Тимофей, Титъ, архидіаконъ Стефанъ и т. д.! Мы согласны съ „запиской“, что среди академическихъ монаховъ, какъ печальное исключеніе, бываютъ лица и разочаровывающіеся въ послѣдствіи, и карьеристы, но это говоритъ только о томъ, что у насъ страдаетъ самый порядокъ признанія человѣка достойнымъ къ принятію монашества. Чтобы избѣжать этихъ печальныхъ ошибокъ (а онѣ всегда будутъ, хотя и въ меньшемъ числѣ, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ и даже если начать разрѣшать постриженіе нѣсколько лѣтъ спустя послѣ окончанія академіи), необходимо болѣе осмотрительно постригать въ монашество.

Въ „запискѣ“ говорится о „соблазнительныхъ примѣрахъ нарушенія монашескихъ обѣтовъ, которыя нерѣдко дѣлаются предметомъ общественнаго говора и сообщеній въ повременной прессѣ“. Мы не отрицаемъ этого, но вѣдь среди академическаго монашества это явленіе весьма рѣдкое, и виновниковъ его можно за цѣлыя десятилѣтія по пальцамъ перечесть. Къ тому же, весь этотъ „говоръ и сообщенія“ въ количествѣ 99 процентовъ—ложь и сплетни, о которыхъ мы знаемъ, гдѣ и какъ онѣ создаются. Кромѣ того, развѣ за

одними монахами есть отдѣльные недочеты; развѣ нѣтъ ихъ въ каждомъ сословіи, да еще большихъ, чѣмъ въ монашескомъ. Однако зная это, мы не осуждаемъ всего сословія, не проповѣдуемъ противъ него остракизма, такъ какъ видимъ наряду съ исключеніями достойныхъ носителей пастырскаго званія.

Въ пунктѣ „записки“ о недостаткахъ духовно-учебныхъ заведеній говорится: „Нынѣшнія семинаріи не умѣютъ привить своимъ питомцамъ искренней вѣры и сердечной любви къ Церкви. Изъ многихъ недостатковъ духовной школы слѣдуетъ, прежде всего, указать на неудовлетворительный подборъ руководителей школъ, которые по преимуществу выбираются изъ монашествующихъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ молодыхъ и малоопытныхъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Можно указать на сотни случаевъ, когда монахъ, почти только-что сошедшій со студенческой скамьи, въ 25—26 лѣтъ назначается смотрителемъ училища или инспекторомъ семинаріи“. Послѣднія слова этой выдержки являются прекраснымъ доказательствомъ стремленія авторовъ „записки“ представлять все въ гиперболическомъ видѣ. „Сотни случаевъ“, если это провѣрить за послѣднія сто лѣтъ по архивнымъ даннымъ, превратятся въ десятки, да и то едва-ли этихъ десятковъ наберется много. Назначеній монаховъ „прямо со школьной скамьи“ на должности инспектора семинаріи или смотрителя духовнаго училища что-то не помнится, а если таковыя и были, то можно съ увѣренностью сказать, что назначаемымъ было не 25 и не 26 лѣтъ, а гораздо болѣе. По новому закону, дѣйствующему уже третій годъ, на эти должности могутъ быть назначаемы лица не моложе 30—35 лѣтъ (принимая во вниманіе возрастъ оканчивающаго академію въ 25 лѣтъ). Такимъ образомъ, причина неудовольствій авторовъ „записки“ уже отошла въ область преданій, и ихъ запоздалыя сѣтованія являются ударами по воздуху.

Далѣе, они говорятъ, что лица монашествующія малоопытны въ педагогическомъ дѣлѣ. Это утвержденіе въ об-

щемъ также неправильно (особенно въ отношеніи къ лицамъ, прошедшимъ ту же духовную школу) и можетъ создать ложное представленіе у людей, не знакомыхъ съ жизнью духовно-учебныхъ заведеній. Ученые монахи на первыхъ порахъ своей учебной службы, правда, жалуются иногда на свою неподготовленность къ веденію школьнаго хозяйства, но проходятъ годъ-два, и это сглаживается, тѣмъ болѣе, что въ семинаріяхъ ректоръ ведетъ семинарское хозяйство не одинъ. Практика же говоритъ намъ, что въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ ректорами состоятъ протоіереи, положеніе дѣлъ обстоитъ нисколько не лучше, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, а бываетъ и хуже. Въ общемъ, монахи являются элементомъ, болѣе подходящимъ для административныхъ и воспитательскихъ должностей. Прежде всего, они могутъ всецѣло отдаться тому, дѣлу къ которому приставлены; семинарія, училище, это—ихъ семья, и ей они посвящаютъ все свое вниманіе и заботы, ничѣмъ не отвлекаемыя на сторону, чего при всемъ желаніи человѣкъ семейный не въ силахъ сдѣлать. Въ смыслѣ духовнаго руководства они едва-ли могутъ быть замѣнены кѣмъ-либо другимъ. Отмѣчаемое уваженіе и симпатіи къ монахамъ—наставникамъ среди лучшей части юношества, религіозной, благородной, идеально настроенной, вполне понятны, такъ какъ оно желаетъ видѣть въ лицѣ своихъ руководителей духовныхъ отцовъ, стоящихъ на высшей ступени христіанскаго совершенствованія. Молодая душа, тоскующая по идеалу, жаждущая подвига, какъ цвѣтокъ къ солнцу, невольно тянется къ тѣмъ, кто возвышается надъ мелочами суетной жизни, кто думаетъ не о томъ, „какъ угодили женѣ“, но „какъ угодили Богу“.

Бывшіе воспитанники X. духовной семинаріи помнятъ скончавшагося уже своего преподавателя о. іеромонаха М. Онъ былъ молодъ, а какъ велика была сила его вліянія на насъ! Ему мы съ довѣріемъ открывали свои души и всегда уходили отъ него успокоенными. Когда онъ служилъ въ Церкви, мы молились усерднѣе. Его присутствіе среди насъ дѣлало

насъ лучшими. Можно бы указать на имена многихъ подобныхъ ему, но всѣхъ не перечислишь! Когда предъ нами встаетъ свѣтлый образъ о. М., то въ качествѣ противоположности невольно вспоминается намъ одинъ (быть можетъ, даже и извѣстный кое-кому изъ думскихъ отцовъ) профессоръ въ рясѣ. Предъ его экзаменаціоннымъ столомъ прошло много молодыхъ поколѣній. Его жиденькія лекціи, списанныя съ разныхъ учебниковъ, ничего не дали уму и сердцу слушателей, а самъ онъ, мѣнявшій свои убѣжденія (особенно политическія) какъ перчатки, при всемъ его самомнѣніи стоялъ весьма низко въ глазахъ студенчества.

Старость не числомъ лѣтъ исчисляется, говоритъ премудрый сынъ Страховъ. Есть среди наставниковъ юношества и старички, которыхъ многолѣтняя служба не научила понимать юныя душа и вліять на нихъ. Повидимому, они должны бы обладать большимъ педагогическимъ опытомъ, но отсутствіе такового у нихъ говорить о томъ, что „опытность“ — вещь весьма условная. Часто натура молодая, но энергичная, неблудательная, даровитая, обладаетъ большимъ опытомъ, нежели старая, но ограниченная, апатичная и бездѣятельная. Благотворное духовное вліяніе на юношество, безъ сомнѣнія, скорѣе въ силахъ оказать идеально настроенный и пребывающій въ богомыслии монахъ, хотя бы и молодой, нежели зрѣлый мужъ, знающій, сколько стоитъ пудъ гороху, возъ капусты и т. п., у котораго заботы чисто матеріальнаго характера, какъ тернія, заглушаютъ духовные интересы. Смыслъ пребыванія воспитанниковъ въ духовно-учебномъ заведеніи, если имѣть въ виду ихъ будущее служеніе Церкви, сводится главнымъ образомъ къ тому, чтобы они пріобрѣли здѣсь духовную опытность и познанія. Наставить ихъ въ этомъ, само собою понятно, могутъ люди, живущіе болѣе духовною жизнію, мысль которыхъ работаетъ надъ уясненіемъ пути къ достиженію высшаго Евангельскаго идеала, сердце которыхъ безъ всякихъ компромиссовъ отдано всецѣло Христу Спасителю и Его великому дѣлу спасенія рода чело-

вѣческаго на землѣ. Если вручить духовно учебныя заведенія людямъ, завѣдомо избравшимъ болѣе легкій путь Евангельскаго совершенствованія, то они не въ силахъ будутъ дать своимъ питомцамъ того, чѣмъ сами не обладаютъ, и получится у насъ въ дѣлѣ подготовленія кандидатовъ священства тотъ „фельдшеризмъ“, противъ котораго вооружаются авторы „записки“. Поэтому, когда они говорятъ, что „нынѣшнія семинаріи не умѣютъ привить своимъ питомцамъ искренней вѣры и сердечной любви къ Церкви“, то причина этого, думается, лежитъ не въ томъ, что кое-гдѣ въ семинаріяхъ среди корпорацій есть на 20 и болѣе преподавателей одинъ или два монаха, а скорѣе въ томъ, что монаховъ по семинаріямъ очень мало.

Да, авторы „записки“ правы, что „наша церковная жизнь идетъ не вполнѣ нормальнымъ путемъ; что не только въ образованныхъ слояхъ, но и въ средѣ простого народа, искони бывшаго вѣрными сынами Православной Церкви, замѣчается нынѣ охлажденіе къ Церкви, оскудѣніе религіознаго духа или же увлеченіе сектантскимъ лжеученіемъ; что авторитетъ духовныхъ пастырей какъ-будто падаетъ все болѣе и болѣе, такъ что даже самыя лучшія изъ нихъ иногда въ безсиліи опускаютъ руки“. Гдѣ же корень этихъ несчастій? Составители „записки“ склонны видѣть его въ монашествѣ, а подумали ли они надъ тѣмъ, почему это болѣе религіозная часть нашего народа льнетъ къ монастырямъ, ищетъ себѣ духовниковъ среди монаховъ. Нѣтъ, отцы, теперь не время враждовать. Нужно помнить завѣтъ апостола, что каждый изъ насъ долженъ служить дѣлу Христову въ томъ званіи, въ какомъ призванъ. Если всякій будетъ во имя мелочныхъ эгоистическихъ интересовъ сѣять вражду и несогласія, то дѣло церковное у насъ разстроится еще больше. Только при дружеской совмѣстной работѣ, вытекающей изъ желанія пожертвовать личнымъ самолюбіемъ во имя дѣла Христова на землѣ, исчезнутъ наблюдаемые нынѣ въ жизни Церкви недочеты и ненормальности; только такая работа принесетъ обильныя и добрыя плоды.

Авторы „записки“ жалуются, что „духовенство не видит отеческаго руководства со стороны своихъ владыкъ“. Опять здѣсь утверженіе, не выражающее истины. Для опроверженія его укажемъ хотя-бы на Архипастырей Харьковскаго, Уфимскаго и многихъ другихъ, которые и устно, и письменно не оставляютъ своихъ сотрудниковъ—іереевъ безъ отеческаго руководства и неустанно будятъ въ средѣ духовенства сознаніе пастырскаго долга. Но обстановка ихъ служенія Церкви бываетъ подчасъ очень тяжела. Не далѣе, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, пришлось услышать отъ одного изъ нашихъ епископовъ сожалѣніе о томъ, что духовенство является къ нему не столько для обмѣна мнѣній по пастырскимъ вопросамъ, какъ съ жалобами другъ на друга, съ прошеніями о переводахъ на болѣе богатые приходы и просьбами скорѣе мірскаго, внѣшняго, чѣмъ духовнаго характера. Неудивительно послѣ этого, что нѣсколько лѣтъ такой жизни невольно кладутъ отпечатокъ на отношенія между епископомъ и подвластнымъ ему духовенствомъ, и эти отношенія въ нѣкоторыхъ епархіяхъ становятся въ концѣ концовъ „холодными, оффиціальными и преимущественно бумажными“. Благодареніе Создателю, среди нашихъ пастырей—священниковъ много можно встрѣтить людей святой жизни, преданныхъ своему дѣлу, не политикановъ, пользующихся уваженіемъ и любовію окружающихъ; но весьма интересно отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что такіе священники находятся всегда въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ епископами, взаимно друга друга уважаютъ, другъ другу содѣйствуютъ на общемъ пастырскомъ поприщѣ. Только тяготящіеся бременемъ пастырскаго служенія и своею зависимостью отъ епископа, слишкомъ „обмірщившіеся“, или же утратившіе интересъ къ дѣлу пастырства, несправедливо нападаютъ на монашество и епископовъ. Устраненіе монашествующей іерархи отъ управленія Церковію представляется абсурдомъ, съ которымъ не можетъ мириться здравая мысль и православно-христіанское сознаніе. Что можетъ быть нелѣпѣе, какъ насильственное удаленіе

отъ дѣла Христова на землѣ тѣхъ, которые во имя самаго этого дѣла, чтобы предаться ему всецѣло, отреклись отъ узъ семейныхъ, отъ прелестей и удовольствій „міра сего“, которые чрезъ принятіе иноческаго чина вступили въ тѣснѣйшій союзъ со Христомъ, въ болѣе близкій союзъ, чѣмъ какой бываетъ между супругами на землѣ. Только протестантизмъ съ его нѣмецкимъ богословіемъ можетъ дойти до игнорирования этого; практика же христіанской Православной Церкви на протяженіи своей многовѣковой исторіи подтверждаетъ лишь тотъ взглядъ на это дѣло, какой принять въ нашей Церкви.

При выясненіи вопроса, кто является виновникомъ церковныхъ нестроеній, мы обязаны стать не на узкую, партійную точку зрѣнія, а безпристрастно взвѣсить тѣ обстоятельства и условія, въ какихъ приходится жить и работать нашимъ епископамъ и священникамъ. Мы не должны забывать, что часто епископы наши во многихъ своихъ благихъ начинаніяхъ бываютъ связаны по рукамъ и ногамъ, и не ихъ вина, если многое у насъ въ ходѣ церковной жизни совершается не такъ, какъ бы они и мы того хотѣли, какъ этого требуютъ каноны и обычаи церковные. Съ другой стороны, всѣ мы знаемъ, что тяжелая дѣйствительность, условія матеріальной жизни, отвлекаютъ священника отъ его прямого дѣла. Постороннія заботы (въ городахъ—школьные уроки, канцелярщина, въ деревняхъ—полевая работа) не позволяютъ ему посвятить свой досугъ на чтеніе книгъ, на ознакомленіе съ ходомъ общественной жизни, и потому нерѣдко можно встрѣтить батюшку, который, разставшись со школьной скамьей, кромѣ богослужебныхъ книгъ да оффиціального отдѣла епархіальныхъ вѣдомостей не читаетъ ничего. Каковы послѣдствія этого, нѣтъ нужды распространяться: они на лицо. Такимъ образомъ, можно обвинять и ту и другую сторону, но ни тѣ, ни другіе въ отдѣльности не повинны въ церковныхъ злоключеніяхъ. Главная причина ихъ кроется гораздо глубже. Въ силу прискорбныхъ историческихъ об-

стоятельствъ, надъ нашею Церковію Русскою нависло „нѣчто“, парализующее правильнѣйшій ходъ ея жизни, „нѣчто“ внѣшнее, чуждое ей, но въ то же время гнетущее, отъ котораго вѣками она не можетъ освободиться. Для оздоровленія церковной жизни необходимо созвать соборъ, на которомъ наши Епископы при сотрудничествѣ, съ ихъ благословеніи и по ихъ указанію, извѣстныхъ своею пастырскою ревностію священниковъ и благочестивыхъ мірянъ, рѣшили бы, какъ освободить Церковь отъ всего чуждаго ей, отъ того главнаго зла, слѣдствіемъ котораго являются разныя нестроенія и аномаліи. Что же касается „записки“ думскихъ отцовъ, цѣль которой оказать одностороннее вліяніе на новыхъ представителей свѣтской власти, ставшихъ у кормила синодальныхъ канцелярій, то избранный ею путь обвиненій монашества и епископата ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признанъ правильнымъ, не можетъ служить выраженіемъ взглядовъ, думъ, надеждъ и сѣтованій православнаго духовенства; какъ-бы онъ не внесъ въ церковную жизнь еще большія смуты и разладъ. Такъ, кажется, взглянулъ на „записку“ новый оберъ-прокуроръ Св. Синода, извѣстный общественный дѣятель А. Д. Самаринъ, который, какъ сообщаютъ газеты ¹⁾, выслушалъ авторовъ ея, поблагодарилъ ихъ за „ознакомленіе“, но отъ всякихъ програмныхъ заявленій воздержался. Будемъ молиться и стараться о томъ, чтобы каждый во всемъ чину усердно и искренно работалъ на благо Церкви и тѣмъ поддерживалъ и создавалъ лучшія условія работы и жизни въ Церкви Русской и вообще на св. Руси.

В. Сидовничій.

---

¹⁾ „Рус. Сл.“ № 181.

По Евангельскому. закону.

(Продолженіе) ¹⁾.

V

Матушка не стала откладывать дѣла въ долгій ящикъ, собралась и выѣхала. Была зима, и приближался рождественскій постъ. Село, находилось верстахъ въ двадцати. Проселочная дорога шла сначала равниной, а затѣмъ вилась прихотливыми зигзагами среди глухого лѣса, по которому было рискованно ѣхать въ глухую ночь, потому что иногда появлялись волки. Матушка выѣхала раннимъ утромъ и часа черезъ два съ половиной подѣвжала къ гостепріимному дому о. Игнатія.

— Кого я вижу! Наконецъ то вы выбрались ко мнѣ. Ахъ, какъ я рада!—цѣловала гостью жена о. Игнатія, веселая говорливая Зинаида Григорьевна.

— Ужъ простите, что такъ неожиданно. Соскучилась о васъ. Дай, думаю, махну къ вамъ.

— И отлично сдѣлали.

Зинаида Григорьевна ударилась въ хлопоты. О. Игнатія дома не было: онъ ушелъ въ село причащать больного. Пока готовили чай, хозяйка засыпала гостью вопросами.

— Что вы подѣлываете? Какъ живете? Какъ здоровье о. Саввы?

— Благодарю васъ. По-немногу скрипимъ. Мужъ вамъ кланялся.

— Очень благодарна. А что вы не вмѣстѣ пріѣхали? Вдвоемъ то веселѣе было бы.

— Онъ извиняется. Ему сегодня некогда.

— Дѣла?

— Да, занятъ.

— Не извиняю. Пусть пріѣдетъ самъ и лично попросить извиненія.

¹⁾ См. 37.

Матушка не хотѣла сразу жаловаться своей пріятельницѣ. Она начала этотъ разговоръ лишь послѣ чая, когда женщины остались однѣ.

— Ахъ, голубушка, а я вѣдь пріѣхала къ вамъ сегодня, съ большимъ горемъ.

Хозяйка перепугалась.

— Что случилось?

— Тяжело мнѣ говорить о своихъ семейныхъ дѣлахъ, но, кромѣ васъ, не съ кѣмъ мнѣ подѣлиться своимъ горемъ.

— Спасибо за довѣріе.

Зинаида Григорьевна знала кое-что о ихъ разладѣ, но, разумѣется, никогда не начинала разговора на эту щекотливую тему.

— Не ладимъ мы съ мужемъ. Какъ вы думаете: вѣдь нужно же прикопить на старость?

— Конечно.

— Ну, вотъ и я такого же мнѣнія. На одну пенсію не проживешь. Всякій благоразумный человѣкъ копить. Какъ же не имѣть къ старости запаса? Но мой мужъ думаетъ совершенно иначе.

— Да неужели?—протянула хозяйка.

Ей было извѣстно о благотворительности о. Саввы, и она въ глубинѣ души преклонялась передъ этимъ реликодушнымъ человѣкомъ.

— Да, именно иначе. И случилось это со времени пожара. Помните, у насъ въ іюлѣ сгорѣло десять дворовъ?

— Какъ не помнить.

— Съ того времени мужъ сталъ положительно неузнаваемъ. Ему все бы раздать, да отдать.

И матушка горько, со слезами на глазахъ, начала изливать передъ хозяйкой свою скорбь.

— Да вѣдь это ни на что не похоже! Это просто разоренье!.. Люди копятъ, сберегаютъ копѣйку, себя во всемъ урѣзываютъ, чтобы отложить лишній рубль, а моему муженьку только бы все отдать. Придетъ какой-нибудь бродяга, разжалобитъ его—онъ и размякъ. Просто не знаю, что дѣлать. Бѣда...

Хозяйка сочувственно покачала головой.

— Да, это жаль, жаль... И что посоветовать вамъ, положительно не знаю. Это ужъ ваше личное дѣло. Экій о. Савва!.. Какъ же не сберегать! Въ старости каждая копѣйка пригодится.

— И я ему то же говорю, но слова мои бессильны. Всѣ мѣры я принимала: и ссорилась, и умоляла, и ключи прятала. Ничего не помогло. Теперь и руки опустились. А если и далѣе такъ пойдетъ, то все спустимъ. Себѣ и гроша не останется.

— Вполнѣ понимаю васъ. И сочувствую.

— Ахъ голубушка, главное то я вамъ еще не сказала!

— Что именно?

Матушка тяжело вздохнула.

— Мужъ грозитъ бросить меня и уйти на Аѳонъ, если я его не оставлю въ покоѣ.

Зинаида Григорьевна въ сильнѣйшемъ изумленіи всплеснула руками.

— Можетъ ли это быть? О. Савва хочетъ уйти на Аѳонъ?

— Онъ мнѣ объ этомъ заявилъ самымъ категорическимъ образомъ.

Матушка расплакалась.

— Только вы, пожалуйста, никому не говорите. Я пріѣхала подѣлиться съ вами, какъ съ другомъ.

— О, помилуйте! Развѣ о такихъ вещахъ можно говорить всякому встрѣчному и поперечному. Будьте покойны. Но рѣшеніе о. Саввы меня прямо таки изумляетъ. Да неужели онъ серьезно думаетъ уйти? Мнѣ кажется, онъ просто угрожаетъ.

— И я сначала такъ думала, но онъ поклялся мнѣ передъ образомъ Спасителя, что говоритъ правду.

— Вотъ такъ исторія! — развела руками ошеломленная хозяйка.

— И что мнѣ теперь дѣлать? положительно теряюсь. Уступить мужу; значить, прощай обезпеченная старость; не уступить — а вдругъ онъ дѣйствительно броситъ меня? Такая бѣда!..

— Да, Марья Николаевна, вопросъ крайне сложный и щекотливый. И что вамъ посоветовать, не знаю и не берусь.

Но простите меня, а пожалуй, придется вамъ кое въ чемъ уступать. Разъ о. Савва поклялся передъ образомъ Спасителя, значить, онъ клятву исполнить. Вотъ и судите сами.

— Это я все уже думала, все взвѣсила. Но какъ обидно уступать!.. Подумайте сами: человекъ не заботится о своемъ будущемъ, о своей старости. Всякій человекъ и рубль спѣшить отложить, а мой муженекъ каждый рубль старается сунуть бродягѣ, проходимцу и тунеядцу. Это ли не обидно?

Долго разговаривали между собой женщины. Гостья жаловалась на мужа, плакала; хозяйка ее утѣшала, охала на всѣ лады, и подвергала строгой критикѣ образъ дѣйствій о. Саввы. Такъ незамѣтно прошло время до обѣда. Къ обѣду пришелъ лѣсничій съ женой, и разговоръ принялъ совершенно другой оборотъ. Матушка оживилась, тѣмъ болѣе, что жена лѣсничаго способна была своимъ смѣхомъ и весельемъ разсмѣшить и самаго угрюмаго человека. Обѣдъ прошелъ весело, шумно.

Матушка хотѣла было ѣхать тотчасъ же послѣ обѣда, но хозяйка рѣшительно заявила свой протестъ.

— Безъ чаю ни за что не отпущу. Какъ же не выпить чайку! Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь.

Жена лѣсничаго поддержала хозяйку.

— Но я запоздаю домой.

— Не запоздаете. Лошади отдохнули. За два часа доѣдете до дому.

Матушка подумала немного, посмотрѣла на часы и осталась пить чай. Опять потекла бесѣда. Во время чая пришелъ дьяконъ съ какимъ то дѣломъ къ о. Игнатію. Прибавился лишній собесѣдникъ. Послѣ окончанія чаепитія хозяйка начала уговаривать свою гостью остаться ночевать.

— Что вамъ за охота ѣхать ночью? Лучше переночуйте. А завтра утромъ и отправляйтесь. Право оставайтесь.

О. Игнатій тоже просилъ гостью ночевать, но матушка теперь рѣшительно воспротивилась.

— Благодарю васъ за радушіе, но надо ѣхать. Мужъ будетъ беспокоиться. Лѣсъ проѣду еще засвѣтло, а въ степени уже не страшно. Тамъ и домъ недалеко.

Какъ ни уговаривали хозяева гостью, та настояла на своемъ. Она крѣпко расцѣловала хозяйку, простилась съ прочими и уѣхала.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Поповъ-Пермскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 7-го сентября 1915 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Г. Корчакъ-Новицкаго Мерин. 6.

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 39

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 20-го сентября.

Содержаніе: I. Кресть христіанина. К. Тихомировъ.—II. Во дни войны. Слабыс духомъ. Прот. I. Восторговъ.—III. Но Евангельскому закону (продолженіе). И Поповъ-Пермскій.—IV. Замѣтки: а) Пастыри—герои.—б). Привичка табакокурения, какъ показателъ дурного настроенія въ пастырѣ.—Замѣтки.

Кресть христіанина.

Когда составлялись церковные уставы и кругъ богослужбныхъ празднествъ, было иное, чѣмъ теперь, отношеніе къ религіи. Дни, въ которые вѣрнымъ выносился для поклоненія кресть, были днями великой радости, и это чувствовалось вездѣ—и въ тихой деревушкѣ, и въ шумномъ городѣ.—Измѣнились времена, охладѣла вѣра и потухъ религиозный пылъ, но день нынѣшняго праздника—всемірнаго Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста попрежнему ярко выдѣляется своею торжественностью и умиительностью. Въ этотъ день вѣтъ попрежнему какою-то радостью и утѣшеніемъ.

Но какая, казалось бы, радость, когда человѣку напоминаютъ, что его жизнь должна быть такимъ же тяжелымъ крестнымъ подвигомъ, какимъ было служеніе міру распятаго на крестъ Спасителя? Какъ могъ и самъ Господь назвать свое бремя легкимъ, иго благимъ? Вѣдь призывая идти за Собою, Онъ въ то же время предупреждалъ, что для этого нужно отвергнуться себя?

Это кажущееся противорѣчіе послужило камнемъ преткновенія для многихъ слабыхъ сердецъ. Христіанство, говорятъ, признаетъ благословеннымъ страданіе; христіанство заставляетъ отречься отъ всего, что есть свѣтлаго, влекущаго къ себѣ въ жизни.—Это безусловно не вѣрно... Христіанство не благословляетъ страданія, не возводитъ его въ норму жизни, а признаетъ его зломъ, но только зломъ неустранимымъ при настоящемъ порядкѣ вещей. Точно также христіанство совѣмъ не требуетъ отреченія отъ радостей жизни,—оно только ведетъ человѣка къ высшей радости.

Вопросъ о томъ, какъ устранить изъ жизни страданія, какъ очистить жизнь—рѣшался различно. Нужно избѣгать страданій и утопить ихъ въ чашѣ наслажденій—вотъ самое простое и пріятное рѣшеніе, предложенное эпикурейцами. Но дѣйствительность скоро показала, что избѣгать страданій нельзя, что чувственныя наслажденія оставляютъ послѣ себя горькій осадокъ и влекутъ новыя страданія. Болѣе благородный и возвышенный, но не болѣе осуществимый исходъ предлагали и стойки, идеаль которыхъ—совершенное равнодушіе къ страданіямъ и удовольствію. Но вѣдь такой идеаль, во-первыхъ, выше силъ человѣка, созданнаго съ непогасимымъ запросомъ счастья, а затѣмъ и будучи осуществленъ, онъ не поможетъ дѣлу. Безучастнаго зрителя собственнаго счастья и несчастья станетъ томить пуще всякихъ физическихъ лишеній полное отсутствіе какого-либо интереса къ жизни.

Страданія и зло—результатъ уклоненія человѣка отъ того пути развитія, который предназначенъ ему природой, и поэтому, пока не устранено зло въ мірѣ, изгнаніе стра-

даній изъ жизни—задача неосуществимая. Человѣчество не простой конгломератъ особей, а тысячами явныхъ и тайныхъ духовныхъ нитей связанное одно органическое цѣлое. Мы всѣ создаемъ и поддерживаемъ ту нравственную атмосферу, въ которой живемъ, и всѣ рискуемъ подвергнуться и тѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, которыя вносятъ въ жизнь и природу господство грѣха.

Доля этихъ послѣдствій грѣха для отдѣльныхъ личностей далеко не равномерна ихъ личному участию въ сіяніи въ мірѣ зла. Но зато вліяніе этихъ испытаній на человѣка въ большинствѣ случаевъ направляетъ судьбу его къ доброму концу. Баловни судьбы, не видѣвшіе горя, всегда оказываются безпомощными въ жизни; только при помощи борьбы и навыка преодолевать препятствія образуется характеръ и закаляется нравственная энергія человѣка, а вѣдь всякая борьба есть въ нѣкоторомъ родѣ результатъ лишений и страданій.

Страданіе—необходимое условіе развитія не одной только воли, но и чувства. Чувство *состраданія* многіе считаютъ основой нравственности; это, конечно, крайность, но во всякомъ случаѣ можно сказать, что состраданіе есть та канва, на которой развивается высокій законъ любви. Появленія этого чувства мыслимы однако только при наличности страданія. Самоотверженіе—высшее проявленіе чувства любви—опять-таки вызывается только случаями страданія и бѣдствій ближнихъ.

Борьба и горькій опытъ убиваютъ самоувѣренность и гордость, обрекаяющія человѣка на тупое, окаменѣлое прозябаніе, и даютъ возможность выработаться тому смиренному и съ спокойной увѣренностью въ будущемъ на все готовому характеру, который въ самомъ себѣ носитъ залогъ духовнаго удовлетворенія. Словомъ, при настоящихъ условіяхъ жизни человѣчества, благо не есть цвѣтъ тихаго, спокойнаго развитія, а плодъ борьбы съ своею противоположностью, и покупается цѣною страданія. И винить въ этомъ некого.

Тамъ, гдѣ есть свобода, всегда можно поворотить и направо и налево. Руссо правъ, говоря, что для того, чтобы воспрепятствовать человѣку быть злымъ, нужно низвести его на степень скота. Нѣтъ! добавляетъ онъ, я никогда не попрекну Тебя, Создатель, тѣмъ, что Ты создалъ меня такимъ, чтобы я могъ быть свободенъ, добръ и блаженъ“. Нѣкоторые моралисты ставили девизъ: „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“ (Навиль и друг.). Какіе бы основательные доводы ни приводились въ пользу этого положенія, въ сердцѣ человѣкъ всегда будетъ протестовать противъ страданія за вины отцовъ и дѣдовъ и невѣдомыхъ намъ предковъ. Но положеніе совершенно измѣняется, когда человѣкъ добровольно самъ беретъ на себя тяжелую ношу своего ближняго или „дальняго“ брата. Здѣсь горькая вода страданій чудеснымъ образомъ обращается въ сладкую.

Если на одну чашку вѣсовъ положить радость, которую испыталъ въ своей жизни богатый римскій патрицій времянь Августа, задававшій лукулловскіе обѣды и проводившій аеинскія ночи, а на другую—радость его раба христіанна, всю жизнь проведшаго въ непосильной работѣ, терпѣвшаго побои, истязанія и въ концѣ концовъ сожженнаго живымъ за вѣру во Христа, то вторая чашка перевѣситъ первую; основываясь на этомъ законѣ обращенія горькихъ водъ страданія въ сладкія волей самого человѣка, христіанство и указываетъ свой и единственно вѣрный путь къ освобожденію отъ тяготы страданій.

Высокимъ примѣромъ жизни Спасителя, добровольно взявшаго на себя крестъ злостраданія, оно пробуждаетъ въ душѣ человѣка добрыя чувства: любви, братства, всепрощенія. Общія благотатную помощь вѣрующему, оно призываетъ его отречься отъ эгоизма и чувственности и пойти крестнымъ путемъ Спасителя; но при этомъ подаетъ надежду, что на этомъ пути, несмотря на оскорбленія, ненависть и злостраданія, христіанинъ пріобрѣтаетъ такую радость, которой не отниметъ отъ него никакая злоба людей. Такимъ

образомъ еще здѣсь на землѣ христіанинъ достигнетъ жизни вѣчной или небеснаго царства, которое есть внутренній миръ и радость.

Тяжело поднять крестъ Христовъ, освободится отъ власти эгоизма и стать на путь служенія ближнему, а дальнѣйшіе шаги, благодатными дарами Божиими, уже легки для человѣка. Итакъ, подвигъ самоотверженія, требуемый въ началѣ пути, улаживается блаженствомъ новой жизни, новою неизреченною радостью, пріобрѣтаемою вслѣдъ за этимъ отреченіемъ. Вотъ почему крестъ Христовъ для христіанина всегда является символомъ избавленія отъ страданій, отраднымъ и утѣшительнымъ знаменіемъ, а не тяжелымъ призракомъ страданія.

Поэтому, человѣчество, предъ пришествіемъ Спасителя, съ такою жаждою искавшее средства избавленія отъ гнетущаго душу зла страданій, взглянуло на христіанство, какъ на религію избавленія, какъ на путь къ жизни и блаженной радости въ самихъ страданіяхъ, а не какъ на мрачную проповѣдь борьбы съ собою. Въ третьемъ еще вѣкѣ до Рождества Христова, греко-римскій культурный міръ обстоятельно познакомился съ религіей страданія—буддизмомъ. Вліяніе буддійской метафизики и буддійской морали, еще ранѣе проникшихъ сюда частью чрезъ Египеть, частью чрезъ малоазіатскіе культы, теперь всецѣло царило въ мистическихъ культахъ и даже въ философіи. Но лишь только появилось и стало распространяться въ римской имперіи христіанство, какъ эти вліянія стали смягчаться свѣтлой струей новаго жизнерадостнаго настроенія, а затѣмъ и совсѣмъ уступили мѣсто христіанскому міровоззрѣнію.

Поэтому то и нынѣшнее торжественное воздвиженіе креста Господня и поклоненіе ему, напоминающее о страданіяхъ Спасителя и апостольскомъ завѣтѣ подражать Его крестному пути, вноситъ свѣтлую радость въ душу вѣрующаго, а не уныніе и печаль. Христосъ требуетъ жертвы, но такой жертвы, послѣ совершенія которой сердце вѣрующаго

щаго наполняется высшей радостью, жизнь получает высокій и отраднѣйшій смыслъ, а грѣхъ и пошлость теряютъ власть надъ душой. Крестъ Христовъ дѣлается чрезъ это благимъ и легкимъ бременемъ для всѣхъ обремененныхъ тяжелой ношей міровой суеты.

Кир. Тихомировъ.

Во дни войны.

Слабые духомъ¹⁾.

Разслабленный, исцѣленный Спасителемъ, былъ разслабленъ тѣломъ, но не духомъ. Онъ не видѣлъ самъ Иисуса Христа, но имѣлъ вѣру въ Него только по рассказамъ другихъ. Онъ не слышалъ ученія Иисуса Христа, и однако уже заранѣе вѣрилъ въ Его чудодѣйственное слово настолько, что рѣшился вмѣстѣ съ несшими его на необычайное дѣло—прокопать кровлю дома, въ которомъ былъ Иисусъ Христосъ, и у ногъ Его искать исцѣленія. Онъ, вмѣсто слова объ исцѣленіи, услышалъ отъ Христа слово и вѣсть о прощеніи грѣховъ, и не возражалъ, не удивлялся, не осуждалъ Иисуса Христа, подобно книжникамъ и фарисеямъ, сидѣвшимъ тогда около Иисуса Христа и наблюдавшимъ за каждымъ Его словомъ и дѣйствіемъ. И видя вѣру разслабленнаго и вѣру принесшихъ его, Спаситель совершилъ надъ несчастнымъ чудо исцѣленія.

Народъ, видя чудо, прославилъ Бога, доровавшаго власть такуюю человѣкамъ; такъ сказано въ Евангеліи. Онъ по своему выразилъ глубокое чувство благоговѣнія и радости, охватившее всѣхъ при видѣ чуда, выразилъ общія и вѣчныя человѣческія чувства предъ вѣчнымъ Промыслительнымъ дѣйствіемъ Божества въ жизни міра и человѣчества. Ибо неслезанное дѣло, великое чудо, поражающая картина—про-

¹⁾ Слово въ недѣлю 6-ю по Пятидесятницѣ.

бужденіе и возникновеніе отъ смерти къ жизни, отъ разрушенія къ возсозданію, гдѣ бы и въ чемъ бы мы его ни наблюдали! Отчего такъ радостно волнуетъ насъ весна, когда живительные лучи солнца гонять мертвый саванъ снѣжный съ лица земли и осыпаютъ ее зеленью и цвѣтами? Не радость ли здѣсь жизни въ ее торжествѣ надъ смертію? Почему, когда волнуется желтѣющая нива и свѣжій листъ шумитъ при звукѣ вѣтерка, — смиряется души нашей тревога, расходятся морщины на челѣ и счастье можемъ мы постигнуть на землѣ и въ небесахъ мы видимъ Бога? Почему, въ самомъ дѣлѣ, насъ охватываетъ высокое, какое-то торжественное настроеніе, когда мы идемъ хлѣбнымъ полемъ, среди шумящей ржи? Отчего чувство высокаго удовлетворенія и какъ бы полноты жизни мы испытываемъ въ саду, когда деревья отягощены созрѣвающими и наливающимися плодами? Не привѣтствуемъ ли мы здѣсь безсознательно вѣчное творчество природы, какъ переданную ей чудную власть и силу Превѣчнаго Творца? Почему такъ отрадно взглянуть въ чистые глаза ребенка, видѣть выздоравливающаго и возвращающагося къ силѣ и бодрости послѣ болѣзни человѣка, или просто человѣка отдохнувшаго и бодрого послѣ труда и утомленія? Почему пріятно видѣть человѣка, только что получившаго радостную вѣсть о томъ, что несчастье прошло мимо него, что гибель его устранена и опасность, ему грозившая, миновала? Не потому ли, что жизнь здѣсь восторжествовала надъ смертію? О, блаженъ тотъ, кто умѣетъ подмѣтить, почувствовать и ощутить въ себѣ это біеніе Богомъ данной міру и человѣку жизни! Отчего такъ радостно волнуетъ насъ творчество человѣка: когда, на примѣръ, архитекторъ изъ мертваго камня создаетъ прекрасное зданіе, или когда художникъ изъ безжизненныхъ красокъ создаетъ картину, полную жизни и высокой красоты?

Исцѣленіе разслабленнаго было тоже торжествомъ и побѣдою вѣчной творческой силы Божества, возстановленіемъ изначальной красоты творенія, побѣдою надъ тѣмъ

иссаженіемъ его, которое сдѣлалъ грѣхъ человѣка и въ самомъ человѣкѣ, и во всей природѣ. И Спаситель указалъ именно на это дѣйствіе грѣха, когда вмѣсто исцѣленія тѣла и прежде исцѣленія тѣла возстановилъ гармонію и здравіе души несчастнаго страдальца, сказавъ ему: прощаются тебѣ грѣхи твои.

И если чувство благоговѣнія охватываетъ насъ при всякомъ проявленіи творческой силы въ мірѣ матеріальномъ, то какое же благоговѣніе должно быть у насъ при проявленіи Божественной творческой силы въ области духа человѣческаго?! Лѣкарство, однако, помогаетъ больному, но не мертвому: чудо милосердія дается грѣшному, но не духовно умершему. И таковымъ былъ расслабленный: онъ былъ недвижимымъ тѣломъ, но не духомъ.

Есть много слабыхъ духомъ, и мы часто бываемъ такими расслабленными. О, если бы мы не впади въ смерть духовную! О, если бы мы не пришли въ такое состояніе, изъ котораго уже нѣтъ возврата къ жизни!.. Кто эти слабые духомъ? Они прежде всего изображены въ томъ же евангельскомъ разсказѣ объ исцѣленіи расслабленнаго. Это книжники и фарисеи, окружившіе Христа и бывшіе свидѣтелями чуда. Они не преклонились предъ Чудотворцемъ, они не умилились, какъ умилился народъ при видѣ возсозданія духа и тѣла расслабленнаго. Они вмѣсто этого предались въ мысляхъ осужденію Іисуса Христа и обвиненію Его въ богохульствѣ. Вотъ вѣчный образецъ пустыхъ отрицателей, пустыхъ говоруновъ, пустого критиканства, которое всегда не творитъ жизнь, а опустошаетъ ее! Вотъ предупрежденіе противъ этой слабости духа, которую нашъ вѣкъ, наше поколѣніе считаетъ особою крѣпостью ума и признакомъ высшаго духовнаго развитія! Все осудить, все отвергнуть, все отрицать, ко всему отнестись недовѣрчиво, ничего не уважать, ни предъ чѣмъ не преклониться: развѣ не этою смрадною духовною пищей живетъ большинство нашей интеллигенціи? Развѣ не въ этомъ полагается признакъ ума и свое-

образнаго таланта? О, повѣрьте, братіе, голосу исторіи, который такъ подтверждается нашимъ печальнымъ временемъ, точнѣе—безвременьемъ жизни, и который гласитъ и учитъ, что времена отрицательныхъ вѣяній, господства невѣрія и критиканства, болѣзненной страсти осужденія и отрицанія никогда не бывали творческими, никогда не давали жизни, никогда не дѣлали людей счастливыми, а наротивъ, опустошали и разрушали жизнь. За послѣднее полустолѣтіе русское общество пережило два такъ-называемыя освободительныя движенія, со всѣми крайностями отрицанія, ненависти, борьбы за мнимую свободу, а главное—невѣрія. И что же дали намъ эти времена? Гдѣ сильные люди, гдѣ таланты, гдѣ властители думъ? Ни въ литературѣ, ни въ искусствѣ, ни въ управленіи, ни въ одной области ихъ нѣтъ... Все мелко, все непримѣтно, все сѣро, буднично и тоскливо! Все опустошило отрицаніе! Все умерщвляетъ слабость духовная, и нужнымъ оказалось, въ цѣляхъ Промысла Божественнаго, такое испытаніе, такое потрясеніе жизни, какъ переживаемая война, которая, несомнѣнно, подниметъ духъ у многихъ, очиститъ отъ налипшей грязи общественную жизнь, вновь какъ бы воскреситъ времена геройства и героевъ, закалитъ и укрѣпитъ многія слабыя души и сердца...

И вмѣстѣ съ тѣмъ война какъ бы выявитъ всѣхъ слабыхъ духомъ и вынесетъ ихъ на судъ. Помнится, десять лѣтъ назадъ, во время русско-японской войны, одинъ изувѣченный офицеръ, возвратившись на родину, присмотрѣвшись къ жизни внутри Россіи, сдѣлалъ въ печати горькое признаніе: я, говоритъ очь, дома вторично раненъ въ душу, въ сердце, и эта рана тяжелѣе и мучительнѣе моего физическаго увѣчья, полученнаго на войнѣ. Что же случилось? Въ арміи было тогда бодрое настроеніе, твердая рѣшимость вести борьбу съ врагомъ до конца—и ее тогда довели бы до конца,—а внутри Россіи царила растерянность, всѣ кричали о тяжести и бесполезности дальнѣйшей войны, печатать требовала „мира во что бы то ни стало“.. Какая-то мать

горько жаловалась въ газетѣ на то, что у нея взяли сына на войну, а печатать вмѣсто того, чтобъ указывать на высокое сознание долга, стояла на сторонѣ унывающей женщины и одобряла ея унылыя жалобы, внушая и всѣмъ матерямъ, что и имъ нужно искать и желать того же самаго.

А теперь кому нужна твердость духа, и гдѣ наносятъ неисчислимый вредъ слабые духомъ? Конечно, крѣпость духа нужна нашимъ дорогимъ братьямъ-воинамъ, подвизающимся на брани. Но они вѣдь—часть великаго народнаго тѣла. Если туловище омертвѣло и голова омрачена, могутъ ли дѣйствовать руки и ноги? И до нихъ дойдетъ скоро холодъ смерти, и они перестанутъ двигаться и дѣйствовать. Поэтому и всему народу нужно быть твердымъ и крѣпкимъ по духу, и какъ здоровый организмъ успѣшно выталкиваетъ изъ себя всякую заносу, какъ постороннее тѣло успѣшно борется съ мѣстною раной, царапиной, нагноеніемъ, такъ и здоровый и крѣпкій духомъ организмъ народный долженъ выталкивать изъ себя всякую слабость духовную, всякое уныніе,—это нагноеніе на здоровомъ тѣлѣ.

Что же видимъ?

Армія наша, несомнѣнно, крѣпка духомъ. Съ ней царитъ бодрое настроеніе, въ ней живетъ увѣренность въ грядущей побѣдѣ, она бодро переноситъ временныя неудачи и, не падая духомъ, напротивъ, возрастая въ рѣшимости и силѣ, по мѣрѣ препятствій, создаваемыхъ врагомъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы задержать врага, а потомъ, при благоприятныхъ условіяхъ, перейти къ рѣшительному наступленію. А внутри Россіи? Слава Богу, крѣпокъ нашъ народъ и нѣтъ слабости духа общей, но есть отдѣльныя лица, отдѣльныя небольшія группы такихъ лицъ, которыя именно достойны названія слабыхъ духомъ. Это именно занозы въ духовномъ организмѣ народномъ...

Слабые духомъ создаютъ въ своемъ воображеніи страхи и ужасы, распускаютъ слухи о несуществующихъ опасностяхъ и несчастіяхъ арміи. Они дѣлаютъ это съ какою-то

непонятною охотой, даже съ любовью, они не вѣрятъ никакимъ успокоительнымъ извѣстіямъ, они готовятъ себя и другихъ только къ однимъ несчастіямъ. Поистинѣ случаются надъ ними слова псалмопѣвца: бѣгаетъ нечестивый, ни единому же гонящу; тамо убоясаяся страха, идѣже не бѣ страхъ...

Слабые духомъ преувеличиваютъ силы врагѣ, невзирая на очевидные признаки его теперешняго истощенія, готовы видѣть у врага только одно хорошее; нѣтъ среди враговъ, во ихъ мнѣнію,—нѣтъ ни больныхъ, ни раненыхъ, ни потерь, ни замѣшательства и разстройства жизни, тамъ только порядокъ и во всемъ довольство. И вспоминаются изображенные въ Библии согладатаи, которыхъ послалъ Моисей осмотрѣть обѣтованную для Израиля землю Ханаанскую. Десять ихъ было, и только двое, возвратившись, говорили, что Богъ дастъ Израилю то, что обѣщаль, что землю Ханаанскую Израиль теперь можетъ принять въ обладаніе. То были Иисусъ Навинъ и Халевъ. А всемъ было слабыхъ духомъ: они увѣряли, что земля неприступна, крѣпости враговъ страшны, войны непобѣдимы; имъ показались тамъ необычайные великаны, и они навели на народъ такой страхъ и уныніе своими разказами, что народъ бросился назадъ... Сорокъ лѣтъ долженъ былъ странствовать въ пустынѣ, пока умерли всѣ эти слабые духомъ, пока не выросло молодое крѣпкое поколѣніе, воспитанное въ суровой школѣ пустыни, лишеній и труда, умерли и всѣ согладатаи, кромѣ Иисуса Навина и Халева. И тогда только Господь отдалъ землю обѣтованную Израилю.

Но вѣдь и русскій народъ—народъ избранный для храненія истины и для великихъ міровыхъ дѣяній, и намъ суждена побѣда, и мы, подобно Иисусу Навину и Халеву, должны быть твердыми духомъ и вѣрить въ Божіе изволеніе о великомъ будущемъ нашего народа.

Слабые духомъ бранятъ союзниковъ нашихъ и, не зная ничего хорошо, готовы преподавать союзнымъ вождамъ и

арміямъ бесполезные совѣты, какъ имъ надо воевать, куда направлять войска и какъ побѣждать врага.

Слабые духомъ охотно выдумываютъ и выслушиваютъ различные нелѣпые рассказы и обвиненія, направленные то противъ генераловъ, то противъ высокопоставленныхъ лицъ и правителей, вездѣ готовы видѣть то неумѣнье, то лѣнь, то нераспорядительность, то продажность, то предательство; они сочиняютъ небылицы то о пораненіяхъ [Верховнаго Главнокомандующаго, то о покушеніяхъ на его жизнь, то о какихъ-то нестроеніяхъ среди генераловъ. Потомъ, когда, сочинивъ подобныя нелѣпости, они слышатъ то же отъ другихъ, они еще болѣе пугаются и приходятъ къ мысли, что все правда, ибо другіе подтверждаютъ тѣ же вѣсти: они забываютъ, что ими же пущенная выдумка къ нимъ и возвращается.

Слабые духомъ не вѣрятъ въ окончательную побѣду надъ врагомъ, и нужно имъ только дать небольшое послабленіе, высказать мимолетное сочувствіе, чтобъ они объединились и стали создавать то же настроеніе, какое, къ стыду нашему и несчастью, стало нѣкогда господствующимъ во время миновавшей русско-японской войны.

Будемъ же тверды и крѣпки духомъ, и не дадимъ унылымъ и слабымъ духомъ господствовать въ жизни! Долой всякое отрицаніе, пустое критиканство, всякую слабость духа! Пусть будетъ созиданіе и творчество жизни, а не разрушеніе и смерть. Пусть господствуетъ бодрая вѣра, а не мертвящее уныніе. Если человѣку внушить, что направо и налево отъ него разверзлись пропасти, то онъ не сдвинется съ мѣста, задрожать его ноги и перестанутъ ему повиноваться. Такъ и народъ, если внушить ему представленіе опасностей и ожиданіе несчастій, будучи сильнымъ и здоровымъ, вдругъ почувствуетъ себя разслабленнымъ.

Источникъ вѣры и бодрости есть вѣра религіозная, молитва и надежда. Исцѣленіе разслабленныхъ—у ногъ Христовыхъ, въ Его святой Церкви. Будемъ и пребудемъ въ

сей смиренной нашей вѣрѣ. Крѣпость моя и пѣніе мое Господь и бысть мнѣ во спасеніе; Господь крѣпость людямъ Своимъ дасть, Господь благословить люди Своя миромъ! Аминь. (Воскр. Благов.).

По Евангельскому закону.

(Продолженіе) ¹⁾.

VI

Было еще достаточно свѣтло, когда матушка вѣхала въ лѣсъ. Стройно возвышались по обѣимъ сторонамъ дороги сосны и ели, осыпанныя съ верху до низу снѣгомъ. А тамъ, среди нихъ, залегъ таинственный сумракъ дремучаго, вѣкового лѣса. Вотъ, казалось, оттуда выйдетъ кто-то страшный, грозный и закричитъ такъ громко, что снѣгъ посыплется съ верхушекъ деревьевъ.

Лошади, накормленные вдоволь овсомъ, бѣжали дружно. Сани поскрипывали по снѣгу и мягко скользили въ раскатахъ. Одинъ за другимъ шли зигзаги. Ямщикъ ласково покрякивалъ на лошадей, и какъ-то глухо отдавался въ лѣсу ударъ кнута.

— Эй, милые! Эй, поддайте! Вотъ проѣдемъ лѣсокъ, а тамока дорога, какъ по полу...

Лошади, точно понимая голосъ хозяина, быстро бѣжали безъ особыхъ понуканій. Съ каждой минутой сумракъ все болѣе и болѣе сгущался. А потъ тамъ вдали что-то прошумѣло, загудѣло... Ближе и ближе.. Вершины сосенъ закачались... Съ нихъ посыпался снѣгъ.

— Никакъ вѣтеръ поднимается... Это плохо. Какъ-бы не замело дорогу то!.. Пожалуй, не худо бы было намъ и переночевать...

Матушка въ глубинѣ своей души согласилась было съ ямщикомъ, но не возвращаться же обратно! Проѣхали уже

¹⁾ См. № 38.

болѣе пяти верстѣ. Еще версты четыре и лѣсу конецъ, а тамъ почти все ровное мѣсто, лишь изрѣдка прерываемое оврагами и небольшими холмиками. Гуль вверху шелъ все сильнѣе и сильнѣе. И вдругъ въ кавія нибудь пятнадцать минутъ сдѣлалось совершенно темно. Небо затянуло темно свинцовыми облаками.

Въ сердце матушки заползла тревога.

— Скоро-ли выѣдемъ изъ лѣса?

— Версты три еще будетъ.

— Подгони-ка хорошенько лошадей. Надо спѣшить. Кажется, поднимается мятель.

— Кажись такъ. Эй, милые, дружны! Прибавьте шагъ!.. Кнутъ щелкнулъ и загулялъ по лошадинымъ спинамъ. Но въ одномъ мѣстѣ случилось несчастье. Сани раскатились и опрокинулись. Матушка кубаремъ вылетѣла прямо въ снѣгъ.

— Семень, помогай! Ой, не могу встать!—завопила она Ямщикъ выругался.

— Эка притча!.. Пришла бѣда—отворяй ворота. Онъ кинулся къ матушкѣ и помогъ ей подняться на ноги.

— Не ушиблась ли?

— Плечо ушибла.

— Вотъ оказія... И ухабъ небольшой, а вывалились.

Ямщикъ, охая, собралъ всѣ вещи, выброшенныя изъ саней, и снова усадилъ матушку.

— А утку положилъ?—вдругъ спросила она.

Семень хлопнулъ руками.

— И позабылъ. Фу ты, оказія...

— Надо поискать. Ищи. Не бросать же волкамъ такую жирную, прекрасную утку. Подаркомъ надо дорожить.

Ямщикъ снова поѣзъ въ снѣгъ. Долго онъ шарилъ руками и, наконецъ, радостно объявилъ:

— Нашелъ.

— Ну, и отлично. Положи ее къ ногамъ.

Когда утка была водворена на мѣсто, сани тронулись далѣе. Благодаря этому печальному инциденту, пропало еще минутъ пятнадцать.

— Шибко болить плечо-то?—освѣдомился ямщикъ, стегая лошадей.

— Ну, что же дѣлать? Вотъ приѣду домой, разотру спиртомъ. Авось, пройдетъ.

— И скипидаръ поможетъ,—увѣреннымъ тономъ заявилъ Семень, гордый своими медицинскими познаніями. Онъ распространился было относительно цѣлебныхъ свойствъ скипидара, но матушка почти не слушала его. Волненіе ея возрастало по мѣрѣ того, какъ усиливался гулъ вверху лѣса. Правда, сюда на дорогу вѣтеръ мало заходилъ, но за то на вершинахъ деревьевъ была ему полная воля.

— Какъ мы степью то пройдемъ? Кажись, пурга будетъ большая,—проговорилъ ямщикъ, точно угадывая мрачныя мысли матушки. Теперь матушка готова была уже бранить себя, что не послушалась гостепріимной хозяйки и не осталась ночевать. Сидѣла бы сейчасъ въ теплѣ, въ свѣту, въ кругу хорошихъ друзей и ни о чемъ-бы не думала. А здѣсь кругомъ такъ страшно: тьма, свистъ вѣтра, шумъ лѣса, способный навести жуть и на храбраго человѣка.

— Какая я дура!.. На слѣдующій разъ буду осторожнѣе. А впрочемъ, можно ли было думать, что сразу поднимется вѣтеръ? А тутъ еще этотъ несносный раскатъ. Плечо такъ и ноетъ...'

Матушка ежилась отъ холода и закутывалась крѣпче въ шаль. Вдругъ мысль ея заработала въ другомъ направленіи.

— „А волки? Вѣдь они водятся въ этихъ лѣсахъ!“

Ей страшно было молчанія и она спросила: ♪

— Семень, я слышала, что видѣли волковъ. Правда ли?

— Сказываютъ, что видали. Боишься?

— Я думаю, что не особенно интересно попасть волкамъ въ зубы.

— Это вѣрно. Сохрани Богъ!.. Видали ихъ отсюда версть за тридцать. Много коровъ загрызли. Сказываютъ, снарядили охотниковъ за волками.

— И много убили?

— Доподлинно не знаю. Трудно ихъ бить то. Ноги бойкія— живо убѣжить. Да и не перебьешь всѣхъ. Ихъ, можетъ, тысячи бродятъ.

— Эхъ, и угораздило же меня выѣхать!—почти простонала матушка.

— А ты не бойся. У меня топоръ есть. Скоро не сдадимся.

— Что ты подѣлаешь съ топоромъ, если нападаетъ цѣлая стая?

-- И то правда. По клочкамъ разорвуть,—согласился Семень. Онъ заторопилъ лошадей. Вотъ матушкѣ даже почувдился вдали волчій вой. Она вся похолодѣла.

— Семень, не волки ли воютъ?

Тотъ прислушался.

— Вѣтеръ, кажись. А вотъ скоро и лѣсу конецъ. Тамъ будетъ куды покойнѣе. Этотъ звѣрь все больше лѣсу держится.

Наконецъ, лѣсъ разступился, и дорога пошла ровнымъ мѣстомъ. Но не радостенъ былъ выѣздъ ихъ въ равнину. Цѣлымъ облакомъ снѣга обдалъ ихъ буйный вѣтеръ. Не сдерживаемый ничѣмъ, точно сорвавшійся съ цѣпи, онъ поднималъ снѣгъ, крутилъ его, вертѣлъ и бросалъ на дорогу. Матушку пронизывало до костей, несмотря на ея теплую одежду. Бѣдный ямщикъ жалко съежился на облучкѣ и еще выше поднялъ свой воротникъ.

— Экая непогодка! Какъ бы не перемело дорогу то. Спаси Богъ... Вишь, что дѣлается.

Онъ понукалъ лошадей, но онѣ шли теперь гораздо медленнѣе. Дорога начала скрываться подъ снѣгомъ. А снѣгъ продолжалъ тучами мчаться со стороны съ бѣшеной скоростью. Иногда на нѣсколько секундъ вѣтеръ, казалось, и стихалъ. Но это былъ лишь обманъ. Потомъ онъ съ новой силой гвалъ снѣгъ и старался наверстать потерянное время.

Лошади шли съ трудомъ, иногда какъ бы на ощупь, точно и сами теряя направленіе.

— Экая оказія... Вотъ разгулялась непогодка,—ворчалъ ямщикъ.

Матушка сидѣла мрачная, подавленная. Черныя мысли одна другой ужаснѣе лѣзли ей въ голову. То ей казалось, что она слышитъ вой волковъ, то представлялось, что лошади теряютъ дорогу и ихъ замететъ снѣгомъ. А потомъ... смерть.

— О, Господи, спаси!—взмолилась она, вся дрожа отъ холода. Тамъ, въ лѣсу, вѣтеръ былъ безсиленъ, а здѣсь онъ проникалъ, казалось, до послѣдней жилки и заставлялъ мучительно страдать. Защиты отъ него не было. Черезъ маленькія щели и скважины саней онъ пробирался какими то невѣдомыми путями до самаго тѣла матушки.

— Скоро ли доѣдемъ?—вскричала она.

Голосъ ея подхватилъ яростный порывъ вѣтра и отбросилъ въ сторону. Ямщикъ услышалъ одинъ только крикъ.

— Чего?—обернулся онъ къ ней, нагибаясь всѣмъ корпусомъ.

— Скоро ли село?

— Охъ, не такъ то скоро.

— Верстъ пять осталось?

— Больше, пожалуй. Мы не доѣхали и до Демьянова лога. А отъ него считаютъ не меньше пяти верстъ.

— Вотъ несчастье!..

— Но-о, милыя! Выносите!..—задергалъ Семенъ возжами. Лошадямъ становилось идти все труднѣе и труднѣе. Во многихъ мѣстахъ путь перемѣло, ноги лошадей оступались; приходилось бороться и съ вѣтромъ. Иногда сильнымъ порывомъ вѣтра лошадей отбрасывало даже въ сторону. Ямщику стоило тогда невѣроятныхъ усилій снова поставить ихъ на дорогу.

А вѣтеръ не только не стихалъ, но съ каждой минутой дѣлался все сильнѣе и сильнѣе. Теперь онъ несъ уже непрерывно цѣлыя тучи снѣга, точно желая смести его съ равнины и перебросить за горизонтъ. Положеніе становилось критическимъ. Лошади нѣсколько разъ останавливались. Вотъ передняя лошадь оступилась и бухнула въ снѣгъ.

— Лишь бы дорогу не потерять, — въ страхѣ твердила матушка крестясь.

Ямщикъ соскочилъ съ облучка и пошелъ искать дорогу.

— Нашелъ ли?

— Никакъ не найду.

— О, Господи...

Ямщикъ по колѣна завязъ въ снѣгу и наконецъ радостно вскричалъ:

— Кажись, нашелъ! Вотъ она.

— Ну, слава Богу.

Кое-какъ, утопая въ снѣгу, онъ вывелъ лошадей на дорогу, и сани двинулись далѣе. Но уже черезъ пять минутъ лошади провалились снова, и долго пришлось возиться ямщику, прежде чѣмъ онъ поставилъ ихъ на дорогу.

— Пропадемъ мы, Семень! — вырвался у матушки отчаянный вопль.

Ямщикъ былъ и самъ напуганъ не менѣе матушки.

— Охъ, молиться надо... Знать, прогнѣвали Создателя. Помоги Богъ добраться до дому: не одинъ молебень надо будетъ отслужить.

Въ степи было совершенно темно. Яростно свистѣлъ и злился вѣтеръ. Въ сердце матушки закрался ужасъ передъ гибелью.

— О, неужели наступаетъ мой конецъ? Ахъ, этого не можетъ быть. Господи, спаси!.. Избавь отъ смерти!..

До дому было не менѣе пяти верстъ, а между тѣмъ приходилось подвигаться убійственно тихо, да и то съ частыми остановками. Матушка чувствовала, что она скоро со всѣмъ замерзнетъ. Пробовала было выйти изъ саней и пройти по дорогѣ, но тотчасъ же оставила свое намѣреніе. Сани все-таки защищали отъ вѣтра, а на открытомъ мѣстѣ матушка почувствовала, какъ ледяной вѣтеръ насквозь пронизалъ ея тѣло, точно тысячами стрѣлъ. Она поспѣшила сѣсть обратно, стуча зубами.

— Вотъ, видно, когда смерть моя подошла,—подумала она, трепеща отъ ужаса.

Въ одномъ мѣстѣ лошади опять бухнули въ снѣгъ. Ямщикъ пробоваль снова отыскать дорогу, но всѣ его усилія были напрасны. Дороги не находилось. Предъ ними была снѣжная гора, переѣхать которую, или объѣхать, не было никакой возможности. Ямщикъ сразу поняль безвыходность положенія.

— Бѣда!—Молніей пронеслось у него.

Онъ не рѣшился сразу объявить о своемъ открытіи.

— Что—опять замело дорогу?

— Замело, матушка.

— Найдешь ли?

— Надо искать.

Ямщикъ долго бродиль около саней, но наконецъ съ отчаяніемъ въ голосѣ заявилъ.

— Нѣту дороги, матушка! Все замело...

— Замело?!

Матушка внѣ себя приподнялась въ саняхъ.

— А ты еще поищи.

— Искаль, да нѣту.

— Что же теперь дѣлать?

— И самъ не знаю.

Лошади безпомощно стояли, понуриль головы. Вѣтеръ раздуваль ихъ гривы и хвосты.

— Но что же дѣлать?—опять вскричала матушка.

— Хоть ложись да помирай,—съ отчаяніемъ проговориль ямщикъ.

Матушка вылѣзла изъ саней, но на первомъ же шагѣ остушилась и провалилась въ снѣгъ.

— Куды ты, матушка! Тутъ вѣрная гибель.

Не ходи!..

— Я пойду пѣшкомъ,—не помня себя вскричала она.

— А куды пойдешь? На первой же сажени завянешь и замерзнешь. Нѣтъ, сиди лучше въ саняхъ.

Онъ охаль, крестился и молился, какъ могъ. Сорокалѣтній мужикъ готовъ былъ рыдать при мысли найти здѣсь, среди снѣжной равнины, вѣчный покой. Про матушку нечего было и говорить: она походила на помѣшанную.

— А я вотъ что придумалъ.

— Ну?

— Ъхать, все равно, нельзя, некуда. Дороги нѣту. Прямая гибель. А ты сиди въ саняхъ, да укройся хорошенько, а я отпрягу одну лошадь. Богъ милостивъ, какъ-нибудь доберусь до села, а тамъ созову народъ, и всѣ мы съ лопатами отправимся тебя искать.

— Но я замерзну здѣсь безъ тебя!

— Сама суди, какъ лучше. А только ѣхать некуда.

— Я поѣду съ тобой верхомъ.

— Усидишь ли? Вѣдь и сѣдла нѣту.

— Попробую.

— Не доѣхать тебѣ. И мнѣ трудно. Тебя вѣтеръ свалить.

Но матушка и мысли не допускала остаться здѣсь одной среди ночи, среди пурги.

— Нѣтъ, поѣду!..

Кое-какъ она сѣла, съ помощью Семена, на лошадь, но почти тотчасъ же свалилась. Пробовала было еще сѣсть, но лошадь оступилась, и матушка грузно полетѣла въ снѣгъ. Она поняла, что хочетъ лишь схватиться за соломинку.

— Смерть моя, смерть пришла,— застонала она.

— Не уѣхать тебѣ, матушка. Не привычна ты къ этому. Садись лучше въ сани и молись Царицѣ Небесной. Больше дѣлать нечего.

Матушка обезсиленная добралась до саней. Ямщикъ тщательно укуталъ ее со всѣхъ сторонъ.

— Поѣзжай, Семень. Будь, что будетъ. Если умру—помо-литесь. И простите меня Христа ради за все.

У нея зубъ не попадалъ на зубъ.

— Богъ, простить, матушка. А ты много то не горюй. Село не далеко. Авось доберусь. И мы тебя живо откопаемъ.

Ямщикъ привязалъ одну лошадь къ задку саней, а самъ вскочилъ на другую, перекрестился и смѣло двинулся впередъ. А матушка, едва помня себя отъ ужаса и отчаянія, осталась одна среди равнины, съ глазу на глазъ съ яростнымъ вѣтромъ, его воемъ, стономъ и плачемъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Потовъ-Пермскій.

ЗАМѢТКИ.

а) Пастыри-герои.

Командующій N дивизіи ген.-майоръ С... прислалъ го. протопресвитеру военнаго и морского духовенства такую краснорѣчивую телеграмму:

„17 сего мая, когда священникъ Г... полка о. Іоаннъ Лещинскій созершалъ молебствіе, по просьбѣ нижнихъ чиновъ, на паперти церкви с. Малнувъ о дарованіи Государю Императору побѣды, во время возглашенія многолѣтія непріятельская шрапнель ударила въ уголь церкви въ пяти шагахъ отъ о. Лещинскаго, который со словами: „О, не бойтесь!“ провозгласилъ многолѣтіе и докончилъ богослуженіе, о чемъ, какъ находившійся около о. Лещинскаго среди молящихся, долгомъ считаю засвидѣтельствовать“.

Въ „Крымскомъ Вѣстникѣ“ помѣщенъ рассказъ офицеровъ объ удивительной неустрашимости полкового священника.

„Нашъ священникъ, — говорятъ поручикъ, — просто образецъ непостижимаго хладнокровія и неустрашимости. Положимъ, ему не привыкать стать. Былъ съ другимъ полкомъ въ Японской кампаніи, видалъ тамъ видовъ всякихъ и не даромъ носитъ свой паперсный крестъ на георгіевской лентѣ. Сразу — такъ прямо-таки и страхъ за него, и въ восторгъ неописуемый привелъ. Его бы мѣсто, — пока борьба въ разгарѣ, — въ обозѣ второй очереди, а онъ подъ самыми выстрѣлами прогуливается, какъ ни въ чемъ ни бывало. Тяжело

раненаго причастить, надъ умирающимъ прочтеть отходную. Солдаты—тѣ прямо въ ражъ пришли.

— Уходите, батюшка! Вѣдь не ровень часъ—задѣнетъ.

А онъ имъ съ чисто малороссійскою невозмутимостью:

— Не маю права, бо я нейтральный и при исполненіи священнослужительскихъ обязанностей.

— Да вѣдь шальная какая-нибудь хватить можетъ,—урезонируютъ офицеры.

— Шальная не имѣтъ права безъ Господней на то воли. А ежели Его воля...

И ходить себѣ преспокойно, точно на церковной площади.

— Я слышалъ про него,—сказалъ подполковникъ С.,—что онъ однажды прогулевался чуть ли не подъ самой линіей австрійскихъ окоповъ. Только кричалъ имъ все время:

— Не смій въ мене стрілять! Не смій стрѣлять, бачышь, —я съ крестомъ.

И дѣйствительно, ни одно австрійское ружье не выстрѣлило. Удивительный священникъ "... (Совр. лѣт.).

в) Привычка табакокурения, какъ показатель дурного настроенія въ пастырѣ.

(Изъ чтеній Епископа Андрея на пастырскомъ съѣздѣ 1915 г. въ г. Уфѣ).

Для всякаго, кто курить табакъ, необходима борьба съ этой дурной привычкой. Для пастыря же курящаго въ особенности необходима такая борьба, какъ требованіе его пастырской совѣсти и показатель добраго настроенія. Если пастырь желаетъ научить другихъ борьбѣ со страстями, а это его долгъ, то ему необходимо самому пережить эту борьбу, хотя бы съ самой малой страстью. Отъ такой борьбы получается опытъ, и только пастырь, на опытѣ своемъ узнавшій значеніе этой борьбы, будетъ въ состояніи дать искреннее назиданіе своей паствѣ.

Пастырь же, подверженный глупой и нечистоплотной привычкѣ куренія, и не прилагающій усилія оставить этой привычки, тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ не только не хочетъ бороться, но открыто и сознательно предъ другими разрѣшаетъ себѣ грѣхъ. Проповѣдь такого пастыря всегда мало-сильна и бесплодна; я уже не говорю, что такой пастырь не мыслимъ среди слушателей раскольниковъ: послѣдніе съ негодованіемъ будутъ смотрѣть на такого проповѣдника. Такъ сознательное разрѣшеніе себѣ грѣха лишаетъ пастыря его духовнаго вліянія на паству и служитъ препятствіемъ къ духовному единенію между пастыремъ и тѣми пасомыми, которые искренно хотѣли бы врачеваться отъ своего пастыря. На исповѣдь къ такому пастырю избѣгаютъ итти, если только представляется возможность провѣрить себя и свою совѣсть у такого пастыря, который имѣлъ хотя-бы маленькій опытъ въ своей духовной жизни, т. е., хотя-бы немного провѣрялъ себя и боролся съ собою.

Въ распоряженіи пастыря вообще мало свободнаго времени для молитвы и для провѣрки своего внутренняго настроенія, поэтому пастырю необходимо пользоваться тѣмъ временемъ, которое ему приходится проводить въ дорогѣ, при поѣздкахъ въ различные уголки своего прихода для исполненія требъ или въ его школы. Тѣмъ болѣе, что исполненіе самыхъ требъ есть краткая молитва, послѣ которой предстоитъ опять дорога, во много разъ больше отнимающая времени, чѣмъ самая молитва, т. е. совершеніе требы. Такая-то дорога и должна быть проводима пастыремъ въ молитвѣ, въ молитвенномъ самоуглубленіи, въ провѣркѣ своего нравственнаго состоянія. И вдругъ, вмѣсто этого, у пастыря является желаніе удовлетворить скверной привычкѣ курить, т. е., одурманивать себя табакомъ. Въ этомъ для пастыря великая бѣда, большое горе, даже несчастье.—Свободное дорожное время проведено уже не только безъ пользы, но съ большимъ вредомъ, въ одурманиваніи себя. Такое явленіе

всегда свидѣтельствуетъ о дурномъ настроеніи пастыря, его проповѣдь всегда для паствы остается пустымъ звукомъ, въ глазахъ паствы такой пастырь будетъ только лицомъромъ.

(Уфим. Е. Вѣд.).

За послушаніе записаль свящ. *Аркадій Волокитинъ*

Запрещеніе базарной торговли въ воскресные и праздничные дни.

Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ разосланъ циркуляръ губернаторамъ, начальникамъ областей и градоначальникамъ слѣдующаго содержания:

„Святѣйшій Правительствующій Синодъ по обсужденіи возбужденнаго однимъ изъ преосвященныхъ епископовъ вопроса о мѣрахъ борьбы противъ нарушенія святости воскресныхъ и праздничныхъ дней, между прочимъ, вслѣдствіе устройства въ эти дни базаровъ и свободной продажи спиртныхъ напитковъ, въ сознаніи лежащаго въ немъ долга пещясь объ охраненіи религіозности и доброй нравственности въ православной цаствѣ, 19 мая—6 іюня 1914 года, за № 4473 опредѣлилъ: предписать епархіальнымъ начальствамъ сдѣлать распоряженіе по подвѣдомственному духовенству, чтобы послѣднее, утверждая народъ въ уваженіи къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, какъ днямъ молитвы, всемѣрно располагало своихъ прихожанъ къ составленію приговоровъ и возбужденію ходатайствъ о запрещеніи базаровъ и прекращеніи виноторговли въ означенные дни.

Имѣя въ виду, что въ отношеніи прекращенія виноторговли установлены нынѣ правительствомъ общія запретительныя мѣры, управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ князь В. Н. Щербатовъ нашель, что благія пожеланія православнаго населенія о запрещеніи базарной торговли въ воскресные и праздничные дни, выражаемые въ соотвѣтствующихъ ходатайствахъ, не должны встрѣчать препятствія къ ихъ осуществленію“ (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ, 1-го сентября 1915 года

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акд. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерин. 6.

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 40

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 27-го сентября.

Содержаніе: I. Пастырская дѣятельность въ народѣ, необходимая въ на-
стоящій моментъ. Семень Марченко.—II. Проповѣдываніе Слова
Божія живымъ словомъ. Свящ. I. Алабовскій.—III. Изъ повремен-
ной печати. Н. Г.—IV. По Евангельскому пути (продолженіе). И.
Ноповъ-Пермскій.—V. Бесѣды по пчеловодству (продолженіе). Ді-
аконъ Г. Лисянскій.—VI. Забѣтка. Вознагражденіе законоучителей
и земства.

Пастырская дѣятельность въ народѣ, необходи- мая въ настоящій моментъ.

Сейчасъ въ Европѣ совершается грозное міровое собы-
тіе. Кроважандый кайзеръ Германіи, вмѣстѣ съ своимъ вар-
варскимъ народомъ, задумалъ побѣдить, если не весь міръ,
то по крайней мѣрѣ всю Европу. Безъ видимой причины
объявивъ намъ войну, онъ, помимо военного искусства и во-
оруженія, допустимаго закономъ на войнѣ, прибѣгнулъ къ раз-
наго рода незаконнымъ средствамъ, пугая робкихъ и мало-
душныхъ людей своею мощью и отчаяннымъ упорнымъ стрем-
леніемъ къ намѣченной цѣли. Хотя ему это упорное стрем-

леніе и стоитъ великихъ жертвъ и громадныхъ потерь, но всеже многолѣтняя его подготовка къ войнѣ дала ему кратковременный, какъ говорятъ, успѣхъ.

Всякій успѣхъ кайзера и его полчищъ можетъ дѣйствовать на народъ въ смыслѣ ослабленія въ бодрости и увѣренности въ конечной побѣдѣ нами нашихъ враговъ. Этому ослабленію духа въ народѣ способствуютъ, думаемъ, бесѣда нѣмецкихъ приспѣшниковъ, или и прямо нѣмцевъ, распространяющихъ въ народѣ нелѣпнѣйшіе слухи, доходящіе иногда до полного абсурда. Какіе только слухи не ходятъ теперь въ народѣ!....

Но не будемъ передавать всего того вздора, который такъ усердно распространяется въ народѣ врагами нашего отечества. Скажемъ только, что бредней всевозможныхъ масса, однѣ другихъ нелѣпѣе. Не нужно забывать и того, что нашъ народъ въ массѣ необразованъ и легко можетъ вѣрить ловко замаскированной сказкѣ, лишь-бы она хотя сколько-нибудь гармонировала съ ходомъ нынѣшнихъ событій. Нѣкоторое согласованіе нелѣпостей съ ходомъ событій можетъ дѣйствовать на народъ удручающе, который при пониженіи бодрости своего духа можетъ отвергать очевидную истину; а такое состояніе въ народѣ можетъ причинить большой вредъ и даже опасность. Чтобы прекратить эту адскую работу нашихъ враговъ, должно съ ними энергично бороться тѣми благородными средствами, кому какія дозволены закономъ. Духовенству же русской Церкви должно непременно вооружиться оружіемъ Слова Божія и доказательствами здраваго разума, убѣждая своихъ пасомыхъ не вѣрить распространяемымъ бреднямъ нашихъ враговъ, которые все это сочиняютъ, чтобы посѣять между нами раздоры и несогласія. Въ этой безчестной работѣ враги наши, видимо, стремятся вызвать страхъ передъ возможнымъ вторженіемъ полчищъ кайзера въ глубь Россіи и сопряженными съ этимъ вторженіемъ ужасами, что волей-неволей якобы заставитъ народъ просить прекращенія войны на позорныхъ для насъ услови-

яхъ. Но русское духовенство должно проводить въ народъ правильный взглядъ на текущія событія, причемъ необходимо должно знакомить его съ цѣлью настоящей войны и указывать на тѣ благопріятныя послѣдствія, какія будутъ въ Европѣ послѣ благополучнаго окончанія войны. Нужно убѣждать народъ въ этой истинѣ, что война ведется нами не въ цѣляхъ завоевательныхъ, какъ это дѣлаютъ нѣмцы, а въ цѣляхъ оборонительныхъ, что мы приняли вызовъ нѣмцевъ, защищая достоинство и честь нашей дорогой родины и защищая своихъ меньшихъ братьевъ-славянъ.

Вся наша великая Россія, отъ мала до велика, должна проникнуться сознаниемъ, что если Германія и ея союзницы нарушили долгъ чести, долгъ справедливости по отношенію къ Россіи, то ни одинъ русскій не долженъ сомнѣваться въ томъ, что войнѣ лишь тогда будетъ конецъ, когда нѣмцы съ ихъ союзниками будутъ окончательно побѣждены. Другое убѣжденіе не должно имѣть мѣста въ народѣ. Нашъ великій народъ, объединившись въ однѣхъ мысляхъ и дѣятельности для болѣе благоуспѣшнаго веденія войны, можетъ-ли сомнѣваться въ окончательной побѣдѣ надъ нѣмцами? Конечно, нѣтъ. Но необходимость вынуждаетъ сказать, что насажденіе истинно-патріотическаго духа и вытекающей изъ него дѣятельности въ народѣ должно вестись болѣе цѣлесообразно, чѣмъ было это до настоящей міровой войны. Намъ должно взять въ этомъ случаѣ примѣръ собратьевъ славянъ-чеховъ, которые, будучи стиснутыми со всѣхъ сторонъ нѣмцами и терпя отъ нихъ многовѣковое иго, сумѣли отстоять свою національность, свою народность и дорогую для нихъ культуру. Вотъ гдѣ поучиться непобѣдимому патріотизму.

Итакъ, насажденіе въ народѣ истинно-патріотическихъ началъ, проведеніе правильныхъ взглядовъ на настоящее положеніе наше въ этой міровой войнѣ, укрѣпленіе въ народѣ здороваго духа съ неизмѣнной увѣренностью въ конечной побѣдѣ нашей надъ нѣмцами, для блага всей необъятной Матери Россіи и рѣшительная борьба съ врагами нашего

отечества, распускающими нелѣпыя слухи для ослабленія бодраго духа нашего народа—вотъ необходимая работа пастыря Церкви, которую онъ долженъ осуществлять съ неослабнымъ стремленіемъ. Этотъ святой долгъ передъ родиной долженъ быть принятъ въ сердце всякимъ пастыремъ, чтобы осуществить великое дѣло пастырскаго служенія въ истинной дѣятельности, какъ того требуетъ Господь Богъ и благо нашей родины.

Семенъ Марченко.

Проповѣдываніе Слова Божія живымъ словомъ.

Вопросъ о наилучшей постановкѣ проповѣдыванія Слова Божія за богослуженіемъ постоянно поднимается въ повременной печати; это—старый, а вмѣстѣ и вѣчно новый вопросъ.

Въ настоящее время стали предъявляться наиболѣе строгія требованія къ пастырямъ Церкви въ вопросѣ о проповѣдничествѣ не только городскими прихожанами, но даже и сельскими. Даже и здѣсь, по селамъ, не вполне удовлетворяются, когда видятъ проповѣдника, читающаго проповѣдь по книжкѣ или тетрадкѣ. Часто нынѣ можно слышать по этому поводу такія сужденія, что—де по книжкѣ—то мы и сами можемъ прочесть; всѣ нынѣ грамотные.

Хотя такія разсужденія и не вполне резонны и основательны и нельзя ихъ признать правильными, однако все же съ такимъ настроеніемъ приходится считаться и на него слѣдуетъ такъ или иначе реагировать, слѣдуетъ поэтому ввести въ практику проповѣдываніе *живымъ словомъ*.

По этому вопросу мы и хотимъ предложить свои скромныя сужденія и мысли, основываясь на своей практикѣ, хотя и не особенно многолѣтней.

Прежде всего два слова о проповѣди по книжкѣ. Въ всякаго сомнѣнія, что нельзя отрицать полезности и необходимости произнесенія проповѣди по книжкѣ, такъ какъ въ сборникахъ проповѣдническихъ помѣщаются хорошія, содер-

жательныя и учительныя проповѣди, которыя, безусловно, всегда полезны простому народу. И такой способ проповѣдыванія Слова Божія, думается, будетъ практиковаться очень долго.

Но мы съ своей стороны въ данномъ дѣлѣ совѣтовали-бы придерживаться извѣстныхъ правилъ. Во-первыхъ, производить болѣе тщательную выборку проповѣдей, выбирать изъ имѣющагося въ изобиліи въ каждой церкви проповѣдническаго матеріала наиболѣе подходящее къ запросамъ богомольцевъ и отвѣчающее моменту.

Во-вторыхъ, когда проповѣдникъ предполагаетъ говорить по книжкѣ, то непременно долженъ, какъ можно лучше, вчитаться въ смыслъ и содержаніе проповѣди, чтобы во время самаго произнесенія голосомъ оттѣнять тѣ мѣста, на которыя проповѣднику хотѣлось-бы обратить вниманіе прихожанъ, дѣлая въ этомъ случаѣ легкія ударенія на словахъ и нѣсколько протягивая при произношеніи. Въ—3-хъ, непременно слѣдуетъ время отъ времени отрываться отъ книжки и произносить, если не цѣлыя фразы, то извѣстную часть, на память и обращать взоръ свой то въ одну, то въ другую сторону. Въ-4-хъ, само собою понятно, что чтеніе должно быть громкое, отчетливое, понятное, не спѣшное, съ перемѣнной интонаціей въ голосѣ. Конечно, проповѣдникъ въ печатной проповѣди по собственному усмотрѣнію можетъ дѣлать и сокращенія и добавленія. Однако, отдавая должное полезности произнесенія проповѣди по книжкѣ, нужно признать, что проповѣди живымъ словомъ производятъ большее впечатлѣніе на слушателей, послѣдніе съ большимъ вниманіемъ выслушиваютъ такого проповѣдника, хотя-бы онъ и не сказалъ чего-либо особеннаго и выдающагося, а только то, что есть въ любой печатной проповѣди.

Но къ сожалѣнію, многіе изъ священниковъ стѣсняются выступать на церковной кафедрѣ съ живымъ словомъ; они боятся, какъ-бы имъ не ступешаться во время произношенія и совсѣмъ не смѣшаться. Хотя чувство страха въ дан-

номъ случаѣ и вполнѣ понятно, но все же въ большинствѣ случаевъ страхъ этотъ преувеличенъ и напрасный, особенно, если будемъ имѣть въ виду проповѣдующаго священника предъ сельскими богомольцами.

Въ самомъ дѣлѣ, кому долженъ проповѣдывать пастырь? *Своимъ* прихожанамъ, которыхъ онъ хорошо знаетъ, съ которыми онъ постоянно встрѣчается и бесѣдуетъ. Чего же бояться?

О чемъ же долженъ говорить? Да о томъ, что ему, пастырю Церкви, хорошо знакомо, извѣстно, что онъ когда-то изучалъ, о чемъ много потомъ читалъ.

Какимъ языкомъ говорить? Да самымъ простымъ и понятнымъ, какимъ пастырь обычно бесѣдуетъ со своими пасомыми, безъ всякой вычурности и витіеватости. Вѣдь не нужно забывать, что слушателями сельскаго пастыря являются люди простые, неученые, которые не слѣдятъ за красотой слова и слога, а слѣдятъ за мыслями, ищутъ въ словахъ проповѣдника душеспасительнаго, наставительнаго и разъясняющаго ему истины вѣры и нравственности, они ищутъ теплоты и сердечности въ проповѣди, ищутъ то, что могло бы успокоить ихъ мятущееся сердце. А все это вполнѣ доступно и выполнимо каждому пастырю. Не нужно только смущаться, не нужно преувеличивать трудности проповѣдыванія *живымъ словомъ*. Нужно твердо помнить, что паства не предъявляетъ своему пастырю какихъ-либо особыхъ требованій.

Желающимъ выступать съ проповѣдію *живымъ словомъ* мы совѣтовали-бы начать съ самаго легкаго и удобоисполнимаго для того, чтобы приучить себя къ публичному выступленію безъ тетрадки, для того, чтобы укрѣпить въ себѣ спокойствіе и настроеніе духа, не смущаться и не страшиться.

Больше лежимъ способомъ для публичнаго выступленія съ живымъ словомъ мы считаемъ *произнесеніе своими сло-*

вами всякаго рода воззваній и обращеній предъ различными сборами. Обычно въ этихъ случаяхъ присылаются печатныя воззванія и проповѣди и т. п. Въ данномъ случаѣ матеріаль дается готовымъ, его не нужно самому придумывать, слѣдуетъ только проповѣднику этотъ матеріаль использовать, изложить своими словами, вотъ опытъ выступленія живымъ словомъ и будетъ сдѣланъ. Трудности тутъ быть не можетъ. Каждый изъ насъ, думается, не разъ на себѣ испыталъ, что когда тема хорошо извѣстна, или ясно представляешь себѣ то, о чемъ нужно говорить, то не такъ уже трудно придумать подходящія выраженія: они являются, какъ бы сами собой. Это, повторяемъ, мы совѣтуемъ для первоначальнаго выступленія. И когда пастырь убѣдится, что онъ легко, свободно и безъ стѣсненія, безъ малѣйшаго страха и смущенія выступаетъ предъ своими слушателями съ живымъ словомъ по указаннымъ выше поводамъ, то можетъ переходить къ произнесенію живымъ словомъ, въ собственномъ смыслѣ, проповѣдей.

На первыхъ порахъ мы рекомендовали-бы предварительно проповѣди писать въ тетрадку. Прежде всего, конечно, нужно ясно и отчетливо намѣтить самую тему, необходимо ясно представлять, о чемъ предполагается говорить; затѣмъ порядокъ мыслей, что за чѣмъ должно слѣдовать. Когда такимъ образомъ проповѣдь будетъ написана, нужно нѣсколько разъ прочесть, стараясь, какъ-бы усвоить самое содержаніе. То же самое нужно нѣсколько разъ продѣлать въ умѣ, стараясь какъ-бы воспроизвести на память написанное, придерживаясь даже точности самыхъ выраженій. Это будетъ походить на заучиваніе. Послѣ всего мысленно нужно воспроизвести только самый порядокъ мыслей, что за чѣмъ слѣдуетъ въ проповѣди, въ какой постепенности. Когда въ головѣ ясно и твердо усвоенъ порядокъ проповѣди, то въ памяти твердо будутъ держаться и самыя выраженія, хотя, можетъ быть, и не съ буквальною точностію. Но во всякомъ случаѣ затрудненія въ подборѣ выраженій во время произнесенія проповѣди не бу-

детъ. И еще разъ повторяемъ, что мы очень совѣтовали-бы на первое время желающимъ проповѣдывать живымъ словомъ предварительно писать проповѣди и почти заучивать ихъ. Несомнѣнно, когда потомъ проповѣдь будетъ произноситься безъ тетрадки, то слова и выраженія будутъ все таки мѣняться; это такъ естественно, но все же въ основѣ будутъ тѣ выраженія, которыя были записаны. *Но самое главное—нужно помнить твердо порядокъ мыслей, и тогда можно увѣренно выступать и произносить проповѣдь живымъ словомъ.*

Современемъ, когда образуется навыкъ и извѣстная привычка выступать съ живымъ словомъ, можно будетъ приучать себя говорить экспромptomъ. Но никому не совѣтуемъ выступать съ экспромptomъ, предварительно основательно не проштудировавъ все въ головѣ. И въ данномъ случаѣ необходимо сначала мысленно составить планъ проповѣди и затѣмъ намѣтить *приблизительно* самыя выраженія, но планъ нужно представлять ясно и отчетливо. Не нужно говорить проповѣдей длинныхъ.

Никогда не слѣдуетъ забывать предъ самымъ выступленіемъ съ проповѣдію мысленно просить Бога о помощи, чтобы Господь далъ спокойствіе духа и твердую память, и помощь эта будетъ. Пишущій эти строки неоднократно испыталъ это на себѣ.

Въ заключеніе всего не можемъ не подѣлиться слѣдующимъ.

Намъ пришлось какъ-то встрѣтиться со священниками изъ Галиціи, нынѣ проживающими въ Кіевѣ, разговориться съ ними по данному вопросу. Они сообщили, что въ Галиціи совершенно даже неизвѣстенъ способъ произнесенія проповѣдей по книжкѣ; тамъ принято проповѣдывать только живымъ словомъ и непременно за каждымъ богослуженіемъ послѣ Евангелія. И народъ такъ привыкъ къ этому, что если почему-либо не будетъ произнесена проповѣдь (что случается оч. рѣдко), то народъ будетъ огорченъ этимъ и назоветъ

службу какъ-бы неполной и неоконченной, такъ какъ считаетъ проповѣдь неотъемлемой принадлежностью богослуженія. Мы были даже нѣсколько удивлены, когда слышали, что обычно проповѣдь у нихъ продолжается около часа; она носитъ характеръ бесѣды, разъясняющей смыслъ Евангельскаго чтенія въ примѣненіи къ жизни прихожанъ. Проповѣди въ Галиціи пользуются особеннымъ вниманіемъ, и богомольцы любятъ слушать бесѣды священника за богослуженіемъ. Подобныя требованія предъявляются не только въ городахъ, но и въ селахъ, и здѣсь, пожалуй, даже болѣе строгія (въ смыслѣ обязательности) требованія, чѣмъ въ городахъ.

Поэтому и намъ, русскимъ пастырямъ, не слѣдуетъ отставать отъ галицкихъ и стараться проповѣдывать *живымъ словомъ*, по общераспространенному характерному выраженію, *не мудрствуя лукаво*.

Свящ. *І. Алабовскій*.

Изъ повременной печати.

Изъ писемъ князя Д. А. Хилкова.

Въ „Богосл. Вѣстникѣ“ печатаются письма князя Д. А. Хилкова, касающіяся различныхъ догматическихъ вопросовъ. Весьма знаменательно, что этотъ бывшій толстовецъ и распространитель сектантства путемъ многолѣтнихъ искреннихъ разсужденій пришелъ къ выводамъ, почти всецѣло, за исключеніемъ мелкихъ подробностей, совпадающимъ съ православнымъ богословіемъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Д. А. Х. прямо говоритъ, что онъ стремится къ тому, чтобы его разсужденія не были противны духу православнаго ученія, такъ какъ онъ не желаетъ вносить раздѣленій. Отсюда онъ признаетъ великую важность догматовъ. „Я смотрю на догматы“, пишетъ онъ, „какъ на такого рода рамки, которыя мѣшаютъ людямъ „выскакивать въ пустоту“. При этомъ я пришелъ къ убѣжденію, что эти рамки въ мірѣ духовномъ—

службу какъ-бы неполной и неоконченной, такъ какъ считаетъ проповѣдь неотъемлемой принадлежностью богослуженія. Мы были даже нѣсколько удивлены, когда слышали, что обычно проповѣдь у нихъ продолжается около часа; она носитъ характеръ бесѣды, разъясняющей смыслъ Евангельскаго чтенія въ примѣненіи къ жизни прихожанъ. Проповѣди въ Галиціи пользуются особеннымъ вниманіемъ, и богомольцы любятъ слушать бесѣды священника за богослуженіемъ. Подобныя требованія предъявляются не только въ городахъ, но и въ селахъ, и здѣсь, пожалуй, даже болѣе строгія (въ смыслѣ обязательности) требованія, чѣмъ въ городахъ.

Поэтому и намъ, русскимъ пастырямъ, не слѣдуетъ отставать отъ галицкихъ и стараться проповѣдывать *живымъ словомъ*, по общераспространенному характерному выраженію, *не мудрствуя лукаво*.

Свящ. *І. Алабовскій*.

Изъ повременной печати.

Изъ писемъ князя Д. А. Хилкова.

Въ „Богосл. Вѣстникѣ“ печатаются письма князя Д. А. Хилкова, касающіяся различныхъ догматическихъ вопросовъ. Весьма знаменательно, что этотъ бывшій толстовецъ и распространитель сектантства путемъ многолѣтнихъ искреннихъ разсужденій пришелъ къ выводамъ, почти всецѣло, за исключеніемъ мелкихъ подробностей, совпадающимъ съ православнымъ богословіемъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Д. А. Х. прямо говоритъ, что онъ стремится къ тому, чтобы его разсужденія не были противны духу православнаго ученія, такъ какъ онъ не желаетъ вносить раздѣленій. Отсюда онъ признаетъ великую важность догматовъ. „Я смотрю на догматы“, пишетъ онъ, „какъ на такого рода рамки, которыя мѣшаютъ людямъ „выскакивать въ пустоту“. При этомъ я пришелъ къ убѣжденію, что эти рамки въ мірѣ духовномъ—

современно такъ же *просторны*, какъ физическій міръ въ области тѣлесной. Говорить „серьезно“ о стѣснительности догматовъ можно только постольку, поскольку можно говорить, что *земля*, въ виду ея ограниченности, стѣсняетъ наше физическое передвиженіе. Я даже склоненъ продолжать аналогію и сказать, что, по существу дѣла, намъ такъ же невозможно переступить рамки догматовъ, какъ невозможно соскочить съ земли. И совершенно подобно тому, какъ, если мы, чувствуя стѣсненіе отъ ограниченности земли, чтобы „уйти съ нея“, должны *себя убить*, такъ точно и переступаніе рамокъ догматовъ будетъ по существу психическимъ-духовнымъ самоубійствомъ“.—При современномъ отрицаніи важности догматовъ со стороны большинства нашей интеллигенціи, такія мысли являются особенно цѣнными.

Наиболѣе Д. А. Х. останавливается на одномъ изъ важнѣйшихъ догматовъ—о Церкви, въ пониманіи котораго Православіе отличается не только отъ нехристіанскихъ религій, но и отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Неизмѣримое превосходство Православія, напр., предъ буддизмомъ заключается въ томъ, что въ послѣднемъ нѣтъ ученія о Церкви, какъ живомъ организмѣ, а есть только правила, опредѣляющія извѣстную организацію. Церковь же—не только организація, но, что важнѣе всего,—Тѣло Христово. Христосъ принесъ на землю новую, вѣчную жизнь, и обладающіе тою жизнью такъ же отличаются отъ остальныхъ людей, какъ растеніе—отъ мертваго, неограническаго вещества. Чтобы частица неорганической матеріи получила жизненные свойства, она должна быть втянута въ организмъ, причемъ прежняя форма ея существованія прекращается. Такъ и Христосъ говоритъ, что послѣдователь Его долженъ потерять прежнюю свою жизнь, чтобы стать частицей Тѣла Христово. Такой же смыслъ имѣютъ и слова ап. Павла: „живу уже не я, но живетъ во мнѣ Христосъ“. Раціоналистъ, напр., баптистъ, понимаетъ это съ томъ смысломъ, что онъ вошелъ въ связь съ Христомъ, воспринялъ съ себя Христа, (а хлысть даже такъ

что онъ самъ можетъ стать Христомъ), при чемъ получение имъ благодати отъ Христа для другого баптиста ровно никакого значенія не имѣеть. По православному же пониманію, приведенныя слова апостола означаютъ, что Христосъ воспринимаетъ, втягиваетъ въ Себя вѣрующаго (какъ растеніе втягиваетъ въ себя неорганическія тѣла) и дѣлаетъ его частицей Своего Тѣла, такъ что онъ становится участникомъ жизни всего Тѣла, а совершающійся въ немъ жизненный процессъ отражается на всемъ Тѣлѣ, равно какъ и наоборотъ. Отсюда понятно, что получить вѣчную—Христову жизнь возможно только чрезъ принадлежность къ существующему на землѣ со времени явленія въ міръ Христа Тѣлу Его, т. е., къ Православной Церкви. Различіе теперешняго устройства Церкви отъ устройства ея во времена апостоловъ не имѣеть значенія, именно потому, что въ Церкви важна не организація, а органическая жизнь. Понятна также принадлежность къ Церкви грѣшниковъ, которые являются тѣмъ же, что—болѣзненные наросты въ тѣлѣ (вѣдь и человѣческое тѣло Христа страдало и не имѣло „ни вида, ни доброты“ во время распятія). Пока наростъ чувствителенъ къ боли, онъ еще живъ, и только когда онъ теряетъ чувствительность (грѣшникъ нераскаянный), тогда онъ долженъ быть отсѣченъ отъ тѣла

Заслуживаетъ вниманія еще одно случайное выраженіе Д. А. Х. Онъ говоритъ, что человѣкъ можетъ жить „утробной духовной жизнью“, т. е., не сознавать своей духовной жизни, какъ не сознаетъ своей жизни младенецъ въ утробѣ матери, за котораго дышитъ и питается мать. Это весьма мѣткое сравненіе можетъ быть полезнымъ для отвѣта на часто высказываемое баптистами недоумѣніе, почему многіе православные, крещенные въ младенчествѣ, не сознаютъ своей возрожденности, духовности. Чрезъ крещеніе человѣкъ становится членомъ Тѣла Христова (по выраженію Д. А. Х., „втягивается“ Христомъ) и получаетъ начало духовной жизни. И если онъ даже не сознаетъ присутствія въ себѣ этой

жизни, то этимъ не доказывается дѣйствительное отсутствіе ея, какъ безсознательность младенца въ утробѣ матери не доказываетъ его безжизненности. Во всякомъ случаѣ, пребываніе человѣка въ нѣдрахъ истинной Церкви Христовой (какъ ребенка въ матерней утробѣ), если онъ только сознательно не порветъ съ ней связи, обезпечиваетъ ему обладаніе, хотя бы въ зачаточной формѣ, той вѣчной Христовой жизнью, которой нѣтъ у не принадлежащихъ къ Церкви.

Православное и западное богослуженіе.

Въ журналѣ „Христіанинъ“ помѣщается рядъ статей архим. Иларіона подѣ заглавіемъ „Письма съ Запада“, въ которыхъ мѣтко характеризуются различія между Православіемъ и западными исповѣданіями въ разныхъ областяхъ. Въ 4-мъ письмѣ (№ 6—7), напр., указывается различіе въ богослуженіи. Авторъ прежде всего рассказываетъ о своемъ посѣщеніи собора (протестантскаго) въ Лозаннѣ. Соборъ поразилъ автора своимъ однообразіемъ, сухостью, непривѣтливостью. Таковы и вообще протестантскія кирхи, которыя гораздо болѣе напоминаютъ аудиторіи или концертныя залы, чѣмъ храмы; впрочемъ, въ нихъ и дѣйствительно устраиваются концерты, иногда даже съ свѣтскими номерами.

Такъ же сухо и скучно и самое богослуженіе. Передъ началомъ его въ лозаннскомъ соборѣ прислужникъ, предварительно переговоривши по телефону съ пасторомъ, выставилъ доску съ номерами гѣхъ пѣснопѣній, которыя должны были исполнять молящіеся по своимъ книжкамъ. „Вотъ тебѣ и весь Типиконъ“,—замѣчаетъ авторъ, припоминая по этому поводу несравненное богатство пѣснопѣній и молитвъ, содержащихся въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ. Въ противоположность богатству и разнообразію православнаго богослуженія, которое является плодомъ творчества Церкви всѣхъ вѣковъ, „богослуженіе западное становится все болѣе и болѣе бѣднымъ, безличнымъ, упрощеннымъ, безцвѣтнымъ“. По-

слѣднее бѣдно и по своему содержанію, тогда какъ наше богослуженіе „прямо насыщено богословіемъ, и богословіемъ, притомъ, самымъ чистымъ и возвышеннымъ, особенно творенія св. Іоанна Дамаскина. Въ этомъ отношеніи особенно жалко и убого богослуженіе нашихъ сектантовъ; относительно сектантскихъ „Гуслей“ авторъ вполне справедливо говоритъ, что его прямо огорчаетъ ихъ „идейное убожество, скудоуміе богословское, общая бездарность“.

Самые богослужебные напѣвы западные отличаются отъ православныхъ, особенно отъ древнихъ напѣвовъ „самогласныхъ“ и „подобныхъ“. Эти послѣдніе отличаются или величественной торжественностью, или умилительностью „со сладкопѣніемъ“. Въ западномъ же богослуженіи преобладаютъ жалобные мотивы, что авторъ небезосновательно объясняетъ рабскимъ духомъ самаго западнаго богословія, въ которомъ устанавливаются наемническія отношенія (заслуги и платы) между Богомъ и человѣкомъ.

Н. Г.

По Евангельскому закону.

(Продолженіе) ¹⁾.

VI.

Вѣтеръ продолжалъ свою бѣшеную пляску. И въ этой пляскѣ потонуло и небо и земля. Это былъ какой то шабашъ вѣдьмъ, справлявшихъ свою свадьбу. Лошадь время отъ времени фыркала. И даже эти звуки казались матушкѣ какими то ободряющими. Она знала, что тамъ у нея за спиной есть живое существо, которому также суждено переносить всѣ невзгоды метели. И хотя это существо и не могло высказать своего горя, но, несомнѣнно, и ему было трудно, тяжело, холодно. Ноги матушки околѣли. Она чувствовала, что сидѣла точно въ ледяной ваннѣ. Казалось, вотъ-вотъ

---

¹⁾ См. № 39.

сердце перестанетъ биться отъ холода, и вся кровь остано-
вится въ жилахъ... Всюду снѣгъ и снѣгъ... А какъ сильно
воетъ вѣтеръ... Точно и ему холодно, точно и для него на-
ступааетъ агонія. Еще мигъ—и все стихнетъ... Все умретъ...
И вѣтеръ умолкнетъ...

Матушка сдѣлала отчаянное движеніе въ саняхъ.

— Да неужели же мнѣ именно теперь суждено умереть?
Неужели конецъ моей жизни?—вырвался у нея громкій
воплъ.

Вся душа ея запротестовала. Вотъ такъ и хотѣлось бы
встать изъ саней и быстро, быстро убѣжать домой. Но... это
невозможно... Тамъ вѣрная смерть. А здѣсь, быть можетъ,
есть еще и спасеніе. Правда, одна лишь искорочка, но она
всетаки есть. За этими же санями нѣтъ и этой иско-
рочки...

А какъ теперь беспокоится ея мужъ! Впрочемъ, онъ,
быть можетъ, увѣренъ, что она ночуетъ у о. Игнатія. И
придетъ ли ему въ голову, что она выѣдетъ такъ поздно?..
Однако выѣхала, несмотря на всѣ просьбы радушныхъ хо-
зяевъ переночевать. Она не послушалась ихъ и поступила
такъ опрометчиво, легкомысленно. И вотъ результатъ ея без-
умія!.. Ужасное одиночество, пустыня, бѣшенный ревъ
вѣтра.

— Савва, Савва, знаешь-ли ты, гдѣ твоя жена? Чув-
ствуетъ ли твое сердце, что я гибну? О, Савва, прости меня.
Я много дѣлала тебѣ въ жизни непріятностей... Прости ме-
ня... Молись за меня... Я гибну...

Матушка громко застонала. А онъ, ея Савва, быть мо-
жетъ, ничего не подозрѣвая, сидитъ въ своемъ тепломъ ка-
бинетѣ за книжкой журнала. Пелагія зоветъ его ужинать.
Онъ идетъ, вполне увѣренный, что и она, его жена, ужи-
наетъ въ кругу добрыхъ друзей. О, какъ онъ ошибается!..
Она .. замерзаетъ... завтра привезутъ къ нему холодный, око-
ченѣвшій трупъ. И только тогда онъ увидитъ, какъ была

лёгкомысленна его жена, выѣхавъ къ ночи... Ахъ, какъ холодно!.. Можетъ ли быть болѣе сильный холодъ, чѣмъ теперь?.. А какъ хорошо сейчасъ у теплой печи, у весело мурлыкающаго самовара. Ахъ, какъ хорошо... Но что за ужасный свистъ вѣтра!.. Нѣтъ, никогда она не слыхала такого ужаснаго свиста и воя. Это вѣтеръ поетъ ей свою похоронную пѣснь, рыдаетъ надгробнымъ плачемъ. А вотъ и лошадь затихла... Что то не слышно ея фырканыя... Не замерзла ли она?.. Вѣдь и у нея есть сердце, есть кровь, которую легко заморозить такой ужасный холодъ.

Матушка вся съезжилась. Весь міръ куда то отошелъ отъ нея на второй планъ. Да и есть ли тотъ міръ? Гдѣ онъ?.. Вотъ ея міръ: темная ночь, снѣгъ, свистъ вѣтра. Больше какъ будто ничего и не существуетъ... Все вымерло. Всѣ люди вымерли... Оставалось умереть только ей...

Вотъ тамъ кто-то воетъ? Кто же это? Волки, или вѣтеръ? А, впрочемъ, не все ли равно?.. Да, ей теперь рѣшительно все равно... Но какъ мучительно воетъ... Такъ сердце и надрывается..

Гдѣ ты, прожитая жизнь? Неужели всему конецъ? А дальше что же? Отвѣтъ за всѣ свои дѣла и слова? Да, отвѣтъ. Насталъ итогъ ея жизни... Что-то будетъ?..

— О, Господи, прости всѣ мои прегрѣшенія... Я замерзаю... И ради этого, Господи, прости меня... Я много грѣшила... Кто безъ грѣха? Ты одинъ только безъ грѣха. Всѣ мы грѣшны... Не помяни же беззаконій моихъ...

Матушка молилась. Ея посинѣвшія губы едва—едва шевелились. Она молилась больше умомъ. А какъ не хотѣлось бы умирать именно сейчасъ! Не хотѣлось оставлять своего Савву. Вѣдь у нихъ былъ всегда такой разладъ. Онъ любилъ бѣдныхъ, помогаль имъ, жалѣлъ, даваль хлѣбъ и деньги... Онъ такой добрый, славный... А она совершенно не стоила его... Она гнала нищихъ, устраивала мужу неприятныя сцены... Она все копила. А для кого и для чего? Вотъ она замерзаетъ въ степи... Для чего же деньги? Спа-

суть ли онъ ее отъ смерти? Ахъ, какъ она ошибалась. Какъ горько ошибалась!.. Для чего же она урѣзывала себя во всемъ, чтобы сберечь лишній рубль? Какая цѣль всего этого? Вотъ пришла смерть, и ничего не нужно... Все оставить... Все покинетъ... Только дѣла однѣ пойдутъ за ней. А есть ли у нея добрыя дѣла? Гдѣ они? Какія?.. Матушка застонала. Нѣтъ у нея добрыхъ дѣлъ... Ни одного.. Нищихъ она гнала, мужу дѣлала скандалы... Бѣдныхъ не любила. Она любила только лишь себя.

— О, Боже, Боже, пощади!...

Матушка метнулась въ саняхъ. Она чувствовала, что силы ее оставляютъ, куда-то уходятъ. Холодѣла каждая частица ея тѣла. Гдѣ же Семень? Навѣрное и онъ замерзъ среди сугробовъ. Пусть даже онъ доберется до села, но когда же поладутъ ей помощь? Развѣ тогда, когда она будетъ уже безжизненнымъ трупомъ... О, какой ужасный, леденящій холодъ! Гдѣ ея руки и ноги? Она уже не чувствуетъ ихъ. Только мысли еще мчатся въ ея головѣ, подобно тому, какъ вотъ теперь яростно мчится вѣтеръ по полю... Вотъ она маленькая дѣвочка. Ахъ, какъ было тогда хорошо!.. Что за чудное, беззаботное время... Въ то время бы умереть... Какъ ее любили, ласкали, баловали.. А это кто вдругъ всталъ въ ея воображеніи? Чье это милое, славное лицо? Ахъ, вспомнила... Это другъ ея дѣтства, добрая Аннушка. Съ ней она провела лучшіе годы своей жизни. А потомъ онѣ разошлись въ разныя стороны... Она теперь жена протоіерея... Ахъ, Аннушка, гдѣ же ты? Вѣдь я замерзаю... Помолись обо мнѣ... Я ухожу отъ васъ... Ухожу далеко, безъ возврата... Никогда ты больше не увидишь меня... А какъ много съ тобой было пережито хорошаго, славнаго, свѣтлаго. И все это миновало... Все кануло въ вѣчность... Какъ скоро миновали годы ученья въ епархіальномъ училищѣ... А вотъ онъ, мой милый, хорошій, ненаглядный Савва... Она сразу полюбила его. Блеснула передъ ней ея свадьба... Какъ онъ, ея Савва, былъ изященъ въ черномъ сюртукѣ,

бѣломъ галстукѣ и бѣлыхъ перчаткахъ!.. Какой любовью свѣтился его взоръ! Тогда вся жизнь ея, весь міръ заключался только лишь въ немъ одномъ, въ его чарующихъ, темно-сѣрыхъ глазахъ. Какъ она любила его пріятный, грудной голосъ... О, любовь, любовь!.. Все передъ тобой ничто... Все отходить на задній планъ... И она была изящна въ своемъ вѣнчалномъ платьѣ... Такъ всѣ говорили... И какъ скоро пробѣжали первые счастливые годы... А потомъ... потомъ она отравила всю жизнь своей скупостью. Ахъ, эта скупость!.. Зачѣмъ она у ней появилась? Кто ее насадилъ? Вѣроятно, мать, которая также была крайне экономна и бережлива. О, если бы не эта скупость, они и по сіе время жили бы душа въ душу. Она все отравила, все испортила... Начался этотъ ужасный разладъ... Кто же виноватъ! Ахъ, конечно, она... Не передъ кѣмъ ей теперь лицемѣрить, некого обманывать. Конечно, виновата лишь она. Онъ такой добрый, мягкій, а она скупая, жадная до денегъ, до наживы. Онъ всегда старался облегчить положеніе бѣдняка, а она всячески этому мѣшала, стараясь вырвать подаяніе. Она отравляла жизнь такого чуднаго, хорошаго человѣка. „О, Савва, Савва“!..

Но вотъ іюльскій пожаръ. Онъ окончательно воздвигъ между ними стѣну. Савва явился для погорѣльцевъ ангеломъ, а она демономъ злобы. О, какое же у него доброе, отзывчивое сердце!.. А что онъ хотѣлъ сдѣлать? Ахъ, вспомнила: онъ хотѣлъ уйти на Аѳонъ... Хотѣлъ оставить ее. Не нужно на Аѳонъ... Зачѣмъ?.. И дома можно спастись... А, впрочемъ, онъ теперь будетъ свободенъ и можетъ уйти на Аѳонъ... Никто не задержитъ... Его полная воля... Никто запрета не наложитъ... И будетъ молиться о своей несчастной женѣ...

И картины прошлаго, отрывки, быстро проносились передъ потухающимъ сознаниемъ матушки...

А вотъ опять дорогія лица. Вотъ мама, папа, бабушка. - Всѣ уже на томъ свѣтѣ... Ахъ, милые... И я скоро буду съ

вами... Придите за мной.. Но откуда же это пахнуло сразу такимъ пріятнымъ тепломъ?.. Куда же исчезъ холодъ? Гдѣ вѣтеръ? Гдѣ снѣгъ?.. Какое тепло!.. Вѣдь это чудный іюньскій вечеръ. Да, именно.. Смотрите: какъ красиво закатывается солнце. Какъ ярко горитъ заря, облагрив небо великолѣпными тонами. А что за цвѣты?.. Какъ пріятно пахнутъ эти жасмины и лилій!.. О, Савва, дай мнѣ этотъ букетъ лилій. Вѣдь ты знаешь, какъ я ихъ люблю!. Что за запахъ!.. А посмотрите на эти веселыя, березовыя рощицы... Послушайте это чудное пѣнье птицъ.. Какъ они дивно поютъ!.. И не заслушаешься... Какъ тепло и хорошо... Точно кто то влилъ въ меня цѣлебный бальзамъ. Ахъ, какъ хорошо!.. Бабушка, ты улыбаешься? О, милая, хорошая бабушка!.. Какъ я тебя люблю!.. Не безпокойся за меня: мнѣ теперь такъ тепло. Вся кровь во мнѣ горитъ... И цвѣты... И птички распѣваютъ свои пѣсенки.

Сани уже наполовину занесло снѣгомъ. И лишь лошадь время отъ времени фыркала и топталась на мѣстѣ, ежась отъ холода. А бѣшеная пляска вѣтра и снѣга все еще царила въ полной силѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

И. Поповъ-Шермскій.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе).

Рои ссыпчави, по характеру своего образованія, тоже относятся къ категоріи искусств. роевъ. Въ томъ случаѣ, когда ссыпчакъ составляется изъ мухи рамочныхъ пней, пчеловодъ, вынимая у сильныхъ стариковъ по рамочкѣ, вкладываетъ ихъ въ *Н* (или въ роевню, устроенную по размѣру ширины улья) и обметаетъ съ нихъ всю муху, послѣ чего рамки возвращаются старикамъ обратно; при этомъ пчеловодъ зорко слѣдитъ, чтобы вмѣстѣ съ мухой не стащить у

старика матки. Послѣ обмета пяти-шести рамокъ, ссыпчакъ готовъ. Обметенная муха расположится на заранѣ приготовленныхъ рамкахъ, какъ у себя дома, и примется за дѣло. Если пчеловодъ желаетъ, чтобы здѣсь осталась вся сметенная муха, улей съ ссыпчакомъ (или роевня) перевозится сейчасъ же по образованіи роя на другой пчельникъ, ибо въ противномъ случаѣ вся летная муха уйдетъ отсюда къ своимъ старикамъ; но если пчеловодъ летной мухой не заинтересованъ, ссыпчакъ остается здѣсь; само собою разумѣется, что ссыпчаку въ этомъ случаѣ нужно дать воды и одну рамочку съ медомъ; весьма хорошо сдѣлаемъ, если дадимъ ему еще и рамку червы самаго молодого возраста, а также врѣжемъ маточникъ

Ссыпчакъ можно еще набрать и такъ: открывъ сильный старикъ среди дня, мы найдемъ здѣсь, за заставными досками, много сидящей въ бездѣйствіи мухи; вотъ мы и зачерпнемъ ея отсюда, сколько хотимъ, и пересыпемъ въ роевню. Набравъ мухи у нѣсколькихъ стариковъ, фунтовъ четыре-пять, увозимъ роевню на другой пчельникъ и поступаемъ съ ссыпчакомъ, какъ съ роемъ, съ той лишь разницей, что ему нужно дать или матку, или маточникъ, или, наконецъ, рамку съ червой самаго молодого возраста, нужно дать также и медку въ запасъ. Способъ этотъ гѣмъ хорошъ, что здѣсь (за заставными досками) обыкновенно мало сидитъ летной мухи, старухи же матки мы совсѣмъ не рискуемъ захватить вмѣстѣ съ пчелами.

Ссыпчакъ отъ дуплянокъ составляется такъ: наклонивъ подъ вечеръ на бокъ дуплянку, мы зачерпываемъ черпакомъ ту муху, которая виситъ гирляндами ниже гнѣзда, и беремъ ея, сколько хотимъ. Беремъ муху и отъ другой дуплянки и такъ похищаемъ ея до намѣченной вѣсовой нормы. Набравъ въ роевню мухи, сколько нужно, отправляемъ ее на другой пчельникъ и т. д.

Искусст. рой отъ неразборнаго пня или дуплянки. 1. Малоопытные пчеловоды, обыкновенно, думаютъ,

что отъ неразборнаго пня или дуплянки искусственнаго роя взять нельзя, но это большое заблужденіе; искусств. рой отъ дуплянки такъ же легко взять, какъ и отъ пня разборнаго. Въ томъ случаѣ, когда пчеловодъ желаетъ взять отъ дуплянки рой на одну лишь летную муху, дѣло обходится почти совсѣмъ безъ хлопотъ, а именно: выждавъ время, когда дупляночная семья заложитъ маточники, т. е., когда она и безъ того скоро отроилась бы, пчеловодъ маскируетъ неразборный улей (дуплянку тожъ) фальшивымъ фасадомъ улья *Н*. Черезъ день-два, но не позже, какъ маточники будутъ здѣсь запечатаны, въ ясный, взяточный день пасѣчникъ устанавливаетъ на мѣсто замаскированнаго пня улей *Н*, стараясь, чтобы летокъ его былъ на одинаковой высотѣ съ леткомъ отставленнаго въ другой конецъ пасѣки неразборнаго пня. Возвращающаяся съ поля летная муха набьется въ улей *Н* и до вечера болѣе или менѣе успокоится, особенно, если мы въ середину заранѣе приготовленнаго гнѣзда вставимъ рамку съ червой молодого возраста и врѣзанымъ въ нее маточникомъ. Теперь остается только подпаивать дня два-три отставленную дуплянку подслащенной водой, окропляя ея по вечерамъ нижніе соты перевернутаго пня.

Способъ этотъ, какъ видите, очень простъ, но удовлетворительнымъ названъ быть не можетъ и вотъ почему. Во первыхъ, мы нисколько не гарантированы отъ пѣвчаго, а, можетъ быть, и не пѣвчаго первака, каковымъ можетъ насъ подарить отставленный неразборный пенъ; вѣдь тамъ осталась старая матка и заложенные, а теперь уже, вѣроятно, запечатанные маточники. Хорошо, если пчелы разрѣшатъ маткѣ ихъ уничтожить, тогда роя, конечно, не будетъ, но если случится противное, рой выйдетъ непременно, ибо матка не потерпитъ присутствія хижинъ молодыхъ соперницъ, — она обязательно уйдетъ отсюда съ толпой своихъ приверженцевъ, а тамъ и третьячка жди... Пчеловодъ, конечно, можетъ уничтожить маточники, заложенные навиду, но нель-

зя поручиться за то, что тамъ, внутри гнѣзда, ихъ совсѣмъ не будетъ. Во вторыхъ, отведенная въ искусств. рой летная муха хорошей семьи не составитъ, ибо здѣсь будутъ исключительно летныя пчелы, молодыхъ же, домашнихъ хозяекъ совсѣмъ не окажется. Лучшимъ способомъ можетъ считаться вариантъ.

2. Вариантъ искусств. роя отъ дуплянни хотя и болѣе затруднителенъ, но куда рациональнѣе предыдущаго способа. Придя въ назначенный для отборки искусств. роя день къ замаскированному, неразборному пню, пчеловодъ, съ сохраненіемъ извѣстныхъ уже намъ приемовъ и предосторожностей, устанавливаетъ на его мѣсто улей *H*, а затѣмъ, беретъ оставленный пенъ и уноситъ его въ сторону отъ пчельника, гдѣ и произведетъ выгонъ пчелъ въ роевню посредствомъ выстукиванія. Процессъ выстукиванья (или выколачиванія) пчелъ производится слѣдующимъ образомъ.

Разостлавъ на землѣ простынку, пчеловодъ переворачиваетъ вверхъ ногами принесенный пенъ, вслѣдъ за симъ беретъ дымарь и загоняетъ имъ сидящихъ здѣсь пчелъ во внутрь гнѣзда. Пчелы быстро скроются, затревожатся и начнутъ набирать по своему обыкновенію въ зобики медъ. Выждавъ минуты двѣ-три, пока пчелы возьмутъ въ дорогу провизіи, пастѣчникъ переворачиваетъ роевню вверхъ дномъ, накладываетъ ее на улей, обвязываетъ платкомъ щель на мѣстѣ соединенія, взявъ, затѣмъ, двѣ палочки изъ мягкаго дерева, начинаетъ постукивать ими въ самомъ низу перевернутаго улья. Удары должны быть рѣшительны, но не слишкомъ сильныя, чтобы не вызвать особаго сотрясенія гнѣзда. Начавъ производить удары снизу, пчеловодъ постепенно подвигается вверхъ, прислушиваясь къ мѣсту усиленнаго жужжанія встревоженныхъ пчелъ. Заслышавъ удары палочекъ, пчелы сначала замолкнутъ, какъ бы прислушиваясь и опредѣляя, что сіе означаетъ, а потомъ сразу затревожатся, зашумятъ и начнутъ уходить прочь отъ мѣста тревоги, но такъ какъ удары начались внизу, пчелы пойдутъ отъ нихъ вверхъ; вотъ потому то пчеловодъ и долженъ при-

слушиваться къ мѣсту шума и всячески стараться не опередить стукомъ бѣгущихъ вверхъ пчелъ, дабы не произошло обратнаго явленія, т. е., движенія ихъ внизъ. Но вотъ пчелы загудѣли совсѣмъ вверху, еще минута, и онѣ идутъ гурьбой въ роевню, а пчеловодъ все подгоняетъ ихъ палочками, да подгоняетъ; наконецъ, ясно слышно, что пчелы уже въ роевнѣ, вотъ тутъ и можно прекратить выколачиваніе. Развязавъ обвязку, пасѣчникъ осторожно снимаетъ роевню и вытряхиваетъ изъ нея всѣхъ пчелъ на простынку, недалеко отъ положенной на бокъ здѣсь же (на простынкѣ) другой роевни, куда и направятся высыпанныя пчелы. Опорожненную роевню пчеловодъ опять укладываетъ на прежнее мѣсто съ тѣмъ, чтобы перешли въ нее и остальные пчелы. Быстро устроивъ все это, пчеловодъ возвращается къ простынкѣ и зорко слѣдитъ, не покажется ли гдѣ нибудь матка. Если въ первой партіи высыпанныхъ пчелъ матки не окажется, надставленную роевню слѣдуетъ опять вытряхнуть, но если бы и въ этой партіи не нашлась матка, процессъ выколачиванія нужно *таки и таки* повторить. Снимая для вытряхиванія роевню, слѣдуетъ внимательно заглядывать и въ улей (на стѣнки и на соты), ибо очень часто бываетъ, что матка именно здѣсь и сидитъ, не рѣшаясь перейти въ роевню.

Бываютъ матки очень упрямые или, вѣрнѣе, боязливые, какъ бы вы ни стучали, онѣ все сидятъ въ ульѣ между сотами; въ такихъ случаяхъ отнимается головное дынышко и дымаремъ прокуривается весь улей насквозь. Такого эксперимента матка, обыкновенно, уже не переноситъ и вмѣстѣ съ послѣдней партіей пчелъ переходитъ въ роевню или въ крайнеиъ случаѣ выходитъ на самый верхъ, но тутъ ужъ легко ее и поймать.

Нѣкоторые пчеловоды, при перогонѣ пчелъ, выколачиваютъ ихъ непосредственно изъ улья; они быстро берутъ улей (конечно, послѣ выколачиванія), переворачиваютъ его и довольно сильно стучатъ нижнимъ краемъ о простынку въ

двухъ-трехъ мѣстахъ, стараясь не раздавить при этомъ ни одной пчелы.

Приемомъ этимъ мы бы рекомендовали пользоваться съ большой осторожностью и только въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ внизу свѣжей поновки, занесенной медомъ, такъ какъ при самомъ малѣйшемъ стукѣ края сотовъ обрываются, мнутъ пчелъ и пачкаютъ ихъ текущимъ съ оборванныхъ мѣстъ медомъ.

Какъ только матка будетъ разыскана, ее немедленно слѣдуетъ поймать за крылышки и, посадивъ для безопасности въ клѣточку, перенести въ *H* и положить на днѣ, близь летка. Увидя здѣсь свою госпожу, летныя пчелы охотно и безъ смущенія начнутъ собираться въ *H*; отъ тѣхъ-же пчелъ, что на простынкѣ остались, пчеловодъ беретъ третью часть и пересыпаетъ тоже въ *H*; между ними, безъ сомнѣнія, будетъ много домашнихъ работницъ, весьма необходимыхъ въ новомъ жильѣ при плодной маткѣ, каковую передъ вечеромъ и выпустить должно. Остальныя пчелы ссыпаются обратно въ неразборный пень и уносятся вмѣстѣ съ нимъ на другой конецъ пасѣки, гдѣ и будетъ его постоянное мѣсто. Само собою разумѣется, что отставленный, неразборный старикъ въ первые два-три дня подпаивается (окропляется) сладенькой водой по $\frac{1}{4}$ стакана въ одинъ приемъ.

Вотъ мы съ вами, читатель, и произвели искусст. рой. Конечно, этотъ способъ куда раціональнѣе предыдущаго, потому, во-первыхъ, что онъ приближается къ составу естественнаго роя, а во-вторыхъ и потому, что старика мы избавляемъ отъ нежелательнаго намъ первака, а, можетъ быть, даже и отъ вторака. Но чтобы хоть сколько нибудь гарантировать себя отъ него (второка), и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ оставить одинъ маточникъ, всѣ же остальные уничтожить. Можно еще дать старику, на другой день послѣ отбора роя, молодую матку, и если только сироты ее примутъ, она немедленно сокрушитъ всѣ заложенные маточники. Но еще лучше сдѣлаемъ, если дадимъ ему молодую (тоголѣтнюю) плодную матку, эту сироты навѣрное примутъ,

а она неукоснито расправится съ маточниками по своему усмотрѣнію. Можно еще поставить старика на мѣсто нуклеуса, да и матку его (нуклеуса) подарить ему; нуклеусовскія летныя пчелы защитятъ свою госпожу, а та быстро расправится со своими соперницами, сидящими пока во узилищахъ; осиротѣлое же гнѣздо нуклеуса переносимъ какому нибудь слабому пню въ подмогу или же, оставивъ его въ сторону, предоставляемъ ему вывести себѣ новую матку изъ врѣзаннаго, зрѣлаго маточника.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

ЗАМѢТКА.

Вознагражденіе законоучителей и земства.

Департаментъ народнаго просвѣщенія по приказанію г. управляющаго министерствомъ разъяснилъ уѣзднымъ земствамъ, что установленная нѣкоторыми земствами (наприм., Новгор. губ.) выдача законоучителямъ начальныхъ училищъ поурочнаго вознагражденія представляется неправильною. Соотвѣтствующія казенныя ассигнованія должны выдаваться законоучителямъ въ точномъ соотвѣтствіи съ установленными закономъ нормами, т.-е. изъ расчета по 60 р. въ годъ на каждый комплектъ. На вознагражденіе учителей, замѣняющихъ законоучителей въ пропускаемые ими часы, казенныя суммы, назначаемыя на жалованье законоучителямъ, не могутъ быть расходуеты. Необходимыя для этого средства могли бы быть изысканы изъ мѣстныхъ источниковъ. (Соврлѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го сентября 1915 года

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акд. Общ. печ и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерн. 6.

ГОДЪ

LVI.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Цѣна годовому изданію на мѣоть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 41

Подписка принимается въ редакціи
журнала, при Кіевской духовной
Семинаріи.

1915-го года 4-го октября.

Содержаніе: I. На темы дня. Семень Марченко.—II. Письма къ пастырямъ Уфимской епархіи. Еп. Андрей.—III. Забѣтки о ц.-общественной жизни. Свящ. Пл. Петровъ.—IV. По Евангельскому закону (окончаніе). И. Поповъ-Пермскій.—V. Бесѣды по пчеловодству (продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.—VI. Отвѣты редакціи.

На темы дня.

По всей необъятной матушкѣ Россіи разбросано весьма большое количество военныхъ госпиталей и лазаретовъ, въ которыхъ находятся на излѣченіи десятки тысячъ больныхъ и увѣчныхъ воиновъ. Больные воины нуждаются во всестороннемъ, тщательномъ уходѣ за ихъ больными тѣлами. Но уходъ за однимъ тѣломъ, какъ бы тщателенъ онъ ни былъ, далеко не исчерпываетъ собою присущей каждому человѣку особой нужды, которая громко заявляетъ свои права всегда, когда эта нужда не удовлетворяется чрезъ испытаніе высшей стороны человѣческаго существа, его духа, потребной

ему пищей. Достаточно побывать только въ одномъ госпиталѣ, чтобы убѣдиться, какое мученіе, какой гнетъ тяготитъ души многихъ изъ этихъ страдальцевъ, несмотря на то, что многіе изъ нихъ кажутся спокойными, улыбаются и говорятъ, что имъ совсемъ хорошо. Страданія тѣла причиняютъ большія страданія духу, и нужно имѣть слишкомъ сильную волю, просвѣщенную христіанской надеждой, чтобы примириться съ своимъ горькимъ состояніемъ и не роптать на свое тяжелое положеніе, и многіе воины не больше-ли страдаютъ отъ растроенаго духа, чѣмъ отъ ранъ?

Чтобы уврачевать смятенную душу, или, какъ теперь принято выражаться, разсѣять мысли тяжелыхъ больныхъ нашихъ воиновъ, принимаются различныя средства: устраиваютъ увеселительные спектакли, назначаютъ вечера съ чтеніемъ и пѣніемъ, показываютъ туманныя картины и такъ называемыя живыя картины (кинематографическія). Но самаго то главнаго, составляющаго насущнѣйшую потребность нашей души, т. е., Евангельской проповѣди, за весьма рѣдкими исключеніями, не слышно. Не слышно живой спасительной проповѣди изъ устъ тѣхъ лицъ, которые отъ Самого Христа Господа уполномочены призывать въ Его Царство труждающихся и обремененныхъ, каковыми въ частности теперь являются наши раненые и увѣчные воины. Мы не беремъ на себя дерзости утверждать, что такъ обстоятъ дѣло вездѣ по военнымъ госпиталямъ; нѣтъ, мы только говоримъ о тѣхъ раіонахъ, которые намъ извѣстны и гдѣ живое слово Евангельской проповѣди, для уврачеванія душъ воиновъ, не практикуется.

Къ общему стыду всего русскаго населенія описываемыхъ нами раіоновъ должно сказать, что главными инициаторами по вопросу увеселенія раненыхъ воиновъ являются евреи, а не русскіе.

Конечно, для русскихъ дѣло всесторонняго уврачеванія не менѣе дорого, чѣмъ евреямъ, если не больше, но послѣдніе почему-то скорѣе стремятся использовать свою иници-

тиву, гдѣ можно, чѣмъ русскіе. Но какъ бы ни увеселяли больныхъ воиновъ разными развлеченіями, все же этими развлеченіями нельзя напитать высшую сторону человѣческаго существа, его духъ. Для сего послѣдняго есть божественное лѣкарство, которое одно только и можетъ уврачевать всѣ помощи духа. Это божественное лѣкарство есть Христово ученіе, которое служители Евангелія должны изобильно сѣять на такой благопріятной почвѣ, которой являются больные воины. Всѣмъ извѣстна истина, что больной человѣкъ ближе къ раскаянію, ближе по своему смиренію къ Богу. Если бы всѣ служители Евангелія—православные пастыри Христовой Церкви и всѣ свѣтскіе лица, близко стоящія къ дѣлу православной религіи, посвятили весь свой досугъ на обслуживание всестороннихъ религіозныхъ нуждъ нашихъ воиновъ, то они совершили бы дѣло высокой важности: почти всѣ воины, пострадавшіе тѣломъ для защиты родины, были бы открыты радостью, спокойствіемъ и надеждой на лучшее будущее, которое ожидаетъ ихъ въ горнемъ мірѣ за ихъ высшую любовь къ ближнимъ своимъ, проявленную ими при защитѣ родины. Богослуженія и частая религіозная проповѣдь отбили бы у многихъ воиновъ охоту смотрѣть кинематографическія картины не всегда хорошаго пошиба, которыми подчасъ стремятся угостить воиновъ не въ мѣру любители свѣтскихъ развлеченій. По нашему мнѣнію, для обслуживания религіозныхъ нуждъ воиновъ должно производиться слѣдующее: во всѣхъ госпиталяхъ, гдѣ нѣтъ при нихъ храмовъ (а такихъ громадное количество) устраивать возможно частое богослуженіе, заключающееся въ служеніи вечерни, утрени, молебна о побѣдѣ надъ врагами и панихиды по убитымъ воинамъ; назначать по очереди духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для веденія бесѣдъ, программа которыхъ должна состоять въ объясненіи празднуемыхъ событій и освѣщеніи теперешняго міроваго положенія съ точки зрѣнія Евангельскаго ученія; просить самыхъ опытныхъ и старѣйшихъ изъ пастырей Церкви быть духовными руководителями и утѣшителями боль-

ныхъ воиновъ, которые нуждаются въ духовномъ руководствѣ ихъ душъ и объясненіи и разрѣшеніи тѣхъ мыслей, которыя тяготятъ ихъ души.

Желательно, чтобы миссіонеры почаще заходили въ госпитали и, согласно Христову Ученію, освѣщали значеніе догматовъ и обрядовъ Православной Церкви и тѣмъ пресѣкали всякое проявленіе раскольническихъ и сектантскихъ ученій. Если бы названныя программы правильно проводились во всѣхъ военныхъ госпиталяхъ, то этимъ служители Евангелія, привесли бы великую пользу не только душамъ больныхъ воиновъ, но и страдающей родинѣ нашей, такъ какъ выздорѣвѣвшіе воины вышли бы изъ госпиталей съ обновленными силами, съ которыми они съ усиленной энергіей ринулись бы для наказанія дерзкаго врага, возставшаго для поруганія чести и достоинства нашей родины.

Семенъ Марченко.

Письма къ пастырямъ Уфимской епархіи.

ХІІ.

Напутственное слово миссіонерамъ.

Уфимская епархіа — сплошь миссіонерская; трудно отыскать приходъ, который не нуждался бы въ миссіонерскомъ воздѣйствіи, въ бережномъ любовномъ къ себѣ отношеніи. Поэтому я и рѣшилъ подѣлиться со всѣми пастырями Уфимской епархіи тѣми мыслями, которыми я провожалъ своихъ „миссіонеровъ“ послѣ пастырско-миссіонерскихъ курсовъ въ Уфѣ, 1915 года 3-го августа. Дословно я не могу повторить свое послѣднее чтеніе на курсахъ,—буду излагать свою рѣчь приблизительно.

Братіе-миссіонеры.—Вотъ выслушали вы краткое повтореніе того, что вы должны знать ранѣе,—краткую систему христіанскаго вѣроученія и нравоученія, отчасти вы приобрѣли и новыя свѣдѣнія въ интересующей васъ области хри-

христіанской миссіи. Радуюсь за васъ, но долженъ васъ предупредить, что если бы ваши богословскія познанія были неизмѣримо выше, если бы вы познали всю богословскую мудрость, но не приобрѣли бы нравственнаго опыта въ борьбѣ съ собою, то вся ваша мудрость для миссіи была бы безнадежно ненужной ни для кого: ни для васъ самихъ, ни для вашихъ слушателей. Помните, что главная ваша наука—это сама жизнь, знаніе собственной душевной жизни и постоянное наблюденіе надъ душевною жизнью вообще.—Если вы не будете знать этой науки, то хотя бы прочитали и даже знали все богословіе, вы въ дѣлѣ миссіи уподобитесь тому безумцу, который рѣшился бы лѣчить людей, прочитавъ только медицинскія книги и не видавъ никогда самого больного и не поинтересовавшись узнать, какъ называется его болѣзнь.

Но если миссіонеръ рѣшится не только учить, но и дѣлать такъ, чтобы его дѣло не расходилось со словомъ, то онъ будетъ другимъ подавать примѣръ истинно-христіанской жизни. Вотъ этого и не достаетъ въ нынѣшнихъ нашихъ проповѣдникахъ. Поэтому и малодѣйственно наше доброе слово, что оно не сопровождается добрымъ дѣломъ, примѣромъ доброй христіанской жизни.

Напротивъ, къ сожалѣнію, наши иновѣрцы видѣли часто вокругъ себя въ самомъ недавнемъ прошломъ примѣры самаго грубаго противорѣчія между христіанскимъ словомъ и дѣломъ; и поэтому нынѣ язычники иногда въ полномъ смыслѣ слова ненавидятъ все, что отдаленно можетъ имъ напомнить о миссіи и миссіонерахъ. Поэтому нынѣшніе миссіонеры должны твердо помнить, что почва для ихъ дѣланія глубоко испорчена, что они вездѣ среди язычниковъ и иновѣрцевъ вообще встрѣчаютъ не довѣріе и даже не простое любопытство, а самое полное недовѣріе и,—повторяю,—даже ненависть.—Съ этимъ они и должны считаться, чтобы исполнить заповѣдь Христову: „будьте мудры (Мѡ. 10, 16)“.

Татары говорятъ, что жить по русской вѣрѣ—значить жить „по черному“,—безъ молитвы, безъ религіозныхъ об-

рядовъ, безъ почитанія праздниковъ. Что нужно для того, чтобы переубѣдить татаръ въ этомъ? Нужно научить нашу русскую паству молиться лучше, чѣмъ молятся татары; нужно прояснить въ сознаніи православныхъ христіанъ значеніе обрядовъ и сущность почитанія святыхъ праздниковъ. Это будетъ самая лучшая проповѣдь!

Поэтому годъ тому назадъ я просилъ приходское духовенство, чтобы они въ селахъ аккуратно въ положенное время совершали въ храмахъ утреннюю и вечернюю молитву. Если отсутствуетъ самъ священникъ, пусть псаломщикъ или вѣрующій мірянинъ прочитаютъ вслухъ положенныя Церковію молитвы, чтобы добиться того, чтобы сами православные творили эти положенныя молитвы. И однако,—сколько я знаю, только два священника на всю Уфимскую епархію (если я ошибаюсь, то прошу исправить) исполнили мою просьбу. Моя просьба оказалась буквально гласомъ вопіющаго въ пустынь равнодушія и пастырской безпечности... Мы привыкли слушаться только овриковъ полиціи и циркулярныхъ распоряженій.

А относительно соблюденія чистоты праздниковъ я сообщу одну картинку изъ жизни одного миссіонера, близко всѣмъ намъ знакомаго. Ему однажды въ большой христіанскій праздникъ пришлось ночевать въ языческой деревнѣ. Боясь, найдетъ ли онъ тамъ достаточно вниманія, опасаясь кого-нибудь побезпокоить, онъ проѣхалъ въ смежную христіанскую—русскую. Но она была вся пьяна и безобразна до такой степени, что ни въ одномъ домѣ не было возможности ночевать для отца-миссіонера (трезваго). Пришлось ѣхать ночевать въ языческую деревню; но тамъ не много было домовъ вполне трезвыхъ,—многіе вернулись съ христіанскаго праздника подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ русской „казенки“ (это было въ недавнія времена казенной винной монополіи)...

Съ чего же, съ какой мысли христіанскаго нравоченія на другой день этотъ несчастный миссіонеръ могъ начать

свою проповѣдь? Разумѣтся, для него возможно было только молчаніе. И пока не поднимется въ нравственномъ отношеніи жизнь русскихъ, жизнь православныхъ, до тѣхъ поръ не мыслимы успѣхи русскихъ проповѣдниковъ-миссіонеровъ.

А вотъ образецъ миссіи: на Кавказѣ магометане абхазцы почти всѣ окрещены. Объ этомъ и составлены были своевременно всѣ рапорты. А что эти христіане непосредственно послѣ крещенія отъ этого крещенія отмывались въ Черномъ морѣ, объ этомъ никто не рапортовалъ. Такъ и овцы остались цѣлы и волки сыты!

Разумѣтся, такихъ миссіонерскихъ эпизодовъ не много, но что попытки къ такой миссіи и нынѣ существуютъ,—это несомнѣнно.

Все это—одинъ сплошной грѣхъ миссіи нашей, и строить ее нужно нынѣ на другихъ основаніяхъ. Нужно доказать иновѣрцамъ, что мы трудимся, любя ихъ и заботясь о нихъ, а не для себя. не для полученія жалованья подъ предлогомъ служенія миссіи.

Въ этомъ отношеніи блестящій примѣръ истинной миссіи и истинно миссіонерскаго настроеніе представляетъ изъ себя одинъ католическій миссіонеръ, кажется, средней Африки. Я забылъ его имя, забылъ и мѣсто его великаго служенія; помню только самую сущность повѣствованія о немъ.

Этотъ миссіонеръ былъ посланъ къ какому то небольшому, но очень воинственному и грубому племени, которое всегда гнало отъ себя всякихъ миссіонеровъ и не хотѣло слушать Евангельской проповѣди. Этотъ вновь посланный миссіонеръ зналъ немного медицину и, когда пріѣхалъ къ мѣсту служенія, то почти ничего никому не говоря, сталъ лѣчить больныхъ и вообще только всѣмъ во всемъ помогать. Дикари удивлялись, но благодареніями миссіонера пользовались. Потомъ благодѣтель-миссіонеръ мало-по-малу такъ себя поставилъ, что вездѣ и во всемъ сдѣлался для дикарей необходимымъ. Бѣдные люди только у него и находили себѣ утѣшеніе и ласку и привѣтъ. Такъ продолжалось двадцать—

тридцать лѣтъ. Миссіонеръ смиренно молился Богу, смиренно благотворилъ, смиренно всю жизнь отдалъ Богу; и всю жизнь онъ только училъ тѣхъ, кто хоть немного соглашался его слушать, но никого не успѣлъ окрестить.

Наконецъ онъ смертельно захворалъ.

Все племя быстро узнало о страшной болѣзни своего многолѣтняго благодѣтеля. Старики-представители пришли къ миссіонеру и горько оплакивали его и себя.

Наконецъ они задали вопросъ ему: „вотъ до тебя всѣ миссіонеры безпокоили насъ, все заставляли креститься; а ты только училъ, а никого не крестилъ. Какъ же такъ? Почему же ты—миссіонеръ, а никого не крестилъ? Развѣ ты не хотѣлъ этого?“.

Миссіонеръ отвѣтилъ, что вся цѣль его жизни была въ томъ, чтобы хоть кого-нибудь привести ко Христу, что большей радости онъ никогда не желалъ, но если Господь лишилъ его этой радости, то, значить, онъ ея не достоинъ...

Старики ушли и долго говорили со своими сыновьями, окружавшими домъ умирающаго миссіонера. Долго говорили, потомъ пришли къ больному.—„Мы знаемъ, что ты отдалъ намъ всю свою жизнь, что ты любишь насъ и желаемъ намъ только добра. Скажи же, креститься намъ или нѣтъ?“.

Умирающій миссіонеръ, прославивъ Господа, сказалъ, что для него крещеніе его учениковъ самая высшая награда за его труды.—И на другой день онъ имѣлъ утѣшеніе отдать послѣднія свои силы на то, чтобы просвѣтить свѣтомъ Христова ученія все это племя.

Вотъ идеаль миссіонера, по моему мнѣнію. Постоянная молитва, чистота сердца, всегда провѣряемая исповѣдію, полная преданность Божіей волѣ и въ то же время непрестанный трудъ,—вотъ что требуется отъ миссіонера,—и ничего болѣе! И его дѣло будетъ всегда при этихъ условіяхъ плодотворно.

Но вы, братіе, спросите, какъ же поступать миссіонеру, если принять къ руководству только этотъ указанный методъ?

Нужно прежде всего вѣрить слову Господню, что искреннему служителю вѣчнаго слова будутъ даны уста и премудрость свыше, что самъ Господь будетъ указывать ему путь его жизни и его служенія. Только дѣлай и никогда не поддавайся духу лѣности! Дѣлай въ чистотѣ твоей совѣсти и Господь рано или поздно дастъ тебѣ успѣхъ въ святомъ дѣлѣ твоёмъ, даже если ты и слова ни одного не скажешь! Припоминаю одинъ случай въ Казанской епархіи.

Сгорѣла громадная татарская деревня въ районѣ русскаго прихода, священникъ котораго ни одного слова не зналъ по татарски. Но онъ немедленно объявилъ сборъ въ своемъ приходѣ на погорѣльцевъ-татаръ, оставшихся и голодными и холодными: безъ хлѣба и безъ одежды. Немедленно все нужное, по слову добраго пастыря, было привезено, и татары, какъ дѣти, послѣ этого были преданы своему „бачкѣ“ (т. е. батюшкѣ), и его слово для нихъ стало высоко-авторитетнымъ; почва для миссіи сразу стала готовою.

Братіе!—Я кончилъ всѣ свои чтенія вамъ,—помолитесь Богу, можетъ быть, Господь и дастъ намъ всѣмъ и возможность и силу послужить Ему!—Увѣряю васъ въ моей полной готовности во всемъ помочь вамъ по мѣрѣ моихъ силъ; но простите, если кого-нибудь я, по долгу своему предъ Христомъ и Его св. Церковію, принужденъ бываю и подталкивать на дѣло.

Вотъ моя прощальная рѣчь миссіонерамъ послѣ окончанія курсовъ. Чтобы всѣ мои сотрудники знали мои взгляды на дѣло миссіи и чтобы намъ, такъ сказать, говорить на одномъ языкѣ, я и рѣшилъ всѣмъ пастырямъ сказать то, что говорилъ своимъ миссіонерамъ (Уфим. Е. Вѣд.).

Епископъ Андрей.

Замѣтка о церковно-общественной жизни.

Вступленіе Государя Императора въ командованіе дѣйствующей арміей. Высочайшій рескриптъ на имя Е. И. Вы-

сочества, В. Князя Николая Николаевича. Открытіе особыхъ комиссій по снабженію арміи. Посланіе Св. Синода. Закрытіе засѣданій Г. Думы.

Въ настоящее время мы переживаемъ важнѣйшій моментъ въ нашей церковно-общественной и государственной жизни. Моментъ этотъ, можно сказать, критическій. Неудивительно, поэтому, если все наше вниманіе устремлено впередъ, въ будущее; мы всѣ говоримъ жаднымъ любопытствомъ скорѣе видѣть исходъ и разрѣшеніе переживаемыхъ событій. Это обывательская психологія, но обозрѣвателю церковно-общественной жизни необходимо иногда возвращаться къ прошлому, такъ какъ только въ перспективѣ прошлаго легче и вѣрнѣе можно разбираться въ событіяхъ важныхъ и существенныхъ.

Важнѣйшимъ событіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ концѣ прошлаго августа, нужно признать смѣну Верховнаго Главнокомандующаго. 23 августа былъ обнародованъ Высочайшій приказъ по арміи и флоту слѣдующаго содержанія: „Сего числа Я принялъ на Себя предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій. Съ твердою вѣрой въ милость Божію и съ непоколебимою увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамямъ земли русской“.

Необходимость и мотивы этого важнаго акта—вступленія Государя Императора въ командованіе дѣйствующей арміей—обстоятельно выясняются въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя Е. И. Высочества, Великаго князя Николая Николаевича. „Вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій, говорится въ рескриптѣ, причины общегосударственнаго характера не дали Мнѣ возможности послѣдовать душевному Моюму влеченію и тогда же лично стать во главѣ арміи, почему Я возложилъ Верховное командованіе всѣми сухопутными и морскими силами на Ваше Императорское Высоче-

ство. На глазахъ всей Россіи Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ проявлены на войнѣ непоколебимая доблесть, вызвавшая глубокое довѣріе и молитвенныя пожеланія Мои и всѣхъ русскихъ людей, неизмѣнно сопутствовавшія Вашему имени при неизбѣжныхъ превратностяхъ боевого счастья. Возложенное на Меня свыше бремя царскаго служенія Родинѣ повелѣваетъ Мнѣ нынѣ, когда врагъ углубился въ предѣлы имперіи, принять на Себя Верховное командованіе дѣйствующими войсками и раздѣлить боевую страду Моей арміи и вмѣстѣ съ нею отстоять отъ покушеній врага Русскую землю. Пути Божія Промысла неисповѣдимы, но Мой долгъ и желаніе Мое укрѣпляютъ Меня въ этомъ рѣшеніи изъ соображеній пользы государственной“.

Столь же важнымъ дѣломъ, какъ смѣна Верховнаго Главнокомандующаго, необходимо признать состоявшееся въ августѣ открытіе, въ Высочайшемъ присутствіи, особыхъ комиссій, съ обширными полномочіями, по изготовленію и снабженію арміи боевыми снарядами и всѣми другими необходимыми припасами. Въ своей рѣчи къ собравшимся членамъ комиссій Государь Императоръ намѣтилъ истинно жизненную программу дѣятельности не только для членовъ комиссій, но и для всѣхъ русскихъ людей, любящихъ свою родину. Смыслъ этой программы можно выразить въ такихъ словахъ: русскіе люди должны объединиться, должны забыть политику, оставить споры и вражду, должны помнить одно— борьбу съ сильнымъ и жестокимъ врагомъ.

Благовременнымъ и соответствующимъ моменту было посланіе Св. Синода, призвавшее русскій народъ къ усиленной молитвѣ, покаянію и трехдневному посту въ дни отъ 27 по 29 августа. Искони русскій народъ въ тяжкіе дни печали и общественной разрухи, наряду съ внѣшними средствами защиты и спасенія родины, не забывалъ и средствъ духовныхъ: поста, покаянія, слезныхъ молитвъ къ Богу и угодникамъ Божиимъ. Эти слезы, эти молитвы и покаяніе не были выраженіемъ слабости или упадка духа, напротивъ,

именно въ послѣдній моментъ борьбы, когда созрѣвала рѣшимость или умереть или побѣдить, русскій воинъ всегда усиливаль свой молитвенный и покаянный подвигъ. Все это ясно, извѣстно и понятно всякому русскому человѣку, но, оказывается, современному русскому интеллигенту это несомнѣнно понятно.

Въ одной изъ кievскихъ газетъ, предназначенныхъ для распространенія въ народѣ, какъ разъ въ дни покаянiя появилась замѣтка, весьма характерная въ данномъ случаѣ, какъ выраженiе взглядовъ и понятiй нашей интеллигенци, совершенно обособившейся отъ народа и утратившей пониманiе народной жизни и народной души. Содержанiе статьи, въ общемъ, слѣдующее. Самыя крупныя неудачи на войнѣ не вызывали такого тяжелаго чувства въ населенiи, какъ послѣднее посланiе Св. Синода съ призывомъ къ покаянiю и трехдневному посту. Посланiе не соотвѣтствуетъ бодрому настроенiю русскаго народа. И для тѣхъ, которые склонны къ страху и смущенiю, посланiе не могло послужить къ возбужденiю энергiи и бодрости, такъ какъ изъ всей прошлой героической русскаго исторiи посланiе приводитъ одинъ примѣръ—Тамерланова нашествiя, окончившагося разгромомъ Россiи. Посланiе призываетъ къ покаянiю и очищенiю отъ грѣховъ, но обличаетъ только пьянство и карточную игру, между тѣмъ наша матушка Россiя страдаетъ не отъ грѣховъ (у кого ихъ, моль, вѣтъ), а отъ отсутствiя у многихъ честности и добросовѣстности. Въ заключенiе, утѣшая себя и читателей, авторъ статьи говоритъ, что посланiе Синода это не голосъ Церкви, а только призывъ шести епископовъ, питомцевъ побѣдоносцевской школы, далеко стоящихъ отъ вѣрующаго населенiя.

Авторъ статьи правъ, когда говоритъ, что Россiя страдаетъ отъ отсутствiя у многихъ честности и добросовѣстности. Дѣйствительно, утверждать, что посланiе Синода вызвало въ народѣ только тяжелое чувство, что народъ легкомысленно смотритъ на грѣхъ, на молитву, на постъ и по-

каяніе—это черная клевета на народъ, это верхъ нечестности и недобросовѣстности. Впрочемъ, нужно сказать, что наша лѣвая пресса своимъ тономъ и своимъ содержаніемъ въ послѣднее время стала напоминать пресловутые освободительные годы. Полемика оппозиціонныхъ газетъ противъ правительства не знаетъ границъ. Особенно рѣзкой критикѣ подверглось правительство за прекращеніе засѣданій Госуд. Думы 3 сент. с. г.; лѣвыя газеты ведутъ полемику отъ имени народа и якобы въ защиту его интересовъ. Но истинная суть дѣла ясна, какъ Божій день. Вся оппозиціонная и революціонная часть русскаго общества, обслуживающая интересы инородцевъ, думала использовать Г. Думу въ цѣляхъ своихъ узко партійныхъ интересовъ, но ожиданія не оправдались: отсюда весь газетный шумъ и неудержимое словоизверженіе на общеземскихъ и общегородскихъ сѣздахъ.

О томъ, какъ русскій народъ отнесся къ закрытію Г. Думы, лучше всего говоритъ резолюція Совѣта кіевскаго общества распространенія русскаго печатнаго слова, вынесенная 30 авг. с. г., къ которой послѣ присоединились всѣ русскія организаціи г. Кіева:

„Въ грозные и тяжкіе дни нѣмецкаго нашествія русское общество съ бодримъ чувствомъ и свѣтлыми надеждами ожидало созыва Г. Думы, въ увѣренности, что члены ея въ этотъ исключительный историческій моментъ, когда на поляхъ брани рѣшаются судьбы Россіи и всей Европы, забудутъ партійныя цѣли, отложивши до окончанія войны всѣ острые вопросы внутренней политики, объединятся, какъ одинъ человекъ, и, воодушевленные глубокимъ чувствомъ любви къ родинѣ, помогутъ нашей героической арміи одержать побѣду надъ злымъ и коварнымъ врагомъ.

Въ началѣ настоящей сессіи Г. Дума шла правильнымъ путемъ, съ возмущеніемъ указавши на преступную дѣятельность нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ и недопустимую небрежность подвѣдомственныхъ имъ управленій. Большую услугу родинѣ Г. Дума оказала тѣмъ, что заявила о не-

обходимости улучшить и усилить снабженіе арміи боевыми припасами, организовать въ новомъ видѣ комитетъ обороны и широко поставить вопросъ о борьбѣ съ нѣмецкимъ за-сильемъ. Но затѣмъ вскорѣ выдвинуты были на первый планъ партійныя цѣли, и началась борьба, приведшая къ распрямъ и разъединенію въ думской средѣ. Забыта была главная цѣль созыва въ настоящій моментъ Г. Думы, и энергія многихъ ея членовъ была направлена къ образованію прогрессивнаго блока, требующаго, подѣ предлокомъ спасенія Россіи, еврейскаго равноправія, политической амнистіи, отвѣтственнаго министерства, свободы союзовъ, собраній и другихъ свободъ, нужныхъ для разгрома Россіи, но не для одержанія побѣды надъ врагомъ. Для достиженія этихъ цѣлей вдохновители прогрессивнаго блока прежде всего стремятся къ захвату власти въ свои руки, не останавливаясь даже предъ угрозами призвать на помощь улицу.

Не обсуждая программы прогрессивнаго блока во всѣхъ подробностяхъ, Совѣтъ Кіевскаго Общества распространенія русскаго печатнаго слова считаетъ своимъ долгомъ заявить, что всѣ выступленія съ такими вопросами совершенно несвоевременны и въ высокой степени опасны, такъ какъ могутъ воспламенить всю Россію революціоннымъ пожаромъ въ то время, когда ей необходимо полное внутреннее спокойствіе для успѣшной борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Самый лютой врагъ не могъ бы придумать болѣе вѣрнаго способа къ ослабленію Россіи въ тотъ моментъ, когда ея сыны должны напрячь всѣ силы для отраженія свирѣпыхъ нѣмецкихъ полчищъ. Не осуществится ли этимъ путемъ тотъ германскій планъ разгромить Россію съ помощью революціи, который не удалось провести наемникамъ германскаго посла въ Петроградѣ. Въ какіе дни на правительствѣ лежитъ священная обязанность болѣе твердо охранять спокойствіе Россіи и направлять всю энергію русскаго народа къ единственной цѣли—къ побѣдѣ надъ врагомъ“.

Къ сказанному въ резолюціи можно прибавить еще слѣдующія соображенія. Когда государство находится въ войнѣ, законодательная дѣятельность должна прекращаться. Законодательное творчество требуетъ отъ законодателей спокойствія духа, глубокой вдумчивости и полной сосредоченности. Такое состояніе во время войны невозможно. И не только у насъ, но и въ другихъ государствахъ, какъ союзныхъ, такъ и воюющихъ съ нами, законодательныя учрежденія созываются временно, лишь для обсуждения опредѣленныхъ, недопускающихъ отлагательства, вопросовъ. Закрытая Г. Дума была собрана въ іюль для обсуждения экстренныхъ вопросовъ финансоваго характера и мѣръ къ одолѣнію врага. Мѣры эти намѣчены, и осуществленіе ихъ зависитъ уже отъ энергіи и добросовѣстности людей, работающихъ на мѣстахъ.

Свящ. Платонъ Петровъ.

По Евангельскому. закону.

(Окончаніе) ¹⁾.

VIII.

О. Савва страшно тревожился весь вечеръ, видя, какъ разыгралась метель.

— Неужели Маня выѣдетъ отъ о. Игнатія? И вдругъ ее застала въ дорогѣ эта буря?

Целагія подала чай, но о. Савва едва выпилъ одинъ стаканъ.

— Гдѣ же наша матушка? Можетъ, тамъ заночуетъ. Вишь, какая непогодь,—проговорила кухарка, унося самоваръ.

— Я вотъ самъ объ этомъ думаю и страшно тревожусь.

— Богъ милостивъ, батюшка.

Съ каждой минутой тревога о. Саввы увеличивалась. Онъ ежеминутно подходилъ къ окну. А въ послѣднее такъ

---

¹⁾ См. № 40.

и сыпался снѣгъ. Вѣтеръ ревѣлъ и стоналъ. О. Савва распорядился о мятельномъ звонѣ. Запоздавшіе, сбившіеся съ дороги путники, слыша звонъ колокола, направляются къ нему, какъ къ якорю спасенія.

О. Савва положительно не могъ найти себѣ мѣста.

— А вдругъ она погибнетъ? Замерзнетъ? Ну, пусть были размолвки, неприятности. Пусть мы не сходились характерами, но всетаки прожили болѣе двадцати лѣтъ... О, Боже, пощади и спаси ее!..

Онъ долго и горячо молился передъ иконами, потомъ опять всталъ и зашагалъ по комнатѣ.. Какъ длинны тянулись минуты! Каждая казалась за часъ. А сколько ему еще предстояло пережить такихъ томительныхъ минутъ! Если бы только знать, гдѣ она, у о. Игнатія, или же въ дорогѣ?

О. Савва хваталъ себя за голову и страшно терзался. Правда, онъ хотѣлъ оставить ее и уйти на Аѳонъ. Но сдѣлалъ бы это въ силу высшаго Евангельскаго требованія. Онъ никогда не желалъ ея смерти. Это видитъ Богъ. Она была его подругой жизни. Много съ ней пережито и хорошаго, отраднаго, особенно въ первые годы.

Кухарка, видя встревоженнаго священника, старалась его успокоить.

— Заночуетъ матушка у о. Игнатія. Не поѣдетъ она въ такую пургу.

— А если выѣхала? Если метель застала ее въ дорогѣ?

— Ну, въ такомъ разѣ она скоро вернется.

— А вдругъ ихъ занесетъ снѣгомъ?

— Охъ, батюшка, супротивъ Бога спорить не станешь.

О. Савва устыдился своего малодушія, ушелъ въ кабинетъ и опять опустился передъ иконами.

— Господи, спаси и не погуби! Ты все можешь сдѣлать. Ты и мертвыхъ воскрешаешь,—прошпентали его губы..

Вдругъ стукнула калитка воротъ. О. Савва бросился къ окну. У воротъ онъ разглядѣлъ одну лишь лошадь.

— Нѣтъ, не она... Не съ требой ли кто?

Онъ опечаленный, разочарованный отошелъ отъ окна. Минуту спустя, къ нему влетѣла перепуганная кухарка.

— Батюшка, батюшка! Иди скорѣй въ куфню.

— Кто тамъ?

— Онъ... онъ...

— Кто же?

— Семень.

— Одинъ?!

— Одинъ.

— А жена?

— Охъ, иди. Все скажетъ.

Внѣ себя кинулся о. Савва въ кухню. Тамъ стоялъ, едва держась на ногахъ, окоченѣвшій Семень.

— Гдѣ жена?!

— Батюшка, надо собирать народъ. Надо спасать матушку. Она осталась въ степи.

Едва выговаривая слова, онъ вкратцѣ рассказалъ все дѣло. Блѣдный, съ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ свѣтился ужасъ, выслушалъ Семена о. Савва.

— Одна... одна... въ степи... Ждетъ помощи... Ее засыпаетъ снѣгъ... О, Боже,—почти простоналъ онъ.

О. Савва на минуту замеръ.

— Скорѣй, скорѣй къ старостѣ! Надо звать народъ. Ты пока сиди... Ты едва стоишь на ногахъ.

О. Савва самъ бросился въ церковь къ сторожамъ и передалъ имъ о своей бѣдѣ. Сторожа кинулись къ старостѣ и сосѣдямъ. Поднялась суматоха. Староста энергично взялся за дѣло. Онъ собралъ человѣкъ десять мужиковъ, и они съ фонарями, съ лопатами, захвативъ собакъ, помчались верхомъ за матушкой. Семень, хотя и былъ страшно утомленъ, но долженъ былъ ѣхать и указать мѣсто стоянки.

О. Савва ходилъ самъ не свой: то онъ садился, то начиналъ ходить, то падалъ передъ иконами на колѣна, горячо молясь Богу о спасеніи жены. Если ранѣе минуты казались ему часами, то теперь—цѣлой вѣчностью. Невозможно опи-

сать то, что выстрадалъ, что пережилъ о. Савва въ ожиданіи жены.

— Живую ли привезутъ? Вѣдь пока Семень сюда ѣхалъ, пока ее найдутъ, пока привезутъ обратно—сколько пройдетъ времени! Тутъ можно сто разъ замерзнуть!..

Но вотъ, наконецъ, вновь застучала калитка. У воротъ толпились люди, фыркали лошади. §

— Приѣхали!..

О. Савва весь похолодѣлъ. ¶

— Живая, или мертвая?

Онъ бросился встрѣчать прибывшихъ. Матушку внесли на рукахъ. Лицо ея было блѣдное, холодное. Руки заочевѣли.

— О, неужели она мертва?

Онъ кинулся передъ ней на колѣна и прилѣпилъ ухо ко рту. Дыханія не было. О. Савва вцѣпился въ волосы.

— Этого не можетъ быть! Не вѣрю!—дико вскричалъ онъ:—зовите скорѣй бабъ! Надо оттирать снѣгомъ.

Онъ, почти не помня себя, принялся энергично хлопотать около жены. Матушку унесли въ нетопленную бавю, бабы раздѣли ее и начали усердно растирать снѣгомъ, стараясь возбудить въ ней циркуляцію крови. Причитаньямъ и оханьямъ не было и конца. О. Савва руководилъ ихъ дѣйствіями. Долго шло растиранье. Наконецъ изъ всѣхъ устъ вырвался облегченный вздохъ: матушка тихо перевела дыханіе. Рѣсницы ея дрогнули.

— Еще растирайте! Не переставайте,—страшно обрадованный проговорилъ о. Савва, набожно крестясь.

Бабы снова приналегли. О. Савва сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать домашними средствами.

— Охъ, какъ холодно... Гдѣ... я?..—наконецъ чуть слышно прошепта матушка.

О. Савва, весь замирая отъ восторга, наклонился къ ея уху и отвѣтилъ:

— Не бойся. Ты дома...

— Хо... лод... но...

— Это ничего. Вотъ скоро будетъ и тепло.

Послѣ снѣга матушку начали растирать спиртомъ, ставили къ ногамъ горчичники, давали нюхать нашатырный спиртъ. Когда она окончательно пришла въ себя, ее тщательно закутали и перенесли въ домъ.

Крестьяне тоже были безмѣрно рады, что матушку удалось оживить. Только теперь о. Савва разспросилъ у нихъ: какъ нашли жену. Сослужили хорошую службу собаки, которыя скоро привели крестьянъ къ санямъ, почти уже занесеннымъ снѣгомъ. О. Савва искренно благодарилъ крестьянъ.

— Спасибо вамъ, братцы, великое спасибо. Никогда я не забуду вашей услуги,—со слезами на глазахъ говорилъ онъ.

— Какая тутъ услуга! Надо же вѣдь было спастъ матушку. Не оставлять же ее на гибель.

Матушка была очень слаба и почти ничего не говорила. Кое-какъ о. Савва напоилъ ее стаканомъ чая съ коньякомъ.

— Смерть моя... была,—тихо прошептала она, глядя на мужа преданными глазами.

— Молчи и не волнуйся. Надо теперь говорить только: слава Богу, что миновало все страшное.

Хотя непосредственная опасность миновала, но матушка схватила всетаки сильный тифъ. Цѣлый мѣсяцъ жизнь ея висѣла на волоскѣ. Она кричала, бредила. Въ разгоряченномъ мозгу проносились картины замерзанія. О. Савва не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью и, какъ самая идеальная сестра милосердія, ухаживалъ за больной.

Наконецъ крѣпкій, здоровый организмъ выдержалъ, и матушка мало-по-малу поправилась.

— Милый, какъ ты ухаживалъ за мной... Не стою я этого. Не заслужила. Я такая гадкая.

— А ты этого не говори. Если захвораю я, то развѣ ты не стала бы за мной ухаживать? Вѣдь не бросила бы...

— О, разумѣется.

Матушка съ этого времени сдѣлалась задумчивой, сосредоточенной. Цѣлые дни она молчала, погруженная въ кавія то размышленія. Она точно переродилась. Никто не узнавалъ въ ней прежнюю бодрую, жизнерадостную, экономную, властную матушку.

И вотъ однажды она сказала мужу.

— Милый мой, я должна у тебя попросить глубокаго извиненія.

— За что?—удивился о. Савва.

— Мы не понимали другъ друга. Я тебѣ отравляла жизнь. Я была твоимъ тормазомъ, и ты хотѣлъ даже уйти на Аеонъ. Теперь я тебя поняла. Этотъ ужасный случай открылъ мои слѣзные глаза. И я думаю: для чего, въ самомъ дѣлѣ, копить деньги? Зачѣмъ не помогать другимъ, когда, быть можетъ, и старости то не будетъ, а придетъ смерть такъ неожиданно—негаданно? Прости, меня, милый. Мнѣ суждено было замерзнуть за мои грѣхи. Но Богъ сжалился надо мною и по твоимъ молитвамъ даровалъ мнѣ жизнь. Значить, я должна употребить ее на пользу людямъ.

О. Савва не вѣрилъ ушамъ. Онъ радостный, съ сіяющими глазами, переспросилъ жену:

— Ты хочешь измѣнить свои убѣжденія?

— Да, это мое твердое рѣшеніе.

— О, какъ я счастливъ, Маня!

Онъ подошелъ къ женѣ, прижалъ ее къ груди и крѣпко расцѣловалъ.

— Теперь мы будемъ едино. Теперь наши жизни сольются въ одну. О, какъ я безгранично радъ твоему обращенію! Ты и представить не можешь. Цѣлые годы я терпѣливо ждалъ этихъ, такъ мнѣ желанныхъ словъ, и вотъ они произнесены. Да будетъ благословенно Имя Господне!

О. Савва весь преисполнился восторгомъ. Передъ нимъ была его настоящая подруга, которая пойдетъ съ нимъ рука объ руку. И не страшны будутъ для него бури и ураганы житескіе.

— И не уйдешь теперь на Аeonъ?— съ легкой улыбкой спросила матушка.

— Конечно, нѣтъ. Теперь у меня здѣсь свой Аeonъ.

Онъ еще разъ расцѣловалъ жену.

И матушка сдержала свое слово. Для бѣдныхъ, обездоленныхъ она явилась настоящимъ ангеломъ. Она ничего теперь не жалѣла, не копила. Она начала жить по Евангельскому закону, подобно своему мужу. И народъ назвалъ ее „золотой матушкой“. Это названіе она вполне заслужила.

И. Поповъ-Пермскій.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе).

Итакъ, главнѣйшіе способы и приемы производства искусственныхъ роевъ нами рассмотрѣны. Утѣшаемъ себя надеждой, что читатель нашъ вполне уяснилъ себѣ какъ суть искусств. роенія, такъ и технику его, а этого только намъ и нужно. Мы увѣрены теперь, что послѣдователь нашъ можетъ уже и самъ варіировать искусств. производство роевъ на разные лады; а, вѣдь, много еще можетъ быть способовъ искусств. роенія, да и на самомъ дѣлѣ они есть, но мы прошли мимо нихъ, ибо думаемъ, что *во многолазаніи нѣсть спасенія*. Преклоняясь передъ гениемъ человѣческой изобрѣтательности, мы глубоко убѣждены, что научная пчеловодная практика дастъ въ будущемъ блестящіе результаты, въ частности же она укажетъ намъ и вполне идеальные способы искусств. отраванія пчелъ. Въ данномъ случаѣ я хочу обратиться къ нашимъ отечественнымъ пчеловодамъ, не къ специалистамъ только, но ко всѣмъ вообще пчеловодамъ-практикамъ, творящимъ свое дѣло въ скромной обстановкѣ деревенской жизни, особенно же къ своимъ слушателямъ семинаристамъ, — юношамъ широкаго умственного кругозора и будущимъ нелѣнностнымъ труженикамъ на поприщѣ воздѣлыванія народной нивы — съ приглашеніемъ внести и свою тру-

довую ленту въ сокровищницу пчеловодной практики. Вашъ трудъ вамъ лично можетъ показаться ничтожнымъ и безцѣннымъ, но онъ пріобрѣтетъ большую цѣнность въ коллекціи такихъ же трудовъ вашихъ товарищей, когда сдѣлается извѣстнымъ всему пчеловодному міру. Не велика и малоцѣнна ничтожная капелька нектара, принесенная съ поля трудолюбивой пчелой, но въ боченкѣ пчеловода, наряду съ миллионами такихъ же маленькихъ и ничтожныхъ на видъ капелекъ она пріобрѣтаетъ внушительную цѣнность. Къ обмѣну знаній я васъ, господа, приглашаю, ибо увѣренъ, что только такимъ способомъ можно двигать общественное дѣло! Не говорю здѣсь пока, какъ и черезъ посредство какого общественного органа обмѣнъ сей можетъ совершиться, но придетъ время, и я влечу кличку, съ полной увѣренностью получить откликъ. Дорогіе моему сердцу слушатели—я глубоко убѣжденъ въ этомъ—отзовутся первыми.

На этомъ главу о роевой порѣ можно было-бы и закончить, но есть еще одно „нѣчто“, имѣющее прямое отношеніе къ ройбѣ., вотъ мы объ этомъ „нѣчто“ сейчасъ и поговоримъ.

Способы ограниченія и совершеннаго недопущенія роенія. Деревенскій пчелякъ стараго пошиба смотритъ на ройбу, какъ на манну небесную, и чѣмъ больше ея выпадетъ на его долю, тѣмъ большимъ счастливецомъ онъ себя чувствуетъ. Да и какъ же иначе можетъ разсуждать домовитчій, деревенскій хозяинъ? Счастливецомъ онъ себя чувствуетъ, когда на *оборотъ* у него стоитъ нѣсколько паръ воловъ круторогихъ, когда всѣ его службы переполнены *худобой*¹⁾ и живностью всякаго рода и вида, а если у него и *темнычекъ* вплошь заложень *пенечками*, онъ вширь расчесываетъ браду свою и съ достоинствомъ принимаетъ по-

¹⁾ Слово „худоба“ у малороссовъ означаетъ общее наименованіе живого, хозяйственнаго инвентаря, но по преимуществу оно относится къ рогатому скоту.

чтеніе отъ завистливыхъ, но по нуждѣ заискивающихъ со-
сѣдей. *Байдуже*, если подчасъ его *худо*ба ревмя реветъ отъ
хронической голодовки, а выйдя на улицу, *одъ витру валы-*
ця,—*съ темнычка*-же по веснѣ только третья часть въ жи-
выхъ износится...

— Что жъ! Богъ далъ, Богъ и взялъ! покорно рассу-
ждаетъ современный Іовъ.—Противъ Бога не пойдешь! при-
бавляетъ онъ еще въ назиданіе другимъ, да на томъ и успо-
каивается. Сваливъ съ себя вину на Бога, неразумный хо-
зяинъ чувствуетъ себя совершенно правымъ въ своихъ
дѣяніяхъ.

Оставивъ въ сторонѣ все прочее, мы беремъ подъ свою
защиту беззащитныхъ пчелокъ и смѣло говоримъ, что не въ
примѣръ лучше ограничить роеніе и получить только силь-
ные пни, чѣмъ имѣть ихъ много, да все дребедень; словомъ,
еще разъ повторяемъ то, о чемъ мы неоднократно уже го-
ворили.

Съ вопросомъ ограниченія ройбы близко связанъ во-
просъ о минимумѣ и даже о совершенномъ недопущеніи его,
что можетъ быть допустимо только въ томъ случаѣ, когда
пасѣка доведена до полного комплекта. Но мы сначала раз-
смотримъ первое, а потомъ, съ помощію Божіей, доберемся
и ко второму.

Способы ограниченія роенія въ пчеловодной прак-
тикѣ нашли себѣ примѣненіе съ развитіемъ промышленнаго
пчеловодства, т. е., съ тѣхъ поръ, какъ пчеловоды болѣе
стали интересоваться количествомъ меда, чѣмъ количествомъ
роевъ. Какъ только пчеловодъ убѣдился, что ему гораздо вы-
годнѣе имѣть только одни сильные пни, онъ объявилъ войну
слабымъ, а также пошелъ наперерѣзъ желанію пчелъ от-
роиться во что бы то ни стало. Мѣры, какія стали примѣ-
нять пчеловодъ къ ограниченію роенія, съ нѣкоторой на-
тяжкой, можно подраздѣлить на два вида,—на мѣры естест-
венныя (или вѣрнѣе, контръ-естественныя) и насильст-
венныя.

Мѣры перваго вида вытекають изъ разсмотрѣнія условій воспитанія семей, способствующихъ ускоренному развитію естественнаго роенія; примѣненіе же этихъ мѣръ будетъ заключаться въ устраненіи такихъ условій. Мы знаемъ, что ускоренному роенію прежде всего содѣйствуетъ *тѣснота* помѣщенія (улья), затѣмъ, *отсутствіе надлежащей вентиляции*, слѣдствіемъ чего является *духота* и, наконецъ, *перекопленіе улья пчелой*, превышающее предѣлы нормы, возможной для даннаго (предположимъ тѣснаго) улья; но и тѣснота, и духота, и перекопленіе пчелой приводятъ къ ускоренному роенію при непремѣнномъ условіи *значительной силы* даннаго пня. Конечно, противъ нормальной силы пня никогда и ни при какихъ условіяхъ нельзя воевать; что же касается тѣсноты, духоты и чрезмѣрнаго перекопленія пчелой, какъ условіяхъ, способствующихъ дробленію рабочей силы (черезъ роеніе) и потому для пчеловода-промышленника вовсе не желательныхъ, можно высказаться отрицательно и найти способы устраненія ихъ, что мы и сдѣлаемъ съ большимъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что сіе весьма легко и просто разрѣшается.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Одному изъ сельскихъ настоятелей.

При каждой церкви долженъ быть церковный сторожъ, который и можетъ исполнять обязанности пономаря. Въ случаѣ нужды и необходимости долженъ исполнять обязанности пономаря (подать кадило, вынести подсвѣчникъ) псаломщикъ. Въ этомъ нѣтъ ничего унижительнаго: въ храмѣ, для Господа всякое служеніе и дѣло—высокое, достойное и важное.

Инструкціи для псаломщиковъ есть въ епархіяхъ Кіевской, Волынской. А.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 25-го сентября 1915 года

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерин. 6.

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 42

Подписка принимается редак-
ціи журнала, или Мисіонной духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 11-го октября.

Содержаніе: I. Главная задача ближайшаго будущаго. В. Садовничій.—
II. Изъ слова Высокопр. Антонія, Архіеи. Харьковскаго.—III. Апо-
логія вѣры. Свящ. Ал. Введенскій.—IV. Толковый Типиконъ. М.
Скабаллановичъ.—V. Весѣды по пчеловодству (продолженіе). Ді-
аконъ Г. Лисянскій.—VI.—Замѣтка. Мобилизація церковной благо-
творительности. Еп. Андрей.

Главная задача ближайшаго будущаго.

Длѣняяся второй годъ міровая война заставила насъ—
русскихъ съ прискорбіемъ сознаться въ своей отсталости,
въ своей неподготовленности къ тому великому и трудному
дѣлу, какое выпало на нашу долю. Русскій народъ сталъ
лицемъ къ лицу съ сильнымъ врагомъ и до сихъ поръ не
можетъ сломить его, не можетъ изгнать его изъ предѣловъ
родной земли. Много льется русской крови, русскихъ слезъ,
и въ то же время неволью чувствуется, что при другихъ
условіяхъ побѣда могла бы быть для насъ легкой, и зазнав-
шійся нѣмецъ давно былъ бы уже посаженъ на цѣпь, пере-
сталъ бы давно уже быть пугалищемъ не только Европы, но

и остальныхъ странъ земного шара. Россія, богатая населеніемъ и неисчислимыми духовными и матеріальными сокровищами, оказалась недостаточно подготовленной и сильной къ тому, чтобы справиться съ нагрянувшей бѣдой, и только за послѣднее время подъ угрозой смертной опасности принялись у насъ за умъ, начали исправлять ошибки и упущенія прошлаго. Страну охватила лихорадка реформъ; кричать и толкуютъ о многомъ, относящемся и не относящемся къ дѣлу, забывая основное правило: поменьше словъ, но побольше дѣла. Впрочемъ, за многоглагольство особенно винить насъ нельзя: ужъ слишкомъ долго молчали, углубившись въ свои личныя дѣлишки, а тутъ вдругъ представилась возможность поговорить, ну и пользуются случаемъ. Всплываютъ на свѣтъ Божій тайные грѣшки прошлаго, открываются глаза на многое, что давно слѣдовало бы уже подновить, починить, или же за негодностью отбросить и замѣнить лучшимъ. Много путаницы, много споровъ, недоуразумѣній, но отъ всего этого, несмотря на его хаотичность, какъ-то легче становится на сердцѣ, бодрѣе смотрится впередъ. Громъ грянулъ, и Русь перекрестилась. Берегитесь, враги: Русь всколыхнулась, Русь идетъ! Хотя много она на протяженіи своей исторіи приняла на себя кровавыхъ ударовъ, но, проснувшись, она не знала преградъ, и какъ бы ни было тяжело горе, всегда стряхивала его съ себя и... опять засыпала. А въ это время подъ видомъ друзей, благожелателей, покровительствуемыхъ братьевъ и присосавшихся къ ея могучему тѣлу подъ благородными предлогами паразитовъ набрасывались на нее инородцы и тащили къ себѣ по домамъ все, кто что былъ въ силахъ стащить. Но вотъ пришелъ часъ новаго пробужденія, минула ночь, наступили предразсвѣтныя сумерки нарождающагося дня. И какъ человѣкъ, которому во время сна грозила опасность, вскакиваетъ и впопыхахъ схватываетъ для самозащиты первое—попавшееся оружіе, не разбираясь въ его доброкачественности и надежности, такъ и русскій народъ въ переживаемые нами тяжелые дни, проснувшись отъ долгаго сна, въ порывѣ самозащиты беретъ въ свои руки

наряду съ оружіемъ вѣрнымъ много непригоднаго, могущаго ему принести въ будущемъ не пользу, а одинъ лишь вредъ. Однако, мы твердо вѣримъ, что это замѣшательство пройдетъ. Окончатся сумерки, наступитъ яркій солнечный день, и все вредное, лишнее и ненужное будетъ отброшено. Даль бы только Господь, чтобы этотъ день былъ продолжительнымъ, чтобы гибельный сонъ опять въ скоромъ времени не смежилъ ясныхъ очей могучаго русскаго великана!

Наряду съ извѣщеніями о побѣдахъ и пораженіяхъ приходится читать въ газетахъ и журналахъ рѣчи, запросы, отвѣты, резолюціи и т. д. народныхъ представителей въ Г. Думѣ, на разныхъ сѣздахъ и собраніяхъ. Много здѣсь говорится дѣльнаго, смѣлаго, рѣшительнаго, что, безъ сомнѣнія, окажетъ благотѣльное вліяніе на дѣло защиты нашей родины и ея обновленія. За все это русскій народъ останется глубоко благодаренъ своимъ избранникамъ. Имена и слова нѣкоторыхъ изъ нихъ, преданіе о ихъ самоотверженности, гражданскомъ мужествѣ и беззавѣтной любви къ родинѣ запечатлѣются на страницахъ родной исторіи, и потомство всегда будетъ благоговѣйно преклоняться предъ ихъ памятью. Но въ то же время, какъ показатель того, что и великіе люди могутъ ошибаться, говоря и дѣйствуя по идеальнымъ побужденіямъ и не справляясь съ опытомъ жизни, навсегда останутся памятны ихъ ошибки, а, быть можетъ, и намѣренное желаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ принести вредъ Православной Руси.

Союзники наши за-границей весьма интересуются ходомъ жизни у насъ и много вниманія удѣляютъ вопросамъ нашей внутрѣнной политики. Подъ вліяніемъ извѣстій изъ Россіи многіе изъ нихъ приходятъ къ заключенію, что еврейскій вопросъ является „центральный въ циклѣ ожидаемыхъ реформъ“ на Руси („Рус. Слово, № 208). Такое же впечатлѣніе можно вынести и отъ чтенія нашихъ газетъ. Вѣдь въ Госуд. Думѣ послѣдняго созыва, когда завели рѣчь о реформахъ и преобразованіяхъ, не проходило, кажется, и одно-

го засѣданія, въ которомъ бы кто-либо изъ извѣстнаго направленія ораторовъ не вставилъ словечка объ „обиженномъ и безправномъ“ у насъ еврействѣ, объ уничтоженіи черты осѣдлости и т. п. Какъ будто бы спасеніе нашей родины въ данный моментъ зависитъ отъ благоденствія въ ней евреевъ, какъ будто-бы болѣе важныхъ вопросовъ для рѣшенія нѣтъ у насъ. Стыдно за нашихъ мечтателей, поддающихся на удочку враговъ Россіи, и больно за судьбу темнаго русскаго народа!.. Не будемъ здѣсь касаться и говорить о „заслугахъ“ еврейства предъ Россіей. На этомъ пришлось бы остановиться очень долго, да къ тому же теперь и не время пререканіямъ, и свѣдѣнія наши по этому вопросу могутъ значительно пополниться и выясниться лишь по возвращеніи нашихъ героевъ съ боевыхъ полей и изъ плѣна, гдѣ они на себѣ испытали эти „услуги“. Хотѣлось, скрѣпя сердце, молчать, какъ молчить обычно, мыкая свое горе и почесывая затылокъ, русскій народъ, но слишкомъ ужъ велико здѣсь заблужденіе новыхъ реформаторовъ, съѣхавшихся изъ такихъ концовъ матушки Руси, гдѣ, быть можетъ, они и въ лицо еврея не видали.

Еврей никогда не составитъ едино съ тѣмъ государствомъ, въ которомъ живетъ. Какъ бы мы ни старались сблизиться съ нимъ, онъ всегда будетъ намъ чуждъ. Еврей, живущій въ Россіи, никогда не назоветъ своимъ русскаго, или живущій, допустимъ, во Франціи—француза. Своимъ можетъ быть для него только еврей же, хотя бы онъ и жилъ въ совершенно противоположной части свѣта. Еврейская сплоченность, обособленность, предпочтеніе и финансовая поддержка другъ другу, дѣлаютъ ихъ особымъ государствомъ въ томъ государствѣ, гдѣ они живутъ. Допустить ихъ до управленія нашей страной, дать имъ равноправіе, это значитъ выдать свою родину головою чужеземцамъ. Поляки, этотъ культурный и просвѣщенный народъ Европы, пришли къ правильному выводу, что ихъ страна будетъ счастлива лишь тогда, когда освободится отъ евреевъ. И вотъ нѣсколько лѣтъ тому

назадъ они выступили съ проповѣдью бойкота еврейской торговлѣ въ Польшѣ. Сказано — сдѣлано. И потянулись сыны Израиля массаами на востокъ искать новую обѣтованную землю, гдѣ „течетъ медъ и млеко“. Съ тѣхъ поръ особенно сильно стали распинаться за равноправіе евреевъ издающіяся у насъ на еврейскія деньги газеты; наши идеалисты заплѣли имъ въ тонъ, а евреи, потирая руки, радовались, что побѣда надъ русскимъ народомъ достанется имъ гораздо легче, чѣмъ надъ древними хозяевами Ханаанской земли. Говоря эту горькую правду, мы далеки отъ мысли желать зла евреямъ. Мы хотимъ лишь защитить себя, свой родной народъ. Было бы весьма печально во дни освобожденія изъ подъ нѣмецкаго ига подпасть игу болѣе тяжелому и трудному для сверженія. Нашъ русскій народъ еще не настолько развитъ въ области коммерческой, чтобы быть въ силахъ бороться съ сынами Израиля, и пока этого равенства нѣтъ, преступно оставлять его на произволь судьбы рядомъ съ евреямъ. За примѣрами далеко не ходить: познакомьтесь съ жизнію крестьянъ Галиціи, и вы поймете всю тяжесть этой жизни въ іудейскомъ финансовомъ плѣну. Справедливость требуетъ созданія особыхъ рамокъ, за которыя еврейству воспрещенъ былъ бы переходъ. Отрицать это могутъ только тѣ, кто не признаетъ необходимости законовъ, ограждающихъ слабого отъ эксплуатаціи сильнаго. Тѣ немногія ограниченія, которыя существовали для этого племени у насъ въ Россіи, всетаки позволяли имъ жить лучше, чѣмъ живетъ въ общей массѣ нашъ народъ. Позволяемъ себѣ утверждать это на основаніи близкаго знакомства съ положеніемъ этого дѣла хотя бы въ Бѣлоруссіи и на Волыни. Въ пропорціональномъ отношеніи евреи несравненно богаче насъ; противъ этого едва-ли кто будетъ возражать. Возьмите всѣ крупныя торговыя предприятия, банки, акціонерныя компаніи и пр., и всюду вы убѣдитесь, что львинная доля всѣхъ богатствъ принадлежитъ этимъ „безправнымъ и обиженнымъ гражданамъ Россіи“. Имъ не достаетъ только министерскихъ портфелей и генеральскихъ

эполеть. Миролубивый и щедрый на благодѣяніи русскій народъ не питаетъ чувства злобы къ евреямъ. но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ долженъ позволить имъ сѣсть себѣ на шею. Въ данный историческій моментъ, когда лозунгомъ борьбы народовъ служить свобода и самоопредѣленіе національностей, было бы дикимъ преступленіемъ, достойнымъ лишь руки нѣмецкаго юнкера, закабалить русскій народъ, открывать двери его дома пришельцамъ для хозяйничанья въ немъ. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, мы обязаны стать на защиту правъ, духовнаго и національнаго достоянія русскаго человѣка. А на истерическіе вопли объ „угнетенномъ Израилѣ“, рассчитанные на добродушіе и сердобольность русскаго человѣка, нужно поменьше обращать вниманія.

Конечно, прекрасны идеи равноправія сами по себѣ; мы умиляемся и воздыхаемъ о тѣхъ временахъ, когда мечи перекуютъ на орала, когда волкъ будетъ играть съ ягненкомъ, но посадите теперь волка безъ намордника и ягненка рядомъ, и увидите, что будетъ: останутся отъ послѣдняго лишь „рожки да ножки“. Все это свидѣтельствуеетъ о томъ, что часто самыя возвышенныя и завлекательныя теоріи терпятъ полное крушеніе, когда думаютъ ихъ осуществить въ жизни. Вспоминается изреченіе одного древняго мудреца: если хотите погубить какое-либо государство, то отдайте управленіе имъ въ руки мечтателей и философовъ. Господь да хранитъ нашу родину отъ этого! Будемъ надѣяться, что здравый смыслъ въ концѣ концовъ восторжествуетъ въ головахъ нашихъ общественныхъ дѣятелей.

Страна наша можетъ стать единой, крѣпкой, могучей и страшной для враговъ тогда только, когда въ ней будетъ здоровое, крѣпкое основное ядро. Если же русскій народъ у себя дома будетъ лишь на положеніи квартиранта, занимающаго одинъ уголокъ комнаты, то получится то же, что и въ лоскутной монархіи Франца-Иосифа, гдѣ „равноправныя“ національности готовы каждую минуту перегрызть горло другъ у друга. Русскій народъ достаточно великъ и могучъ, чтобы

быть хозяиномъ своего дома, своей земли; онъ не нуждается, чтобы имъ управляли и вмѣшивались въ его внутреннія дѣла представители враждебныхъ ему національностей, употребляющіе всѣ усилія къ тому, чтобы какъ-нибудь ослабить его, обобрать его. Какъ ни много отвратительныхъ чертъ у нѣмцевъ, какъ ни противны они намъ, но всѣ мы невольно признаемъ, что этотъ сравнительно съ нами небольшой народъ пока сильнѣе насъ, и это потому, что нѣмцы высоко держатъ знамя своей національности. Они сплотились, объединились на почвѣ беззаветной любви къ родинѣ, и раскусить ихъ теперь очень трудно. Глубоко правъ былъ А. И. Гучковъ, который въ своей рѣчи на съѣздѣ Союза Городовъ сказалъ: „мы должны остерегаться, чтобы не поколебать тѣхъ устоевъ, безъ которыхъ страна не можетъ жить, безъ которыхъ въ данный моментъ она побѣдить не въ состояніи“ („Русск. Сл.“, № 206). Скажите, пожалуйста, какое дѣло еврею, или тамъ еще кому-нибудь, до священныхъ устоевъ русскаго народа, которые служатъ ему лишь помѣхой въ веденіи своихъ гешефтовъ! Да, современныя бѣдствія являются великимъ испытаніемъ нашей вѣрности вѣковому стоянью Св. Руси; и перенести это испытаніе мы можемъ, только крѣпко объединившись между собою безъ всякаго унижительнаго заигриванія и малодушнаго пресмыканія. Прислушаемся къ тому, что говоритъ намъ всѣмъ Первосвяитель златоглавой Москвы. Вотъ нѣсколько фразъ изъ Его обращенія къ народу 5 сентября текущаго года: „Православные люди! Было въ старину лихолѣтье на Руси. Видимъ лихолѣтье и теперь... Русь была тогда на краю гибели. Собрался земскій соборъ изъ однихъ русскихъ православныхъ людей. Съ помощью Божіей этотъ соборъ пришелъ къ единомыслию не только между собою, но и со всѣмъ народомъ... Русь была спасена. Да послужить это урокомъ для нашего времени! Прекратимъ и мы начавшіяся раздѣленія; объединимся всѣ около Святой Церкви, около Царскаго Престола. Объединимся подъ однимъ знаменемъ: за Вѣру Царя и Отечество!.. Православные русскіе люди! Объеди-

нитесь, сплотитесь. Не бойтесь крамолы: въ ней нѣтъ силы, ибо въ ней нѣтъ правды!.. У насъ правда, а съ правдой Богъ!“ А что на Руси теперь дѣлается? Боясь крамолы, у насъ рукоплещутъ рѣчамъ чуждыхъ намъ по крови и по духу людей, тѣмъ рѣчамъ, которыя явнымъ образомъ направлены къ обезличенію и ослабленію нашего Отечества.

Война показала, что все у насъ есть: и многіе миллионы здороваго не выраждающагося русскаго народа, способнаго на великіе подвиги, и обширнѣйшія земли съ непочатыми богатствами, и т. д. Нѣтъ у насъ только порядка, умѣнія использовать все, нѣтъ у насъ достаточнаго количества просвѣщенныхъ и образованныхъ по разнымъ специальностямъ людей. Поэтому и приходится значительные пробѣлы въ этомъ отношеніи заполнять инородцами, пришельцами. До сихъ поръ многое въ Россію выписывалось готовымъ изъ за-границы за тройныя цѣны, много творилось всякихъ непростительныхъ ошибокъ, а защитники нашихъ интересовъ не замѣчали этого. Раздаются голоса о косности нашего народа, о его лѣни, неповоротливости. Но какъ же онъ можетъ стать другимъ, когда наши просвѣщенные руководящіе классы мало думаютъ о немъ, когда въ Думѣ вмѣсто того, чтобы въ каждомъ засѣданіи кричать объ увеличеніи школъ и просвѣщенія, распинаются за еврейское равноправіе. По селамъ и деревнямъ въ Россіи избытокъ населенія; крестьяне, не умѣющіе найти выходъ изъ этого положенія, требуютъ себѣ земли, потому что избрать другой родъ занятій они сами безсильны. Дайте этому избытку сельскаго населенія просвѣщеніе, дайте ему побольше школъ коммерческихъ, сельскохозяйственныхъ, техническихъ, ремесленныхъ и др. Кричите объ этомъ въ Думѣ, а не о еврейскомъ равноправіи; а то у насъ забываютъ объ интересахъ главной массы населенія въ угоду интригующему инородческому меньшинству. Поднимите народъ до того уровня, на которомъ онъ будетъ въ силахъ бороться съ пришельцами, и тогда уничтожайте черты осѣдлости. При существующемъ же положеніи эти „благодѣянія“

инородцамъ, эта „щедрость не по разуму“ на счетъ народа, поведутъ къ гибели его; вмѣсто свободы вы дадите ему рабство. Поэтому, главная задача ближайшаго будущаго—дать образованіе народу, образованіе спеціальное, отвѣчающее нуждамъ и запросамъ времени; на классицизмъ далеко не уѣдемъ. Какъ на примѣръ нашей отсталости, можно указать на то, что типъ коммерческихъ училищъ сталъ распространяться въ Россіи только за послѣдніе нѣсколько лѣтъ, между тѣмъ какъ въ Польшѣ этого рода школы существуютъ давно уже и въ широкомъ масштабѣ. Дѣло народнаго просвѣщенія должно быть главной и первой заботой нашихъ государственныхъ дѣятелей. Когда въ Россіи будутъ въ достаточномъ количествѣ свои русскіе инженеры, техники, адвокаты, доктора, коммерсанты и т. д., когда за вкусные русскіе пироги, каковыми являются эти должности, не будутъ хвататься руки, воняющія чеснокомъ и лукомъ, тогда никакой врагъ намъ не будетъ страшень.

Итакъ, за дѣло! Если подъ вліяніемъ темныхъ силъ вдобавокъ ко всѣмъ бѣдствіямъ суждено на нашу родину обрушиться еще новому въ видѣ нѣсколькихъ милліоновъ мирной еврейской арміи, собирающейся походомъ на Русь, чтобы обобрать ее и выжать изъ нея живительные соки, то пусть это окончательно разбудитъ насъ отъ русской спячки. Если евреи получаютъ у насъ равноправіе, то они поползутъ къ намъ со всѣхъ концовъ міра, потому что нигдѣ имъ такъ легко не удаются ихъ гешефты, какъ въ Россіи, несмотря даже на бывшія доселѣ ограниченія, а тутъ вдругъ имъ предоставятъ давно желанное раздолье. Добившись равноправія, они на этомъ не останутся, они пойдутъ дальше, и кто знаетъ, можетъ быть, опять для того, чтобы отслужить Божественную службу въ Православномъ храмѣ, придется идти, цѣловать руки и на колѣняхъ просить разрѣшенія у жида, какъ это было въ западной Руси въ былыя времена. Чтобы защитить себя и предотвратить подобныя возможности, каждый изъ насъ, какое бы онъ положеніе ни занималъ, обязанъ

по мѣрѣ силъ своихъ дѣлать все, что можетъ способствовать дѣлу просвѣщенія русскаго народа.

Не будемъ забывать, что грядущая молодая Россія заклеитъ насъ позорнымъ именемъ предателей и измѣнниковъ, если мы будемъ пассивно смотрѣть или даже помогать врагамъ одѣвать кандалы рабства на ея руки и ноги; не забудемъ напомнить объ этомъ нашимъ депутатамъ, когда тѣ опять поѣдутъ въ Думу рѣшать судьбы народа. Родители и воспитатели пусть съ первыхъ дней сознательной жизни ребенка стараются насадить въ немъ горячую любовь къ дорогой родинѣ и къ ея главному устою—святой вѣрѣ Православной; пусть внушаютъ ему, что служеніе родному народу, родной землѣ, выше всего на свѣтѣ. Только великая въ своемъ религіозномъ и національномъ самосознаніи, культурная, просвѣщенная и свободная Русь смѣло взглянетъ въ глаза врагу, какъ бы силенъ и опасенъ онъ ни былъ.

В. Садовничій.

**Изъ слова Высокопреосв. Антонія, Архієпископа
Харьковскаго, сказаннаго 6-го сентября.**

„О, жено! Велія вѣра твоя!
Буди тебѣ, яко-же хочеши“.

Будемъ, братіе, со смиреніемъ и съ терпѣніемъ молить Господа о своемъ спасеніи и о ближнихъ нашихъ, пребывающихъ въ бѣдахъ и о нашихъ войнахъ, стоящихъ во вратахъ смерти, и о нашемъ отечествѣ, разоряемомъ врагами. Не прекратимъ своей мольбы, если Господь и еще закоснитъ въ ея пріятіи: чѣмъ сильнѣе будетъ испытаніе, тѣмъ обильнѣе благодатный даръ; чѣмъ больше смиритъ Онъ нашу гордыню, тѣмъ чудеснѣе будетъ Его помощь и избавленіе.

Впрочемъ, на сей разъ не о смиренной женѣ хананейской будетъ наше слово: объ этой учительницѣ всего міра я много говорилъ вамъ прошлый годъ въ сію семнадцатую недѣлю. Въ этомъ году желаю я остановить ваше вниманіе

на Христовыхъ апостолахъ. Они, какъ и всѣ іудеи, несправедливо относились къ язычникамъ...

Іудеи жестоко осуждали Спасителя за Его милосердіе къ самарянамъ и называли Его бѣсноватымъ самаряниномъ, а когда греческіе язычники просили Андрея и Филиппа представить ихъ Іисусу, то Господь открыто заявилъ, что такое общеніе приблизитъ Его мученическую смерть отъ челоуѣконенавистныхъ іудеевъ. Почему же на этотъ разъ въ апостолахъ проснулось участіе къ женщинѣ-язычницѣ? Понять не трудно: челоуѣческія страданія и беспомощное униженіе исполняютъ состраданіемъ и милостью даже враждебно настроенное, но благородное сердце: только проникнутое злобой и ложью сердце Христовыхъ враговъ явилось исключеніемъ изъ этого правила, и когда они увидѣли Христа въ униженіи, то распалялись еще больше злобой и кричали: „распни Его! Кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ“. Не таково было сердце учениковъ Христовыхъ: готовые въ другомъ случаѣ призвать огонь на непокорныхъ самарянъ, они теперь, умиленные вѣроу и смиреніемъ женщины, склоняются къ милосердію своего Учителя и говорятъ: „отпусти ю, ибо вопіетъ вслѣдъ насъ“.

Впрочемъ, не одни блаженные ученики Христовы поступили бы такъ. Всѣмъ людямъ свойственно милосердіе, даже къ безоружнымъ врагамъ, а современные нѣмцы, допускающіе въ отношеніи къ послѣднимъ жестокости, возбуждаютъ справедливое негодованіе всѣхъ народовъ. И они достойны такового негодованія, ибо и язычники японцы обращались съ беззащитными плѣнниками благородно и челоуѣколюбиво, и теперь они являются обличителями просвѣщенной націи, напрасно именующей себя христіанскоу.

Но если, братіе, достойны осужденія тѣ, которые не соблюдаютъ челоуѣколюбія въ отношеніи къ плѣннымъ неприятелямъ и безнаказанно пользуются возможностью ихъ мучить и добивать, то какъ назвать тѣхъ людей,—увы, нашихъ соотечественниковъ,—которые обнаруживаютъ такое

отношеніе не къ врагамъ, а къ кому? Языкъ не поворачивается отвѣтить—къ своему собственному отечеству, къ нашей дорогой родинѣ. Разумью тѣхъ ея недостойныхъ сыновъ, которые, какъ злые коршуны, набросились на отчизну, лишь только она стала ослабѣвать подъ натискомъ враговъ. Незванные и непрошенные, слетѣлись они тогда вмѣстѣ, подъ предлогомъ попеченія о войнѣ, и на разныхъ съѣздахъ и собраніяхъ стали разрабатывать свои революціонные разрушительные планы, требовать освобожденія и правъ внутреннимъ врагамъ Россіи, умаленія ея Церкви, умаленія правъ ея Монарха,—словомъ, воспроизводить все то, что происходило у насъ десять лѣтъ тому назадъ, но съ большею степенью лицемерія и лукавства. Тогда совершенно открыто злорадствовали нашимъ пораженіямъ Японіей; популярныя писатели (Чириковъ) сознавались въ своихъ очеркахъ войны, что они радовались каждой побѣдѣ японцевъ, а ораторы даже на школьныхъ актахъ восхваляли и превозносили нашихъ враговъ, противопоставляя ихъ Россіи.

То же самое происходитъ и теперь; точно такъ же оправдываются слова Достоевскаго о томъ, что русскій либераль ненавидитъ прежде всего самую Россію; точно такъ же они обнаружили эту ненависть только послѣ нашихъ поражений.. Дѣйствительно, гдѣ были они годъ тому назадъ? Что говорили? Что они пѣли тогда? Они говорили, что больше нѣтъ политическихъ партій въ Россіи, что всѣ слились въ одну партію патріотовъ, въ одну партію войны.

Конечно, всѣ, кто поумнѣе, не вѣрили имъ ни въ одномъ словѣ и повторяли съ баснописцемъ Крыловымъ, „я вашу волчью давно натуру знаю“. А если кто изъ прежней оппозиціи былъ искрененъ въ своихъ патріотическихъ проявленіяхъ, такъ это только оболъщенные ими юноши; прочіе же внутренніе враги нашей родины только притаились отъ страха, чтобы проснувшійся отъ духовной спячки народъ не началъ съ ними справляться. Вотъ почему они тогда заговорили о всеобщемъ объединеніи; вотъ почему они пѣли:

„Боже, Царя храни“..., вотъ почему они и теперь стараются представить себя благожелателями арміи, втайнѣ радуясь всякой ея неудачѣ.—Итакъ, кто болѣе заслуживаетъ негодованія: нѣмцы-ли, терзающіе своихъ беззащитныхъ плѣнниковъ, или эти подражатели враговъ Христовыхъ, издѣвавшихся надъ Его страданіями и требовавшихъ смертной казни избитому и израненному Испытателю? Они мутятъ теперь народъ, возбуждаютъ его противъ Монарха, распространяютъ среди него и среди войскъ прокламаціи, надѣясь на то, что народъ нашъ охладѣетъ къ страдающей родинѣ, какъ предки ихъ руководителей охладѣли къ страдающему ихъ Учителю.

Только здѣсь они ошиблись. Нашъ русскій народъ, какъ и ученики Христовы передъ женою хананейскою, еще болѣе располагаются сердцемъ своимъ къ страдальцу, чѣмъ къ побѣдителю. Онъ любитъ свое отечество въ его славѣ, восхищается своимъ Царемъ въ его силѣ, но еще болѣе готовъ жертвовать собою для Царя, когда онъ въ печали.

Пришло время раскрыть глаза народу на его развратителей, столь лживо выдающихъ свой голосъ за голосъ народа. Вы мнѣ свидѣтели, что во св храмѣ семь по нѣскольку разъ въ недѣлю говорилъ я поученія за истекшій годъ, и говорилъ только о жизни духовной, о вѣрѣ, о покаяніи, о борьбѣ со страстями, о Божіихъ дѣлахъ и подвигахъ угодниковъ; но бывають особыя обстоятельства, когда нужно указать людямъ и на внѣшнюю опасность. Берегитесь обманщиковъ! А вы, враги вѣры и отечества, знайте, что еще много лѣтъ должны вы продолжать свое развращеніе народа, прежде чѣмъ сдѣлать его такимъ же жалкимъ поклонникомъ не правды, а силы, не добродѣтели, а успѣха, какими являетесь вы, мнимые поборники свободы, а на самомъ дѣлѣ постыдные искатели власти.

Православный народъ! Не слушайся доводовъ людей, отрехшихся отъ истины и манящихъ тебя только выгодой! Православный народъ, оставайся самимъ собою! Не слушай ихъ не только потому, что они вмѣсто успѣха заведутъ тебя

въ яму, но и потому, что тебѣ и успѣхъ не любь и выгода не сладка, если она соединена съ отступленіемъ отъ вѣры, съ измѣной отечеству, съ отверженіемъ совѣсти.

Не робѣй, когда тебѣ скажутъ: „немного останется васъ, преданныхъ вѣрѣ, Царю и родинѣ, а счастливы будутъ тѣ, которые пойдутъ за нѣмцами и евреями“. Отвѣчай такъ: „нѣтъ, насъ очень много: отъ Балтійскаго моря до Великаго океана; но если бы насъ было и очень мало, если бы даже я одинъ остался за Христа, за Россію и за Царя, то и тогда буду радъ пострадать за святую истину!“.

Не напрасно, братіе, мы ежедневно прославляемъ оныхъ блаженныхъ трехъ отроковъ, которые, одни въ цѣломъ мірѣ, не поклонились скверному истукану, но посреди огненной печи прославили Тріединаго Бога вмѣстѣ съ блаженнымъ ангеломъ, который спасъ ихъ отъ неминуемой смерти. Не напрасно прославляемъ мы св. Максима Исповѣдника, явившаго свое мужество въ темницѣ, когда жестокіе мучители убѣждали его присоединиться къ еретикамъ моноелитамъ, заявляя ему, что уже три патріарха вошли съ ними въ общеніе и причащались вмѣстѣ съ ними. Святой отвѣчалъ имъ такъ: „аще и вся вселенная причастится, азъ одинъ не причащуся“.

Говори такъ и ты, христіанинъ, сынъ Россіи: „моя любовь къ Церкви, моя преданность Царю не измѣряются нашими временными успѣхами или неудачами: если суждено намъ скоро одолѣть врага—слава Богу; если суждено подпасть подъ власть нѣмцевъ и евреевъ, я и тогда не отступлю отъ Православія и отъ русскаго обычая и не поддамся нашимъ нигилистамъ“.

Вотъ въ чемъ условія нашей побѣды, вотъ въ чемъ сила Церкви и народа: грудью впередъ идти за святую правду, не справляясь заранѣе, придется ли съ нею умирать или побѣждать. Такъ вѣрующій народъ никогда не будетъ уничтоженъ. Конечно, одолѣемъ мы врага послѣ временныхъ неудачъ; но еслибъ и не одолѣли, все равно не поддадимся

вражескому духу, распространяющемуся через внутренних враговъ-революціонеровъ отъ самой столицы и по всѣмъ большимъ городамъ. А если не поддадимся, то одолѣемъ врага скорѣе, чѣмъ могли того ожидать, и быть можетъ, даже досадовать будемъ о томъ, что одолѣли такъ скоро, что мало пострадали за свои грѣхи.

Будемъ же, братіе, терпѣливо и безропотно подвизаться противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, будемъ держаться вѣры и вѣрности Царю въ смиреніи и терпѣніи, дабы и намъ сказалъ Господь, какъ оной хананейской женѣ: велія вѣра твоя! Буди тебѣ, яко-же хочещи“.

Архіепископъ *Антоній*.

Апология вѣры.

Пустые вопросы.

На серьезные вопросы легко давать отвѣты. Что же касается пустыхъ, коварныхъ, казуистическихъ вопросовъ, то предъ ними легко стать втупикъ. Иной разъ и не отвѣтишь на нихъ. А между тѣмъ необходимо дать отвѣтъ. Иначе малѣйшее молчаніе будетъ поставлено намъ въ минусъ. Растерянность сочтутъ за пораженіе, уклончивость отъ отвѣта — за безсиліе.

Въ житейскомъ быту много такихъ „крылатыхъ словечекъ“ и вопросовъ. Чаше всего ими щеголяютъ полуинтеллигенты, и чѣмъ неожиданнѣе и высокоумнѣе ихъ нападки на религію, тѣмъ затруднительнѣе бываетъ для вѣрующихъ дать подходящій отвѣтъ.

Настоящими строками мы хотѣли бы придти на помощь въ такихъ случаяхъ болѣе широкимъ кругамъ общества, выбравъ изъ богатыхъ арсеналовъ апологетики ¹⁾ кой-какое орудіе защиты, приспособивъ его, такъ сказать, къ повседневному обиходу.

¹⁾ См. въ особенности кн. II. Нилькесъ: „Оправданіе вѣры“, переведенную Ф. А. Гильбертомъ и теперь еще печатующуюся.

Религія — изобрѣтеніе священниковъ.

Религія — изобрѣтеніе священниковъ.

Отвѣтъ. Но откуда же священники? Выходить, что священники существовали прежде, чѣмъ существовала религія, и поклонялись Богу. Это было бы такъ же разумно, какъ если бы кто сказалъ, что желѣзныя дороги — изобрѣтеніе желѣзно-дорожныхъ служащихъ.

Религія — дѣло вкуса.

Кто не любитъ музыки, тому пусть не надоѣдаютъ ею. Поэтому, избавьте меня отъ религіи: она не въ моемъ вкусѣ.

Отвѣтъ. Религія есть поклоненіе Богу. Слѣдовательно, религіозныя обязанности по крайней мѣрѣ такъ же священны, какъ и обязанность платить налоги. Если бы кто-либо осмѣлился сказать: „Платежъ налоговъ не въ моемъ вкусѣ“, какъ живо онъ позналъ бы разницу между *обязанностью* и *вкусомъ*.

Свободомыслящіе.

Мнѣ не нужна религія: я свободомыслящій.

Отвѣтъ. Я боюсь, что вы не свободны и не мыслитель. Вы не можете допустить даже мысли, что $3 \times 3 = 13$, или что сѣверный полюсъ находится въ Москвѣ, или что вы мнѣ должны 10,000 руб. Не правда ли, что въ своемъ мышленіи вы не свободны, но связаны истинами и фактами?

Точно такъ же мы, вѣрующіе, связаны неопровержимыми фактами откровенія и его непреложными истинами.

Но въ чемъ же тогда еще заключается ваше свободомысліе?

Быть можетъ, въ томъ, что вы произвольно признаете одну истину, а другой нѣтъ, допускаете одинъ фактъ и отвергаете другой, столь же несомнѣнный? Такъ „мыслить“ незрѣлыя дѣти или зрѣлые глупцы.

Слѣдовательно, религія препятствуетъ мыслить лишь тѣмъ, кто не созданъ для мышленія“.

Религія — излишня.

Религія и вѣра въ Бога излишни для человѣческой жизни. Если только каждый живетъ разумно и прилично, и добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, то человечество прекрасно обходится безъ Бога.

Отвѣтъ. а) Да, если бы не было этого „если“. Я же сперва предлагаю упразднить полицію, уголовные законы и судъ. Ибо „если каждый живетъ разумно и прилично, и добросовѣстно исполняетъ свои обязанности“, то человечество можетъ обойтись безъ полиціи, судей и наказаній.

б) Нравственность безъ религіи! *Бель-этажъ безъ подвального этажа!* Если надо мной нѣтъ Бога, то я самъ-богъ. Кто можетъ тогда налагать на меня обязанности? Во всякомъ случаѣ, я не отвѣтственъ ни передъ кѣмъ и могу не подчиняться тому, что называютъ обязанностями. Жить *разумно*—что же это значить? И анархистъ считаетъ, что онъ разумно поступаетъ, и революціонеръ, и реакціонеръ, и эксплуататоръ, и воръ и многіе другіе. Всѣ думаютъ, что они разумно живутъ и полезны для людей. Кто же дѣйствительно разумно живетъ изъ нихъ?

в) Либеральный профессоръ политической экономіи Эмиль де Лавли ставитъ такой вопросъ: „Можетъ ли цивилизованное общество существовать продолжительное время безъ религіи?“ И отвѣчаетъ:

Безъ вѣры въ Бога и въ безсмертіе души нѣтъ уже ничего такого, что могло бы препятствовать разумному существу искать наслажденій и личной пользы за счетъ блага другихъ... Если я могу обогатить себя, не рискуя подвергнуться уголовному наказанію, то почему же мнѣ этого не сдѣлать? Блескъ золота скоро заставитъ человѣка забыть про пятно на его нравственномъ обликѣ. Я не вижу разумнаго основанія воздерживаться отъ какого либо нечестнаго поступка, вѣроломства, даже воровства, коль скоро оно остается ненаказуемымъ и приносить мнѣ пользу... Честь! Эка важ-

ность въ глазахъ человѣка, жаждущаго наслажденій.—Совѣсть! Безъ Бога нѣтъ ея... Безъ религіи былъ бы неизбѣженъ возвратъ къ варварству.

г) Однажды безбожный Вольтеръ сидѣлъ со своими столь же безбожными друзьями Аламберомъ и Дидро за столомъ и высказывалъ свои столь безбожные взгляды, что когда вошелъ слуга, то Вольтеръ остановился и сказалъ: „Подождите, пока не удалятся мои слуги. Я не хочу, чтобы они задушили меня этой ночью“.

д) Безъ религіи, говорилъ Наполеонъ, люди убивали бы другъ друга изъ-за самой сочной груши и прекраснѣйшей женщины.

Религія и школа.

Религіозное воспитаніе вполнѣ замѣняется основательнымъ школьнымъ образованіемъ. Если только дѣти получаютъ разумное воспитаніе, то они не нуждаются въ изученіи Закона Божія, чтобы стать порядочными людьми.

Отвѣтъ. Вы такъ полагаете? Тогда послушайте, что говорить Бонжо, парижскій судья: „Ясно, что главная вина вырожденія и испорченности нравовъ заключается въ безрелигіозномъ воспитаніи“.

Официальная статистика преступленій Департамента Сены показываетъ, что изъ 100 дѣтей, привлеченныхъ къ суду, 11% получили свое воспитаніе въ католическихъ школахъ, а 89% въ государственныхъ школахъ, гдѣ упразднено преподаваніе Закона Божія.

Въ Италіи, согласно даннымъ профессора Гарофало, число отбывающихъ наказаніе въ тюрьмѣ возросло съ 15037 въ 1862 г. до 28336 въ 1894-году. Въ 1889 году число осужденныхъ юныхъ преступниковъ составляло $\frac{1}{5}$ часть всего числа осужденныхъ. Изъ нихъ 5500 еще не достигли 14 лѣтъ. Законъ Вожій въ школахъ не преподается. Единственный учебникъ нравственности, который проходитъ въ высшихъ классахъ,—учебникъ законовѣднія. Несомнѣнно ирре-

лигіозная „Revue scientifique“ говорить по поводу этихъ фактовъ: „Наша теперешняя школа воспитываетъ большинство учениковъ врагами общества и многихъ изъ нихъ приверженцами социализма въ самой неприглядной формѣ“.

Религія и земледѣліе.

Мой сосѣдъ молится, а я нѣтъ. Онъ ходитъ въ церковь, а я нѣтъ. И тѣмъ не менѣе на моемъ полѣ столько же колосьевъ, какъ и на его полѣ. Въ чемъ же тутъ разница? Дѣло не въ религіи и молитвѣ, но въ удобрѣніи.

Отвѣтъ. Разница слѣдующая:

1) Вы невоспитанный человѣкъ по отношенію къ Богу, ибо не умѣете вести себя. Вашъ же сосѣдъ со своими молитвами ведетъ себя подобающимъ образомъ по отношенію къ Богу, высшему Господину.

2) Вашъ сосѣдъ наслаждается дарами Небеснаго Отца, какъ доброе дитя, съ радостію и съ благодарностью. Вы же напоминаете мнѣ мальчика извѣстнаго возраста, который сидитъ за столомъ отца, но уже не говоритъ ему: „доброе утро“.

3) Третье различіе скажется впоследствии. Вашъ сосѣдъ получитъ, кромѣ колосьевъ, и небесную награду. Вы же врядъ ли можете рассчитывать на таковое воздаяніе за ваше богохульство.

Законоучитель Одесской 2-й гимназіи *свящ. Ал. Введенскій.*

(Окончаніе слѣдуетъ)

Толковый Типиконъ.**4-я ГЛАВА ТИПИКОНА.**

О святѣхъ, имущемъ поліелей, аще прилучится въ недѣлю.

Такъ какъ поліелейныхъ святыхъ приходится по нѣ сколько на каждый мѣсяць, то рассматриваемое въ этой главѣ соединеніе службъ—явленіе, гораздо болѣе частое, чѣмъ то,

которому посвящена предыдущая глава. На поверхностный взгляд совпаденіе поліелейной службы съ воскреснымъ бдѣніемъ почти ничѣмъ не разнится отъ предыдущаго случая; но уставъ тщательно разграничиваетъ эти случаи, стремясь, гдѣ возможно, дать преимущество, какъ бы выгодныя отличія, бдѣнному святому предъ поліелейнымъ.

Такое отличіе оказалось возможнымъ дать только въ слѣдующихъ пунктахъ бдѣнія. 1) На вечерни на литіи не поются стихиры святаго, если ихъ не положено; по „Нынѣ отпускаеши“, тропарь святому не поется, а только „Богородице Дѣво“ трижды. Въ этомъ отношеніи поліелейному святому не дается преимущества и предъ малымъ. Это въ виду особой важности этого момента (ср. конецъ утрени, тропарь по словословію). 2) На утрени канонъ святому не на 8, какъ бдѣнному, а только на 6; въ виду этого сокращенія не опускается крестовоскресный канонъ и поется, какъ богородичный, на 2. Только если поліелейный святой имѣеть два канона на утрени, оба эти канона поются на 8, чтобы не опустить одного изъ нихъ и изъ-за трудности пѣть на 6. Это, такъ сказать уступка необходимости. Въ данномъ отношеніи поліелейный святой не имѣеть преимущества предъ шестеричнымъ. По окончаніи утрени при исхожденіи въ притворъ не поется стихира святаго, а только храма, и не бываетъ елопомазанія. 3) На литургіи присоединяются тропарь и кондакъ храмоваго святаго, опускаемые при бдѣнномъ святомъ¹⁾.

Къ этимъ тремъ прямо указаннымъ въ рассматриваемой главѣ отличіямъ въ соединеніи воскресной службы со святыми поліелейнымъ и бдѣннымъ нужно прибавить отличіе въ этой главѣ не оговоренное, но подразумѣваемое, вытекающее изъ примѣчанія ко 2 главѣ Типикона объ образѣ совершенія поліелея. Въ томъ примѣчаніи разграничивается

¹⁾ Какое мѣсто они занимають, не указано, но, судя по этому умолчанію, то же, что и при маломъ святомъ, т. е., предшествуютъ тропарю и кондаку дневнаго святаго.

поліелей великихъ праздниковъ и великихъ святыхъ отъ поліелея обычнаго, и только при первомъ полагається исхождение на середину храма къ иковѣ святаго. Слѣдовательно, при совпаденіи съ воскресеньемъ поліелейнаго святаго такое исхождение не полагается, а только кажденіе такое же, какъ на воскресной утрени для поліелея или 17-й каѳисмы вмѣсто него.

Разсматриваемая глава порождаетъ недоумѣніе относительно малой вечерни. На ней положены славники на Господи возвахъ и на стиховнѣ святому. Но поліелейный святой (исключая тѣхъ, о которыхъ сказано: „аще изволить настоятель, творимъ бдѣніе“) вообще не имѣетъ малой вечерни. Славники же его вечерни поются на великой вечерни бдѣнія. Слѣдовательно, эти славники нужно брать изъ Общей Миней (если ихъ вовсе не пѣть).

Въ *рукописныхъ* славянскихъ уставахъ (XIV—XV в.) разница съ современной практикой та же, что и для великаго святаго¹⁾. По *старобрядческому* уставу все такъ же, какъ у насъ, исключая поліелея и междопѣсній канона, гдѣ такъ же, какъ для великаго святаго; относительно тропарей на литургіи выразительно указывается, что храмовые тропари и кондаки предшествуютъ рядовому святому²⁾.

5-я ГЛАВА ТИПИКОНА.

О святѣмъ поемѣмъ на 6. Аще будетъ въ недѣлю, не имѣяй бдѣнія.

Шестеричный святой при совпаденіи съ воскресеньемъ сохраняетъ всѣ свои особенности, исключая количества стихиръ на Господи возвахъ, которое сокращается до 4 (для отличія отъ бдѣннаго и поліелейнаго святаго). Т. е., въ сравненіи съ малыми святыми его преимущества въ этомъ случаѣ: стихиры на Господи возвахъ на 4, на литіи славникъ (изъ

¹⁾ Ркп. Моск. Синод. библ. № 328/383. л. 193—194.

²⁾ Око Церковное, л. (15) 29—30.

стиховныхъ утренихъ), канонъ на 6, на хвалитѣхъ стихиры, если положены (двѣ послѣднія съ припѣвами вечерними стиховными изъ Общей Минеи).

Шестеричный святой, имѣющій славословіе (великое), при совпаденіи съ воскресеніемъ имѣетъ предъ шестеричнымъ два преимущества: на литіи послѣ храмовой стихиры его стиховная стихира (одна, или, подразумѣвается, нѣсколько, если ихъ нѣсколько); на часахъ поется кондакъ его попеременно съ воскреснымъ, какъ у великаго и поліелейнаго святаго. По сравненію съ малымъ святымъ, т. е., преимущества двойныя.

орія.

По рукописнымъ уставамъ— то же, исключая, что о литіи замѣчено: „стихира святаго монастыря (и) святаго, аще суть лишніа“; на канонѣ по 6 пѣсни кондакъ святаго; на литургіи тропари: „вскресенъ, святаго, слава кондакъ (его), и нынѣ богородичень подобникъ“¹⁾. По старообрядческому уставу разница съ нашимъ: о литіи замѣчено: „стихира храма и стихиры господина Павла Амморейскаго“; по 6 пѣсни „кондакъ святаго и икосъ“²⁾.

жаніе
вы.

Эта глава въ Типиконѣ имѣетъ *примѣчаніе* („зри“) относительно того, когда на вечернѣ не бываетъ каѳисмы: ея не бываетъ на вечернѣ въ воскресенье и во всѣ праздники, въ которые бываетъ бдѣніе, — въ виду, разумѣется, усталости отъ бдѣнія. Не бываетъ рядовой каѳисмы и на самомъ бдѣніи, а замѣнитъ ея только 1-й антифонъ („1-я слава“) 1-ой каѳисмы „Блаженъ мужъ“, исключая, конечно, случай совпаденія бдѣннаго праздника съ воскресеньемъ: въ такомъ случаѣ въ субботу бываетъ вся 1-я каѳисма.

Это примѣчаніе появляется впервые, повидимому, въ старопечатныхъ уставахъ.

Въ старообрядческомъ уставѣ здѣсь разница съ нашимъ: „рядовую же каѳисму служивы іерей отпѣваетъ себѣ, или параклѣсархъ въ Церкви или въ келіи“. „Въ няже дни бываетъ бдѣніе, оставляемъ обычную литію вечерни, паки же и на цаве-

¹⁾ Рукоп. Моск. Синод. библ. № 323/383, л. 195.

²⁾ Око Церковное. л. (16) 30—31.

черници (=повечеріи) оставляемъ канонъ молебень Богородицѣ, труда ради преже бывшаго бдѣннаго, поемъ же и утреню заутра къ свѣту“.

6-я ГЛАВА ТИПИКОНА.

О бдѣніихъ, бывающихъ чрезъ все лето.

Подсчитывается количество бдѣній въ теченіе года: воскресныхъ 52, а съ бдѣніями „Владычныхъ“ (= дванадесятыхъ) праздниковъ и другими (= великихъ святыхъ) 68. Кромѣ дванадесятыхъ праздниковъ (изъ которыхъ обычно хотя одинъ совпадаетъ съ воскресеньемъ), очевидно, имѣются въ виду бдѣнія: 1 и 30 янв., 8 мая, 24 и 29 ін., 29 авг., 26 сент. (изъ коихъ нѣкоторыя тоже должны совпадать съ воскресеньями).

Присовокупляется замѣчаніе, что кромѣ этихъ бдѣній могутъ быть бдѣнія и въ другіе праздники по усмотрѣнію настоятеля, которое должно быть не произвольнымъ, а сообразоваться съ усердіемъ его „церковниковъ“ (братіи). Но бдѣніе въ день храма обязательно.

Въ рукописныхъ уставахъ, какъ греческихъ, такъ и славянскихъ, эта глава, даетъ полный перечень праздниковъ, въ которые полагаются бдѣнія. Кромѣ дванадесятыхъ, указываются слѣд. праздники: 26 с., 17 янв., 8 м., 24 и 29 ін., 29 авг. Къ этому перечню въ греч. рукоп. и печатн. греч. Іерус. Типиконѣ присоединяется перечень бдѣній, „бываемыхъ, егда настоятель изволитъ“ (εἴτερ ὁ ἡγούμενος θέλει): 13 ноября, 5 дек., 20 янв.¹⁾ Въ старообрядческомъ уставѣ къ этой главѣ прибавлено примѣчаніе („зри“) о томъ, чтобы наканунѣ великихъ праздниковъ (кромѣ дванадесятыхъ исчисляются: предтечевы, Петра и Павла, Іоанна Богослова) прочитывать „апостоль и евангеліе“, „хотящее быти тогда въ самый день праздника“, „подъ главу“ (=подъ за-

¹⁾ Рукоп. Моск. Рум. Муз. № 491/35, л. 8 об., Моск. Синод. Тип. греч. № 381, л. 7 об.; слав. № 328, л. 10 об. Типиконъ, Венеція, 1643, л. 4 об.

чало); „на самый же праздник чтемъ празднику единому, якоже и вся служба“ ¹).

М. Скабаллановичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе)²⁾.

Тѣснота, какъ не трудно догадаться, устраняется просторомъ улья. Читатель, вѣроятно, помнитъ наши сужденія и вычисленія относительно нормальной величины улья, основанныхъ на силѣ производительности матки³⁾; тамъ мы указали норму и рекомендовали не уменьшать ея; теперь же пояснимъ, что уменьшеніе нормы поведетъ къ тѣснотѣ, способствующей ускоренному роенію. Да и въ самомъ дѣлѣ.., вотъ матка засѣяла всѣ свободныя ячейки, перешла даже на крайнія рамки, и вы видите все это, но не можете за тѣснотой помочь горю, вы не можете вставить болѣе ни одной рамки, пчелы же потѣснятся нѣкоторое время, да и подумаютъ о колонизаціи, а разъ ихъ охватила *роевая горячка*, и вы ее не предупредили во время, тутъ ужъ ничто не поможетъ, тутъ ужъ и запоздалый просторъ, предоставленный имъ замѣшкавшимся пчеловодомъ, не поможетъ. Значитъ, цѣль въ данномъ случаѣ будетъ достигнута при непремѣнномъ условіи нормальной величины улья и даже сверхъ нормальной, о чемъ мы тоже говорили⁴⁾ раньше, но предоставленной пчеламъ своевременно. Конечно, если пчеловодъ, при наличіи даже сверхнормальнаго улья, запоздаетъ разширить гнѣздо добавленіемъ должнаго количества рамокъ, цѣль достигнута не будетъ.., не будетъ она достигнута и въ томъ случаѣ, когда начнется обильный взятокъ, а пчеловодъ не позаботится во время откачать на медогонкѣ лишніе запасы.

¹⁾ См. № 41.

²⁾ См. II ч. Бесѣдъ, стр. 279.

³⁾ О чемъ мы тоже говорили раньше. См. стр. 316. Примѣчаніе.

Духота въ ульѣ бываетъ, когда стѣнки его, при отсутствіи надлежащей вентиляціи, чрезчуръ тонки, и онъ совершенно не защищенъ отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца. Этотъ недостатокъ устраняется мѣрами противоположнаго свойства, т. е., устройствомъ плотныхъ ульевъ, а если возможно, то и двухстѣнныхъ, затѣмъ, искусственнымъ или естественнымъ затѣненіемъ ихъ и, наконецъ, примѣненіемъ надлежащей вентиляціи. Въ виду того обстоятельства, что мѣры перваго и послѣдняго рода въ поясненіяхъ не нуждаются, остановимся на средней. Затѣненнымъ естественно будетъ улей въ то время, когда онъ въ самую жаркую пору дня окажется въ тѣни вѣтвистаго дерева или большого куста, искусственно же затѣненнымъ будетъ онъ, когда пчеловодъ покроетъ его легкой, добавочной крышкой, устроенной изъ худо проводящаго тепло матеріала, напр.: соломы, камыша и дерева (лапша, дрянь и лубъ). Сверхъ всего этого добавимъ, что нѣкоторые пчеловоды, въ пору наибольшей духоты, когда пчелы массами выкоплются наружу улья, приподымаютъ немного крышку или вставляютъ клинушекъ между корпусомъ улья и его отъемнымъ дномъ. Въ образовавшихся отъ такой диверсіи щеляхъ немедленно появятся пчелы, усядутся рядами и трепыханіемъ крылышекъ начнутъ гнать извнутри душный воздухъ; гнѣздо, конечно, остудится, и цѣль будетъ достигнута.

Перекопленіе улья пчелой устраняется уравненіемъ слабыхъ и сильныхъ семей посредствомъ взаимнаго обмѣна ихъ мѣстами, что, какъ читатель уже знаетъ, практикуется и по другимъ соображеніямъ. Многочисленная летная муха перекопленнаго пчелой пня слетитъ къ другому, слабому пню, и надолго выведетъ родной пень изъ разряда готовящихся къ роибѣ семей.

Вотъ мы и рассмотрѣли способы ограниченія перваго вида, названные нами *мѣрами контръ-естественнаго свойства*. Мѣры эти, конечно, хороши, но не всегда дѣйствительны; а главное, требуютъ весьма предупредительной и

своевременной заботливости пчеловода. Болѣе рѣшительными мѣрами и болѣе надежными считаются мѣры второго вида, названныя нами *мѣрами насильственными*, къ разсмотрѣнію каковыхъ сейчасъ и приступимъ. Къ мѣрамъ послѣдняго вида относится: ограниченіе червленія посредствомъ примѣненія отгораживающей матку рѣшетки и подрѣзаніе крылышекъ матки.

Ограниченіе червленія производится, какъ совѣтуетъ проф. Цесельскій, за 10—15 дней до начала главнаго взятка, т. е., въ то время, когда матка вошла въ наивысшій фазисъ червленія, но пчелы еще не сдѣлали приготовленій къ роибѣ (не заложили маточниковъ и проч.). Ограниченіе сіе производится слѣдующимъ образомъ. Отдѣливъ 6—7 рамокъ, придвигаемъ ихъ, предположимъ, къ правой сторонѣ улья и заставляемъ съ лѣвой стороны (въ данномъ случаѣ) отгораживающей рѣшеткой, черезъ отверстія которой могутъ свободно проходить рабочія пчелы, но не можетъ пройти матка, Въ отдѣленной половинѣ обязательно должна быть матка, въ чемъ пчеловодъ долженъ воочию убѣдиться. Нужно постараться при этомъ, чтобы здѣсь было достаточно мѣста для кладки яицъ, въ противномъ же случаѣ, т. е., если всѣ рамки будутъ сплошь занесены червой, куда слѣдуетъ вставить, взаменъ одной рамки, сушь или пластъ слегка обработанной искусств. вошины. Кромѣ этого, въ числѣ отдѣленныхъ рамокъ должно быть двѣ съ совершенно зрѣлой, запечатанной червой; пчелки отсюда скоро выйдутъ и дадутъ просторъ для дѣятельности матки. Словомъ, въ отдѣленной половинѣ матка будетъ сѣять съ ограниченіемъ, дастъ семьѣ достаточный притокъ свѣжей силы, но не дастъ роевого излишка и тѣсноты, вызывающей роеніе; здѣсь если и окажется со временемъ тѣснота, и если даже матка маточники заложитъ, то все равно ничего изъ этого не выйдетъ: стѣсненные пчелы выйдутъ на другую половину, а отгороженная матка, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ уйти съ роємъ, вынуждена будетъ уничтожить заложенные ею маточники; тѣ же сви-

щевые маточники, которые могут быть заложены пчелами на другой половинѣ, должны быть уничтожены пчеловодомъ. Ограниченіе червленія матки, посредствомъ отгораживающей рѣшетки, примѣняется пчеловодами и въ цѣляхъ сбора наибольшаго количества меда, о чемъ мы будемъ еще говорить въ бесѣдѣ о медосборѣ.

Теперь остается намъ еще поговорить о типахъ отгораживающихъ рѣшетокъ. Въ практикѣ пчеловодовъ наибольшей популярностью пользуются два типа: 1) такъ называемая ганнемановская ¹⁾ рѣшетка, изобрѣтенная аббатомъ Колленомъ ²⁾ и 2) рѣшетка американская. Ганнемановская рѣшетка представляетъ изъ себя извѣстной величины цинковый листъ съ выбитыми въ немъ, многочисленными продольными отверстиями такой величины (ширины), чтобы сквозь нихъ могли свободно пройти рабочія пчелы, но не могла-бы пройти матка. Листъ этотъ приколачивается къ деревянной рамкѣ, точно устроенной по размѣру внутренняго (поперечнаго) разрѣза даннаго улья, такъ пригнанной, чтобы между стѣнками, дномъ и ею (рамкой) не было никакихъ проходныхъ отверстій и щелей. Какъ ни хороша ганнемановская рѣшетка, но у нея есть существенный недостатокъ,—пчеловоды замѣтили, что крылышки пчелъ, отъ частаго пролѣзанія сквозь рѣшетку, скоро треплются и приходятъ въ негодность; да и въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни старался мастеръ аккуратно загладить неровности отбитыхъ краевъ проходныхъ отверстій; но на нихъ все равно останутся зазубрины, вполне достаточныя для того, чтобы разорвать нѣжную, слюдовидную ткань пчелиныхъ крылышекъ и привести ихъ въ полунегодность. Были попытки сдѣлать ганнемановскую рѣшетку изъ тонкаго картона, но бумага коробилась въ ульѣ, отверстія растопыривались, расширялись и пропускали матку, да и пчелы разгрызали такую рѣшетку своими крѣпкими челюстями.

¹⁾ См. 5 табл., рис. 25.

²⁾ Лангстратъ „Пчела и улей“ § 732.

Американская рѣшетка, устроенная изъ крученыхъ, цинковыхъ проволокъ, оказалась на практикѣ болѣе удобной и теперь она повсемѣстно вытѣсняетъ рѣшетку ганнемановскую, но и американка вполне совершеннымъ изобрѣтеніемъ считаться не можетъ, такъ какъ отъ самаго незначительнаго нажатія проволоки подаются въ сторону, измѣняютъ направленіе, и расширяются проходныя отверстія. Словомъ, отгораживающая рѣшетка еще ждетъ своего изобрѣтателя или по крайней мѣрѣ усовершенствователя, каковой, надѣмся, не замедлитъ появиться въ недалекомъ будущемъ.

Подрѣзаніе крылышекъ матки, собственно говоря, не ограничиваетъ, но только лишь на нѣкоторое время предохраняетъ рой отъ бѣгства. Матка съ подрѣзаннымъ крылышкомъ, если и вылетитъ съ роемъ, то все равно сопровождать его не сможетъ; она перекувыркнется въ воздухъ, да и упадетъ тутъ же около улья на землѣ. Если ее пчелы замѣтятъ, соберутся около нея на землѣ, въ противномъ же случаѣ воротятся на старика. Вотъ въ этомъ второмъ случаѣ и произойдетъ ограниченіе роенія. Потерявъ матку, но все же хоть формально отроившись, пчелы примираются со своимъ положеніемъ, и если пчеловодъ не допуститъ вторака, то и произойдетъ ограниченіе роенія и даже совершенное недопущеніе его, о чемъ мы и будемъ говорить ниже болѣе подробно.

Недопущеніе роенія практикуется пчеловодами въ тѣхъ случаяхъ, когда число пней пасѣвки доведено до полнаго комплекта и умноженіе ихъ вовсе не желательно, напротивъ, является лишнимъ непосильнымъ бременемъ. Вопросъ о полной ликвидаціи роенія давно интересуется и даже волнуетъ современныхъ пчеловодовъ, но разрѣшеніе его иногда выливается въ довольно уродливую форму. Не помню хорошо, въ какомъ именно пчеловодномъ журналѣ появился было проектъ ликвидаціи роенія; проектъ этотъ, хотя и не лишенный остроумія, но совершенно не пригоденъ на практикѣ. Изобрѣтатель совѣтуетъ вставлять между гнѣздовыми

рамками еще и фальшивыя, зарѣшеченныя съ обѣихъ сторонъ тоненькими планками, и увѣряетъ, что семья, получившая такой гостинецъ, никогда не отроится. И, дѣйствительно, куда ей бѣднягѣ роиться? Вы только подумайте, сколько у нея потребуется мухи, чтобы заполнить фальшивыя рамки? а заполнить ихъ обязательно нужно, иначе остудится гнѣздо, и замреть черва. Роя, правдѣ, не будетъ, но вотъ бѣда: не будетъ и меда, ибо некому будетъ за нимъ ходить въ поле. Есть и другіе способы не допустить роя, но мы, пройдя мимо нихъ, остановимся на способѣ, практикуемомъ нашимъ пчоловымъ батькомъ В. Ѳ. Ващенко.

Способъ не допустить роя *посредствомъ искусственной отройки готового къ роить старика* въ его же собственномъ ульѣ опубликованъ въ печати и теперь уже практикуется пчеловодами въ довольно большомъ масштабѣ. Мнѣ лично В. Ѳ. повѣдалъ о своемъ приѣмѣ давно уже, и я, не безъ успѣха, испытывалъ его на практикѣ многократно и даже варіировалъ его на разные лады, о чемъ и повѣдаю читателю въ своихъ бесѣдахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

Мобилизація духовной благодѣтельности.

Настоящее время можно охарактеризовать словами— всесторонняя мобилизація. Война заставила всѣхъ русскихъ людей не только говорить, но и думать и даже дѣлать, — а если русскіе люди рѣшились на такую мобилизацію, то, очевидно, громъ грянулъ. И слава Богу! Народный трудъ, сопровождающій народное патріотическое одушевленіе—несомнѣнный залогъ побѣды нашей надъ врагомъ нашей родины.

Но и самая побѣда надъ врагомъ оставитъ внутри страны милліоны безпризорныхъ сиротъ... и калѣкъ. Эти толпы сиротъ и безногіе и безрукіе калѣки... и сейчасъ встрѣчаются почти въ каждой деревнѣ, а въ ближайшемъ будущемъ ихъ число увеличится до огромной величины.

Помощь этимъ жертвамъ войны настоятельно необходима; благотворительность нынѣ должна быть усилена до крайнихъ предѣловъ, чтобы облегчить участь всѣхъ несчастныхъ, чья жизнь исковеркана войною.

Кто же въ состояніи помочь имъ? Ни государство, ни даже земство не въ силахъ сдѣлать многое, потому что надвигающаяся нужда слишкомъ велика, слишкомъ разнообразна.

Для сиротъ нужны пріюты, ясли, школы, общежитія; для калѣкъ необходимы дома трудолюбія, ремесленныя школы, мастерскія и пр. и пр.

Все это сдѣлать бы православный приходъ, всякія возможности и виды несчастій семейныхъ и личныхъ могла бы предусмотрѣть и всѣмъ во всякой бѣдѣ могла бы помочь только такая близкая къ народу организація, какъ церковно-приходская община, если бы она получила хоть какую-нибудь возможность къ нормальному существованію и развитію.

Тогда во всей силѣ и красотѣ проявила бы себя церковная благотворительность...

А нынѣ, что представляетъ церковная благотворительность?

Да вѣдь это же нынѣ—звукъ пустой...

Сборы въ церкви на всевозможныя общества—это для насъ привычно и понятно. Совершенно такъ же понятны намъ благотворительные спектакли, сборы бѣлыхъ и красныхъ незабудокъ, ромашекъ и еще какихъ-то цвѣтковъ, но церковная благотворительность... Это что-то вовсе незнакомое, непривычное и непонятное.

Да изъ какихъ же средствъ церковная благотворительность можетъ развиваться?

Я въ печати уже, кажется, въ 1001-й разъ говорю, что въ храмахъ нашихъ буквально нѣтъ ни одной свободной копѣйки, кромѣ средствъ со специальнымъ назначеніемъ; приходскихъ денегъ нѣтъ, потому что нѣтъ и самихъ приходовъ, какъ живыхъ организацій. Наша благотворительность—нынѣ вся вѣщцерковная; правда, иногда благотвореніе совершается въ храмахъ, но это—только благотворительные сборы по рас-

пораженію начальства, а не проявленіе церковной жизни. Правда, сейчасъ, по распоряженію того же начальства, основаны церковно-попечительные совѣты, но ихъ дѣятельность вполнѣ ничтожна, какъ ничтожны и ихъ средства; а эти средства едва ли и могутъ быть большими, потому что совершенно случайны, да и собираются большею частью натурою: хлѣбомъ, дровами, капустою и т. п. Никто не спорить: сердце русскаго человѣка преисполнено любовью и милосердіемъ, и сейчасъ обильною рѣкою льются по зову духовенства пожертвованія деньгами и вещами, но все это—добрыя дѣла добрыхъ людей, ничего общаго не имѣющія съ организаціею церковно-приходской жизни. Пожертвованія льются теперь вездѣ и отовсюду; и благотворительныя театральныя представленія даютъ полные сборы, и русскіе и мусульмане и даже евреи сейчасъ всемирно желаютъ проявить свою благотворительность и гордятся своими подвигами благотворенія. Сейчасъ читаю въ газетахъ о пожертвованіяхъ бурятъ...

Но далѣе идетъ существенная разница между этими благотворителями: у мусульманъ имѣются крѣпкія религіозно-бытовья организаціи, имѣются свои средства, которыми эти организаціи располагаютъ. О евреяхъ и говорить нечего: они представляютъ ничѣмъ несокрушимую семью, основанную на взаимопомощи. Даже язычники имѣютъ свои собственные организаціи, пріучающія ихъ къ самодѣятельности.

И у насъ, среди христіанъ православныхъ, нужно основать, создать такія организаціи, такія семьи, вѣрнѣе—нужно христіанъ православныхъ объединить свободною и святою самодѣятельностью, т. е., церковной жизнью, которую должны взять гражданскій законъ подъ свое покровительство.

Проще говоря, нужно создать церковные приходы и непременно дать имъ права юридическаго лица. Это настоятельно необходимо! И нужно это сдѣлать немедленно, чтобы не пропустить народнаго одушевленія. Сейчасъ темныя силы нашей деревни,—а онѣ существуютъ вездѣ,—эти силы при-

таялись, какъ бы сконфузились въ сознаниі своего нравственнаго паденія. Сейчасъ свѣтъ трезвости, свѣтъ патриотическаго народнаго одушевленія великолѣпно сіяетъ надъ нашею родиною. Этотъ прекрасный моментъ нельзя упускать! Сіе время благопріятно для того, чтобы лучшіе элементы прихода организовать, дать приходу гражданскія права, дать средства къ жизни... Это будетъ могучая всенародная организація доброй воли, мысли, святыхъ чувствъ и народныхъ сбереженій. Тогда разовьется и здоровая постоянная народная благотворительность, а не случайныя, безсистемныя пожертвованія при сборахъ по приказанію начальства. Это будетъ крѣпчайшая мобилизація народнаго одушевленія, прикрѣпленная къ великому дѣлу народной любви. Вѣрующіе христіане Государственной Думы должны создать немедленно этотъ приходъ, а церковныя власти должны дать ему духъ жизни...

Но неужели же и теперь будемъ попрежнему ожидать какого-то „болѣе благопріятнаго времени“ и подъ этимъ предлогомъ упускать самыя драгоцѣнныя минуты въ жизни церковной?

Вопросъ о приходѣ—это вопросъ самаго существованія церковной жизни: или она будетъ налаживаться и развиваться (хотя бы съ препятствіями), или окончательно погибнетъ и всякое о ней представленіе, если пропустимъ нынѣшнее время.

Нужно же и намъ, сынамъ св. Церкви, организовать около Церкви и только во имя Церкви! Неужели на это мы не способны? Конечно, это возможно; а тогда и вся благотворительность будетъ въ Церкви, будетъ совершаться въ любви церковной. Это будетъ истинная мобилизація благотворительности! (Совр. Лѣт.). *Андрей, епископъ Уфимскій.*

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 3-го октября 1915 года

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акд. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерия. 6.

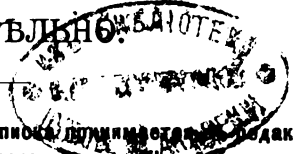
ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 43

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 18-го октября.

Содержаніе: I. Совѣсть народовъ.—II. Книга гнѣва и скорби. III. Аполо-
гія христіанства. Свящ. Ал. Введенскій.—IV. Письма къ пастырямъ
Уфимской епархіи. Еп. Андрей.—V. Бесѣды по человодству (про-
долженіе). Діаконъ Г. Лисавскій.—VI. Къ „запискѣ“ думскаго ду-
ховенства. Архим. Иларіонъ.

Совѣсть народовъ.

Людская совѣсть была съ самаго начала міровой войны
глубоко смущена великой нравственной трагедіей чело-
вѣчества. Смущена не только ужаснымъ кровопролитіемъ, вза-
имнымъ истребленіемъ людьми другъ друга, а и той нрав-
ственной низостью, какую проявило германское племя, каза-
лось бы, избалованное исторіей. Забвеніе требованій гуман-
ности, невиданное презрѣніе къ международному праву, без-
стыдное провозглашеніе, что право—сила: все это вооружило
противъ германцевъ общественное мнѣніе всего свѣта.

Но совѣсть чело-вѣчества теперь смущается еще больше
той явной неблагодарностью, какую обнаруживаетъ болгар-

скій народъ къ своей освободительницѣ Россіи. Злоба политическаго дня — выступленіе Болгаріи — событіе не только политическаго, но и моральнаго значенія. Въ политикѣ давно было ясно, что болгары ведутъ какую-то тайную, закулисную игру, перешептываясь съ Германіей и Турціей и любезно снабжая военными матеріалами сражающихся съ нами турокъ. Игра была недостойная; но ее все сваливали на руководителей болгарской политики, якобы расходящихся съ страной. Тутъ, конечно, нашей дипломатіи приходилось каяться въ старыхъ прегрѣшеніяхъ: зачѣмъ посадили въ освобожденной Болгаріи нѣмца? Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что Россія проливала русскую кровь для того, чтобы доставить лишній тронъ одному изъ безчисленныхъ нѣмецкихъ князей. То было въ своемъ родѣ новое призваніе варяговъ, только уже не въ IX вѣкѣ, а въ XIX: на 1000 лѣтъ позже и во столько же разъ противоестественнѣе. Тѣмъ не менѣе, при такомъ оправданіи, оставалось утѣшеніе, что дальше двойной игры болгарская политика не пойдетъ. Сорвать, гдѣ можно, — девизъ торгашескій, но не преступный. Пока Болгарія торговалась, это было еще терпимо. Но когда маска оказалась сброшена, и торгъ кончился продажей нѣмцамъ, совѣсть народовъ не можетъ смотрѣть спокойно. Обнажал мечъ противъ Сербіи, истекающей кровью въ неравной борьбѣ съ историческимъ врагомъ славянства, борьбѣ общей съ борьбой Россіи, Болгарія рѣшительно разрываетъ нити, связывавшія ее съ русскимъ народомъ. Совершенно очевидно, что нѣтъ разницы, будетъ ли Болгарія воевать прямо съ нами или съ сербами. Союзные народы представляютъ одно, и каждый новый ударъ противъ одного есть ударъ противъ всѣхъ. Начавъ войну съ Сербіей, Болгарія будетъ вести ее со всѣми союзниками и присоединится къ германскому міру. Можетъ ли быть большее отступничество отъ славянскаго дѣла и освободительницы Россіи? Недавніе рабы турокъ теперь дружески протягиваютъ руку прежнимъ властителямъ, чтобы вмѣстѣ ударить на тѣхъ, кто ихъ освобождалъ отъ

рабства. Маленькій народецъ, всѣмъ обязанный могучему русскому орлу, хочетъ вонзить клювъ въ его крылья. Помнятъ ли болгары, чѣмъ они были полвѣка тому назадъ? Вассалы полумѣсяца, полудикіе пастухи, они каждую минуту дрожали за свою жизнь, честь, вѣру. Въ турецкомъ плѣну они были хуже, чѣмъ мертвы; и ихъ вызвала къ жизни лишь кровь русскаго воина. За cadaго болгарина, въ лицѣ его предка, принесена кровавая русская жертва. Мы знаемъ, что и закоренѣлые злодѣи не забываютъ благодаренія. Рука убійцы рѣдко поднималась противъ благодѣтеля. Звѣри, и тѣ помнятъ добро: кто не знаетъ рассказовъ о благодарности животныхъ. А болгарскій народъ, очевидно, забылъ русское добро. Пожалуй, скажутъ, опять виноваты едвичные люди, хотя бы посаженные нами агенты Германіи въ Болгаріи? Но когда дѣло идетъ о войнѣ, сваливать вину на отдѣльныхъ политиковъ уже наивно. Заставить воевать народъ, когда онъ не хочетъ, очень трудно; и внутренняя политическая организація Болгаріи не такова, чтобы въ ней возможно было такое насиліе. Если Болгарія поднимаетъ мечъ, то только опираясь на сочувствіе большинства отвѣтственныхъ элементовъ страны. Сколь бы ни была значительна оппозиція, значитъ, она всетаки въ меньшинствѣ. А въ такомъ случаѣ роковой шагъ ложится на отвѣтственность болгарскаго народа. Болгары хотятъ, кажется, всему міру доказать, до чего можетъ дойти человѣческая неблагодарность, какъ можетъ потемнѣть совѣсть народа. „И ты Брутъ!“—вотъ что можетъ лишь отвѣтить славянская Россія на жестъ измѣнившаго славянству балканскаго королевства.

Измѣна эта наноситъ тяжелый ударъ вообще вѣрѣ въ человѣчество. Съ начала нынѣшней войны на знамени антигерманской коалиціи было написано: за право и справедливость. Эти цѣнности придавали высокую смысль самой борьбѣ. Но спрашивается, можно ли такія человѣческія цѣнности класть въ основу международныхъ отношеній? Если нѣкоторымъ народамъ оказываются чужды самыя элементарныя

человѣческія чувства, если у нихъ исчезаетъ совѣсть, то какъ построить сожительство съ ними на основахъ совѣсти? Русское славянство всегда было идеалистичнымъ. Мы всегда вѣрили людямъ, слишкомъ вѣрили, и охотно проливали кровь за идеальные принципы. Сколько милліоновъ жизней русскихъ унесла вѣковая борьба за свободу единовѣрныхъ намъ балканскихъ народцевъ. Всѣ эти маленькія государства, подпнявшіе сейчасъ тонъ и разыгрывающія важную роль предъ великими державами, — дѣло рукъ нашихъ. Не такъ давно не было на картѣ Европы ни Греціи, ни Сербіи, ни Болгаріи, ни Румыніи, а была лишь могущественная оттоманская имперія. Русскій лишь мечъ, ударъ за ударомъ, разрушалъ могущество оттомановъ и откалывалъ кусочки отъ турецкаго тѣла. Кто знаетъ, можетъ быть, не было бы теперь совсѣмъ грековъ, какъ націи, если бы Россія не спасла ихъ въ свое время отъ турецкой рѣзни и не поддержала мощною рукою ихъ порывъ къ освобожденію. Сербы и болгары по прежнему бы стонали подъ игомъ мусульманъ и объединялись бы однимъ ярмомъ, если бъ имъ не пришли на выручку русскіе крестоносцы. Румыны не только не мечтали бы о великой Румыніи, а и о малой, если бъ ихъ не покрывало въ свое время русское оружіе. Теперь всѣ они говорятъ о національных идеалахъ, жизненныхъ интересахъ, и безцеремонно торгуются съ Россіей и ея союзниками, позабывъ, что самую возможность говорить объ этомъ они получили черезъ Россію. Одинъ сербскій народъ изъ всѣхъ балканскихъ народовъ сохранилъ чувство истинной признательности къ своей освободительницѣ. Такъ исторія вознаграждаетъ насъ за нашъ славянскій идеализмъ. Да и центральная Европа: не она ли обязана своимъ разцвѣтомъ тому же русскому идеализму? Вѣдь сто лѣтъ тому назадъ мы спасали ее отъ наполеоновскаго деспотизма и благородно не требовали компенсацій. Теперь нѣмцы сами даютъ намъ „компенсацію“... Не слѣдуетъ ли отсюда, что идеальные принципы вообще не умѣстны въ международныхъ отношеніяхъ? Не должна ли политика

народовъ руководиться лишь принципомъ homo homini lupus est? Не практичнѣе ли нѣмецкій девизъ: право—сила, и сильнѣйшему принадлежитъ мѣръ?

Таковъ вопросъ, который выдвигаютъ предъ человѣчествомъ сами маленькіе народы, сами слабые, все національное бытіе которыхъ зависитъ отъ силы совѣсти въ человѣчествѣ. Въ этомъ гибельномъ самоотрицаніи проявляется вся глубина ослѣпленія народцевъ, торгующихъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, они только и держатся на картѣ Европы тѣмъ, что у сильныхъ народовъ сохранилась совѣсть и вѣра въ человѣчество. Не будь этого сдерживающаго начала, что стало бы съ маленькими государствами? Ихъ давно раздѣлили бы между собою сосѣди. Говорятъ, слабыя государства держатся взаимнымъ соперничествомъ большихъ. Отчасти это правда, но повѣрьте, соперники бы сумѣли какъ-нибудь подѣлить добычу, если бы только ихъ не сдерживало нѣкоторое нравственное начало, живое по крайней мѣрѣ въ какой-нибудь одной сторонѣ. Нынѣшняя война—тому доказательство. Если бы Россія не была неизмѣнно вѣрна своему славянскому идеализму, что мѣшало бы ей столкнуться съ германскими хищниками? Послѣдніе, навѣрно, согласились бы подѣлиться чужимъ добромъ за счетъ слабыхъ, маленькихъ государствъ, лишь бы урвать свое. Да, нѣмецкая дипломатія и прибѣгала неоднократно къ этому приему, она уже не разъ предлагала подобный дѣлежъ то той, то другой враждебной державѣ, ни мало ни стѣсняясь интересами слабыхъ народовъ. Тѣмъ безумнѣе поведеніе послѣднихъ, когда они сами роютъ себѣ яму, колебля единственную опору своего существованія—принципъ человѣческой справедливости. Разъ слабые сами отрицаютъ начала человѣчности, забывая величайшія благодѣянія, то гибель ихъ неизбежна. Рано или поздно ихъ поглотятъ сильные сосѣди, и напрасно будутъ они тогда говорить о справедливости: они сами произнесутъ себѣ смертный приговоръ. Не можетъ быть сомнѣнія, на примѣръ, что Болгарія сама просится въ нѣмецкую глотку. Прежніе вас-

ады турокъ хотять быть вассалами нѣмцевъ. И если побѣдятъ нѣмецкія имперіи, то онѣ ни на минуту не задумаются шагнуть въ Малую Азію по болгарскимъ востямъ. А если побѣдитъ антигерманскія коалиціи, то можетъ ли она остаться равнодушной къ неблагодарности балканскаго народа, поднявшаго руку противъ своего благодѣтеля?

Въ исторіи человѣческихъ заблужденій и нравственныхъ паденій рѣдко бываютъ столь трагическія, какъ измѣна болгаръ славянскому знамени. Послѣдствія этой измѣны могутъ быть гораздо шире ея прямого политическаго значенія и повести къ перестройкѣ самыхъ международныхъ отношеній. Дай Богъ, чтобы совѣсть человѣчества выдержала это тяжелое испытаніе и не потеряла вѣру въ правду на землѣ. Сильнымъ, пожалуй, такая потеря не страшна и даже выгодна для ихъ эгоистическихъ интересовъ. Но для слабыхъ она смертельна, и еслибъ исторія возложила на Болгарію отвѣтственность за нее, то болгарскому народу во вѣкъ не искупить вины своей предъ меньшею братіею человѣчества. Во имя старыхъ симпатій, единства вѣры и славянскаго братства русскому обществу остается только сказать болгарамъ, искупленнымъ русской кровью: остановитесь, пока не поздно. Не для насъ: русскому орлу не страшень укусъ коршуна, а для васъ и для вѣчной правды человѣческой, поруганіе которой не можетъ простить исторія (Ц. Вѣстн.).

Книга гнѣва и скорби.

Какъ ни велико ослѣпленіе Германіи, увлеченной кровавымъ азартомъ войны, опьяненной видимыми успѣхами на полѣ брани, издавна и систематически опутываемой тенетами милитаризма и воинствующаго имперализма прусскихъ юнкеровъ и аграріевъ, однако среди ея сыновъ есть люди, сохранившіе умъ, не отуманенный никакими иллюзіями и лживыми призраками, умѣющіе быть трезвыми и отдавать себѣ ясный отчетъ во всемъ происходящемъ въ дни всеобщаго, почти

стихійнаго ослѣпленія нѣмецкаго фатерланда. Нынѣшнимъ лѣтомъ появилась за границей книга, заставившая много говорить о себѣ. Носитъ она французское заглавіе „J'Accuse!“, заимствованное у извѣстнаго выступленія Эмиля Золя въ дѣлѣ Дрейфуса, издана въ Лозаннѣ, въ Швейцаріи, но написана по-нѣмецки и анонимный авторъ ея—нѣмецъ. Книга, дѣйствительно, достойна самаго глубокаго вниманія. Мы знакомимъ съ нею нашихъ читателей по выдержкамъ, приведеннымъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 152).

Вся книга отъ начала до конца исполнена гнѣва и скорби,— пламеннаго гнѣва на правящую и юнкерскую Германію, которая „издавна готовила наступательную, завоевательную войну, но обманно выдала ее и своему народу, и всему міру за войну оборонительную и этой ложью обрушила на чело-вѣчество величайшія, еще неслышанныя несчастія, нанесла незалѣчимыя въ продолженіе многихъ поколѣній раны“;—и глубокой, близкой къ отчаянію скорби о Германіи народной, въ которой „однимъ ударомъ уничтожены результаты усердной, напряженной культурной работы цѣлаго полувѣка“, которая въ этой войнѣ, какъ бы ни складывались временно перипетіи,—обреченная и которая, „если будетъ продолжаться, какъ сейчасъ, побѣждать, придетъ черезъ такія побѣды къ смерти—wenn Deutschland noch weiter „siegt“, wie bisher, so wird es sich zu Tode siegen... Таковъ общій характеръ и основной смыслъ этой знаменательной книги.

Что это? Книга измѣнника и предателя своей родины, играющаго въ руку ея соединившимся врагамъ? Анонимный авторъ, написавшій въ эпиграфѣ первой главы, что „la vérité est en marche“, не скрываетъ отъ себя, что именно такъ расцѣплять его сейчасъ въ ослѣпшей отъ завоевательнаго азарта Германіи, что громадное большинство нѣмецкихъ читателей обрушить на него негодованіе и проклятія. И даже тѣ среди нихъ, которые согласятся, что онъ выступилъ въ своей книгѣ со словомъ непререкаемой правды, сочтутъ, что эта правда, при всей ея неопровержимости,—не ко времени,

слѣдовало ее хранить про себя, не придавая ей огласки, пока раскатываются громаы войны: такъ диктуеть повелительно патріотизмъ... Но совѣсть написавшаго „J'Accuse!“ спокойна и не терзается никакимъ укоромъ. Онъ знаетъ иной, высшій, просвѣтленный патріотизмъ, не одурманенный удушливыми газами войны, и этому высшему патріотизму служить. Та правда, которую онъ громко и безъ утайки высказалъ, сколь она ни горька для Германіи, спасительна прежде всего для самой же Германіи. Именно патріотизмъ, но истинный, не извращенный азартомъ, не взбаломученный ложью, требовалъ предостеречь, остановить, пока еще не поздно. Книгу великаго и грознаго предостереженія написалъ авторъ. Преступленіемъ передъ родиной, которая у края гибели и готова туда сорваться, было бы не сдѣлать этого предостереженія, промолчать на томъ основаніи, что эта правда—на пользу врагамъ Германіи. „Большія дѣти,—воскликнулъ авторъ,—вы плотно закрываете глаза, чтобы не видѣть опасности. Да враги давно знаютъ ее, эту правду. Нѣтъ человѣка на землѣ, который бы не зналъ. Она—секретъ полишинеля“. И только Германія не хочетъ взглянуть ей прямо въ лицо. „Или вы думаете,—говоритъ авторъ, дописывая послѣднюю страницу своего предостереженія,—что солнце не взойдетъ, потому что мы замуровали у себя окна? Или вы думаете, что дневное свѣтило не будетъ лить своего свѣта потому только, что вашимъ глазамъ летучей мыши нестерпимо его сіяніе? Нѣтъ, будьте увѣрены,—всему наперекоръ правда проникнетъ въ ваши наглухо запертые дома. Такъ распахните же двери и впустите ее. Такъ вы по крайней мѣрѣ спасете свой домъ. Но если вы не слышите, не хотите слышать,—развалится домъ вашъ и похоронитъ васъ подъ развалинами! Чтобы не допустить этого, написалъ я свою книгу, книгу просвѣтлѣнія для германскаго народа. Исторія, которая взвѣшиваетъ на своихъ точныхъ вѣсахъ вину и правоту, она,—я въ томъ непоколебимо увѣжденъ,—подтвердитъ тотъ приговоръ, который я, нѣмецъ, въ скорби

и стыдъ былъ вынужденъ произнести нѣмцамъ“. „Чиста моя совѣсть и крѣпко мое сознаніе, что совершилъ я дѣло благое и заслужилъ благодарность моей родины“. Такими словами заканчивается „J'Accuse!“.

На комъ—вина и отвѣтственность за разразившуюся катастрофу? Кто ее хотѣлъ и кто готовилъ? Это, конечно,—коренной вопросъ всего изслѣдованія, производимаго въ „J'Accuse“ съ большимъ вниманіемъ и обстоятельностью, уживающимися тутъ съ такой же большой страстностью. Это—кардинальный пунктъ обвинительнаго акта. У прокурора Германіи нѣтъ тутъ и тѣни какихъ-либо колебаній, не остается въ немъ мѣста ни для какихъ сомнѣній. Обличенія летятъ, какъ стрѣлы изъ туго натянутого лука. „Эту войну давно проектировали и подготавливали Германія и Австро-Венгрія, подготавливали и въ военномъ, и въ политическомъ отношеніи“. Больше того, такъ же „давно было рѣшено тутъ придать этой войнѣ въ глазахъ нѣмецкаго народа видимость войны освободительной“, потому что готовившіе войну хорошо понимали: внѣ такого грима нѣтъ шансовъ поднять нужное народное воодушевленіе. „Подлинной же цѣлью войны было—добиться гегемоніи налѣ материкомъ Европы, а въ дальнѣйшемъ отнять у Англіи ея положеніе міровой державы и, по принципу „*ôte toi qui je m'y mette*“,—занять ея мѣсто. Таковы основныя утвержденія автора. И доказательства тому, что онъ въ своихъ категорическихъ утвержденіяхъ правъ, что все это именно такъ,—даны въ изобилии и въ несокрушимой убѣдительности прежде всего самими же нѣмцами въ ихъ военной и политической литературѣ, въ книгахъ Бернгарди, Фробеніуса („Роковые часы Германской имперіи“), Трейчке. Съ анализа этой литературы и начинается авторъ въ главѣ „Исторія преступленія“. Анализъ приводитъ автора къ твердому выводу: Германія абсолютно не рассчитывала на то, чтобы державы тройственнаго согласія начали противъ нея наступательную войну, хотя немало на эту тему говорила. Но она желала непременно міровой войны, и

„единственнымъ путемъ придти къ ней, а чрезъ нее — къ міровому владычеству, признавалось: Германія должна выступить въ роли *agen-provocateur* и такъ смѣшать карты, чтобы другіе были вынуждены начать войну“. Такова была сокровенная, но всетаки ясно различаемая сквозь всѣ разговоры о грозящей Германіи опасности идея. Если совлечь всѣ оболочки краснорѣчія и лжи, оголится до полной очевидности, что „эта война возникла изъ идей чисто империалистическаго характера и что она — завоевательная война съ чисто империалистическими цѣлями“, — война за пресловутое „мѣсто подъ солнцемъ“, котораго у Германіи никто не оспаривалъ и не собирався отнимать.

Авторъ „J'Accuse!“ удѣляетъ много вниманія этому послѣднему вопросу, — о мнимыхъ поползновеніяхъ другихъ державъ, о мнимыхъ покушеніяхъ, только сочиненныхъ империалистической фантазіей или империалистической недобросовѣстностью, что-то у Германіи отнять изъ принадлежащаго ей по праву. И каждый шагъ изслѣдованія приводитъ автора все къ тому же выводу, — ни откуда, ни съ какой стороны ничто не грозило ни развитію свободныхъ силъ Германіи, ни ея культурѣ, — ни со стороны Англіи, ни со стороны Франціи и Россіи. То же и относительно германской союзницы, Австро-Венгріи. И въ то же время съ ясностью обозначается, что эта послѣдняя еще за годъ до того, какъ разразилась война, имѣла самое твердое намѣреніе ввязаться въ военный конфликтъ съ Сербіей, причемъ не очень заботилась о сколько нибудь серьезномъ поводѣ къ тому.

Въ слѣдующей главѣ, самой обширной, дается обстоятельный разборъ дипломатической исторіи тѣхъ десяти дней, что предшествовали катастрофѣ. Главнымъ матеріаломъ служатъ автору „цвѣтныя“ книги, — германская Бѣлая, въ нѣсколько разъ болѣе бѣдная документами, чѣмъ соответственныя книги державъ согласія, англійская Голубая, русская Оранжевая, французская Желтая, бельгійская Сѣрая и, наконецъ, такъ сильно запоздавшая австрійская Красная книга,

которая была опубликована тогда, когда война перевалила уже во второе свое полугодіе, и которая и тѣмъ, что она говорила, еще больше—тѣмъ, о чемъ умалчивала, вполне подтвердила выводы, какіе были сдѣланы изъ остальной литературы цвѣтныхъ книгъ. Для каждаго изъ втянутыхъ въ великій конфликтъ государствъ „J'Accuse!“ составляетъ, по выраженію автора, счетъ дебета и кредита и для каждаго выводитъ сальдо, опредѣляющее мѣру вины и невинности въ происшедшемъ. Дипломатическая бухгалтерія ведется авторомъ съ большимъ мастерствомъ и отчетливостью, и хотя матеріалы дипломатическихъ книгъ (кромѣ развѣ австрійской) уже хорошо знакомы, не разъ анализировались,—эта часть книги представляетъ крупный интересъ. Конечный итогъ формулируется въ „J'Accuse!“ словами президента Французской республики: *L'Empire d'Allemagne supporte devant l'histoire l'écrasante responsabilité!*“. Такъ думаетъ, такъ убѣжденъ весь нѣмецкій міръ. „Но и у нѣмецкаго народа, который пока, обманутый и ослѣпленный, терпѣливо сноситъ невыразимые ужасы этой войны,—и у него,—заканчиваетъ авторъ эту часть своей книги,—когда-нибудь прозрѣютъ глаза“. Тогда онъ черезъ окопы и траншеи протянетъ руку другимъ народамъ, понявъ, что не они, но исключительно Германія и Австро-Венгрія виноваты въ этихъ ужасахъ, что онѣ, и только онѣ, сознательно и намѣренно привели къ европейской войнѣ.

Германія затѣяла дѣло преступное, совершила великое преступленіе передъ исторіей, передъ человѣчествомъ, передъ самой Германіей. Но она затѣяла и дѣло неосуществимое. „Наша (т. е. германская) цѣль такъ же недостижима, какъ преступны наши средства ее достигнуть“. Этому тезису посвящены заключительныя главы „J'Accuse!“. Авторъ, непоколебимо увѣренный, что Германія виновата въ войнѣ, столь же непоколебимо увѣренъ и въ томъ, что она въ этой войнѣ не будетъ побѣдительницей. О побѣдѣ австро-германцевъ,—повторяетъ онъ во многихъ мѣстахъ книги,—не мо-

жетъ теперь быть и рѣчи, какимъ бы побѣднымъ характеромъ или побѣдной видимостью ни были отмѣчены отдѣльныя перипетіи мірового военного состязанія. Предположимъ, что Германія и ея союзница будутъ достигать еще большихъ успѣховъ, чѣмъ тѣ, какіе ими были до сихъ поръ достигнуты,—залога побѣды, даже шанса побѣды въ этомъ нѣтъ. Больше того, каждый отдѣльный побѣдный шагъ, онъ—только новый шагъ къ конечному пораженію. Чѣмъ болѣе затягивается война, тѣмъ катастрофичнѣе для Германіи и Австро-Венгрии ея финаль. За это одинаково говорятъ соображенія военныя, политическія, экономическія, финансовыя. Авторъ разбираетъ всѣ ихъ. И если сейчасъ еще мыслимъ почетный миръ, искреннимъ стремленіемъ къ которому Германія могла бы искупить хотя часть лежащаго на ней великаго грѣха, то позднѣе и эта возможность исчезнетъ, условія міра будутъ для Германіи все болѣе неблагоприятными, а исходъ войны все болѣе катастрофичнымъ, уничтожающимъ. Пусть же Германія пойметъ это, наконецъ, и спѣшитъ вступить на единственный путь своего спасенія.

Авторъ разбираетъ, что долженъ принести этотъ миръ для внутренней жизни Германіи: онъ долженъ быть „концомъ имперіализма и сангвинизма, долженъ рѣшительно разорвать съ политикой завоеванія и крови“.

„Правда долго ждала,—воскликаетъ авторъ въ одномъ изъ патетическихъ мѣстъ „J'Accuse!“,—пора ее впустить къ себѣ и дать ей почетное мѣсто. Горе вамъ, если вы этого не сдѣлаете, будете еще мѣшкать въ своей слѣпотѣ или нежеланіи видѣть, потому что говорю я вамъ: Wenn Deutschland noch weiter „siegt“, wie bisher, so wird es sich zum Tode siegen“. (Ц. Вѣстн.).

АПОЛОГІЯ ВЪРЫ.

(Окончаніе)¹⁾.

Религія—частное дѣло.

Говорять: религія—частное дѣло.

Отвѣтъ. Религія не только частное дѣло, но и общественное. Религія частное дѣло, т. е., каждый долженъ по мѣрѣ силъ и знаній служить Богу, и каждый долженъ послѣ смерти частнымъ образомъ, т. е., отдѣльно, явиться предъ судомъ Божиимъ.

Но религія также *общественное* дѣло, ибо

1) *каждый*, въ силу закона природы, обязанъ почитать Бога не только втайнѣ, но и открыто, обязанъ уважать святость присяги, повиноваться законамъ ради совѣсти, значить, и ради Бога, и исполнять другія религіозныя требованія также открыто, на примѣръ, посѣщать богослуженія, причащаться и т. д.

2) Не только каждый человекъ отдѣльно, но и все общество обязано закономъ природы служить Богу и вести религіозный, т. е., угодный Богу образъ жизни.

Семья должна покоиться на религіозной основѣ, на бракѣ. И всѣ отношенія въ семьѣ между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми должны быть опредѣляемы и регулируемы согласно религіознымъ принципамъ.

Общественная и государственная жизнь имѣетъ солидный фундаментъ *лишь* въ религіи: *sustitia est quondamendum regnum.* Истинная справедливость безъ религіи немислима, какъ вообще всякая нравственность безъ религіи.

Всѣ явленія общественной жизни въ политикѣ и правленіи, въ искусствѣ и наукѣ, въ печати и литературѣ, въ торговлѣ и промышленности, въ школахъ и въ дѣлѣ воспитанія, въ народномъ хозяйствѣ и социальныхъ вопросахъ—всѣ

¹⁾ См. № 42.

они должны покоиться на религіи и вдохновляться и регулироваться религіознымъ духомъ.

Безъ религіознаго и христіанскаго духа вырастаетъ грубая *анархія*, угрожаетъ *нигилизмъ* своими бомбами и адскими машинами и подкапываетъ всѣ основы порядка и народнаго благоденствія. Безъ религіи искусство погружается въ грязь, наука—въ мракъ, соціальныи міръ—въ рабство и варварство язычества.

Церковь, наконецъ, хотя не отъ міра сего, но всетаки въ мірѣ семъ, а именно, общественное учрежденіе, основанное Богомъ, видимое общество, обладающее, для достиженія своихъ высокихъ цѣлей, полнымъ правомъ на необходимыя для этого земныя средства, ибо такъ говоритъ Господь Іисусъ Христосъ, Источникъ всякаго права: „Мнѣ дана вся власть на небесахъ и на землѣ. Поэтому, идите по всему міру и учити всѣ народы“ и т. д.

Религія—дѣло чувства.

Религія—дѣло чувства и поэтому хороша для юношества и женщинъ. Намъ, мужчинамъ, нуженъ ясный умъ и твердая воля. Намъ некогда заниматься сентиментальностями.

Отвѣтъ. Благородный мужчина! Съ твоимъ яснымъ умомъ и съ твоей твердой волей ты, какъ бы нарочно, созданъ для религіи: *убѣжденность* въ религіозныхъ истинахъ и *исполненіе* религіозныхъ обязанностей составляютъ какъ разъ сущность религіи, тогда какъ чувства являются несущественными. Сентиментальныя, неразумныя чувства даже вредны.

Религія—денежное дѣло.

Священники должны такъ проповѣдывать. Это ихъ профессія. Имъ платятъ за это. Но правда ли то, что они говорятъ?

Отвѣтъ. Учитель математики долженъ такъ учить. За это онъ получаетъ содержаніе. Развѣ поэтому математика подлежить сомнѣнію?

Конечно, священники должны такъ учить. Однако, не потому, что деньги, а потому, что *истина* принуждаетъ ихъ къ этому. Вѣдь они проповѣдывали такъ даже тогда, когда принимали не деньги, а вѣнецъ мученичества.

Религія хороша лишь для народа.

Народу, т. е., простымъ людямъ безъ образованія, религія необходима: иначе нельзя будетъ держать ихъ въ повиновеніи. Образованные же люди не нуждаются въ ней, чтобы жить, какъ подобаешь.

Отвѣтъ. Религія либо истинна, либо не истинна. Если она *истинна*, то она истинна также для образованныхъ. Если же она *не истинна*, то позорно стараться держать народъ въ повиновеніи при помощи обмана и лжи, ибо этимъ мы признали бы, что благая цѣль оправдываетъ дурныя средства.

Религія и наука.

Религія и вѣра противорѣчатъ современной наукѣ.

Отвѣтъ. Согласно Бакону, это плохой признакъ для такъ называемой науки, ибо — такъ говоритъ этотъ ученый, поверхностное знаніе, быть можетъ, удаляетъ отъ Бога, но основательное знаніе опять приводитъ къ Богу.

Когда спросили знаменитаго естествоиспытателя Пастера, какъ онъ, будучи человѣкомъ науки, можетъ быть убѣжденнымъ христіаниномъ, то онъ отвѣтилъ: „Именно потому, что я основательно изучилъ свою науку, я обладаю вѣрой бретонскаго крестьянина. И если бы я могъ еще больше изучать ее, то я обладалъ бы также вѣрой бретонской крестьянки“.

Послѣ Парижской всемірной выставки въ 1867 г. одинъ ученый писалъ своему другу: „Знаете-ли, кто во время торжественнаго засѣданія жюри больше всѣхъ былъ награжденъ аплодисментами?—Это былъ Секки, одинъ изъ величайшихъ астрономовъ.“

Нѣтъ! Истинные ученые смиренны и преклоняются предъ величіемъ Бога“.

Успѣхи современной науки изумительны. Но ими мы всецѣло обязаны тому, что Творецъ неба и земли одарилъ человѣка способностью и стремленіемъ все глубже проникать въ тайны творенія и все больше познавать силы и законы природы, на благо всего человѣчества.

Итакъ, наука приводитъ насъ къ первоисточнику всѣхъ вещей, къ всемогущему Творцу, и со смиренной благодарностью мы должны преклоняться передъ Нимъ.

Религія—миражъ.

Религія только прекрасный идеаль, великолѣпный миражъ. Я же человѣкъ практической складки. Я придерживаюсь положительнаго и безъ зависти смотрю, какъ другіе восхищаются миражами.

Отвѣтъ. Какъ будто бы религія не нѣчто *положительное!* Какъ будто бы Богъ—*не реальность*, Христосъ—*не дѣйствительность*, христіанская церковь—*миражъ!* Развѣ вы никогда еще не слыхали весьма положительныхъ, вытекающихъ изъ разума доказательствъ существованія Бога, божественности Христа и основанной Имъ Церкви? На этихъ трехъ истинахъ, вытекающихъ изъ доводовъ разума, покоится мость, ведущій насъ въ столь же реально истинный, какъ и идеально прекрасный міръ вѣры. Защищать эти три истины доводами разума—вотъ задача науки, называемой апологетикой.

Бога нельзя найти.

Благодаря громаднымъ успѣхамъ современной науки, люди изслѣдовали всю природу и не нашли въ ней Бога. Нѣтъ Бога!

Отвѣтъ. Съ величайшимъ стараніемъ и съ самой тщательной заботливостью изслѣдовалъ я свои карманные часы и не нашелъ въ нихъ часовыхъ дѣлъ мастера. И все-таки

я знаю, что таковой существует, хотя я никогда его не видалъ.

Всемогущество Бога.

Богъ не все можетъ сдѣлать. Напримѣръ, Онъ не можетъ сдѣлать четырехугольнаго круга.

Отвѣтъ. Это правда. Четырехугольный кругъ—нелѣпость. *Нелѣпость* сдѣлать и нелѣпости требовать можетъ глупый мальчишъ, но не безконечно—мудрый Богъ. Господь Богъ можетъ сдѣлать все, что только Онъ пожелаетъ, что необходимо, что служить для славы Творца и для міра.

Операціонный ножъ.

Подъ операціоннымъ ножемъ врачей находился уже не одинъ мозгъ. Но души они еще никогда не находили.

Отвѣтъ. 1) Я считаю врача слишкомъ разумнымъ, чтобы онъ могъ серьезно искать душу въ трупѣ. Когда птичка улетѣла изъ клѣтки, лишь дуракъ станеть еще искать ее въ ней.

2) Въ тотъ день, когда операціонный ножъ откроеть душу, я стану матеріалистомъ, ибо тогда душа была бы матеріей.

Свобода воли.

Человѣкъ не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Послѣднія зависятъ не отъ него, но являются необходимымъ результатомъ вліяющихъ на него мотивовъ и обстоятельствъ.

Отвѣтъ. 1) Въ такомъ случаѣ вы плохой патриотъ. Присягая сегодня знамени, вы завтра можете стать дезертиромъ и послѣзавтра предателемъ отчизны. Это вѣдь зависитъ, какъ вы сами говорите, не отъ васъ, но отъ мотивовъ и обстоятельствъ, находящихся не въ вашей власти. Хорошій патриотизмъ! Я съ своей точки зрѣнія могу утверждать, что всегда останусь вѣренъ своему долгу, ибо это зависитъ отъ меня.

2) Къ чему памятники Петру Великому, Суворову и т. д.? Къ чему хвалебныя рѣчи! По вашему мнѣнію они, вѣдь, не были свободны. Они должны были такъ поступать, подобно машинѣ. Впредь мы можемъ поставить памятникъ также локомотову, когда онъ будетъ праздновать юбилей!

3) Если у васъ дѣйствительно нѣтъ свободной воли, то почему же вы, напримѣръ, *обдумываете* заключить или не заключить той или другой сдѣлки? Не правда ли, потому, что вы прекрасно знаете, что это всецѣло зависитъ отъ васъ? Почему вы *упрекаете* себя и чувствуете *раскаяніе*, совершивъ дурной поступокъ? Вы, вѣдь, не могли поступить иначе, чѣмъ поступили, и не можете поручиться, что при подобныхъ обстоятельствахъ впредь поступите лучше.

Если бы вы по разсѣянности вмѣсто Москвы поѣхали въ Миргородъ или въ какой-либо другой богоспасаемый уголокъ, и надъ вами стали бы смѣяться, то вы могли бы спокойно отвѣтить насмѣшникамъ: „Я не могъ иначе, ибо я не свободенъ“.

Законоучитель Одесской 2-й гимназіи *свящ. Ал. Введенскій*.

Письма къ пастырямъ Уфимской епархіи.

XIV.

О нашихъ псаломщикахъ.

Насколько я припоминаю, я уже писалъ, что псаломщики, какъ чтецы церковные, и могутъ и должны имѣть въ церкви большое значеніе: если псаломщикъ при своемъ чтеніи самъ молится, то молится съ нимъ и вся церковь. Если же псаломщикъ представляетъ изъ себя только трубу, чрезъ которую проходитъ слово Божіе, не оставляя на ней никакого слѣда, то и на слушателяхъ такого псалмопѣвца очень часто отъ него остается только дурной слѣдъ. Но если таковъ псаломщикъ въ приходѣ, то почти всегда таковъ же и его руководитель, самъ приходскій пастырь. У хорошаго на-

стоятеля и дурной псаломщикъ исправляется, а у дурного и хорошей портится,—это очень естественно. Однако и тѣ и другіе настоятели (и хорошие и не очень хорошие) ограничиваютъ обязанности псаломщика только церковнымъ чтеніемъ и пѣніемъ и канцелярскою работою, веденіемъ переписки и церковныхъ книгъ.

Это ограниченіе обязанностей псаломщика очень странно. Мы всѣ, служители Церкви, знаемъ то поученіе, которое даетъ архіерей вновь посвященному въ стихарь псаломщику. Архіерей говоритъ ему поученіе изъ чина посвященій: „Чадо, первый степень священства чтеца есть. Подобаешь убо тебѣ на всякій день божественная писанія прочитывать, да слушающіи, зряще тя, пользу примуть и тебѣ самому вящшей степень притвориши, никакоже постыждая о тебѣ избраніе. Цѣломудренно, и свято, и праведно жительствуя, и челолюбца Бога милостива возъимаши и вящшаго сподобишися служенія во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ“. Въ этомъ поученіи нѣтъ добавленія, что посвящаемый можетъ читать Божественное Писаніе только въ храмѣ. Такого ограниченія нѣтъ! Онъ *долженъ* послѣ посвященія вездѣ и ежедневно читать свящ. Писаніе для всѣхъ, кто его пожелаетъ слушать, чтобы и имъ принести пользу и самому не переставать учиться. Между тѣмъ эта миссіонерская, чисто апостольская обязанность псаломщика какъ-то вовсе отпала теперь отъ него; даже странно было бы видѣть и слышать теперь проповѣдника-псаломщика, когда сами пастыри разучились проповѣдывать и не считаютъ проповѣдь главнѣйшею своею обязанностію...

Однако нынѣ не тѣ времена, когда служители Церкви могли сидѣть безъ дѣла и безъ строгаго исполненія своихъ обязанностей. Поэтому пастыри—священники должны неопустительно заниматься проповѣдью, живымъ словомъ наученія, и псаломщики должны попытаться исполнить то, что исполнять они призваны самымъ вступленіемъ въ клиръ и къ чему

они приглашаются самымъ обрядомъ посвященія въ стихарь.

Поэтому прошу о.о. благочинныхъ и о.о. настоятелей приходскихъ храмовъ поощрить своихъ псаломщиковъ къ чтенію проповѣдей лучшихъ нашихъ проповѣдниковъ, а особенно свято-отеческихъ, и за богослуженіемъ, и внѣ богослуженія. Особенно пріятно было бы слышать о посѣщеніяхъ псаломщиками въ праздники тѣхъ прихожанъ, которые, живя въ десяти-пятнадцати верстахъ отъ своего храма, не могутъ его посѣщать. Я готовъ такимъ ревностнымъ псаломщикамъ оказывать всякую помощь и увѣренъ, что изъ нихъ съ теченіемъ времени могутъ воспитаться на чтеніи свято-отеческихъ писаній прекрасные пастыри.

Одного такого ревностнаго сына Церкви, преданнаго своему служенію псаломщика, я изъ Казанской епархіи взялъ въ Уфимскую и онъ у меня, будучи приходскимъ священникомъ, прекрасно дѣлаетъ свое пастырское дѣло, а мнѣ остается только сожалѣть, что такихъ псаломщиковъ еще я не знаю.

Но будемъ надѣяться, что они будутъ; будемъ молиться, чтобы всѣ служители Церкви твердо опредѣлили и сознали свои обязанности предъ Церковію и не полѣнились ихъ исполнять (Уфим. Е. Вѣд.).

Епископъ Андрей.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе) ¹⁾.

Способъ В. Ѳ. Ващенко, примѣняемый въ ульѣ его конструеціи (см. У. 4 рис. А).

Если помнить читатель, первый улей Ващенко, усовершенствованный самимъ же конструкторомъ, имѣеть два летка—по одному на переднемъ и заднемъ фасадахъ,—имѣеть онъ также и перегородивающую доску съ металличе-

¹⁾ См. № 42.

ской сѣткой и втулкой. Какъ только пришла пора произвести диверсію искусственной отройки старика въ его же собственномъ ульѣ, а приходитъ она, когда старикъ сдѣлалъ приготовления къ роибѣ, пчеловодъ выбираетъ 3—4 слабо зачервленныя рамки, придвигаетъ ихъ вплотную къ лѣвой, боковой сторонѣ, расположенной противъ летка, и наглухо заставляетъ (отдѣляетъ) отъ прочихъ рамокъ перегородивающей доской, причемъ наблюдаетъ, чтобы старуха матка обязательно попала въ отгороженное отдѣленіе, которое мы для удобства назовемъ первымъ отдѣленіемъ; всѣ же остальные рамки второго отдѣленія пчеловодъ вплотную придвигаетъ къ правой, боковой сторонѣ улья, и заставляетъ ихъ съ лѣвой стороны обыкновенной доской. Если между первымъ и вторымъ отдѣленіемъ окажется пустое, не заполненное пространство, то это даже лучше. Разумѣется, что всѣ маточники перваго отдѣленія, если бы таковыя оказались здѣсь заложенными, уничтожаются; уничтожаются также и маточники второго отдѣленія, за исключеніемъ одного хорошаго.

Произведя такую перестановку въ гнѣздѣ старика, пчеловодъ закрываетъ улей, поднимаетъ и поворачиваетъ его на одномъ и томъ же мѣстѣ такъ, чтобы передній и задній фасады обмѣнялись мѣстами, т. е., чтобы передній очутился назадъ, а задній спереди. Летки въ обоихъ фасадахъ должны быть открыты.

Что же получится вслѣдствіе такой пертурбации? Какія произойдутъ наружныя и внутреннія перемѣны? Наружный видъ улья, повидимому, не измѣнится, такъ какъ передній и задній фасадъ одинъ отъ другого ничемъ не отличаются. Во внутреннемъ же строѣ семьи произойдутъ большія перемѣны, а именно: первое отдѣленіе, расположенное прежде съ лѣвой стороны съ леткомъ напередъ, теперь очутился на правой сторонѣ—съ леткомъ назадъ: второе же отдѣленіе, наоборотъ, послѣ поворота улья, займетъ мѣсто перваго отдѣленія, и летокъ его теперь будетъ красоваться спереди, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ летокъ перваго отдѣ-

ленія. Далѣе, вся летная муха перваго отдѣленія, выйдя отсюда въ поле за взяткомъ, назадъ уже не воротится, но, обманутая мѣстомъ и очень схожимъ леткомъ, соберется во второмъ отдѣленіи, гдѣ и подруги, и соты, и черва и прочее—все старые знакомые ¹⁾. Однолетней мухѣ здѣсь не понравится; она не найдетъ во второмъ отдѣленіи своей царицы—матки, о чемъ и затоскуетъ на болѣе или менѣе продолжительное время,—зальнётся въ работѣ, потеряетъ энергію и прямой смыслъ существованія. Такое, невыгодное для пчеловода, настроеніе пчелъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока сироты не выведутъ себѣ молодой матки, послѣ чего онѣ пріободряются немного, но прежнюю энергію пріобрѣтутъ только на седмой день послѣ выхода ея, т. е., въ то время, когда молодая госпожа начнетъ готовиться къ брачному вылету. Очень разумно, поэтому, поступить тотъ пчеловодъ, который позаботится о сокращеніи невыгоднаго для него періода междуцарствія и даетъ осиротѣлой половинѣ зрѣлый маточникъ или попытается подставить имъ молодую, неоплодотворенную матку. Плодной, хотя бы даже тоголѣтней ²⁾ матки, по нѣкоторымъ соображеніямъ практическаго характера, о которыхъ мы еще будемъ говорить въ бесѣдѣ о медосборѣ, давать не совѣтуемъ.

Конечный результатъ способа Ващенко будетъ таковъ. Семья перваго отдѣленія, потерявъ всю летную муху, врядъ ли станетъ помышлять о ройбѣ, семья же втораго отдѣленія, воспитавшая молодую царицу, тоже роиться не станетъ, какъ потому, во-первыхъ, что пчелы отъ молодой, того—лѣтней матки вообще не роются, такъ и потому, во-вторыхъ, что даже и усилиться до роевой способности семья эта не успѣетъ. Но чтобы было лучше, чтобы первое отдѣленіе не перекопилось излишне, а второе не ослабло черезчуръ вслѣдствіе прекращенія свѣжаго приплода, В. Θ. совѣтуетъ такъ поступать.

¹⁾ Два—три дня первое отдѣленіе подпаивается.

²⁾ т. е., оплодотворенной въ томъ же году.

При раздѣлѣ гнѣзда даннаго пня, въ число рамокъ перваго отдѣленія слѣдуетъ вставить пустую рамку рабочей суши. Дней черезъ пять—шесть, когда матка, обтерпѣвшись въ новой обстановкѣ, хорошо (всплошь или хоть наполовину) засѣетъ яичками вставленную рамку, ее слѣдуетъ вынуть, очистить щеточкой отъ мухи и перенести во второе отдѣленіе, гдѣ работа по выкормкѣ дѣтки приходитъ уже къ концу; въ первое же отдѣленіе на мѣсто вынутой, засѣянной рамки, слѣдуетъ вставить освободившуюся отъ черви рамку со втораго отдѣленія; пусть ее засѣваетъ матка, а какъ засѣетъ, мы ее опять перенесемъ во второе отдѣленіе и д. т. Такимъ образомъ мы даемъ работу и молодымъ пчеламъ втораго отдѣленія, скучающимъ въ бездѣйствіи, и маткѣ перваго отдѣленія, стѣсненной въ своей дѣятельности весьма ограниченнымъ мѣстомъ новаго помѣщенія, и цѣль будетъ достигнута. Во второе отдѣленіе съ перваго можно перенести еще и рамку зрѣлой, запечатанной червы, если-бы по вашему мнѣнію ея (червы) оказалось здѣсь слишкомъ много; словомъ, пчеловоду предоставляется полное право эксплуатаціи перваго отдѣленія, ибо его рабочей силой мы нисколько не заинтересованы.

Что же получится въ концѣ концовъ? А вотъ что: во второмъ отдѣленіи выйдетъ матка, оплодотворится и начнетъ сѣять, но пока она выйдетъ, пчелы накопятъ столько запасовъ, что будетъ ихъ вполне достаточно, и для выкормки свѣжей червы, и на зиму въ запасъ. Но если бы вдругъ случился пренепріятный казусъ, и матка погибла во время облета или вообще куда нибудь *запроторилась*, то и въ этомъ нѣтъ особой бѣды.. у насъ, вѣдь, есть старуха въ первомъ отдѣленіи и хорошая старуха, рабочая и плодовитая; мы ей всегда можемъ воротить отнятыя права и опять сдѣлать полновластной владычицей; спесь ея уже сбита, и о роибѣ помышлять она уже не станетъ.

Теперь предположимъ, что непріятнаго казуса не случилось, и что въ обоихъ отдѣленіяхъ окажутся плодныя мат-

ки, какъ дальше быть съ ними? Вотъ тутъ пчеловодъ долженъ произвести сравнительную оцѣнку ихъ трудоспособности, и какая матка окажется лучшей, ту и оставить полновластной владычицей, соединивъ оба отдѣленія воедино. При сравнительной оцѣнкѣ должно быть принято во вниманіе все: и возрастъ, и величина, и цвѣтъ, и полная безпорочность и правильность въ кладкѣ яицъ. Пчеловодъ, однако, долженъ помнить, что молодая матка въ началѣ своей дѣятельности послѣднимъ качествомъ (правильностію) не всегда можетъ похвалиться; но вообще я бы предпочелъ оставить молодую. Куда же теперь дѣвать старуху, если она очень хороша? Ее можно, во-первыхъ, использовать для кого-нибудь искусств. роя, или, во-вторыхъ, отдѣленіе ея сократить въ нуклеусъ и сохранить до перваго удобнаго случая; но обыкновенно, старуха уничтожается, оба же отдѣленія соединяются.

Соединеніе перваго и втораго отдѣленій производится такъ. Убравъ матку, предназначенную къ уничтоженію, вплосную сдвигаемъ оба отдѣленія, причѣмъ вынимаемъ изъ перегородивающей доски втулку; такимъ образомъ обѣ семьи окажутся разгороженными между собою только одной металлической сѣткой. Осиротѣлая семья сразу почувствуетъ матку въ сосѣднемъ отдѣленіи и будетъ стремиться проникнуть къ ней, а воздухъ между тѣмъ сквозь сѣтку обойдется однимъ запахомъ, и индивидуальная рознь изгладится. Если же пчеловодъ уничтожитъ свищевые маточники, заложенные сиротами и тѣмъ дастъ почувствовать обезматоченной семьѣ ея безнадежное сиротство, усилѣхъ соединенія вполнѣ обезпеченъ; стоитъ только вынуть разгораживающую сѣтку, и конецъ дѣлу. Пчелы, привыкшія выходить въ передній летокъ, будутъ продолжать имъ пользоваться и въ будущемъ, а тѣ, что въ задній вылетали, въ задній и будутъ продолжать ходить. Такое двулетковое хожденіе пчелъ, правда, не совсѣмъ удобно для пчеловода, но тутъ ужъ ничего не подѣлаешь; надо мириться и съ маленькими неудобствами, тѣмъ болѣе

что для пчелъ, для успѣха ихъ работы это совершенно безразлично. Двухлетковое хожденіе окончательно ликвидируется только съ перевозкой пасѣки на новое мѣсто, отстоящее отъ перваго минимумъ на три версты. Улей съ соединенными отдѣленіями, по перенесеніи на новое мѣсто, устанавливается фасадомъ напередъ, т. е., такъ, какъ стоялъ онъ первоначально, задній же летокъ закрывается и заслоняется на нѣкоторое время щиткомъ; если и залѣтитъ сюда какая-нибудь пчелка, то, повертѣвшись около щитка, начнетъ искать другого входа и, конечно, найдетъ его, но только съ противоположной стороны. Черезъ два-три дня къ заднему летку уже ни одна пчелка не навѣдается.

Примѣчаніе. Отгороженное первое отдѣленіе можно еще перевести и въ другой улей, если бы того вдругъ намъ захотѣлось. Въ этомъ случаѣ къ тому фасаду, гдѣ расположенъ летокъ перваго отдѣленія, вплотную приставляется пустой улей или нуклеусъ, въ который затѣмъ и переносится все гнѣздо перваго отдѣленія. Нужно стараться при этомъ, чтобы летокъ подставленнаго улья пришелся противъ летка переселяемаго отдѣленія. Возвращающаяся съ поля пчела пойдетъ уже въ новый улей, гдѣ и расположится, какъ у себя дома. Приставленный улей постепенно (по $\frac{1}{4}$ арш. въ одинъ разъ) передвигается въ сторону на новое мѣсто и устанавливается здѣсь до конца сезона или до первой перевозки пасѣки на новое мѣсто.

Вотъ мы и парализовали роеніе по способу В. Ѳ. Ващенко, отроивъ семью въ одномъ и томъ же ульѣ, а затѣмъ опять соединивъ ее воедино. Приѣмъ Ващенко, что и говорить, очень хорошъ, но и въ немъ есть „но“ и весьма, къ сожалѣнію, досадное. Досадная сторона ващенко夫ского способа заключается въ слѣдующемъ. Какъ только мы, раздѣливъ семью на два отдѣленія, поворотимъ улей задомъ напередъ, вся летная пчела соберется во второмъ отдѣленіи, но не найдя здѣсь своей госпожи, загруститъ, залѣнится и надолго потеряетъ энергію къ работѣ, это же обстоятельство

весьма чувствительно ударить пчеловода по карману, да и на матеріальномъ положеніи раздѣленной семьи можетъ неблагоприятно отразиться.

Когда я свое опасеніе, оправдавшееся впоследствии на практикѣ, высказалъ изобрѣтателю, В. Ө. со мной вполне согласился, но заявилъ при этомъ, что раздѣлъ семей нужно производить за дней 7—10 до главнаго взятка, т. е., съ такимъ расчетомъ, чтобы потерянная на время продуктивность летныхъ пчелъ могла своевременно возстановиться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

Къ „запискѣ“ думскаго духовенства.

Въ «запискѣ» думскаго духовенства мое вниманіе обратили на себя слѣдующія строки:

«Нынѣшнія семинаріи не умѣютъ привить своимъ питомцамъ искренней вѣры и сердечной любви къ Церкви. Изъ многихъ недостатковъ духовной школы слѣдуетъ прежде всего указать на неудовлетворительный подборъ руководителей школъ, которые по преимуществу выбираются изъ монашесствующихъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ молодыхъ и малоопытныхъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Можно указать на сотни случаевъ, когда монахъ, почти только что сошедшій со студенческой скамьи, въ 25—26 лѣтъ назначается смотрителемъ или инспекторомъ семинаріи».

Посмотримъ, насколько эти заявленія соотвѣтствуютъ истинѣ.

По «Всеподданнѣйшему отчету Оберъ-Прокурора за 1913 годъ» начальствующимъ и учащимъ было

въ семинаріяхъ:

монаховъ .	40
блага духовенства	92
свѣтскихъ	802

въ духовныхъ училищахъ:

монаховъ	20
блага духовенства	126
свѣтскихъ	1218

Итого 60 монаховъ на 2218 служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ или 2,7%!

По оффиціальному «именному списку» лицъ административныхъ къ 1915 году было

ректоровъ семинарій:

архимандритовъ	23
протоіереевъ	35

инспекторовъ семинарій:

монаховъ	7
блага духовенства	7
свѣтскихъ	45

смотрителей училищъ:

монаховъ	11
блага духовенства	63
свѣтскихъ	106

помощниковъ смотрителей:

монаховъ	9
блага духовенства	27
свѣтскихъ	144

Всего административныхъ лицъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ:

монаховъ	50
блага духовенства	142
свѣтскихъ	295

Иначе:

монаховъ	10%
блага духовенства	30%
свѣтскихъ	60%

Гдѣ же *преимущественное* назначеніе въ руководители школъ лицъ монашествующихъ? Гдѣ обѣщанныя *сотни* 25—26-лѣтнихъ монаховъ на инспекторскихъ и смотрительскихъ мѣстахъ?

Если подборъ руководителей духовныхъ школъ неудовлетворителенъ, то почему въ этомъ виноваты только монахи, если ихъ на административныхъ постахъ только 10%, а вообще на духовно-учебной службѣ и всего лишь 2,7%?

Но я ни на минуту не сомнѣваюсь, что статистически опровергаемая неправда будетъ неустанно повторяться и въ печати и въ обществѣ: истина невыгодная—никому не дорога! Думское духовенство въ своей „запискѣ“ подтвердило это печальное правило! (Прих. Лист.).

Архим. Иларіонъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 9-го октября 1915 года

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акц. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчака-Новицкаго, Мерин. 6.

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Цѣна годовому изданію на мѣоть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 44

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 25-го октября.

Содержаніе: I. Воспитанники изъ южныхъ славянъ въ Кіевской духовной семинаріи въ періодъ отъ 1846 по 1864 годы. Свящ. П. Петровъ.— II. Наши матушки. Свящ. Г. Мельницкій.— III. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. В.—IV. Смерть на славномъ посту. Свящ. В. Успенскій.—V. Весѣды по пчеловодству (продолженіе). Діаконъ Г. Лисянскій.—VI. Замятка. Насущная потребность.

Воспитанники изъ южныхъ славянъ въ Кіевской духовной семинаріи въ періодъ отъ 1846 по 1864 году ¹⁾.

Наплывъ иностранцевъ, главнымъ образомъ, изъ южныхъ славянъ въ Кіевскую семинарію начался съ 1846 года.

Въ этомъ году правленіе семинаріи получило увѣдомленіе о Высочайшемъ дозволеніи 6-ти сербскимъ уроженцамъ поступить въ Кіевскую семинарію, съ тѣмъ условіемъ, чтобы

¹⁾ Во дни Балканскихъ событій не безъинтересна будетъ предлагаемая справка.
Ред.

послѣдній годъ ученія они должны провести въ г. Москвѣ, съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ русскими святынями. Присланъ былъ и списокъ имѣвшихъ прибыть сербовъ: Милой Іовановичъ (впослѣдствіи серб. митр. Михаилъ), Новикъ Лазаревичъ, Савва Сретеновичъ, Димитрій Нешичъ, Константинъ Янковичъ и Іоакимъ Димитріевичъ. По прибытіи въ Кіевъ, всѣ они были помѣщены въ семинарскомъ общежитіи. Въ 1847 году правленіе семинаріи получило новое увѣдомленіе о томъ, что почетные болгаре г. Бухареста ходатайствовали предъ Св. Синодомъ о принятіи въ Кіевскую семинарію на казенное содержаніе 12 болгарскихъ юношей съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса и по возвращеніи на родину однихъ, на мѣсто ихъ были высылаемы другіе 12 юношей до тѣхъ поръ, пока народъ болгарскій не будетъ имѣть собственныхъ училищъ, и что Св. Синодъ разрѣшилъ принять на казенное содержаніе въ Кіевскую семинарію 6 болгарскихъ юношей. Въ сентябрѣ т. г., дѣйствительно, прибыли 6 человекъ болгаръ: Георгій Милковичъ, Николай Евстафьевъ, Димитрій Куліюглу, Стефанъ Петровъ, Теодоръ Стоянъ и Ілья Христовичъ. Кромѣ этихъ, прибыло еще 5 болгаръ съ разрѣшенія правительства Болгаріи: Христофоръ Костовичъ, Лука Капуновъ, Христофоръ Филипповъ, Ілья Икономовичъ и Иванъ Ивановичъ. Первые 6 были приняты на казенное содержаніе, а послѣдніе 5 на средства Кіевского митрополита Филарета. Изъ нихъ въ семинарію поступилъ только одинъ Ивановъ, а всѣ остальные въ Кіевоподольское и Кіевософійское училища. Съ этихъ поръ въ Кіевскую семинарію ожегодно поступало по нѣсколько человекъ не только изъ сербовъ и болгаръ, но и изъ другихъ національностей: въ 1858 г. поступили въ семинарію—іеродіаконъ Кіевского Екатерининскаго греческаго монастыря Порфирій Синаитъ и изъ Тифлиса грузинъ Димитрій Месхіевъ; въ 1860 году—два сирійца изъ Дамаска монахи Нифонтъ Муссей и Ибрагимъ Маркосъ. Славяне пріѣзжали изъ различныхъ мѣстъ: Албаніи, Черногоріи, Герцего-

вины, Македоніи и т. п. Изъ иностранцевъ, кромѣ свѣтскихъ, поступали въ семинарію и духовныя лица: въ 1853 г. серб. свящ. Іоаннъ Іоанновичъ, въ 1857 г. серб. свящ. Николай Поповичъ, въ 1858 г. болгаринъ діаконъ Аверкій Петровичъ, бывший въ Видинѣ директоромъ училища. Общее число иностранцевъ, обучавшихся въ Кіевскихъ духовныхъ училищахъ, было отъ 10 человекъ до 20 ежегодно. Первые годы, начиная съ 1846 года, иностранцы помѣщались въ семинарскомъ общежитіи, но пользовались нѣкоторыми преимуществами сравнительно съ русскими учениками, такъ какъ на нихъ отпускался окладъ не въ 34 р., какъ для всѣхъ вообще казеннокоштныхъ учениковъ, а 60 р., поэтому имъ давался улучшенный столъ, хлѣбъ ежедневно бѣлый, одежда тоже лучше, чѣмъ у русскихъ воспитанниковъ; иностранцамъ выдавались шинели, носовые платки, носки, шелковыя косынки, полотенца, теплыя ватныя одѣяла, для всѣхъ были куплены 2 бритвенные прибора, сапожныя щетки, вакса, перочинные ножики. Съ 1857 года всѣ эти иностранцы получали ежемѣсячно по одному рублю на мелочные расходы. Деньги эти выдавались изъ наличныхъ семинарскихъ суммъ, а въ концѣ года возмѣщались изъ суммъ Минист. Иностран. дѣлъ.

Изъ иностранцевъ немного было такихъ, которые обучались на свои собственныя средства; были еще учившіеся на средства богатыхъ одесскихъ купцовъ—Палаузова и Милованова, попечителей Габровскаго училища, которые давали стипендіи съ условіемъ, чтобы пользовавшіеся стипендіями служили, по окончаніи ученія, въ Габровскомъ училищѣ четыре года. Въ 1861 году поступилъ въ семинарію сербъ Аѳанасій Рессовацъ, сирота, за котораго обязались вносить плату его земляки, если ему не будетъ дано казенное содержаніе. Сербы просили правленіе семинаріи удерживать, въ такомъ случаѣ, по 5 рублей въ мѣсяцъ изъ денегъ, отпускавшихся иностранцамъ на мелочные расходы.

Въ 1857 году Св. Синодъ постановилъ, чтобы молодые люди изъ южныхъ славянъ обучались только въ Херсонской

и Кіевской семинаріяхъ. Въ первую разрѣшено было принимать до 25 человекъ, а во вторую до 20 человекъ. Воспитанники иностранцы должны были жить не въ семинаріяхъ, а въ особо нанятыхъ помѣщеніяхъ. Главный надзоръ за учениками возложенъ былъ на ректоровъ семинарій, а ближайшій—на особаго воспитателя, по преимуществу, изъ южныхъ уроженцевъ. Правленіе семинаріи, послѣ этого, постановило: найти вблизи семинаріи подходящую квартиру для 20 восп., приготовить все, что нужно для общежитія: столы, стулья, кровати, постельное бѣлье, столовую и кухонную посуду, нанять двухъ слугъ, повара, и испросить на содержаніе воспитанниковъ изъ южныхъ славянъ по 100 рублей на каждаго въ годъ. Въ 1858 году Св. Синодъ отпустилъ на наемъ квартиры и устройство общежитія 1999 руб. 35 коп., и на эти деньги нанята была квартира въ домѣ Коробкиной, по Александровской улицѣ, и приобрѣтены были всѣ необходимыя для общежитія предметы. Надзирателемъ для общежитія былъ назначенъ наставникъ семинаріи Розановъ, имѣвшій тамъ и квартиру, а для завѣдыванія хозяйствомъ нанять былъ сербъ Иванъ Лазаревичъ за 60 руб. въ годъ. Послѣ этого, общежитіе, до своего закрытія, перемѣщалось два раза: въ 1860 году въ домѣ купца Борисова, по Хоровой улицѣ, и въ 1861 году въ домѣ Вольфельда. За квартиру уплачивалось около 600 руб. ежегодно. Въ общежитіи, на первыхъ порахъ, помѣстилось 6 воспитанниковъ иностранцевъ, а послѣ ихъ число скоро дошло до 20 чел. Въ 1859 году Дух. учебн. управлен. распорядилось, чтобы Правленіе семинаріи не принимало воспитанниковъ изъ южныхъ славянъ на казенное содержаніе безъ предварительныхъ сношеній съ Дух. учеб. управленіемъ.

Существованіе воспитанниковъ изъ славянъ въ отдѣльномъ общежитіи было не хуже, чѣмъ раньше въ семинарскомъ общежитіи. Духовно-учебное управленіе предписало Правленію семинаріи доставлять свѣдѣнія объ иностранцахъ по особымъ вѣдомостямъ ежемѣсячно: именные списки, рас-

писаніе завтраковъ, обѣдовъ, полдниковъ и ужиновъ, о распредѣленіи занятій, о состояніи здоровья, о выдачѣ учебныхъ пособій и вещей изъ одежды и т. п. Изъ этихъ отчетовъ видно, что питаніе воспитанниковъ было достаточное и даже приспособленное къ ихъ вкусамъ; готовили, напримеръ, щавль, плацынду; въ постъ ежедневно давалась рыба, иногда икра, овощи и т. п. Одежда имъ не выдавалась готовая, а сами воспитанники на полученные ими, вмѣсто одежды, деньги покупали матеріаль, обычно во время контрактной ярмарки, и сами заказывали портнымъ. На лѣто воспитанники изъ славянъ уѣзжали въ деревню Мышаловку и тамъ устраивались на дачахъ. Въ это время имъ выдавалось деньгами по 6 руб. въ мѣсяць. Нѣкоторые, впрочемъ, устраивались на лѣто по окрестнымъ Кіевскимъ монастырямъ и изрѣдка ѣздили на родину.

Относительно учебныхъ занятій славяне были поставлены въ условія льготныя, отчасти потому, что они плохо знали русскій языкъ, а отчасти потому, что большая часть ихъ не была подготовлена къ слушанію семинарскихъ наукъ. Изъ различныхъ постановленій семинарскаго Правленія видно, что отъ славянъ требовалось изучать догматическое, нравственное, настырское богословіе и философію наравнѣ со всѣми учениками, а остальные предметы въ сокращенномъ видѣ; изученіе греческаго и латинскаго языковъ предоставлялось собственному желанію самихъ воспитанниковъ. Кромѣ того, нѣкоторымъ наставникамъ было поручено отдѣльно заниматься каждый день по 2 часа въ послѣобѣденное время съ иностранцами—воспитанниками по словесности, математикѣ и церковному пѣнію, за что наставники получали по 200 руб. въ годъ. Нѣкоторые изъ иностранцевъ учились усердно и успѣшно и по окончаніи или всего семинарскаго курса или только средняго отдѣленія поступали въ академію Кіевскую или Московскую, но чаще поступали въ Кіевскій университетъ.

Случалось, что южные уроженцы не выдерживали довольно суроваго кievскаго климата и до окончанія ученія уѣзжали на родину. Всѣ вообще уѣзжавшіе домой получали на дорогу деньги въ количествѣ 150 и 200 руб. Въ дѣлахъ семинарскаго Правленія нѣтъ указаній, кто именно оставался изъ иностранцевъ послѣ ученія въ Россіи, но объ одномъ изъ сербовъ, Милутинѣ Микичѣ, само Правленіе семинаріи ходатайствовало предъ митрополитомъ о разрѣшеніи ему (Микичу) отстаться въ Россіи, жениться и быть на селѣ священникомъ. Ходатайство возбуждалось, конечно, по просьбѣ Микича. Но затѣмъ Микичъ, очевидно, измѣнилъ свое рѣшеніе и уѣхалъ на родину. Микичу, послѣ его отъѣзда въ Сербію, Св. Синодъ черезъ семинарскаго Правленіе выслалъ книги, въ количествѣ 42 экземпляровъ, содержанія богословскаго, историческаго философскаго и гомилетическаго.

Относительно поведенія воспитанниковъ изъ иностранцевъ можно сказать, прежде всего, то, что воспитанники изъ сербовъ вели себя лучше, чѣмъ остальные воспитанники. О нѣкоторыхъ изъ сербовъ отзывы въ инспекторскихъ отчетахъ давались очень хорошіе, напр., о Милоѣ Іовановичѣ: „отличался добротою и благородствомъ характера и примѣрнымъ трудолюбіемъ“. Были, конечно, и такіе, которыхъ приходилось удалять изъ семинаріи. Такъ, удалены были сербы Стоядинъ Іованновичъ и Рессовацъ послѣ того, какъ они побили на улицѣ воспитанника семинаріи Теофилакта Рябчинскаго. Рябчинскій былъ уволенъ, какъ зачинщикъ драки, а относительно сербовъ Правленіе постановило ходатайствовать объ увольненіи ихъ, какъ неимѣющихъ охоты учиться и несоотвѣтствующихъ по жизни званію воспитанниковъ дух. учеб. заведеній.

У болгаръ особенно замѣтно выдѣлялись двѣ черты въ ихъ поведеніи, одно — нежеланіе подчиняться правиламъ школьной дисциплины, и другая — претензія на какія-то особыя льготы и привилегіи, какъ будто не они получали отъ Россіи благодѣяніе, а, напротивъ, сами они оказывали благо-

дѣяніе Россіи своимъ прїѣздомъ и пребываніемъ. Болгаре Сим. Конаресскій и Игнатій Ивановичъ писали въ Правленіе семинаріи такую, напр., жалобу: „при поступленіи намъ обѣщано было полное содержаніе и всѣ средства, нужныя для того, чтобы мы могли спокойно предаваться изученію наукъ, но теперь видимъ, что не исполняется на дѣлѣ то, что намъ обѣщано на словахъ. Мы не можемъ ходить цѣлый годъ въ этомъ платьѣ, которое намъ отпускается изъ такого слабаго сукна и только разъ въ годъ... Когда мы просили Правленіе семинаріи, чтобы намъ выдали необходимыя вещи, то насъ называютъ грубыми людьми и другими бранными словами“. Жалоба была основательно провѣрена и всѣ обвиненія противъ семинарскаго начальства (относительно невыдачи книгъ, одежды, обуви, оскорбленій) ничѣмъ не подтвердились.

Какъ примѣръ нежеланія болгаръ подчиняться семинарскимъ правиламъ, приведемъ слѣдующій случай, описанный инспекторомъ въ докладной запискѣ правленію: „Сентября 13 дня 1848 г. ученикъ низшаго отдѣленія, Николай Евстафьевъ, вмѣсто того, чтобы съ прочими учениками слушать благоговѣнно всенощное бдѣніе, ушелъ изъ церкви и ходилъ по семинарскому двору и корпусу, и послѣ, когда я сталъ объяснять ему неприличіе сего поступка, не только не хотѣлъ сознавать вины своей, не только находилъ свой поступокъ правильнымъ на томъ основаніи, что богослуженіе въ семинарской церкви представляется для него слишкомъ продолжительнымъ, но даже не хотѣлъ исполнить и опредѣленнаго мною наказанія за означенный поступокъ—стоянія на колѣнахъ въ столовой за обѣдомъ, по тому, какъ написано, по его словамъ, въ общемъ журналѣ поведенія учениковъ, жившихъ въ семинарскомъ корпусѣ, что болгаре освобождаются отъ строгихъ семинарскихъ наказаній. Предположивъ, что въ этомъ упорствѣ Евстафьева выражается общій духъ воспитанниковъ болгаръ, я долгомъ своимъ почелъ призвать ихъ всѣхъ къ себѣ и объяснить имъ со всею подроб-

ностью, что подобный духъ своеволия и непокорности начальству не можетъ быть терпимъ въ семинаріи. Ученикъ средняго отдѣленія семинаріи, Иванъ Ивановъ, при семь объясненіи, отъ лица всѣхъ болгаръ рѣшительно отказался подчиниться въ образѣ жизни и поведенія семинарскому порядку и отказъ этотъ высказалъ безъ всякаго уваженія ко мнѣ, со всею грубостію и дерзостью, присовокупивъ еще, что Николай Евстафьевъ ни за что не исполнить опредѣленнаго мною наказанія“. Евстафьевъ, по его малолѣтству, былъ оставленъ въ семинаріи, а Ивановъ былъ уволенъ.

Съ перемѣщеніемъ болгаръ изъ семинарскаго общежитія на отдѣльную квартиру поведеніе ихъ ухудшилось. Въ этомъ новомъ общежитіи они считали себя полными и безконтрольными хозяевами; сюда стали собираться земляки болгаръ семинаристовъ, кіевскіе студенты и гимназисты, устраивались здѣсь попойки, всѣ, кто только пріѣзжалъ изъ Болгаріи, считали себя въ правѣ остановиться въ общежитіи. Иногда ночью въ общежитіи поднимался такой шумъ, что надзирателю общежитія и хозяину дома приходилось звать полицію для водворенія порядка и тишины. Въ одномъ подобномъ случаѣ болгаре объясняли свой шумъ тѣмъ, что они провожали уѣзжавшихъ изъ Кіева земляковъ.

1863-й годъ былъ особенно неспокойный въ жизни иностранцевъ, глав. обр. болгаръ, и ознаменовался солидными волненіями по разнымъ поводамъ. Сначала возникло волненіе среди болгаръ на почвѣ недовольства столомъ и надзирателемъ Розановымъ. Въ числѣ зачинщиковъ и подстрекателей къ протестамъ были болгаре Манойловъ, Ковачевъ и Саввовъ, о которыхъ Правленіе постановило ходатайствовать, чтобы они были возвращены на родину.

Немного спустя, разыгралось уже болѣе серьезное волненіе. Общежитіе, какъ извѣстно, было устроено для 20 человекъ иностранцевъ; въ дѣйствительности въ 1863 году всѣхъ иностранцевъ было только 16 человекъ, но и этимъ 16-ти помѣщеніе показалось тѣснымъ; въ виду этого двое

болгаръ (уже уволенные), Манойловъ и Ковачовъ, явились къ своему воспитателю и потребовали, чтобы онъ очистилъ одну изъ своихъ комнатъ, такъ какъ она нужна для воспитанниковъ. Это незаконное и крайне дерзкое требованіе не было, конечно, исполнено; тогда болгаре всѣ вмѣстѣ сами выбросили мебель надзирателя и внесли въ комнату свои кровати. Объ этомъ узналъ ректоръ и явился уговаривать болгаръ, чтобы они не безчинствовали, но успѣха не имѣлъ. Вызванъ былъ, послѣ этого, полиціймейстеръ, но и ему водворить порядка не удалось. Объ этомъ случаѣ было донесено высшему начальству.

Между собой сербы и болгаре жили, какъ будто, мирно, но зато къ другимъ иностранцамъ, особенно грекамъ, относились враждебно. На почвѣ этой національной вражды былъ жестоко избитъ сиріецъ, Георгій Ибрагимъ Маркосъ, сербомъ Перовичемъ за то, что „не раздвлялъ съ другими южными славянами ненависти ихъ къ грекамъ“.

Послѣ этого Маркосъ и другой сиріецъ Нифонтъ Мусей перемѣстились въ Петроградскую семинарію. Объ этихъ непорядкахъ въ жизни иностранцевъ, воспитанниковъ семинаріи, узналъ митрополитъ сербскій Михаилъ, который прислалъ запросъ въ Св. Синодъ о причинѣ безпорядковъ. По поводу этого запроса Кіевское академическое Правленіе дало подробный отвѣтъ. Признавая фактъ нестроенія и вражды среди воспитанниковъ иностранцевъ, Правленіе объясняло его тѣмъ, что вражда у южныхъ славянъ существуетъ еще на родинѣ, что въ русскія училища и болгаре и сербы посылаются съ крайне неудачнымъ выборомъ, причемъ вина въ этомъ лежала и на русскомъ вице-консулѣ Рачинскомъ, который однажды прислалъ въ Россію болгарина Филонова, ученика изъ школы іезуитовъ, что поступившіе въ семинарію смотрятъ на свое пребываніе въ ней, какъ на переходное положеніе, и всѣ, затѣмъ, при первомъ удобномъ случаѣ, стремятся поступить въ свѣтскія учебныя заведенія. Не лучшие Филонова былъ и другой болгаринъ, поступившій въ

семинарію въ томъ же 1863 году—ієродіаконъ Алексѣй Станко Петковичъ, заявившій по пріѣздѣ, что онъ не намѣренъ носить во время ученія монашеской одежды и отказавшійся служить въ церкви. Правленіе, обсудивъ это заявленіе, постановило снести съ настоятелемъ Константинопольской миссіи и описать примѣты ієродіакона Алексѣя, чтобы изъ миссіи могли увѣдомить, тотъ ли это ієродіаконъ, который былъ рекомендованъ и посланъ въ Кіевъ для ученія ¹⁾).

Въ началѣ 60-хъ г.г. Духовно-учебное управленіе увидѣло, что дѣло съ обученіемъ иностранцевъ поставлено крайне ненормально, что большинство славянъ пріѣзжаетъ въ Россію безъ достаточной подготовки къ ученію, поэтому было рѣшено прекратить выдачу стипендій вновь пріѣзжающимъ сербамъ и по мѣрѣ освобожденія прежнихъ стипендій составлять изъ нихъ капиталъ, на проценты съ котораго можно было бы открыть 40 стипендій въ Бѣлградской семинаріи, въ Сербіи, а для болгаръ оставить только 16 стипендій (опр. Св. Синода 3 іюля 1864 г). Кіевское общежитіе для славянъ было закрыто, а воспитанникамъ изъ иностранцевъ было предложено переселиться, по желанію, или на частныя квартиры, или въ семинарское общежитіе. Первымъ выдавалась стипендія въ 200 руб., а вторымъ—147 р. въ годъ. Иностранцевъ въ это время въ Кіевской семинаріи было шесть человекъ ²⁾).

Священникъ *Платонъ Петровъ*.

Наши сельскія матушки ³⁾.

Современная интеллигентная женщина переживает період еволюціи. Изъ патріархальной жены и матери она об-

¹⁾ Впослѣдствіи, впрочемъ, іеродіаконъ Пегковичъ вель себя и учился прилично и по окончаніи семинарскаго ученія поступилъ въ Кіевскую академію.

²⁾ Статя составлена на основаніи дѣлъ Кіевскаго семинарскаго архива.

³⁾ Печатаемъ статью, но не раздѣляемъ мрачнаго взгляда автора на положеніе сельской матушки. Сельская жизнь, особенно дѣтомъ, сво-

ращается въ современную женщину, требующую своей доли во всѣхъ областяхъ жизни. Въ 60-хъ годахъ, когда появился знаменитый романъ „Отцы и дѣти“, стремленіе одной изъ героинь этого романа къ эмансипаціи было чѣмъ то новымъ, едва уловимымъ въ настроеніи женщины. Теперь положеніе дѣла измѣнилось. Эмансипація уже сдѣлала нѣкоторый шагъ, и женщина продолжаетъ добиваться болѣе широкой роли на жизненномъ пиру. Мы не будемъ здѣсь входить въ оцѣнку характера этого движенія въ средѣ современной женщины и его цѣлесообразности. Какъ и во всякомъ новомъ движеніи, здѣсь есть доля сознанія подлинныхъ нуждъ женщины, но есть и забвеніе главнѣйшаго назначенія женщины. Какъ бы то ни было, фактъ всеобщаго стремленія интеллигентной женщины выйти изъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ ей приходилось доселѣ дѣйствовать, не подлежитъ сомнѣнію. Но среди интеллигентныхъ женщинъ есть цѣлый разрядъ, для которыхъ, по самому ихъ положенію, заказаны, повидимому, всѣ пути и стремленія къ какой нибудь другой жизни. Это наши сельскія матушки.

Говорятъ, что доброе, здоровое начало семейственности во всей неповрежденности его сохранилось еще только въ нашемъ духовенствѣ. Если это правда, если наше духовенство среди другихъ интеллигентныхъ классовъ сохранило въ цѣлости идеаль патриархальной жизни и цѣльность типовъ, то этимъ въ значительной степени оно обязано своимъ матушкамъ.

Одинъ извѣстный у насъ врачъ, черезъ руки котораго прошло много пациентовъ разныхъ классовъ и положеній, не

бода отъ разлагающаго вліянія городской „культуры“, можетъ быть, и создаютъ то здоровье и цѣлость, какими отличаются наши духовныя семьи. Между тѣмъ книги, журналы съ многоразличными научными и ненаучными приложеніями доступны и въ деревнѣ; посредствомъ газеты матушка можетъ бесѣдовать со всѣмъ міромъ. Только бы она, матушка, не погружалась до забвенія всего въ хозяйство, только бы не потеряла духовныхъ интересовъ.

можетъ безъ чувства уваженія, граничащаго съ преклоненіемъ, говорить о нашихъ матушкахъ. Несомнѣнно, что эти высокія чувства внушаются нашими матушками вслѣдствіе той чистой струи, того самоотверженія, того цѣльнаго и здороваго направленія, которыя онѣ поддерживаютъ еще у насъ въ виду чуть не всеобщаго развала семьи, наблюдаемаго въ наши дни. Мы говорили о самоотверженіи нашихъ матушекъ. Да, иными словами нельзя назвать тѣхъ многотрудныхъ, разнообразныхъ, но и святыхъ обязанностей и трудовъ, которые онѣ берутъ на себѣ. Некрасовъ, воспѣвая суровую долю русской крестьянки, съ горечью восклицая: „Доля ты, доля, долушка женская! Врядъ ли труднѣе сыскать!“ Теперь роли перемѣнились: мѣсто крестьянки по всѣмъ правамъ заняла сельская матушка. Для нея съ раннихъ лѣтъ, отъ замужества, создана эта своеобразная жизнь въ глухихъ „медвѣжьихъ углахъ“. Иной разъ она кажется совершенно забытой. Лекціи, современная литература и наука, избранное общество просвѣщенныхъ людей, гдѣ можетъ душа отдохнуть и, наконецъ, хоть призракъ культуры—все это не для нея. Всѣми этими благами въ изобиліи могутъ пользоваться даже городскія кухарки, горничныя и жены мелкихъ служащихъ, а интеллигентная сельская матушка въ кои-то вѣки заглянетъ въ какой-нибудь захолустный городишко и то, поглощенная цѣлодневной суетою да устройствами своихъ дѣлъ, ничѣмъ не воспользуется изъ этихъ культурныхъ благъ. А между тѣмъ, когда то и она, многострадальная, въ душевныхъ стѣнахъ училищъ, гимназій, а не то и институтовъ, слушала лекціи, изучала языки, науки, музыку. Оттуда она вышла съ чуткой душой, идельными порывами и вѣрой въ добро, а попала сразу въ темную грубую среду, гдѣ нужны желѣзное здоровье и ванатные нервы, подчинилась невгодамъ безкультурной жизни, гдѣ тупѣютъ и глохнуть вдали отъ свѣта ея лучшія силы и запросы души. Правда, она всю себя отдаетъ семьѣ. Но развѣ это не самоотверженіе? Возьмите, далѣе, наше сельское хозяйство, всѣхъ этихъ свиней, коровъ, куръ,

телять, за которыми, несмотря ни на какую погоду и время, нужно ходить и смотрѣть. А нынѣшняя прислуга, которая стала дороже денегъ, и подчасъ трудно и отыскать ее, такъ что вся грязная и тяжелая хозяйственная работа лежитъ на плечахъ однѣхъ только матушекъ. И такое положеніе тянется годы. Несчастливыя сельскія матушки въ холодъ и дождь съ утра до вечера бѣгаютъ отъ кухни къ скотинѣ, испытывая рѣзкій переходъ отъ тепла къ холоду, часто простужаются, увядаютъ прежде времени, чахнутъ... Бѣдная голова матушки, вмѣщавшая когда-то науки, языки и музыку, а теперь всецѣло занята свиньями, курами да кухней, тупѣетъ, силы быстро истощаются. Невольно возникаетъ вопросъ объ облегченіе положеніе нашихъ сельскихъ матушекъ, но онъ стоитъ въ неразрывной связи съ другими вопросами—объ улучшеніи положенія нашего сельскаго духовенства. А этотъ возъ „и нынѣ тамъ“, гдѣ былъ во времена оны и, быть можетъ, еще долго придется и нашимъ страдальцамъ-матушкамъ и всему сельскому духовенству, несущему тяготу дне и варъ церковно-общественной службы, влечить такую захудалую жизнь. Будемъ ждать, какъ ждали наши прадеды, а пока для насъ и нашихъ сельскихъ матушекъ остается одинъ и тотъ же скорбный некрасовскій мотивъ.

Свящ. *Георгій Мельницкій.*

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Обязанности благочиннаго и образованіе пастырей.

Считаемъ полезнымъ подѣлиться со своими читателями тѣми сужденіями, которыя были высказаны Преосвященнымъ Серафимомъ, Епископомъ Екатеринбургскимъ, на собраніи благочинныхъ по указаннымъ въ заголовкѣ вопросамъ.

„Благочинные, по взгляду Преосвященнаго Серафима, это ближайшіе помощники Архіерея въ дѣлѣ устроенія спасенія порученной ему Богомъ паствы, главные въ этомъ руководители народа. Въ этомъ отношеніи благочинный стоитъ

неизмѣримо выше обыкновеннаго чиновника, который собираетъ различныя свѣдѣнія, группируетъ ихъ и отправляетъ по назначенію. Роль благочиннаго не такова. Его забота должна быть направлена на спасеніе душъ и въ основѣ его дѣятельности должна лежать мысль объ этомъ спасеніи. Благочинный—око Архіерея; въ своемъ округѣ онъ даетъ тонъ и направленіе всей дѣятельности духовенства, является ея центромъ“. Благочинные, рассуждаетъ далѣе Владыка, должны знать всѣ приходы своего округа отчетливо и ясно со всѣми ихъ нуждами религіозными, нравственными и экономическими. Притомъ это знаніе они должны пріобрѣтать чрезъ непосредственное наблюденіе надъ жизнью приходо́въ, чрезъ личное сношеніе съ пастырями и ихъ пасомыми. Для успѣшнаго выполненія столь высокаго долга благочинный долженъ быть освобожденъ отъ извѣстной доли канцелярской работы, особенно отъ производства денежныхъ сборовъ, что можно свободно переложить на его помощника и членовъ благочинническаго совѣта.

Въ этомъ же собраніи благочинныхъ Преосвященный высказался и по вопросу объ образованіи духовенства. Владыка высоко цѣнитъ образованныхъ, просвѣщенныхъ пастырей. По его наблюденію, изъ священниковъ, не имѣющихъ полного средняго образованія, только одинъ процентъ выходитъ хорошихъ пастырей, а всѣ остальные — „нерадивые требоисправители, если не сказать хуже“. Некнижные пастыри, по словамъ Владыки, не смотрятъ на пастырство, какъ на идейный трудъ, не возгрѣваютъ въ себѣ благодати Божіей чрезъ чтеніе и изученіе Св. Писанія, не обогащаютъ своего ума науками. Ссылаться на то, что апостолы были простые рыбаки и потому, молъ, и наши пастыри могутъ обойтись безъ образованія,—нельзя. Не получивъ школьнаго образованія, апостолы-рыбаки зато имѣли счастье учиться дѣлу пастырства у самаго Божественнаго Учителя. Какая же для нихъ послѣ этого нужна была еще другая школа? Въ заключеніе Владыка заявилъ, что онъ за свою бытность въ

Екатеринбургской Епархіи не посвятивъ еще въ санъ священника ни одного простеца, что онъ готовъ оставлять до времени священническія вакансіи незамѣщенными; пока не явится правоспособный кандидатъ, и что священникъ безъ семинарскаго образованія можетъ перейти на другой лучшей приходъ только въ томъ случаѣ, если онъ заявилъ себя хорошей службой и полезной дѣятельностью (Екатеринбургск. Еп. Вѣд.“).

Таковы взгляды Преосвященнаго Серафима на обязанности благочинныхъ и на образованіе пастырей. Мы нарочно довольно подробно изложили эти авторитетные взгляды Архипастыря, потому что у насъ въ области обоихъ этихъ вопросовъ далеко не все обстоитъ благополучно. Взять хотя бы служеніе благочиннаго. По идеѣ онъ—„око архіерея“; стало быть, на немъ лежитъ обязанность помогать епископу пасти стадо Христово въ своемъ округѣ, содѣйствовать спасенію словесныхъ овецъ, населяющихъ всѣ приходы его округа. На дѣлѣ же онъ—рядовой чиновникъ, наблюдающій только за прохожденіемъ службы подчиненнаго ему духовенства за внѣшней, главнымъ образомъ, служебной исправностью духовныхъ лицъ; онъ—сборщикъ всякихъ денежныхъ взносовъ, окрещенный за это названіемъ мытаря; онъ, наконецъ, если и „око“, то не архіерея, а только консисторіи, отъ которой одной онъ и получаетъ директивы. Надо ли доказывать, что все это большія аномаліи, весьма вредныя для Церкви? Особенно большое зло—лежащая на благочинныхъ обязанность взимать всякіе сборы. Онъ заваленъ этими сборами и всякаго рода отчетностью. Не разгибая спины, сидитъ онъ иногда по цѣлымъ днямъ надъ счетами и отчетами, а войдешь въ его кабинетъ, такъ это цѣлая канцелярія. Для пожилого человѣка такой трудъ прямо непосильный, вслѣдствіе чего и наблюдается часто, что самые опытные, умудренные жизнью и лѣтами благочинные покидаютъ свой постъ изъ-за одной этой канцелярщины, распатавшей ихъ здоровье, нервы и силы. Обязанность же „чинить благо“ переходитъ къ какому

нибудь молодому неопытному еще священнику, иногда только что окончившему семинарію, и, такимъ образомъ, тотъ, который еще самъ нуждается въ руководствѣ и наученіи, занимаетъ постъ, обязывающій давать руководство и наученіе другимъ. Въ результатѣ подвѣдомственное такому молодому благочинному духовенство фактически остается безъ руководителя, потому что обратиться къ прежнему авторитетному благочинному опасно: можетъ обидѣться новый; этотъ же послѣдній самъ мало что знаетъ. Такое ненормальное явленіе въ нѣкоторыхъ епархіяхъ уже по достоинству оцѣнено, и по мѣстамъ приняты уже рѣшительныя мѣры къ искорененію его. Можемъ для примѣра, указать на Воронежскую Епархію, гдѣ въ самое послѣднее время благочинные освобождены отъ обязанности взимать какіе бы то ни было сборы. Для этого учреждена тамъ должность окружныхъ казначеевъ, на которыхъ и возложена обязанность производить сборы и вести соотвѣтствующую отчетность. Слава Богу! Черезъ это дается каждому благочинному удобный случай возвратиться къ исполненію своего прямого долга: „чинить благо“, а не быть канцеляристомъ. Черезъ это достигается возможность имѣть на благочинническихъ постахъ людей убѣжденных сѣдинами, умудренныхъ богатымъ житейскимъ и пастырскимъ опытомъ, людей авторитетныхъ, снискавшихъ уже себѣ уваженіе духовенства и мірянъ, вмѣсто юныхъ неопытныхъ священниковъ, долженствующихъ еще учиться, а не учить своихъ собратій.

Большое у насъ мѣсто и образованіе духовенства. Печальнѣе всего здѣсь то, что даже въ наше время приходится доказывать пользу образованности для духовныхъ лицъ. Злая иронія! Тотъ, который долженъ быть по идеѣ носителемъ свѣта, проводникомъ въ народныя массы духовной культуры, можетъ свободно, по логикѣ нѣкоторыхъ, быть темнымъ мужикомъ. И даже не только можетъ быть, но и долженъ быть неучемъ, какъ однажды высказался нововременскій публицистъ на страницахъ своей газеты. Видите ли,—простоцы—

пастыри болѣе дорожатъ своимъ служеніемъ, рады всякому священническому мѣсту, болѣе близки къ народу, да и апостолы, вдобавокъ, вѣдь были простые рыбаки. А образованные священники требовательны, домогаются все лучшихъ приходо́въ, не дорожатъ своими мѣстами, чужды простому народу. Кажется, лю́тый врагъ Православной Церкви не выдумалъ бы лучшаго средства для униженія Ея, чѣмъ эти мнимые радѣтели Церкви со своимъ дикимъ планомъ некнижнаго духовенства. Наше пастырство желаютъ, очевидно, вернуть ко временамъ 16 вѣка, когда Новгородскій Владыка Геннадій съ сердечной скорбью жаловался: „приводятъ ко мнѣ мужика въ попы ставить. Я ему велю читать Апостоль, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему Псалтырь, а онъ и по той едва бредетъ. Откажу ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотъ“. Вотъ по какимъ временамъ и порядкомъ вздыхаютъ эти почитатели пастырей-простецо́въ. Но вѣдь то былъ 16-й вѣкъ, а теперь 20-й. То было печальное время паденія въ обществѣ просвѣщенія и грамотности, а теперь вѣкъ просвѣщенія, вѣкъ побѣды свѣта надъ тьмою. Тогда безграмотное духовенство имѣло нѣкоторое оправданіе для себя, ибо мужики жаловались своему владыкѣ: „земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотъ“. Теперь же, когда обязательное обученіе—вопросъ ближайшаго будущаго и когда, стало быть, тѣ же русскіе мужики, какъ мужчины, такъ и женщины, будутъ поголовно грамотны, необразованные пастыри могутъ ли имѣть мѣсто? Въ скоромъ времени даже полное семинарское образованіе, несомнѣнно, окажется недостаточнымъ хотя бы и для сельскаго пастыря, такъ что необходимо будетъ подумать о расширеніи курса семинарскихъ наукъ. А намъ навязываютъ, рекомендуютъ необразованное пастырство, которое, какъ показываетъ опытъ, уже успѣло принести свои горькіе плоды, хотя необразованныхъ священниковъ у насъ пока не такъ много. Нѣтъ, непризванные радѣтели о пользѣ своей Церкви! Не

суйтесь вы со своими планами и совѣтами въ чуждую, очевидно, для васъ область. Оставьте вы и времена апостольскія въ покоѣ. Вамъ же даль на этотъ счетъ отвѣтъ Преподобный Серафимъ въ изложенномъ выше его взглядѣ. Здѣсь къ этому отвѣту развѣ можно только добавить: времена апостольскія не наши времена, разница между ними громадная въ отношеніи просвѣщенія и нравственности и запросовъ человѣческаго общества.

Б.

Смерть на славномъ посту.

(Изъ рассказовъ о хорошихъ людяхъ).

Пробуждалась жизнь и угасала жизнь...

Въ тотъ годъ пасха была ранняя и дружная. Еще въ концѣ февраля, на масляницѣ, началось таяніе снѣговъ и установилась распутица, сдерживаемая по утрамъ легкими заморозками, которые стягивали снѣгъ съ горъ въ долины и лошины. Къ срединѣ марта земля обнажилась. Снѣгъ оставался только въ лѣсахъ и глубокихъ канавахъ. Стала пробиваться молоденькая травка. Рѣки почернѣли и вздулись. Къ концу марта затрепалъ и взломался ледъ на рѣкѣ около нашего города. Рѣчная поверхность покрылась водою. Ледъ осѣлъ внизъ, ко дну, потомъ сталъ всплывать и трогаться. Жители города и прирѣчныхъ слободъ оживились. Вскрытіе рѣки, знаменующее конецъ долгаго зимняго сна природы, всегда было большою радостью для горожанъ. Шумными толпами высыпали они въ это время на рѣчной берегъ и по цѣлымъ часамъ любовались, какъ несутся по рѣкѣ груды льдинъ, сталкиваются другъ съ другомъ, громоздятся въ высокія сине-бѣлыя горы, трескаются, размельчаются, расходятся и несутся дальше.

Особенно оживлялись горожане и слобожане тогда, когда на рѣкѣ вдругъ покажется какое-нибудь животное или человѣкъ, застигнутые врасплохъ ледоходомъ, и мечутся въ отчаяніи по льдинѣ, со смертнымъ ужасомъ во взорѣ. Въ это

время у горожанъ и слобожанъ пробуждалась неудержимая русская отвага. Вскочить на легкую лодочку, отпихнуться отъ берега и искусно лавировать между льдинами, чтобы спасти несчастное живое существо—было для горожанъ и слобожанъ дѣломъ столь же обычнымъ, какъ ловля рыбы въ половодье. И рѣдко кто ускользалъ изъ ихъ рукъ.

А когда на берегъ являлся въ свободные часы старшій учитель нашего слободского двухкласснаго училища Петръ Даниловичъ Сомовъ, можно было съ увѣренностью сказать, что ни одна жертва рѣки не погибнетъ. Сынъ рыбака Хотинской (по верхнему теченію рѣки) слободы и самъ въ дѣтствѣ, до времени, пока счастливый случай не далъ возможности Петру Даниловичу поступить въ учительскую семинарію,—рыбакъ, онъ былъ ловкимъ и смѣлымъ борцомъ съ водной стихіей. И въ этотъ годъ онъ дѣйствовалъ нѣкоторое время съ обычнымъ успѣхомъ. Но въ одинъ несчастный день не уберегся. Спѣша оказать помощь одному несчастному, застигнутому ледоходомъ на льду, Петръ Даниловичъ слишкомъ сильно разогналъ лодку и не успѣлъ ее во время сдержать: лодка сильно ударила о льдину, перевернулась и Петръ Даниловичъ упалъ въ воду. Онъ не растерялся: быстро и искусно выбрался на льдину и крикнулъ на берегъ о помощи. Сбѣжались рыбаки и спасли обѣ жертвы рѣки; но холодная ледяная ванна сдѣлала свое дѣло. Петръ Даниловичъ схватилъ горячку...

Передъ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія Христова болязнь приблизилась къ роковому исходу: Петру Даниловичу суждено было покинуть нашъ бранный міръ. Слобожане приуныли: Петръ Даниловичъ былъ любимымъ человѣкомъ въ слободѣ и любимымъ по заслугамъ.

Наша слобода была населена темнымъ, невѣжественнымъ людомъ. Главнымъ занятіемъ ея жителей было рыболовство, спускъ плотовъ по рѣкѣ и работы на лѣсной пристани. Эти занятія, доставляли слобожанамъ хорошіе заработки, въ то же время отнимали у нихъ весь день, часто и

ночи. Слобожанамъ некогда было позаботиться о своемъ духовномъ развитіи. Они жили дикими, необузданными, незнавшими удержу своимъ страстямъ людьми, и въ свободные часы предавались пьянству, разгулу, разнымъ порокамъ, которые, доставляя имъ минутное наслажденіе, губили ихъ души. По стопамъ отцовъ шли и мы, дѣти. Если по малолѣтству мы еще не пьянствовали и не знали плотскаго разврата, то духовный развратъ былъ среди насъ также силенъ какъ и среди взрослыхъ: мы дерзили, задирали другъ друга и старшихъ, сквернословили, лгали, обманывали и все это считали дѣломъ естественнымъ, обычнымъ. Иной жизни мы не знали и не понимали. Но вотъ явился въ слободу Петръ Даниловичъ, и мы, съ нашими отцами, узнали, что не живемъ, а умираемъ медленною ужасною смертію.

Появленіе въ нашу слободу Петра Даниловича было связано съ открытіемъ здѣсь земствомъ однокласснаго начальнаго училища.

Давно уже слобода наша нуждалась въ учебномъ заведеніи, потому что, хотя въ городѣ, къ которому была причислена слобода, было два мужскихъ и два женскихъ училища, но они были переполнены учащимися и рѣдко кто изъ слобожанъ попадалъ въ нихъ. Да и охоты не было посылать дѣтей за пять верстъ въ осеннюю грязь и слякоть или зимнюю стужу и вьюгу. А просить объ учрежденіи въ слободѣ училища никто не додумывался. Слобожане были равнодушны къ этому вопросу. „Живемъ неграмотными, слава Богу, не хуже горожанъ,—проживуть и наши дѣти“, разсуждали они. И когда земство, расширяя сѣть своихъ училищъ, спохватилось устроить училище и въ нашей слободѣ, слобожане отнеслись сначала даже враждебно къ этому нововведенію. „Ну, пошла новизна, ворчали они. На что намъ училище? Чтобы ребята загордились, умнѣе отцовъ стали себя считать да смѣяться надъ нами, неграмотными? И такъ дерзостей и грубостей отъ нихъ не оберешься!“. И большинство не хотѣло отдавать дѣтей въ училище. Однако нашлись

нѣкоторые, которые разсуждали иначе: „Что же, пусть и наши ребята поучатся! Хоть молитвы будутъ знать, а, можетъ быть и Евангеліе или житія св. угодниковъ когда намъ почитаютъ. Вотъ оно и на пользу намъ будетъ“.

И училище стало функціонировать, хотя при маломъ составѣ учениковъ.

Недружелюбному отношенію слобожанъ къ училищу суждено было усугубиться на первыхъ порахъ еще и потому, что земство отдало свое дѣтище въ завѣдываніе молодой неопытной учительницы. Эта учительница не умѣла обращаться ни съ учениками, ни съ ихъ родителями: при шалости и дерзости со стороны первыхъ или грубомъ обращеніи вторыхъ или плакала навзрыдъ или вспыхивала, какъ порохъ, топала ногами и кричала: „какъ вы смѣете? Я буду жаловаться земству!“ и заслужила въ слободѣ прозвище—отъ однихъ: „размазни“, отъ другихъ: „недотроги“. Напрасно училъ ее законоучитель—второй священникъ соборной церкви, къ которой слобода была приписана, какъ обращаться съ дѣтми и ихъ родителями, она его не слушала или не умѣла переломить себя. И результатомъ было то, что школьное дѣло плохо подвигалось впередъ... Но вотъ, послѣ первой же ревизіи училища инспекторомъ народныхъ училищъ, учительницу удалили и на ея мѣсто назначили Петра Даниловича Сомова. Тогда дѣло перемѣнилось. Петръ Даниловичъ, дотошъ служившій учителемъ въ одномъ изъ дальнихъ сель уѣзда и съумѣвшій пріобрѣсти тамъ педагогическую опытность, съ первыхъ же дней своей дѣятельности успѣлъ пріобрѣсти довѣріе и любовь къ себѣ нашу, школьниковъ, и нашихъ родителей. Обращался онъ съ нами то строго, то ласково, смотря по обстоятельствамъ: если мы грубили и непристойно вели себя, дѣлалъ намъ внушенія, но солидно—безъ крика и шума, однако со властію, если вели себя хорошо,—гладилъ насъ по головкамъ, шутилъ съ нами и иногда даже цѣловалъ. Главное вниманіе онъ обратилъ на развитіе въ насъ религіозности, вѣжливости и почтительности къ старшимъ

(онъ очень скоро и легко замѣтилъ отсутствіе въ насъ этихъ чертъ и какъ воспитанный самъ въ строгой религіозной семьѣ не могъ относиться къ этому равнодушно). Училъ насъ, какъ молиться, какъ креститься, подходить подъ благословеніе къ священнику, здороваться со старшими. И самъ первый показывалъ намъ во всемъ примѣръ. Бывало, только онъ войдетъ въ классъ изъ своей учительской квартиры и мы, дѣти, встанемъ изъ за своихъ партъ, онъ первымъ долгомъ обратится къ образу, истово перекрестится съ глубокимъ поклономъ. Мы, конечно, послѣдуемъ его примѣру. „Ну, дѣти, на утреннюю молитву!“ скажетъ намъ внушительно учитель и самъ благоговѣнно начнетъ читать молитвы, приучая насъ къ благоговѣнному церковному чтенію; затѣмъ обязательно прочтетъ и растолкуетъ дневное евангеліе. И тогда уже приступитъ къ урокамъ. Наученіе насъ молитвамъ и религіозности, собственно, не входило въ кругъ обязанностей Петра Даніиловича, но онъ охотно облегчалъ трудъ нашего законоучителя о. Симеона (по соглашенію съ этимъ священникомъ), занятаго уроками въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ и приходскими дѣлами, а потому рѣдко появлявшася въ школъ. Послѣ утренней молитвы Петръ Даніиловичъ нерѣдко еще и объяснялъ намъ, какъ нужно вести себя внѣ школы, внушалъ оказывать почтеніе старшимъ, каковы бы они ни были, съ особымъ чувствомъ приводя слова пророка: „Передъ лицомъ сѣдого возстани и почти лицо старче“, избѣгать грубостей, бранныхъ словъ, драчливости и прочихъ пороковъ, распространенныхъ въ слободѣ. Самъ онъ при встрѣчѣ съ слобожанами обязательно раскланивался съ каждымъ первый, при входѣ въ чей-нибудь домъ прежде всего клалъ низкій поклонъ передъ иконами, кланялся хозяевамъ и тогда уже приступалъ къ дѣлу. При входѣ въ церковь клалъ, по старинному, семипоклонный началъ и кланялся народу на всѣ четыре стороны (такъ было принято изстари въ семьѣ Сомовыхъ, хотя къ старообрядцамъ они не принадлежали).

Слобожане сразу оцѣнили Сомова. „Вотъ это учитель! Этого художу нашихъ дѣтей не научить! Къ нему можно посылать дѣтей!“ слышался говоръ въ селѣ. И училище стало наполняться.

Прошло не болѣе трехъ лѣтъ со времени появленія у насъ Петра Даніиловича, а земству пришлось уже открыть параллельный классъ училища, а еще черезъ нѣкоторое время превратить его изъ однокласснаго въ двухклассное съ пятилѣтнимъ курсомъ. При этомъ переустройствѣ въ училище, въ помощь Сомову, было назначено еще два учителя, а самъ онъ сдѣлался завѣдующимъ и старшимъ учителемъ. Заботъ у него прибавилось, но онъ не покладалъ рукъ и съ усиленной энергіей работалъ надъ дѣломъ перевоспитанія юнаго поколѣнія нашей слободы. Результаты стали показываться блестящіе: перевоспитывались не только дѣти, но и ихъ отцы и матери, которымъ уже стыдно становилось, что дѣти становятся лучше ихъ. Все рѣже и рѣже наблюдались въ слободѣ: разгуль, пьяныя безстыдныя пѣсни, драки, ссоры и прочее, что являлось слѣдствіемъ невѣжества и незнанія, на что убиты свободные часы. Слобожане въ эти часы стали просить своихъ дѣтей почитать имъ Св. Евангеліе или какую-нибудь назидательную книгу изъ школьной библіотеки.

Услыхавъ, къ чему обратились слобожане, Петръ Даніиловичъ поспѣшилъ пойти на встрѣчу народной нуждѣ: открылъ вечернія воскресныя и праздничныя чтенія того же религіознаго и назидательнаго характера.

Слобожане еще болѣе зашевелились. Интересъ къ чтеніямъ оказался чрезвычайнымъ. Тогда Петръ Даніиловичъ, сговорившись съ другими учителями, открылъ еще и будничныя вечернія занятія со взрослыми по наученію чтенію, письму и счету, пользуясь тѣмъ, что осенью и зимою многіе вечера у слобожанъ оставались свободными.

Восторгъ слобожанъ былъ полный: научиться читать или что нибудь написать—объ этомъ взрослые люди въ слободѣ даже и не мечтали. Отъ учениковъ не стало отбою.

Училище расширялось—слобожане охотно понесли на нужды школы свои трудовыя деньги, раньше оставлявшіяся въ кабакахъ и трактирахъ; а эти увеселительныя заведенія стали пустовать.

И вдругъ горе: Господь призывалъ къ Себѣ Своего вѣрнаго и добраго раба!..

Мы, школьники, не отходили отъ постели больного учителя съ самаго начала его болѣзни. Среди насъ установилось дежурство по очереди. Мы дежурили день и ночь, пропуская даже уроки, за что второй и третій учитель, впрочемъ, съ насъ не взыскивали, а еще сами посылали насъ въ квартиру Петра Даниловича. Въ свободные часы они и сами дежурили у постели больного. Они были хорошіе, отзывчивые люди, не менѣе насъ уважали Сомова и во всемъ старались итти по его стопамъ. Слобожане могли рассчитывать, что они замѣнятъ имъ ихъ любимца, и только это смягчало нѣсколько общую острую скорбь...

(Окончаніе слѣдуетъ)

Священникъ В. Успенскій.

Весѣды по пчеловодству.

(Продолженіе).

Способъ Ващенко въ примѣненіи въ ульямъ другой конструеціи. Только что разобранный нами способъ В. О. можно примѣнить ко всѣмъ рамочнымъ ульямъ и даже въ болѣе упрощенной формѣ, чѣмъ это дѣлается на насѣкѣ у изобрѣтателя. Для сего на одномъ изъ боковъ (правомъ или лѣвомъ) любого рамочнаго улья просверливается летокъ, въ три копѣйки (или въ пятакъ) величиной и придѣлывается подлетокъ. Къ этому просверленному боку и придвигается, затѣмъ, первое отдѣленіе съ маткой и наглухо заставляется доской или разгораживающей рѣшеткой съ втулкой. Вся летная муха перваго отдѣленія слетитъ въ знако-

мый ей летокъ второго отдѣленія и т. д. Упрощенность способа В. Θ., какъ не трудно догадаться, заключается въ томъ, что здѣсь дѣло обходится безъ поворачиванія улья задомъ на передъ, онъ продолжаетъ стоять такъ, какъ стоялъ до раздѣла.

Способъ Ващенко, упрощенный авторомъ.

Какъ ни хорошъ способъ Ващенко, но все же онъ требуетъ нѣкоторыхъ приспособленій; нужно во-первыхъ, имѣть разгораживающую рѣшетку или по крайней мѣрѣ умѣть приспособить къ этой цѣли обыкновенную заставную доску (оббить ее по краямъ клеенкой), чтобы матка и муха обоихъ отдѣленій не могла сообщаться между собою сквозь щели въ ней, нужно, затѣмъ, имѣть запасные (боковые или фасадные) летки, что не всегда можно устроить легко и просто, а между тѣмъ, начинающихъ пчеловодовъ пугаетъ именно эта неподготовленность и вообще лишняя забота. Скажу даже, что отсутствіе всего этого долгое время было помѣхой мнѣ; и сталъ я думать: нельзя-ли обойтись безъ доски и запасныхъ летковъ, когда ихъ нѣтъ, нельзя ли изолировать матку такимъ способомъ, чтобы пчелы ее чувствовали, видѣли и кормили, а потому и духомъ не падали и не теряли своей трудоспособности, нельзя-ли, наконецъ, устроить такъ, чтобы матка была между пчелами, но больше ужъ не червила?! Поставивъ себѣ такіе вопросы, я нашелъ, что ихъ легко разрѣшить, стоитъ лишь разыскать матку, запереть ее въ клѣтку и помѣстить здѣсь же въ такомъ мѣстѣ, чтобы пчелы легко могли съ нею сообщаться. Я, обыкновенно, помѣщаю клѣточку съ маткой на верху чуть раздвинутыхъ рамокъ, и пчелы работаютъ, какъ ни въ чемъ, не бывало, идутъ въ поле, таскаютъ нектаръ, заполняютъ имъ освобождающіяся отъ червы ячейки и въ тоже время совершенно спокойно выгрѣваютъ себѣ другую повелительницу. Когда придетъ время, я уничтожаю лишніе маточники, старуху уже убираю отсюда только тогда, когда выйдетъ молодая матка и

начнегь подумывать о брачной проигрѣ, т. е., черезъ четыре-пять дней послѣ ея выхода. Дальше старухи нельзя держать въ ульѣ, а то, вѣдь мы знаемъ изъ предыдущихъ бесѣдъ, что при наличности соперницъ молодая матка никогда не вылетитъ на проигру. Какъ только старуха будетъ убрана, а молодая удачно совершить облетъ и оплодотворится, жизнь въ семьѣ забьетъ ключемъ съ удвоенной энергіей, а пока судъ да дѣло, молодой приплодъ задержится, и пень совершенно утратитъ желаніе роиться.

Ввиду того обстоятельства, что примѣненіе моего способа не лишаетъ семью трудоспособности, имъ можно пользоваться во всякое время, но лучше всего сдѣлаемъ, если запремъ матку въ началѣ медосборнаго періода, при непремѣнномъ условіи полного развитія роевой силы.

Мнѣ ставили, да и могутъ еще поставить возраженія. Возражали мнѣ, напр., что запирая матку въ клѣтку, мы лишаемъ семью свѣжаго приплода, чего никакъ нельзя допустить. Но позвольте, господа, васъ спросить: не лишается ли семья, отпустившая первака, свѣжаго приплода? Конечно лишается и на долгое время, вѣдь здѣсь остается запечатанный маточникъ, молодая пчела, черва и только, а у меня вся летная сила дома, вся молодая муха и вся черва, да еще въ огромномъ количествѣ, и все это богатство готово служить мнѣ на позыбу. Того засѣва, какой матка сдѣлаетъ во время медосбора, мнѣ вовсе не нужно, ибо эта рать выйдетъ только лишь въ концѣ медосбора и даже послѣ окончаія его и мнѣ ни единыя капли нектара не принесетъ; на зиму же и молодая матка успѣетъ поставить достаточную силу; но я еще больше скажу: засѣвъ медосборнаго періода является для пчеловода и пчелъ совершенно ненужнымъ бременемъ. Пчеловоду онъ не желателенъ потому, что на выкормку его истратится масса запасовъ, а пчеламъ онъ вреденъ, какъ элементъ, побуждающій къ ненужному въ данномъ случаѣ роенію и до тѣсноты стѣсняющій просторъ помѣщенія. Если же мы, заперевъ старуху въ клѣтку, да-

димъ семьѣ зрѣлый маточникъ, изъ котораго дня черезъ три выйдетъ матка, то безприплодный періодъ сократится до минимума, и возражатели наши, получивъ удовлетвореніе, останутся очень довольны.

Возражаютъ еще, что запертая старуха, парализованная въ самомъ апогеѣ кладки, приходитъ въ негодность, но я какъ то разъ, при нуждѣ, и узницу использовалъ и она мнѣ работала преисправно цѣлый слѣдующій сезонъ.

Въ заключеніе статьи о ващенковскомъ способѣ мнѣ еще хочется сдѣлать въ немъ маленькое измѣненіе. В. Θ раздѣляетъ семью сразу наглухо, а я нѣтъ. Я вставляю между ними рѣшетку безъ втулки, чтобы осиротѣлая половина могла чувствовать свою мать хотя бы даже за рѣшеткой и не приходитъ отъ того въ уныніе. Это маленькое измѣненіе въ способѣ нашего «пчолового батька» даетъ возможность примѣнять ващенковскій приемъ, когда угодно, безъ опасенія потери трудоспособности; втулка же вставляется нѣсколько позже, когда выйдетъ въ осиротѣлой половинѣ матка и станетъ готовиться къ брачному полету. Хотя, какъ показалъ опытъ нынѣшняго 1915 года, перегораживающая рѣшетка и безъ втулки нисколько не препятствуетъ оплодотворенію молодой матки.

Крестьянскій способъ недопущенія роенія.

Въ заключеніе статьи о недопущеніи роенія слѣдуетъ упомянуть еще о способѣ, употребляемомъ деревенскими пчелками. Господа сіи, если не желаютъ увеличенія пасѣвки, поступаютъ такъ: у выпедшаго роя разыскиваютъ и уничтожаютъ матку (или матокъ), послѣ чего рой самъ собой возвратится на старика. Точно такой же маневръ продѣлываютъ они и съ послѣдующими роями, зная, что старикъ, отпуская роя, безъ матки не останется. Что же намъ сказать о деревенскомъ способѣ? Не умствуя лукаво, скажемъ просто: способъ этотъ никуда не годится и вотъ почему: во-первыхъ, онъ парализуетъ не причины, вызывающія роеніе, а самое

рой. Способы такого рода въ медицинской практикѣ называются полліативами. Во-вторыхъ, способы эти не избавляютъ пасѣчника отъ роевой сутолоки и потому вредно отзываются на доходности пасѣнки и, наконецъ, въ третьихъ, они не соотвѣтствуютъ сути дѣла и скорѣе могутъ быть названы загонами роевъ обратно на старика, чѣмъ способами, не допускающими роеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ *Г. Лисянскій.*

ЗАМѢТКА.

Насущная потребность.

Прежде наша деревня все свое свободное время проводила въ бражничествѣ, отдавала на вино и время и деньги, и свободныя и несвободныя. Но вотъ, благодареніе Господу, настали дни трезвости, и сельчанинъ въ недоумѣніи остановился надъ вопросомъ: куда же теперь онъ долженъ употребить свой досугъ.

Настало время, когда необходимо прійти деревнѣ на помощь, привить ей чистыя, хорошія и полезныя развлеченія. Время чрезвычайно драгоцѣнное, чрезвычайно важное. Опустить, не воспользоваться имъ—прямо преступно.

И пастыри Церкви, духовно окормляющіе своихъ духовныхъ чадъ, должны стать сейчасъ же, немедленно, во главѣ этого святого дѣла.

Нужно организовать чтенія, по возможности, съ туманными картинами, на евангельскія, историческія, литературныя и военныя темы. Нужно въ каждомъ селѣ устраивать народныя бібліотечки и читальни, за 5--10 р. Нужно привлечь къ этому дѣлу деревенскую интеллигенцію—учителей, псаломщика, помѣщика и пр. и общими дружными усиліями засѣвать добрыми сѣменами разрыхленную послѣдними событіями плодоносную почву народной души (Совр. Лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го октября 1915 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Ащ. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерин. 6.

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣоть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 45

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 1-го ноября.

Содержаніе: I. На стражѣ народныхъ интересовъ. В. Садовничій.—II. Про-
тивъ сектантовъ. Свящ. Ал. Введенскій—III. Народная бѣдность и
народное здравіе. Н. С.—IV. Ни съ чѣмъ несообразныя явленія
церковно-богослужебной практики. Семень Марченко.—V. Замѣтка.
Чудесныя явленія на войнѣ.

На стражѣ народныхъ интересовъ.

Русское общество за послѣднее время удѣлило много вниманія на обсужденіе перемѣнъ, происшедшихъ у насъ въ составѣ кабинета министровъ. Въ частности много говорили и писали о новомъ министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, А. Н. Хвостовѣ. Въ газетахъ высказывали самыя противорѣчивыя мнѣнія, ожиданія и планы о его будущей дѣятельности. Вся эта шумиха, поднятая около имени А. Н. Хвостова, говорить намъ прежде всего о томъ, что дѣйствительно новый министръ—личность незаурядная, что его появленіе у власти не можетъ пройти незамѣченнымъ, что бывшимъ доселѣ колебаніямъ и наскучившей обществу туманности въ дѣлѣ

внутренняго управленія странною долженъ наступить конецъ. Всѣ сходятся въ одномъ, что новый министръ человекъ большой воли, большой смѣлости и административнаго опыта. Но главнымъ образомъ его авторитетъ пріобрѣтаетъ особую устойчивость оттого, что онъ первый изъ членовъ Государственной Думы занялъ столь высокій и отвѣтственный постъ. Слѣдовательно, онъ есть не только облеченный довѣріемъ Царскій, но и народный избранникъ. Будемъ вѣрить, что Россія не ошиблась въ своемъ выборѣ.

Главное требованіе, какое народъ нашъ предъявляетъ становящемуся у власти правителю, особенно въ нынѣшнее трудное и критическое время, заключается въ томъ, чтобы онъ, помимо всѣхъ другихъ достоинствъ, былъ сыномъ своего народа, искренно любилъ его, понималъ его нужды, оберегалъ его права и интересы. Достаточно уже было у насъ министровъ чуждыхъ русскому народу, безразличныхъ къ его судьбѣ, работавшихъ больше для себя, нежели для народа. Впредь этого не должно быть. Нынѣшній вѣкъ—вѣкъ борьбы національностей за свое существованіе, и потому русскимъ государствомъ должны править люди русскіе не только по имени, но и по духу, по своимъ вѣрованіямъ, взглядамъ и стремленіямъ. Наши просвѣщенные союзники—англичане, наблюдающіе жизнь Россіи со стороны, говорятъ: „Только національный духъ въ національномъ дѣлѣ дѣлаетъ Россію неприступной“ („Daily News“, 29, IX). Нѣтъ нужды подтверждать эту непреложную истину данными изъ отечественной исторіи. Отъ нашествія монголовъ, поляковъ, французовъ и др. спасло Россію національное объединеніе, могучій взрывъ народнаго патріотизма. И отъ нѣмцевъ мы освободимся только тогда, когда подыдемъ на должную высоту знамя своего національнаго русскаго достоинства, которое воодушевитъ сыновъ Св. Руси на подвиги не менѣе великіе и славные, чѣмъ какіе совершили ихъ доблестные предки.

Въ нынѣшнюю войну мы увидали у нашихъ враговъ новыя усовершенствованія въ дѣлѣ борьбы, гигантскія пуш-

ки, обиліе снарядовъ и пр., и стараемся сами вооружиться тѣмъ же. Но это лишь внѣшняя сторона дѣла. Самое же главное и основное, что слѣдовало бы намъ перенять у нашихъ враговъ, это—то, чтобы всякій русскій человѣкъ полюбилъ такъ же пылко, самоотверженно и горяче свою родину, какъ это мы видимъ у нѣмцевъ. Эта внутренняя основа будетъ самымъ вѣрнымъ и прочнымъ фундаментомъ для организациіи внѣшнихъ условій побѣды. Въ цѣляхъ же успѣха этого дѣла необходимо, чтобы лица, облеченныя государственною властію, ясно сознавали это, чтобы ихъ дѣятельность протекала именно въ этомъ направленіи и была проникнута духомъ здраваго націонализма.

Новый министръ Внутреннихъ Дѣлъ въ своихъ рѣчахъ и бесѣдахъ съ представителями печати довольно опредѣленно высказался о характерѣ своей будущей дѣятельности. Онъ смѣло и рѣшительно объявилъ войну главнымъ внутреннимъ врагамъ русскаго народа: нѣмецкому и чужеземному вообще засилью, и гнету капитализма съ его порожденіемъ—синдикатами. Относительно перваго онъ говоритъ: „Въ настоящее время нужно, чтобы власть сумѣла справиться съ оскорбительнымъ для насъ всѣхъ нѣмецкимъ засильемъ внутри страны. Паутина нѣмецкихъ вліяній опутываетъ насъ, и, исполняя долгъ вѣрнопогоданнаго моего Государя, я буду безпощаденъ въ этой области и всемѣрно буду бороться съ явными и тайными приспѣшниками нашего врага и со всѣмъ, что является сторонникомъ нѣмецкаго засилья“. Онъ этихъ словъ новый министръ не замедлилъ перейти къ дѣлу. Изъ газетъ видно, что онъ энергично принялся за ликвидацію нѣмецкаго электрическаго общества 1886 г. въ Москвѣ. Объ этомъ обществѣ читатели слышали, навѣрно, уже многое. Въ качествѣ справки позволяемъ себѣ привести здѣсь небольшую выдержку о немъ изъ „Русскаго Слова“ (№ 212, 17 сент.).

„Съ самаго начала войны для русскаго общества было ясно, что Россіи придется вести войну на два фронта: съ нѣмецкой арміей на боевомъ фронтѣ и съ нѣмецкимъ за-

сильемъ въ тылу русскаго воинства. И чѣмъ далѣе, тѣмъ становилось все яснѣе и яснѣе, что тыловой нѣмецъ, съ которымъ приходится бороться неорганизованному русскому обществу, пожалуй, для насъ еще опаснѣе, чѣмъ боевой нѣмецъ съ его душливыми газами и сверхмилитаризмомъ безъ совѣсти и стыда.

Какъ огромный и отвратительный спругъ, этотъ тыловой нѣмецъ запустилъ свои многочисленныя щупальца въ глубь великой страны, присосавшись къ національному тѣлу великаго многострадальнаго народа. Онъ вошелъ въ самыя интимныя, сокровенныя уголки русской жизни, всюду разставилъ свои сѣти, всюду пролѣзъ, вездѣ поставилъ „своего“ человѣка, сумѣлъ сдѣлаться всѣмъ нужнымъ, завелъ нужныя связи, заручился протекціей,—словомъ, окружилъ. И когда началась война, и русскій народъ рванулся въ героическомъ порывѣ прогнать врага, онъ неожиданно увидѣлъ себя, какъ въ проволочныхъ путахъ. Нѣмецъ оказался вездѣ и вездѣ спѣшилъ внести разстройство, дезорганизацію во внутреннюю жизнь страны. И, несмотря на высылки, реквизиціи, секвестры, этотъ тыловой нѣмецъ до сихъ поръ, послѣ года войны, все еще оказывается нерѣдко „хозяйномъ“ положенія въ тылу Россіи и продолжаетъ вести свою предательскую работу. Борьба съ тыловымъ нѣмцемъ далеко не закончилась и сейчасъ, и какими-то таинственными путями онъ до сихъ поръ продолжаетъ находить гдѣ-то какую-то поддержку и не только не сдаетъ своихъ позицій, но и время-отъ-времени цинично напоминаетъ о себѣ съ чисто-„бюргерской“ наглостью. Достаточно указать на эпопею электрическаго общества 1886 г., исторія котораго въ наши дни грозитъ положительно обратиться въ какую-то живую легенду. Цѣлый годъ ведетъ Москва борьбу съ этимъ бронированнымъ нѣмецкимъ гнѣздомъ и ничего не можетъ подѣлать. Уже давно сотни мелкихъ нѣмцевъ высланы въ мѣста отдаленныя, вынужденныя прикрыть свою „лавочку“; немало выслано въ далекіе предѣлы и совершенно обрусѣвшихъ нѣмцевъ,

но общество 1886 г., невзирая ни на что, продолжаетъ стоять, несмотря на то, что истинная его, подлинная „личность“ установлена официально и признана совѣтомъ министровъ. За послѣдніе дни дерзость этого нѣмецкаго гнѣзда дошла до послѣдняго предѣла, и то, что вскрыли передъ глазами русскаго общества два послѣднихъ засѣданія московской городской думы, вновь открывшей кампанію противъ этого тылового нѣмецкаго предпріятія, превосходить всякое вѣроятіе. „Обновленное“ правленіе общества не только не церемонится съ представителями московскаго городского общественнаго управленія, уполномоченными присутствовать въ этомъ правленіи, но и успѣло уже какими-то таинственными путями поставить непреодолимую стѣну между русскимъ обществомъ и тѣми сферами, отъ которыхъ, въ концѣ-концовъ, зависитъ рѣшительный шагъ въ дѣлѣ ликвидаціи этого нѣмецкаго предпріятія. Но самое фантастическое во всей этой фееріи, — это тотъ историческій документъ, который былъ оглашенъ третьяго дня въ засѣданіи городской комиссіи о ликвидаціи общества 1886 г. „Весьма нужной“ бумагой изъ министерства внутреннихъ дѣлъ городскому головѣ предлагается понулить подвѣдомственныя ему учрежденія къ погашенію числящихся за этими учрежденіями „суммъ, задолженныхъ обществу“. Въ той же бумагѣ сообщается, что такое же предложеніе сдѣлано и г. московскому губернатору, а московскому градоначальнику предложено оказывать всякое содѣйствіе обществу 1886 г. по взысканію денегъ съ его абонентовъ. Трудно, дѣйствительно, удержаться отъ выраженія рѣшительнаго недоумѣнія передъ этими безпримѣрными документами. Вопреки существующему законному порядку для предъявленія частными обществами своихъ денежныхъ претензій къ своимъ кліентамъ, впервые въ нашей административной практикѣ создается совершенно неожиданная привилегія для нѣмецкаго „общества“. На московскаго губернатора, градоначальника и городского голову возлагается „обязанность“ взыскивать долги и понуждать къ уплатѣ не-

доимокъ обществу его частныхъ абонентовъ. Такимъ исключительнымъ вниманіемъ и такой привилегіей до сихъ поръ не пользовалась ни одна русская фирма. Но то, что невозможно для русскихъ людей, то возможно для тылового нѣмца.

Сколько тщетныхъ усилій затратило московское общественное управленіе на борьбу съ обществомъ 1886 г.! Эти усилія, какъ степная рѣчка, исчезли безслѣдно въ совѣтъ министровъ, гдѣ дѣло о ликвидаціи, предрѣшенное по существу, такъ и не получило дальнѣйшаго движенія до сихъ поръ.

Но зато усилія общества 1886 г. по эксплуатаціи своихъ абонентовъ вызвали немедленную и энергичную реакцію со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ: на ноги поставлены всѣ московскія власти, чтобы собирать для Нѣмецкаго банка недоимки съ русскихъ людей, отцы, братья которыхъ проливаютъ свою кровь за родину. Спрутъ цѣпко держать свою „добычу“ и не хочетъ ея выпустить. И въ то время, когда нѣмецкія полчища ведутъ свой натискъ въ глубь страны, оставляя за собой рядъ русскихъ фортовъ и крѣпостей, нѣмецкіе „форты“ въ тылу русской арміи продолжаютъ держаться, какъ неприступный оплотъ нѣмецкаго засилья внутри страны! Не пора ли рѣшительнымъ ударомъ обрубить предательскія щупальца безобразнаго спрута и положить конецъ нѣмецкому засилью въ тылу русской арміи“?

А. Н. Хвостовъ принялся за освобожденіе русскаго народа отъ этого „спрута“. Да поможетъ ему Господь въ этомъ трудномъ дѣлѣ!

Свой взглядъ на національный вопросъ въ Россіи новый министръ высказалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Пусть нормально развивается здоровая національная жизнь Россіи, и на пути этого національнаго развитія будемъ относиться терпимо ко всѣмъ народностямъ и племенамъ, входящимъ въ составъ Русскаго государства. Я—націоналистъ, но націонализмъ я понимаю въ томъ смыслѣ, что всѣмъ населяющимъ Россію народностямъ должно быть хорошо; *только насъ русскихъ пусть не трогаютъ.* Я человекъ земли и деревни

и подь этимъ угломъ смотрю на жизнь Россіи. Поменьше отвлеченной политики и побольше реальныхъ заботъ объ устройствѣ нашей жизни и объ устраненіи ея нуждъ“. На путь этой здравой національной внутренней политики слѣдовало бы вступить давно уже. Пусть инородцамъ будетъ хорошо у насъ, въ Россіи, но только садиться намъ на шею мы обязаны ни въ коемъ случаѣ не позволять имъ. Главной же заботой нашихъ руководящихъ классовъ общества, а равно и каждаго изъ насъ, должна быть забота о просвѣщеніи русской деревни, потому что тамъ главнымъ образомъ томится и гибнетъ во тьмѣ преобладающая масса русскаго народа. Нужно отбросить пустыя и гибельныя бредни, навѣваемые намъ въ уши еврейскими газетками, и приняться за дружную работу надъ оздоровленіемъ нашего народа, надъ поднятіемъ его культурнаго уровня, духовнаго и національнаго самосознанія.

Взгляды новаго министра на злоупотребленія капиталистовъ сводятся къ слѣдующему: „Я противъ чрезмѣрнаго засилья капитала, говорить онъ. Необходимо, чтобы въ области дороговизны жизни поставлены были, наконецъ, интересы населенія выше интересовъ банковскихъ круговъ“. Его рѣчь въ Госуд. Думѣ о синдикатахъ была исполнена страстныхъ нападокъ на тѣхъ членовъ правительства, которые покровительствовали синдикатамъ. Въ этой рѣчи, между прочимъ, находимъ слѣдующія слова: „Мы требуемъ, чтобы вопросъ о синдикатахъ былъ обследованъ сенаторской ревизіей или судомъ. Пусть играютъ въ жмурки представители правительства съ представителями синдиката, но неужели вы, народные представители, допустите, чтобы эти двѣ силы, объединившись вмѣстѣ, беззастѣнчиво стали продолжать игру въ синдикаты, безнаказанно стали играть насущнымъ кускомъ хлѣба трудящагося населенія?“

Синдикаты, какъ показываетъ опытъ жизни,—прожорливые вампиры, высасывающіе народное достояніе путемъ искусственнаго вздуванія цѣнъ на предметы первой необхо-

димости и убивающіе въ корнѣ всякое развитіе частной промышленной предпримчивости. Возьмемъ для примѣра синдикатъ нефтепромышленниковъ въ Россіи. Въ древнее время на матушкѣ Волгѣ раздавался стонъ бурлацкой пѣсни. Теперь же тамъ стонуть паракходовладѣльцы, такъ какъ нефтепромышленники, сговорившись, вздули до крайнихъ предѣловъ цѣны на нефть. Что же получается? Паракходство становится дѣломъ не выгоднымъ, оно приходитъ въ упадокъ, и такимъ образомъ парализуется экономическое развитіе нашей родины. А сколько у насъ этихъ синдикатовъ! Къ тому же необходимо замѣтить, что главными заправилами въ этихъ культурныхъ разбойничьихъ гнѣздахъ являются сыны „угнетеннаго Израиля“ или вообще иноземцы. И паловчились же эти господа обирать народъ и выходить изъ воды сухими! А. Н. Хвостовъ, вступая въ борьбу съ этими всемогущими учрежденіями, показалъ, что ему близки интересы простого русскаго народа. Заслуживаютъ также глубокаго вниманія и одобренія тѣ мѣры, какими онъ хочетъ бороться съ засильемъ капитала. „Я искренній сторонникъ, говоритъ онъ, профессиональныхъ рабочихъ организацій. До войны рабочіе часто попадали подъ вліяніе революціонныхъ партій, но война показала, что рабочіе на самомъ дѣлѣ являются хорошими патріотами. Въ политической подоплеки такія организаціи будутъ только на пользу государственному устроенію Россіи. Никакихъ излишнихъ стѣсненій ни изъ-за какихъ организацій быть не должно. Пусть онѣ развиваются на здоровыхъ основахъ и будутъ проникнуты здоровымъ національнымъ чувствомъ и идеей величія Россіи. Въ такомъ случаѣ такія организаціи будутъ необходимымъ противѣсомъ засилью капитала, тому засилью, которое такъ тяжело отразилось на всѣхъ сторонахъ русскаго жизни“.

Путь борьбы здѣсь намѣченъ совершенно вѣрный. Национальное правительство съ союзѣмъ съ самимъ народомъ легко справится съ народными врагами и эксплуататорами.

Лѣвая печать встрѣтила вѣсть о назначеніи А. Н. Хвостова министромъ Внутреннихъ Дѣлъ съ плохо скрываемымъ неудовольствіемъ. Какъ же, вѣдь у власти сталъ человѣкъ, поставившій на первомъ планѣ своей дѣятельности заботы о благѣ русскаго народа, а не о еврейскомъ равноправіи. Пейсатя газетки непрочь пожаргонить на тему о реакціи и т. п. въ этомъ духѣ. Но русскіе люди не должны обращать на это вниманія. Политическая программа, начертанная А. Н. Хвостовымъ, и его первые шаги на новомъ отвѣтственномъ поприщѣ ясно говорятъ намъ, что у власти сталъ человѣкъ, искренно желающій работать на благо Православной Руси. Ею программа далека отъ реакціи; она прогрессивно—національная, русская, народная. „Наивно было бы думать, говорить онъ, что такая война, какъ нынѣшняя, не перемѣнитъ во многихъ отношеніяхъ всѣхъ сторонъ жизни и не внесетъ измѣненій въ установившіяся соціальныя взаимоотношенія, и этому процессу надо лишь содѣйствовать, ~~внимательно~~ ~~къ~~ ему присматриваться, отдѣляя разумное отъ нелѣпаго и примѣняя единственно вѣрное мѣрило,—мѣрило жизни и государственности“.

Въ одной газетѣ по поводу назначенія А. Н. Хвостова министромъ говорится: „Вся предшествующая жизнедѣятельность А. Н. Хвостова, какъ администратора и общественнаго дѣятеля, убѣждаетъ, что онъ—сильный и твердый человѣкъ, который въ данный моментъ искуснѣе другихъ способенъ совершить въ полномъ объемѣ все то, что требуютъ Царь и народъ отъ власти въ интересахъ блага родины. Россія не можетъ не привѣтствовать такого министра, который разгадалъ сущность народныхъ чаяній и будетъ бороться за все-народные интересы. Наконецъ-то, на той позиціи, на томъ высокоотвѣтственномъ посту, гдѣ иногда волей случаевъ пребывали „государственные шалуны“, Россія встрѣчаетъ въ новомъ управителѣ внутренней жизни великой Россіи администратора иного порядка, сильнаго и твердаго государственника“.

Пожелаемъ же новому министру Внутреннихъ Дѣлъ успѣха въ борьбѣ съ врагами Россіи за священное достоиніе, права и благоденствіе русскаго народа! Съ своей стороны всѣ мы обязаны словомъ и дѣломъ всячески содѣйствовать ему въ этомъ великомъ и трудномъ дѣлѣ. Только при этомъ условіи благія начинанія могутъ принести обильные плоды. Только въ единеніи сила, а одинъ—въ полѣ не воинъ.

В. Садовничій.

Противъ сектантовъ.

О св. Причащеніи.

Противъ таинства св. Причащенія со стороны сектантовъ чаще всего слышится такое возраженіе:

„Какъ можно признать хлѣбъ и вино въ таинствѣ причащенія Тѣломъ и Кровію Христа, если мы не видимъ этого своими глазами и не осязаемъ устами? Нельзя допустить, чтобы по молитвѣ грѣшнаго священника пресуществлялись хлѣбъ и вино въ Тѣло и Кровь Христа; да и самаго слова „пресуществленіе“, которымъ выражается православное ученіе о преложеніи хлѣба и вина въ таинствѣ причащенія въ Тѣло и Кровь Христовы, нигдѣ нѣтъ въ св. Писаніи; оно придумано православными“¹⁾.

Разберемъ по частямъ это возраженіе.

„Какъ можно признать хлѣбъ и вино въ таинствѣ причащенія Тѣломъ и Кровью Христа, если мы не видимъ этого своими глазами и не осязаемъ устами“?

Такъ какъ грѣхъ дѣлаетъ и тѣло наше соучастникомъ души въ разныхъ мерзостяхъ, оскверняетъ его и вноситъ въ него разрушительное и смертоносное начало, то намъ не по духу только, но и по тѣлу нужно войти въ тѣснѣйшее еди-

¹⁾ О такомъ возраженіи см. Дон. Епарх. Вѣд., № 18, 1898 г.; Обленскаго: „Критическій разборъ вѣроученія русскихъ сектантовъ“, изд. 3-е, стр. 226. 1903 годъ.

неніе съ тѣлесной природой Спасителя, отличающейся идеальной чистотою и окончательно восторжествовавшей надъ смертію. Средствомъ для такого единенія Господь избралъ таинство евхаристіи. Въ этомъ таинствѣ сущность хлѣба и вина превращается въ сущность Тѣла и Крови Христовой. Почему въ евхаристіи мы видимъ хлѣбъ, а не плоть, и вино, а не кровь? Это обстоятельство св. Григорій Нисскій объясняетъ милосердіемъ и снисхожденіемъ Бога къ человѣческой немощи, потому что въ противномъ случаѣ видъ прославленной и свѣтоносной плоти Христа могъ бы возбудить у человѣка чувство страха и ужаса.

Такимъ образомъ, мы, по милосердію и снисхожденію къ намъ Бога, Тѣла и Крови Господа и Спаса Нашего Іисуса Христа причащаемся подъ видомъ хлѣба и вина.

Но неужели же самое ученіе о вкушеніи Тѣла и Крови Христовой настолько темно, что человѣческій разумъ ни съ какой стороны не можетъ понять его? Конечно, такъ какъ здѣсь великое таинство и великая тайна, то нечего и говорить о какомъ то полномъ и совершенномъ разумѣніи. Можно лишь отыскать нѣкоторыя аналогіи (аналогія=сходство), которыя показываютъ, по крайней мѣрѣ, что чудо пресуществленія въ извѣстномъ смыслѣ есть даже и внѣ ученія объ евхаристіи. Извѣстно, что хлѣбъ и вино творящей силой организма въ нашемъ тѣлѣ преобразуются. „предлагаются“ въ наше тѣло и кровь. Отсюда ясно, что сущность хлѣба, вина и нашего тѣла и крови суть одинаковы. Иначе не могло бы получиться такого превращенія. Но если такъ, то что удивительнаго въ томъ, если та же сила, которая создала нашъ организмъ и въ немъ преобразуетъ хлѣбъ въ плоть, уже непосредственно преобразуетъ сущность хлѣба и вина въ сущность Тѣла и Крови Христовой? Данное объясненіе не наше, а св. Отцевъ первыхъ вѣковъ. Свв. Отцы постоянно останавливаются на томъ фактѣ, что претвореніе хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христовы явно аналогично претворенію хлѣба и вина въ нашу плоть и кровь жизненными си-

лами нашего созданного Богомъ организма. „Всякому извѣстенъ, говорить Григорій Нисскій, тотъ законъ, что основу тѣла составляетъ пища. Главною же пищею человѣка служатъ хлѣбъ и вино, которые путемъ питанія претворяются въ тѣло и кровь. Богъ Слово, вступивъ въ единеніе съ человѣческимъ естествомъ, поддерживалъ существованіе тѣла Своего обыкновенными средствами—пищею и питаніемъ, причемъ хлѣбъ переходилъ въ Его плоть... Такимъ образомъ, простой хлѣбъ, претворившись въ ономъ тѣлѣ, пріялъ Божественную силу. То же самое мы видимъ и нынѣ. Только теперь хлѣбъ не яденіемъ и питіемъ входитъ въ тѣло Слова, но чрезъ освященіе словомъ Божиимъ и молитвою (1 Тимое. 4 гл. 5 ст.) прямо претворяется въ тѣло Слова, какъ сказано Словомъ: „Сіе есть тѣло Мое“.

Мы не думаемъ ни уяснить евхаристіи до конца, въ это таинство мы только вѣримъ и вѣримъ прежде всего потому, что это таинство открылъ намъ Христосъ. Онъ призвалъ насъ вѣрить, а мы не хотимъ отойти отъ Него, какъ тѣ ученики, которые отошли, потому что имъ показалось жестокимъ слово это. Мы вѣримъ, что слово Его истинно, а ~~послѣ того~~, какъ мы вѣримъ, это слово объ евхаристіи кажется намъ не только истиннымъ, а и главной, необходимой для насъ поддержкой нашего духовнаго существованія. Это ученіе единственно можетъ поддержать человѣка въ борьбѣ его за Евангеліе, за истину Христову.

„Нельзя допустить, чтобы по молитвѣ грѣшнаго человѣка—священника пресуществлялись хлѣбъ и вино въ Тѣло и Кровь Христа“.

Въ отвѣтъ на эту часть возраженія нужно сказать, что пресуществленіе совершается не силою молитвы священника, будь онъ благочестивый или праведный, а силою Божественныхъ совершительныхъ словъ Іисуса Христа, заповѣдавашаго творить въ Его воспоминаніе (Лук. 22 гл. 19 ст.) и научившаго совершенію этого таинства апостоловъ. Объ этомъ именно говорится и въ литургіи Іоанна Златоустаго: «Ты еси

приносяй и приносимый, и приемяй, и раздаваемый, Христе Боже нашъ».

Наконецъ, сектанты говорятъ, что самаго слова «пресуществленіе» нѣтъ въ св. Писаніи, что оно выдуманно православными.

Да, слова «пресуществленіе» дѣйствительно нѣтъ въ св. Писаніи, но это ничего не значить. Нѣтъ слова «пресуществленіе», зато есть другія слова, одинаковыя съ ними по своему значенію; «претвореніе» (воды въ вино—Іоан. 2 гл. 2—13 ст.), «преложеніе» (воды въ кровь—Исх. 7 гл. 20 ст.) и т. п. Затѣмъ, то обстоятельство, что слово «пресуществленіе» отсутствуетъ въ св. Писаніи, не говоритъ еще о томъ, что даннаго слова и употреблять вовсе нельзя. Вѣдь, строго говоря, въ св. Писаніи не упоминаются также и другія слова, употребляющіяся въ христіанскомъ вѣроученіи, напр.: «воплотился», «вочеловѣчился», «Богородица» и т. д. Однако противъ нихъ сектанты не возражаютъ, законность употребленія ихъ признаютъ, противорѣчіемъ св. Писанію не считаютъ, выдумкой православныхъ не объясняютъ. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія нельзя отвергать и слова «пресуществленіе».

Въ таинствѣ еucharистіи совершается сверхъ-естественное, что не можетъ быть предметомъ наблюденія внѣшнихъ чувствъ, а потому въ этомъ случаѣ нужно болѣе вѣрить словамъ Спасителя и Его апостоловъ, чѣмъ внѣшнимъ чувствамъ.

Свящ. Ал. Введенскій.

Народная бѣдность и народное здравіе.

Факты и наблюденія изъ приходской жизни показываютъ, что наши крестьяне во многихъ приходяхъ въ матеріальномъ отношеніи сплошь и рядомъ бываютъ обезпечены весьма скудно и питаются въ голодовку „кое-чѣмъ“. И уже одинъ внѣшній видъ крестьянина говоритъ о бѣдности: дырявый въ заплатяхъ зипунъ (кафтанъ), изорванный перешитый полу-

шубокъ, лапти—вотъ, кажется, обычныя одѣяніе и обувь крестьянъ въ нашихъ селахъ. А въ инородческихъ, наприм., приходахъ (среди Мещеры и Мордвы) у нихъ и смѣнъ бѣлья бываетъ мало, и рубашки непрерывно носятъ нѣсколько недѣль.

Наши инородцы, въ особенности Мордва—народъ неряшливый, живетъ грязно, неопрятно, въ избахъ воздухъ душный, спертый, и вездѣ какая-то нечистоплотность. Деревенцы питаются скудно,—плохо и бѣдно ѣдятъ и ихъ дѣтишки, а дѣти-школьники въ учебное время часто бываютъ лишены даже тѣхъ незатѣйливыхъ горячихъ кушаній („пустыхъ“ щей), которыя входятъ въ меню деревенскаго стола. У сельскихъ прихожанъ кушанія слѣдующія: горячая картошка—это въ завтракъ; въ обѣдъ—капустный рассоль, щи или похлебка (конечно, безъ мяса), опять картофель жареный, каши не варятъ: греча перестала родиться; по праздникамъ что-либо прибавляется, наприм., пшенная каша; молоко даютъ только малымъ дѣтямъ. Это—у болѣе-менѣе зажиточныхъ прихожанъ. У бѣдныхъ и безлошадниковъ—всегдашняя „въ мундирѣ“ картошка, рѣдька, осенью—огурцы, мука—съ базара, а въ „голодовку“ ѣдятъ „тюрю“, т. е., черствый хлѣбъ (нищенскіе кусочки), размоченный въ водѣ. Школьники, отцы которыхъ живутъ въ приходскихъ деревняхъ, ночуютъ или въ церковной сторожкѣ или въ школѣ; они оставляютъ на цѣлую недѣлю отцовскій домъ: въ трескучіе морозы куда пойдешь? Пищей у такихъ деревенскихъ учениковъ, въ данномъ случаѣ, служитъ одно „сухоѣденіе“: лукъ, картофель, хлѣбъ, часто и послѣдняго не хватаетъ. И бѣжить школьникъ къ себѣ, домой, за обѣдомъ, отцы же не догадуются прислать провизіи и навѣстить дѣтей. Послѣднія, въ общемъ, принадлежатъ къ семьямъ несостоятельнымъ, со „среднимъ“ достаткомъ, у многихъ отцы-крестьяне живутъ въ работникахъ по экономіямъ или уходятъ „за-Волгу“. За послѣднее время и современная „деревня“ бѣднѣетъ: частые недороды—„голодовки“ подрываютъ сельскую эконо-

мику, а недостатокъ земли, при увеличивающемся народонаселеніи, уменьшаетъ крестьянское скотоводство; молока у прихожанъ, слѣдов., мало, а мяса, при его дороговизнѣ, наши деревенцы—отцы и дѣти „увѣдаютъ“ только на Пасху, Рождество и на престольные праздники.

Теперь возьмемъ домъ сельчанъ. Избы ихъ состоятъ изъ 7—9 аршиннаго въ квадратѣ „помѣщенія“, съ трехъ-аршинною высотой, въ которомъ живетъ семья, состоящая изъ 6—10 человѣкъ. Въ этомъ *домѣ* находится большая „русская“ печь, занимающая приблизительно восьмую часть избы, и небольшія два-три окна, которыми и освѣщается эта изба. Есть еще „глухіе“ приходы, гдѣ наши крестьянки свои дома топятъ „по-черному“, и дымъ идетъ не въ трубу, а разстилается по избѣ и выходитъ наружу чрезъ отворенную настежь дверь; при топкѣ, естественно, бываетъ и дымно, и жарко, и душно, а на полу, зимой, ноги леденѣютъ отъ холода. Въ крестьянскихъ избахъ вентилациіи нѣтъ никакой, несмотря на то, что здѣсь находится въ зимнее время скоть: пускаютъ корову доить, лошади „сѣчку“ мѣсятъ (не у каждаго, вѣдь, есть конюшня), въ ночь къ ягнтямъ овецъ пускаютъ, зимой въ избахъ куръ кормятъ, здѣсь и телята, и ягнята, и поросята.

Въ такомъ-то тѣсномъ, тѣмномъ, грязномъ „домѣ“ наши деревенцы проводятъ зимнее время. И не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что такое помѣщеніе, такой воздухъ губительно дѣйствуетъ на здоровье и жизнь обитателей, и что громадная смертность населенія, производимая чахоткой и хроническимъ воспаленіемъ легкихъ, должна быть всецѣло приписана жилищамъ и ихъ воздуху. Зловонная, удушливая атмосфера, въ которой живетъ большая часть нашихъ сельскихъ прихожанъ, подавляетъ отправленіе всѣхъ физиологическихъ процессовъ; такая жизнь скорѣе, своего рода, «спячка», летаргія, которую производитъ въ деревенскомъ населеніи испорченный, отравленный воздухъ. И это грубое нарушеніе человѣческихъ законовъ гігіены не остается

ся безъ вредныхъ послѣдствій для жизни молодого поколѣнія. А извѣстно, что главныя условія для нормальнаго развитія организма состоятъ въ соотвѣтствующей для него пищѣ и въ чистомъ воздухѣ. И поэтому, несвоевременное развитіе возмужалости извѣстной части крестьянскаго населенія мы должны признать слѣдствіемъ хроническаго голоданія и испорченнаго воздуха, которымъ дышать наши крестьяне и ихъ дѣти.

При недостаточной организаціи медицинской помощи въ сельскихъ приходсахъ, при слабомъ развитіи церковно-приходскихъ совѣтовъ и братствъ, роль послѣднихъ, по охраненію здоровья школьниковъ—только, кажется, самая скромная. А здоровье дѣтей—будущихъ гражданъ—есть здоровье цѣлаго населенія. И для всякаго, какъ намъ думается, понимающаго значеніе народнаго здравія, ясно, что обязанность охраненія здоровья должна быть признана самою важною и потому, что для каждаго лица и для общества нѣтъ ничего дороже его здоровья, и потому, что только здоровое населеніе есть населеніе богатое, нравственное и способное къ полезной дѣятельности.

Причиной, до которой русское населеніе ѣстъ пищу непитательную, живетъ въ зловонныхъ помѣщеніяхъ, несетъ непосильный трудъ, причиной поражающей болѣзненности и смертности народа является его бѣдность. Вѣрное пониманіе тѣхъ противогигіеническихъ условій, которыя производятъ не только вымираніе, но и вырожденіе русскаго населенія, покажетъ, имѣемъ-ли мы основаніе надѣяться, что эти условія, предоставленныя самимъ себѣ, прекратятся, потому что уничтожатся причины, ихъ производящія; или же, напротивъ, они, условія, дѣлаются хуже, потому что причины, производящія такія условія, дѣлаются болѣе сильными. Если мы признаемъ, что состояніе народнаго здравія находится въ прямомъ отношеніи къ свойству тѣхъ гигиеническихъ условій, при которыхъ протекаетъ жизнь народа (а не признать этого мы не можемъ), то при ухудшеніи гигиеническихъ условій

должно сдѣлаться болѣе плохимъ здоровье народа и сильнѣе обнаружиться его вырожденіе.

Вотъ почему необходимо безотлагательно улучшить условія жизни народа, а для этого необходимо прежде всего увеличить его достатокъ.

Н. С.

Ни съ чѣмъ несообразныя явленія въ церковно-богослужебной практикѣ.

Въ нѣкоторыхъ нашихъ храмахъ наблюдаются весьма странныя явленія. Въ Великій постъ, на часахъ Преждеосвященныхъ литургій, священнослужители вынимаютъ изъ принесенныхъ къ жертвеннику просфоръ о здравіи и упокоеніи частицы, которыя затѣмъ оставляютъ до служенія полной литургіи. Этотъ обычай появился вслѣдствіе того, что при служеніи Преждеосвященныхъ литургій нерѣдко говѣеть много простого народа, который приноситъ къ жертвеннику просфоры съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ были вынуты частицы за тѣхъ, за кого они просятъ священнослужителей помолиться. Не желая, видимо, обидѣть подающихъ просфоры для поминовенія, священнослужители нѣкоторыхъ храмовъ рѣшились на указанное дѣйствіе. Вынувъ изъ просфоры частицы, священнослужители высылаютъ просфоры приносившимъ ихъ, которые, видя изъятіе частицъ изъ просфоръ, думаютъ, что поминовеніе совершилось такъ же и теперь, какъ и при полной литургіи.

Но такое дѣйствованіе, конечно, не заслуживаетъ одобренія. Не лучше ли было бы священнослужителямъ, при совершеніи Преждеосвященныхъ литургій, знакомить простой народъ съ порядкомъ и значеніемъ названныхъ литургій, чѣмъ вводить въ богослуженіе ничѣмъ не оправдываемое и ни съ чѣмъ несообразное нововведеніе.

Вѣдь приношенія христіанъ къ жертвеннику возможны, когда совершается полная литургія, которая имѣетъ проскомидію, на которой и совершается моленіе о здравіи живыхъ

и упокоеніи умершихъ съ вынугіемъ въ прощеніи грѣховныхъ частицъ изъ просфоръ. Народъ такъ или иначе узнаеть, что на Преждеосвященныхъ литургіяхъ не положено приношеній и изыатіе частицъ за живыхъ и мертвыхъ и будетъ смущень такимъ страннымъ дѣйствованіемъ священнослужителей.

Не менѣе страннымъ кажется и тотъ фактъ, что при соборныхъ служеніяхъ, въ нѣкоторыхъ храмахъ, проскомидія совершается во время служенія утрени. Это дѣлается съ тѣмъ, чтобы ускорить богослуженіе и выиграть время, и тѣмъ печальнѣе этотъ фактъ, что его позволяютъ себѣ «ради времени» даже очень почтенные батюшки. Болѣе чѣмъ странно наблюдать совмѣщеніе двухъ совершенно разнородныхъ службъ: утрени и первой части литургіи-проскомедіи. Однако это дѣлается, хотя, конечно, и рѣдко.

Есть и еще одно произвольное и ни съ чѣмъ несообразное явленіе; это—выниманіе 40 частицъ изъ одной просфоры за здравіе или за упокой одного лица. Надо не дѣлать этого, а разъяснить православнымъ людямъ, что достаточно вынуть одну частицу за каждое лицо. Сила поминовенія заключается не въ количествѣ винутыхъ частицъ, а въ томъ, что каждая частица, опускаемая въ св. чашу, омывается св. Кровію Господа, такъ что 40 частицъ не усиливаютъ въ 40 разъ пользы поминовенія, а только поддерживаютъ заблужденіе.

Думаемъ, что оправдать такія явленія въ богослужебной практикѣ никакъ невозможно. Мало вѣдь того, что тутъ нарушается торжественность церковныхъ службъ, но здѣсь искажаются и самыя службы, которыя ужъ никакъ нельзя перестраивать на свой ладъ. Нарушеніе уставныхъ положеній и такъ привели чуть не къ совершенному уничтоженію того высокаго благолѣпія и торжественности церковныхъ богослуженій, которыми такъ богата Православная Церковь.

Другой вопросъ былъ бы, если бы гдѣ образовался или составленъ былъ новый чинъ или служба, которая отвѣчала бы потребностямъ времени или способствовала-бы большому

благелѣпію и богатству церковнаго богослуженія, которая, съ разрѣшенія высшей церковной власти, введена была бѣ въ общее употребленіе; такое явленіе, конечно, желательно. И гораздо будетъ благопріятнѣе для всѣхъ православныхъ христіанъ видѣть при совершеніи богослуженій не искаженіе службъ, но чисто любовное къ служенію отношеніе, торжественное совершеніе службъ, безъ своеволія, безъ пропусковъ, лишающихъ богослуженіе содержанія, а равно и безъ произвольныхъ прибавленій.

Семенъ Марченко.

ЗАМѢТКА.

Чудесныя явленія на войнѣ.

Въ высшей степени трогательное и убѣдительное свидѣтельство о чудесахъ милости Божіей, явленной во время нашествія непріятеля во многострадальный Холмскій край, находимъ мы въ донесеніи епископа Холмскаго Анастасія.

Къ Холму непріятель приблизился на разстояніе 15—17 верстъ; на Холмской горѣ уже были поставлены мортиры, но вскорѣ послѣ того, какъ на приготовленныя позиціи былъ совершенъ крестный ходъ съ Холмской иконой Божіей Матери, непріятель былъ отгѣсненъ къ Красноставу.

Отъ Люблина непріятель, дотолѣ упорно стоявшій на занятыхъ имъ высотахъ, сталъ стремительно отступать, когда туда прибыла Холмская святыня.

Въ Тарноваткѣ, Томашевскаго уѣзда, осколокъ непріятельской гранаты черезъ окно влетѣлъ въ алтарь, но не причинилъ здѣсь никакого вреда.

Въ с. Телятинѣ, того же уѣзда, снарядъ пробилъ крышу и сводъ потолка надъ алтаремъ, упалъ и разорвался у самага престола, на которомъ находились св. Дары, перекинулся на противоположную стѣну и повредилъ тамъ часть штукатурки и часть иконы на южныхъ дверяхъ иконостаса, но престола, возлѣ котораго разорвался, не задѣлъ совершенно.

Вокругъ Радочницкаго монастыря происходило ожесточенное, кровопролитное сраженіе. Монастырь былъ подъ перекрестнымъ огнемъ нашихъ и австрійскихъ снарядовъ, но только одинъ попалъ въ зданіе школы и притомъ не разорвался. Въ настоящее время стало извѣстно, что австрійцы только по какой то необъяснимой причинѣ перемѣнили свою позицію; если бы этого не случилось, отъ монастыря не осталось бы камня на камнѣ.

Съ позиціи привезли тяжело раненаго въ бокъ солдата. Мнѣ сказали, пишеть священникъ, что надо поспѣшить, такъ какъ онъ уже безъ сознанія и съ минуты на минуту можетъ умереть. Въ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и со св. Дарами я подошелъ къ умирающему, но объ исповѣди и причастіи нельзя было думать. Я сталъ читать отходную. Вдругъ раненый открылъ глаза, мутный взоръ прояснился, съ усиленіемъ, словно припоминая что то, онъ сталъ всматриваться въ меня и вскрикнулъ: „Землячокъ, дорогой мой... Нѣтъ... не то... Батюшка... родной... Ты спасти меня пришелъ“!

Раненый началъ дѣлать какія-то усилія, сталъ приподниматься, неожиданно для всѣхъ сѣлъ, широко перекрестился и потянулся ко кресту, повторяя все тѣ же слова: „Ты спасти пришелъ“...

Стоявшая рядомъ со мной сестра милосердія неудержимо разрыдалась, ее вынесли въ другое помѣщеніе; къ больному подошла другая сестра.

Короткая исповѣдь, затѣмъ причащеніе св. Тайнъ. Раненый съ тяжелымъ усиленіемъ, но твердою рукой крестится, говоритъ: „Слава Богу, теперь хорошо“, откидывается на подушку и впадаетъ въ забытѣе.

— Конецъ,—мелькнуло у меня въ головѣ. Я осѣнилъ его крестомъ и отошелъ къ другимъ больнымъ. Черезъ нѣкоторое время справляюсь, раненый живъ, но глубоко спитъ. Всю ночь, и сестры, и я подходили къ этому раненому, но онъ оставался въ томъ же положеніи не то глубокаго сна, не то болѣзненнаго забытѣя. Утромъ я первымъ дѣломъ пошелъ къ нему. Онъ встрѣтилъ меня ласковымъ взоромъ и привѣтствіемъ: „Здравствуйте“.

— Развѣ ты меня узналъ?

— Какъ же? Вы—батюшка. Вы меня вчера приобщили, и мнѣ теперь хорошо.

Раненый настолько чувствовалъ себя бодро, что, сидя, пилъ чай и нѣсколько минутъ разговаривалъ съ нами. Мы оставили его въ одномъ изъ лазаретовъ, и я жалѣю, что дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна (Вол. Еп. Вѣд.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Аверсіій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 24-го октября 1915 года

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ, Тип. Акд. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Г. Корчакъ-Новицкаго, Мерин. 6.

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ переомылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 46

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевои духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 8-го ноября.

Содержаніе: I. Въ дни войны. Прот. I. Восторговъ.—II. Чей долженъ быть Константинополь? А. Антоній.—III. Способы общенія и сближенія сельскаго пастыря со своими прихожанами. Свящ. I. Алабовскій.—IV. Письма къ пастырямъ Уфимской епархіи. Еп. Андрей.—V. Смерть на славномъ посту (окончаніе). Свящ. Вл. Успенскій.—VI. Объявленіе объ изд. „Рук. для сельск. паст.“ въ 1916 г.

Во дни войны.

Смыслъ воинскаго званія ¹⁾.

Иже добродѣтелей подвижникъ, яко истинный воинъ Христа Бога, на страсти вельми подвизался еси въ жизни временнѣй...

Итакъ, преподобный Сергій именуется истиннымъ воиномъ духовнымъ. Ко времени теперь такое моленіе и ко времени это. слово о воинѣ и воинствованіи. Церковь въ этой своей богослужебной пѣсни, взявъ для прославленія великаго святого образъ изъ военной жизни, тѣмъ самымъ

¹⁾ Поученіе 5 іюля, въ день памяти прец. Сергія, въ соборѣ св. Василія Блаженнаго.

уже опредѣляетъ свое отношеніе къ воинскому званію, какъ въ чему-то высокому, достойному вниманія и подражанія. И дѣломъ преп. Сергій показалъ то же, когда далъ Великому Князю Дмитрію Донскому двухъ иноковъ для участія въ Куликовской битвѣ. Для людей же, готовыхъ усомниться въ учительномъ значеніи богослужебныхъ пѣснопѣній, какъ написанныхъ значительно позднѣе евангелія и апостольскихъ посланій и отобразившихъ въ себѣ возрѣнія обыкновенныхъ людей, а не апостоловъ,—для такихъ людей скажемъ, что во-первыхъ, богослуженіе отражаетъ ученія всей Церкви, а не отдѣльныхъ лицъ—составителей пѣснопѣній, часто совершенно невѣдомыхъ, безыменныхъ, а, во-вторыхъ, въ данномъ молитвословіи, прославляющемъ преподобнаго Сергія, святая Церковь буквально повторяетъ именно апостольскія слова. Они читаются въ предсмертныхъ, душевнѣйшихъ посланіяхъ апостола Павла къ ученику его, „возлюбленному сыну вѣры“ Тимоѳею. Его апостоль оставляетъ епископомъ, ему передаетъ и ввѣряетъ свое дѣло, ему преподаетъ послѣднія свои наставленія, ему шлетъ предсмертный прощальный привѣтъ... О, Тимоѳею, пишетъ апостоль языковъ, ты измлада знаешь Священное Писаніе, могущее тебя умудрить въ спасеніе, въ немъ поучайся, въ немъ пребывай, но и преданіе апостольское сохрани, и добрымъ и достойнымъ людямъ его передай; изъ этихъ источниковъ почерпай свое ученіе, проповѣдуй его, обличи, умоли, запрети со всякимъ долготерпѣніемъ, будь самъ образцомъ для вѣрныхъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою,—и знай, что будетъ время, когда здраваго ученія не послушаютъ и по прихотямъ своимъ будутъ избирать себѣ учителей, знай, что многіе потерпятъ кораблекрушеніе въ вѣрѣ и, отъ истины отратившись, будутъ преслѣдовать и гнать учителей истины... Вотъ и я уже приношусь въ жертву, я въ узахъ и темницѣ связанъ, но слово Божіе не вяжется! А ты пребывай въ томъ, въ чемъ ты наставленъ, терпи скорби, будь готовъ на все, какъ истинный воинъ *Иисуса Христа*.

Два раза, въ каждомъ изъ своихъ посланій къ Тимоѳею, апостоль Павелъ прибѣгаетъ къ этому сравненію христіанина съ воиномъ. „Преподаю тебѣ, сынъ мой Тимоѳею, *чтобы ты воинствовалъ, какъ добрый воинъ, имѣя вѣру и добрую совѣсть, которую нѣкоторые, отвергнувъ, потерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ*“,—такъ говоритъ апостоль въ первомъ посланіи (I, 18—19).

„Держись образца здраваго ученія, которое ты слышала отъ меня; переноси страданія, *какъ добрый воинъ Иисуса Христа*. Никакой воинъ не связываетъ себя дѣлами житейскими, чтобы угодить военачальнику. Если же кто и подвизается, не увѣнчивается, если незаконно будетъ подвизаться“,—такъ пишетъ апостоль во второмъ, послѣднемъ своемъ посланіи (2 Тим. II, 3—5).

Итакъ, остается ли хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что такое самая сущность воинскаго званія?

И все-таки тѣ, которые потерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ отъ гордыни, тѣ, которые здраваго ученія не слушаютъ, но по своимъ прихотямъ избираютъ себѣ учителей, именно Толстой и толстовцы, въ наше время ополчились и ополчаются противъ воинскаго званія во имя пресловутаго „непротивленія злу“ и сущность воинскаго званія выражаютъ въ грубыхъ и рѣзкихъ, нетерпѣливыхъ отзовахъ: воинъ, по этому ученію, есть убійца, разбойникъ и палачъ, и воинствованіе—это есть приготовленіе къ коллективному убійству и къ общенародному преступленію противъ христіанства. Если повѣрить такимъ сужденіямъ, то выйдетъ, что приведенныя слова апостола Павла надобно читать такъ: „Завѣщаю тебѣ, Тимоѳею, чтобы ты разбойничалъ, какъ добрый убійца и палачъ, имѣя вѣру и добрую совѣсть“... И еще: „Переноси страданія, какъ добрый разбойникъ, палачъ и убійца Иисуса Христа“... Можно ли идти дальше въ нечелѣпости и ослѣпленій? Можно ли проявить большее упорство въ принятіи и пониманіи истинъ?

Апостоль какъ бы нарочно отмѣчаетъ, что не всякое страданіе нравственно-цѣнно, поэтому и добавляетъ, что не вѣнчается тотъ, кто незаконно пострадаеть, и отсюда даетъ намъ ясное понятіе о томъ, что такое истинный воинъ-христіанинъ.

Это *подвижникъ*, избранный подвижникъ, безраздѣльно и всецѣло отданный своему дѣлу и служенію, съ полнымъ самозабвеніемъ. Хорошо имѣть попеченіе о семьѣ, о близкихъ, и самъ же апостоль въ томъ же посланіи своемъ говорить, что если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не заботится, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго (1 Тим. V, 8). Но если воинское званіе требуетъ оставить и семью, и дѣтей, то надо принести и эту жертву, не „связывать себя куплями и попеченіями житейскими“, и идти на свой подвигъ. Отсюда подобаешь склониться низко въ уваженіи и почтеніи къ воинскому званію, а не награждать за подвигъ презрѣнными именами, какъ это дѣлаетъ злобный, горделивый, нетерпимый фанатикъ-сектантъ Толстой.

Воинъ, далѣе, это—*страдалецъ* за родину и за все то, что родинѣ дорого,—за вѣру, за прошлое и будущее народа своего, за его духовный складъ и духовныя сокровища. Здѣсь у него родство съ мучениками за Христа и за вѣру. Ибо всякое исполненіе долга Христа ради и Евангелія, при готовности и рѣшимости хранить и исполнять свое дѣло до крови и смерти, есть мученичество.

Воинъ—это *жертва* за народъ, за отечество, за ближнихъ, за нашъ покой и безопасность. Его кровь и страданія искупаютъ грѣхи народа, грѣхи наши, которые привлекаютъ Божию кару на народъ. Такъ что жертва война кровью и жизнью есть жертва очистительная. Блаженнѣе даяти, нежели пріимати,—говоритъ Самъ Христосъ (Дѣян. XX, 35): вотъ основаніе для свѣтлыхъ чаяній нашихъ о загробной судьбѣ и блаженствѣ воиновъ, пріявшихъ смерть за родину.

Воинъ—это *крестносецъ*, взявшій тяготу жизни, иногда, какъ въ наши дни, тяготу историческихъ и міровыхъ задачъ.

на свои плечи и несущій эту ношу съ бодростью и воодушевленіемъ. Какой позоръ быть послѣдователемъ ученія величайшаго себялюбца Толстого, всю жизнь утопавшаго въ роскоши и удобствахъ,—какой позоръ издѣваться надъ нашими крестоносцами, нашими воинами, взявшими ношу міра сего, бремя исторіи, и несущими эту тяготу до полного изнеможенія!

Воинъ—это человѣкъ, идущій прежде всего *не убивать, а умереть*, быть убитымъ, это не злодѣй, не палачъ, а человѣкъ, подвергшійся нападенію злодѣевъ и палачей, и не самъ лично, а въ лицѣ близкихъ, въ лицѣ другихъ, которыхъ никто не имѣетъ права отдавать на терзаніе ради какихъ-то отвлеченныхъ сужденій тупого самодовольства Толстовскаго.

Но если таковъ христіанскій воинъ, то таковъ же долженъ быть и христіанскій народъ во время войны? И мы всѣ—въ войнѣ вынужденной, *и мы всѣ—въ крестномъ походе*, и мы всѣ подвигаемся вмѣстѣ съ нашими воинами и молитвою, и слезами, и скорбью, и всѣми видами жертвъ и пособій на военныя пужды и на умягченіе жертвъ войны, и напряженіемъ всѣхъ силъ народныхъ.

И если когда, то теперь съ особою силою приложимо къ намъ увѣщаніе апостола, которое сегодня слышимъ мы вслухъ всѣхъ вѣрующихъ:

„Умоляю васъ, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, чтобы всѣ вы говорили одно, и не было между вами раздѣленій, но чтобы вы соединены были въ одномъ духѣ и въ однѣхъ мысляхъ“ (1 Кор. I, 10).

Будемъ каждый, по подобію и примѣру великаго и святаго патріота и народолюбца, преподобнаго Сергія, — „яко истинный воинъ Христа Бога“, все забудемъ, все оставимъ, все отдадимъ въ помощь воинству и на благо родины! Аминь. (Правосл. Благов.).

Чей долженъ быть Константинополь?

Вотъ съ какаго широкаго вопроса начинаю я свою бесѣду со скромными читателями нашего провинціального, даже сельскаго журнала.—Знаю, что нашу приходскую печать справедливо укоряютъ за неумѣстныя попытки разрѣшать отвлеченные вопросы вмѣсто того, чтобы руководить приходскихъ пастырей и клириковъ въ исполненіи ихъ смиреннаго, но святого призванія: однако, что дѣлать, когда въ настоящіе рѣшительные дни исторіи сердце ревнителей Православія, а таковы конечно почти всѣ подписчики нашего журнала, поневолѣ охвачено болѣзненною заботою о судьбѣ Св. Церкви, о судьбѣ православныхъ народовъ! Забота эта, конечно, особенно близка сердцу церковныхъ пастырей. Чьи мы служители? Церкви! Да, Вселенской, Христовой Церкви, вѣру въ которую исповѣдуемъ ежедневно. Намъ дорогъ нашъ приходъ, наша епархія съ ея просвѣтительными, благотворительными и духовно-сословными учрежденіями; намъ дорога помѣстная Россійская Церковь, дорога сама Россія, геройски воинствующая и за себя, и за православныхъ славянъ; но всего дороже намъ на землѣ и на небѣ Христова Церковь, непогрѣшимая невѣста Агнца, пребывающая неизмѣнно отъ временъ апостольскихъ донынѣ и отнынѣ до конца міра. Ради нея несутъ свой нелегкій крестъ служенія церковные пастыри, ради нея подвизаются они въ нуждѣ, въ бѣдности и униженіи, и не отступаютъ отъ ея законовъ среди насмѣшекъ и злобы безбожниковъ, еретиковъ, раскольниковъ. Наши обязанности, наша работа опредѣляется лишь въ малой степени законами нашей страны, нашей помѣстной Церкви; большая часть всего того, какъ мы обязаны молиться, чему учить, какъ дѣйствовать среди своей паствы, указана въ законахъ св. Библии, Номоконона, Типикона, Служебника, Требника, однимъ словомъ—въ книгахъ не русскихъ, а переведенныхъ съ греческаго или древне-еврейскаго языка; да и тѣ, сравнительно немногія постановленія и обычаи, кото-

рые выработаны русскою жизнью, представляют собою почти одно только истолкованіе, или распространеніе, или дополненіе началъ жизни общецерковной, древне-вселенской, въ ихъ отраженіи на жизни русской. Скажу болѣе: эта самая русская жизнь, настоящая русская бытовая проходская и монастырская жизнь, а не Петроградская, не полуфранцузская, не нѣмецкая, — что они собою представляютъ, какъ не полное подчиненіе всего нашего быта заповѣдямъ и преданіямъ древняго вселенскаго христіанства?

Отнимите отъ нашего русскаго народа, отъ нашей русской жизни Православіе, и отъ нея ничего своего, родного не останется, — такъ справедливо выражается Достоевскій. Напрасно заговорили у насъ о какой то національной русской церкви; таковой не существуетъ, а существуетъ церковный народъ нашъ (и отчасти даже церковное общество), который роднымъ и своимъ признаетъ лишь то, что согласно съ Церковью и ея ученіемъ, который не признаетъ русскими русскихъ штундистовъ, но не полагаетъ никакой разницы между собою и православными иностранцами — греками, арабами, сербами. Скажите нашему крестьянину: не брали евреевъ; вѣдь Пресвятая Богородица и всѣ Апостолы были евреями. — Что онъ отвѣтитъ? „Неправда“, скажетъ онъ, они жили тогда, когда евреи были русскими. Онъ отлично знаетъ, что Апостолы по-русски не говорили, что русскихъ тогда не было, но онъ хочетъ выразить такую вѣрную мысль, что въ это время вѣрующіе Христу евреи были въ той истинной вѣрѣ и Церкви, съ которою теперь слился народъ русскій и отъ которой отпали современные евреи и ихъ непокорные Господу предки.

Въ Кіевопечерской Лаврѣ ежесубботно читается на заутрени акаѳистъ Божіей Матери и послѣ него длинная, предлинная молитва, въ которой воздается хвала Пречистой за то, что Она избавила свой царствующій градъ отъ нашествія нечестивыхъ язычниковъ и потопила ихъ въ волнахъ Чернаго моря, съ ихъ кораблями и ихъ мерзкимъ кагаломъ, другомъ бѣсовъ и

сыновъ погибели. На кого составлена была греками и читается русскими эта молитва?—На нашихъ же предковъ, когда они были язычниками и обложили Константинополь въ 9-мъ вѣкѣ! Не съ ними, значитъ, душа и молитва русскаго духовенства и народа, а съ православными чужестранцами, нашими отцами по вѣрѣ, какъ и ненавидимые евреями древніе христіане продолжали именно себя считать истинными дѣтьми Авраама и наслѣдниками Его обѣтованій, согласно изъясненіямъ св. Апостола Павла.

Такое сліяніе себя со Вселенскою Церковью, такое первенство нашего церковнаго самосознанія предъ національнымъ, въ узкомъ смыслѣ сего слова, раскрылось со всею силою даже въ онѣмеченномъ Петроградѣ, когда въ немъ появился въ 1913 году представитель Апостолькой власти, Антиохійскій Патріархъ Григорій. Огромные столичные соборы оказались тѣсными для несмѣтныхъ толпъ народа, желавшаго молиться съ высшими пастырями Церкви и бросавшагося предъ нимъ на колѣни, не только въ лицѣ простолюдиновъ, но и высшей знати, которая забыла о своей изнѣженности и по 4 часа вмѣстѣ съ простымъ народомъ, въ тѣснотѣ и духотѣ, выстаивала торжественныя службы чина Православія и архіерейской хиротоніи.

Говорить-ли о томъ, что самымъ роднымъ, самымъ святымъ для себя мѣстомъ на земномъ шарѣ русскіе люди считают „Матерь Церквей, Божіе жилище“, т. е., Святый градъ Іерусалимъ, а духовною столицею христіанства—Святую Гору Аѳонскую? Десятками тысячъ направляютъ они ежегодно туда свои стопы, а сердца ихъ стремятся туда десятками милліоновъ. Далеко не церковный, но понимавшій Россію Некрасовъ, когда взялись доказывать писателю, что русскій народъ носитъ въ сердцѣ великую идею, великія нравственныя стремленія и духовный энтузіазмъ, то изобразилъ картину, какъ крестьянская семья слушаетъ повѣствованіе странниковъ о Святой землѣ и прочихъ святыняхъ. Все тогда стихаетъ въ избѣ; сонъ отбѣгаетъ отъ глазъ старыхъ и юныхъ;

веретено замерло въ рукахъ прядки, и восторженно умиленные лица мужчинъ, женщинъ и дѣтей свидѣлствуютъ наблюдателю о томъ, что не можетъ пропасть или зачахнуть, или развратиться въ конецъ тотъ народъ, который такъ глупо переживаетъ живущую въ Христовой Церкви тайну нашего искупленія.

На настоящую войну нашъ народъ взираетъ, какъ на освобожденіе христіанства отъ ига еретиковъ-магометанъ; а конечную цѣль ея видитъ въ освобожденіи Священнаго Цареграда съ церковью Св. Софіи и Іерусалима съ Господнимъ гробомъ. Все это живо интересуется не только солдаты нашихъ, но, пожалуй, еще въ большей степени, жителей и жительницъ русской и малороссійскоѣ деревни, прихожанъ и прихожанокъ нашихъ читателей. Последніе, особенно послѣднія, мыслятъ себя въ извѣстныхъ обязательныхъ отношеніяхъ къ Святой землѣ, и побывавъ тамъ, рекомендуютъ себя самымъ почетнымъ изъ доступныхъ имъ титуловъ: „я іерусалимка“.

Между тѣмъ, печальная дѣйствительность настоящаго политическаго момента очень мало соотвѣтствуетъ такому церковному, такому евангельскому настроенію и міровоззрѣнію русскаго народа. Не будемъ уже распространяться о томъ, что современный „націонализмъ“ въ русскомъ обществѣ, въ политической партіи такого наименованія и въ литературѣ всечески старается совершенно отрѣшить себя отъ вѣроисповѣднаго начала, отъ Православія, отъ философскаго ученія, съ нимъ связаннаго, т. е., славянофильства, и открыто провозглашаетъ себя „зоологическимъ“, т. е., безпринципнымъ націонализмомъ, союзомъ государственной и племенной самозащиты—и только. Замѣтимъ впрочемъ, что, перенося свой патріотизмъ на почву такого безрелигіознаго, только юридическаго и экономическаго жизнепониманія, наши писатели, ораторы и дѣятели должны бы именоваться не націоналистами, но антинаціоналистами, строителями не исторической Россіи, а Петроградской, не святой Руси, а рус-

ской—Англии или Германіи, русскаго языческаго Рима, т. е., сотрудиниками евреевъ, Вильгельма, а не русскаго православнаго народа. Для нихъ Константинополь является только морскою крѣпостію и торговымъ портомъ, а не святыней всего православнаго міра вообще и нашего народа въ частности.

Для насъ же, русскихъ, напротивъ, только тогда получится нравственное удовлетвореніе въ случаѣ побѣдоноснаго исхода войны, если священный градъ Равноапостольнаго Константина и каѳедра Первенствующаго Іерарха всего міра опять возстановить свое значеніе, какъ свѣтильника Православной вѣры, благочестія и учености, и будетъ собою объединять славянскій сѣверъ, еллинскій югъ и сиро-арабскій и грузинскій востокъ, а также привлекать къ возвращенію въ Церковь русскихъ раскольниковъ, болгарскихъ отщепенцевъ, австрійскихъ уніатовъ и восточныхъ еретиковъ—монофизитовъ разныхъ наименованій. (Паст. и паства).

(Окончаніе слѣдуетъ).

Архіепископъ *Антоній*.

Способы общенія и сближенія сельскаго пастыря со своими прихожанами.

Дѣятельность пастыря можетъ быть особенно плодотворной въ томъ случаѣ, если между нимъ и его пасомыми существуетъ единеніе, крѣпкая духовная связь, основанная на взаимной любви и расположеніи, если пастырь искренно служитъ своимъ духовнымъ чадамъ, проникнуть искреннымъ желаніемъ принести имъ посильную пользу.

Пути и способы для установленія крѣпкой внутренней связи между священникомъ и прихожанами крайне разнообразны и многочисленны. Рѣшительно при каждомъ общеніи пастырь можетъ показать прихожанамъ свое искреннее къ нимъ расположеніе и любовь.

Истовое, молитвенное совершеніе какой-либо требы, участливо и отъ сердца сказанное слово при постигшемъ

прихожанина несчастіи, добрый совѣтъ, преподанный въ этомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе помощь, оказанная самымъ дѣломъ и выраженная въ реальной и болѣе существенной формѣ, все это и подобное можетъ вызвать искреннюю любовь прихожанъ къ своему пастырю.

И дѣйствительно, какъ не проникнуться любовію къ пастырю, когда онъ, напр., видя бѣдность или временную нужду того или иного прихожанина, совершить для него потребу безвозмездно, или, по крайней мѣрѣ, отложить уплату за нее до болѣе благопріятнаго для прихожанина времени. Этимъ пастырь покажетъ, что для его сердца близки нужды и матеріальные недостатки его духовныхъ дѣтей; въ данномъ случаѣ священникъ покажетъ себя добрымъ пастыремъ.

Вѣдь наши крестьяне, живущіе въ громадномъ большинствѣ въ бѣдности и нуждѣ, узко матеріальны въ своихъ воззрѣніяхъ и взглядахъ; всякое явленіе и событіе оцѣниваютъ съ этой именно точки зрѣнія. А потому и въ искренность расположенія къ нимъ пастыря повѣрятъ только тогда, когда увидятъ дѣйствительное и нелицемѣрное его безкорыстіе.

Въ мѣстностяхъ же, не имѣющихъ близкой медицинской помощи, громадное значеніе для пріобрѣтенія расположенія со стороны прихожанъ имѣетъ подача совѣтовъ при простыхъ заболѣваніяхъ и раздача лѣкарства.

Думается, не разъ сельскому священнику, приглашенному для напутствованія больного св. Тайнами, приходилось выслушивать отъ семейныхъ разспросы о характерѣ болѣзни. При этомъ обыкновенно спрашиваютъ батюшку, не знаетъ ли онъ, чѣмъ нужно лѣчить, и нѣтъ ли у него нужнаго лѣкарства. И какъ бываютъ рады домашніе, если у батюшки въ его скромной и небогатой аптечкѣ найдется требующееся лѣкарство, и какъ, естественно, бываютъ благодарны за это одолженіе. Вѣдь крестьяне въ громадномъ большинствѣ въ подобныхъ случаяхъ безпомощны, и всякая самая малая помощь доставляетъ имъ большое утѣшеніе и радость. Они цѣнятъ вниманіе къ нимъ священника.

Еще лучше поступить пастырь, если самъ, не дожидаясь просьбъ, поинтересуется болѣзнію, посочувствуетъ больному и семейнымъ, скажетъ слово утѣшенія, посоветуетъ, что предпринять и предложить лѣкарство, если таковое у него найдется.

Вотъ вамъ уже и будетъ сдѣлано доброе дѣло; пастырь покажетъ себя добрымъ пастыремъ, заботящимся о своихъ посомыхъ и прсявляющимъ о нихъ чисто отеческія заботы и попеченія. Къ такому пастырю, несомнѣнно, искренно обратится сердце пасомыхъ, чувство любви непремѣнно зародится въ ихъ сердцахъ, и между пастыремъ и прихожанами установится кроткая духовная связь. Послѣ этого слово пастыря будетъ дѣйственно, пасомые будутъ послушны и внимательны ко всякаго рода его просьбамъ, наставленіямъ и убѣжденіямъ.

Крестьяне наши чутки ко всему доброму, особенно бываютъ благодарны, когда видятъ со стороны пастыря состраданіе, снисхожденіе къ себѣ, вниманіе къ своимъ нуждамъ и недостаткамъ; глубоко цѣнятъ въ священникѣ его желаніе сѣйтись съ крестьянами, узнать ихъ внутренній міръ, узнать то, чѣмъ они живутъ и что ихъ занимаетъ и интересуеть.

Но нужно сознаться, нашихъ крестьянъ, вслѣдствіе почти поголовной ихъ необразованности (мы не говоримъ о грамотности) занимаютъ не высокіе интересы; эти интересы слишкомъ обыденны, они не выходятъ изъ круга житейской обстановки. Разговорамъ о житейскомъ, о домашнихъ дѣлахъ, а иногда и пересудамъ о сосѣдяхъ и другихъ разныхъ лицахъ, крестьяне обычно посвящаютъ все свободное время, котораго въ осеніе и зимніе вечера у нихъ бываетъ слишкомъ достаточно. Обыкновенно, въ такіе вечера крестьяне собираются въ опредѣленную избу на вечеринку, на бесѣдку, гдѣ и проводятъ время въ пустыхъ и праздныхъ разговорахъ.

Прямое дѣло добраго приходского пастыря парализовать пустоту такихъ собравій и заполнить эти вечера болѣе

полезнымъ, необходимымъ и пріятнымъ. Необходимо устраивать разнообразныя чтенія и бесѣды.

Правда, разныя чтенія въ большинствѣ и устраиваются по приходамъ, особенно тамъ, гдѣ есть школа и школьное помѣщеніе. Но эти чтенія, обычно, происходятъ по воскреснымъ или праздничнымъ вечерамъ, при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ, при участіи педагогическаго персонала, учениковъ и иногда хора, гдѣ такой имѣется. Все это очень хорошо. Но мы, не отрицая полезности и необходимости такихъ чтеній, хотѣли-бы указать, что еще больше пошечительности и вниманія къ прихожанамъ проявилъ-бы пастырь Церкви, если-бы, помимо упомянутыхъ, устраивалъ чтенія въ болѣе скромной, семейной обстановкѣ, если-бы эти чтенія происходили въ какомъ-либо частномъ домѣ въ селѣ, въ томъ, напр., домѣ, въ которомъ обычно собираются крестьяне на свои ежедневныя бесѣдки.

Въ этомъ случаѣ не прихожане шли-бы въ школу по зову пастыря на чтенія, а самъ пастырь, *движимый любовью къ прихожанамъ, пошелъ-бы безъ ихъ зова къ нимъ въ ихъ среду, въ ихъ домашнюю обстановку съ какой-либо книжечкой и сталъ бы имъ читать и бесѣдовать съ ними.*

Такое чтеніе въ домашней обстановкѣ носило-бы характеръ семейности и непринужденности, характеръ патріархальный, походило-бы на домашнюю бесѣду отца со своими дѣтьми.

Содержаніемъ чтенія могутъ быть книжечки религіозно-нравственнаго, историческаго, даже бытового характера и т. п.

Особенность и полезность такихъ чтеній, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что для священника представляется широкая возможность воздѣйствовать на прихожанъ, давать всякіе совѣты, наставленія, разъясненія и указанія, вести бесѣду просто и непринужденно.

Священникъ при чтеніи извѣстнымъ мѣстомъ книжки можетъ воспользоваться, какъ удобнымъ случаемъ, чтобы указать своимъ прихожанамъ на предосудительность, напр., по-

веденія молодежи, ея непочтительность къ старшимъ, на недопустимость тѣхъ или иныхъ пороковъ и недостатковъ, особенно широко распространенныхъ въ приходѣ и составляющихъ большое зло въ приходской жизни. Конечно, подобныя указанія пастырѣ долженъ дѣлать въ мягкой формѣ, не въ видѣ суроваго обличенія, чтобы не посѣять недобраго чувства къ себѣ со стороны прихожанъ, а въ видѣ разъясненія и указанія на недопустимость тѣхъ или иныхъ пороковъ съ религіозной точки зрѣнія и по ученію Православной Церкви.

Не нужно забывать, что въ данномъ случаѣ священникъ бесѣдуетъ, какъ любящій отецъ со своими дѣтьми. Можно быть вполне увѣреннымъ, что слушатели сами поймутъ, съ какою цѣлью имъ было говорено пастыремъ о тѣхъ или иныхъ порокахъ и недостаткахъ.

Но такія чтенія особенно полезны и интересны для прихожанъ въ томъ отношеніи, что даютъ возможность имъ предлагать вопросы священнику и просить его разъяснить тѣ или иныя недоумѣнія, какія естественно возникаютъ у крестьянъ при чтеніи.

И священникъ долженъ удовлетворить вопрошающихъ и дать правильныя разъясненія и толкованія по тѣмъ или инымъ недоумѣннымъ вопросамъ, если къ тому же сужденія слушателей будутъ неправильныя, или не вполне ясныя и точныя. А таковыя именно представленія въ большинствѣ существуютъ у нашихъ крестьянъ о разныхъ истинахъ вѣры и нравственности, или по вопросамъ церковной дисциплины. Вотъ здѣсь-то, при домашнихъ бесѣдахъ, они и могутъ уяснить ихъ себѣ и получить правильныя толкованія.

Словомъ, въ такихъ случаяхъ происходитъ обмѣнъ мыслями и мнѣніями между пастыремъ и пасомыми, а потому и они, слушатели, являются дѣйствительными участниками чтеній, *дѣйствительными собесѣдниками пастыря.*

Домашнія чтенія хороши еще тѣмъ, что на нихъ можетъ зародиться весьма много хорошихъ и полезныхъ начинаній для прихода. Вскольз брошенное умное и дѣльное пред-

ложение можетъ быть поддержано, обсуждено, принято. Возьмемъ для примѣра вопросъ объ открытіи въ селѣ кредитнаго товарищества. Дѣло это не легкое и само по себѣ довольно сложное. Много нужно употребить усилій и времени для уясненія каждому сущности этого дѣла и полезности его для крестьянства. И все это удобнѣе сдѣлать при домашней и непринужденной обстановкѣ, чѣмъ, напр., на сходѣ.

Не можемъ, между прочимъ, не упомянуть и о томъ, что домашнія собесѣдованія весьма полезны и удобны для пастырской бдительности и попечительности о прихожанахъ, о чистотѣ ихъ вѣрованій и преданности Церкви. При частномъ простомъ общеніи священнику легко узнавать, не появились-ли волки среди его духовныхъ овецъ, не распространились-ли неправославныя ученія и представленія среди его прихожанъ, не уклонился-ли кто въ сторону сектантскаго лжеученія.

Каждый, зараженный неправымъ сектантскимъ мышленіемъ или колеблющійся и готовый уклониться въ сектантство, не вытерпитъ и обнаружить себя, и тѣмъ самымъ дастъ пастырю возможность вовремя предпринять мрѣы къ предотвращенію духовной заразы, предупредить и пресѣчь распространеніе сектанскаго ученія и т. п. А вѣдь каждому извѣстно, что гораздо легче пресѣчь зло въ самомъ началѣ, когда оно еще не распространилось, не окрѣпло и не пустило глубокихъ корней.

На основаніи личнаго опыта пишущій эти строки можетъ свидѣтельствовать о громадной полезности подобныхъ домашнихъ чтеній и бесѣдъ. Ихъ съ любовію и большой охотой посѣщали не только мужчины, но женщины и дѣти; изба была обыкновенно переполнена до тѣсноты. Какъ самыя чтенія, такъ разъясненія и наставленія, дѣлавшіяся священникомъ, особенно глубоко запечатлѣвались въ сердцахъ слушателей, и благотворность ихъ сказывалась въ личной жизни прихожанъ, такъ равно и въ сердечныхъ и любовныхъ отношеніяхъ къ священнику. Всегда крестьяне особенно тепло

благодарили за чтенія и обычно усердно просили о томъ, чтобы такія чтенія устраивались почаще. И для того, чтобы большая часть прихожанъ имѣла возможность слушать чтенія и бесѣды, приходилось чередовать свои посѣщенія: нынѣ велись бесѣды въ одномъ мѣстѣ, завтра—въ другомъ.

Цѣнность и особенность этихъ чтеній, повторяемъ, заключается въ томъ, что крестьяне самымъ дѣломъ убѣждались, что священникъ не чуждается, не избѣгаетъ, не сторонится ихъ, *„не брезгаетъ ими“*, какъ они сами выражались, а напротивъ, *самъ идетъ къ нимъ безъ ихъ зова и приглашенія*. Этому поступку крестьяне придавали особенное значеніе и всегда потомъ старались чѣмъ-либо послужить и отплатить священнику за его такое вниманіе къ нимъ.

Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что священнику нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы бесѣды, сопровождающія чтенія, не привяли характера обычнаго и ужъ очень простаго разговора. Нѣтъ, нужно все время поддерживать болѣе или мѣнѣе повышенное настроеніе и серьезное внимательное отношеніе какъ къ самому чтенію, такъ и къ бесѣдамъ священника, такъ какъ эти бесѣды—есть та же проповѣдь, только произносимая въ особой обстановкѣ.

Что же касается матеріала для подобныхъ чтеній, то мы съ своей стороны, на основаніи личнаго опыта, особенно усердно рекомендовали бы книжки и брошюрки Павла Андреевича г. Никольскаго (издательств. рел. нравст. книгъ и брош. находится въ Тамбовѣ, Теплая ул. № 16). Книжки г. Никольскаго весьма пригольны для чтенія простому народу и онѣ очень нравились крестьянамъ. Эти книжки не только интересны по своему содержанію, такъ какъ затрагиваютъ разнообразныя вопросы вѣро—и нраво-ученія, а также интересныя бытовья и житейскія темы, но и изложены простымъ и весьма доступнымъ пониманію простаго народа языкомъ.

Содержаніе книжекъ иллюстрируется поучительными примѣрами, заимствованными изъ житій святыхъ, патерика

или составляютъ извлеченія изъ весьма интересныхъ и поучительныхъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ разныхъ духовныхъ журналахъ въ разные годы. И такихъ поучительныхъ разсказовъ въ каждой книжкѣ помѣщается нѣсколько. Авторъ не утомляетъ читателя разсужденіями, но ослабляетъ напряженіе указанными интересными разсказами. Вообще брошюры г. Никольскаго составлены въ собственномъ смыслѣ въ народномъ духѣ, изложены простымъ языкомъ и не велики по своему объему, такъ что для одного вечерняго чтенія вполне достаточно бываетъ одной его книжечки¹⁾.

Конечно, и кромѣ упомянутыхъ кн. г. Никольскаго можно отыскать матеріалъ для чтенія.

Думается, что въ настоящее время существуетъ еще большая потребность въ общеніи пастыря со своими пасомыми. Великая современная война выдвинула и выдвигаетъ такъ много новыхъ вопросовъ и вызываетъ много разныхъ сужденій и толкованій, вызываетъ особенное настроеніе въ народѣ, что пастырю нельзя всего этого оставлять безъ вниманія и своего пастырскаго руководства и наставленія. Своими бесѣдами и объясненіями происходящихъ нынѣ событий и явленій пастырь внесетъ успокоеніе въ народную среду. Появилось среди народа много понятій и представленій, которыя нужно народу правильно истолковать. Однимъ словомъ, много новаго предъявляетъ пастырю настоящее исключительное по обстоятельствамъ время, и пастырь долженъ быть на стражѣ и не пропустить момента, какъ можно чаще

¹⁾ Полный комплектъ книжекъ г. Никольскаго—49. Темы: 10 заповѣдей, 7 таинствъ; изъ другихъ—укажемъ нѣкоторыя: „Семейный раздѣлъ и его гибельныя послѣдствія“, Отчего выходятъ порочн. дѣти и какъ бороться съ этимъ зломъ“; „Промыслъ Божій“, „Самоубійство“, „Пастырь церкви“, „Поминовеніе усопшихъ“ „Отчего мы обѣднѣли“ и т. д. „Забота о душѣ“, „Родительскія благословеніе и проклятіе“, „Св. мощи“. „Просфоры и ихъ значеніе при употр. на литургіи“, „Родительское наслѣдство“, „Св. угодники“, „Бытіе Божіе“, „Безсмертіе человѣческой души“, „Христова паства и ея отношенія къ своему пастырю“, „Что требуется отъ человѣка для спасенія въ міру“, и нѣкоторыя другія.

нужно ему имѣть общеніе со своими прихожанами. А эти вотъ чтенія и бесѣды, между прочимъ, и могутъ служить прекраснымъ способомъ для такого общенія.

Свящ. *І. Алабовскій.*

Письма къ пастырямъ Уфимской епархіи.

VI.

Церковно-патріотическій подвигъ духовенства.

Въ эти неизмѣримо тяжкіе для нашей родины дни какъ то тяжело говорить о дрязгахъ житейскихъ, о нашихъ внутреннихъ разногласіяхъ и спорахъ.—Страшно тяжело мнѣ сейчасъ писать и о церковно-приходскихъ школахъ, защищая ихъ отъ людей, которые всетаки же еще носятъ церковныя имена. Но вотъ приближается время земскихъ собраній, приближается время общественнаго суда надъ нашими церковными школами; и только поэтому еще и еще пишу въ защиту этихъ школъ.

Недавно посѣтилъ меня одинъ вліятельный земець Уфимской губерніи; въ разговорѣ со мною онъ между прочимъ сказалъ слѣдующія двѣ мысли:

„Само духовенство не любитъ церковно-приходскихъ школъ; оно только боится васъ (т. е. меня) говорить объ этомъ“. И далѣе:

„Справедливо ли поддерживать церковныя школы, когда для ихъ отопливанія учащіеся иногда принуждены носить собственныя дрова; а рядомъ въ земскихъ школахъ даютъ теплые завтраки“...

Таковы двѣ новыя для меня мысли не-церковнаго чловека, не отрешагося отъ Церкви.

Итакъ,—„духовенство не любитъ церковныхъ школъ“?—И это духовенство „боится только объ этомъ говорить“?—Какой же единственный выводъ можно сдѣлать изъ этого? Только одинъ: если духовенство не любитъ духовныхъ школъ, то оно недостаточно духовно, то оно не „духовенство“, а

только жалкій сбродъ людей, надѣвшихъ рясы ради сквернаго прибытка. Представьте себѣ солдатъ, которые не любятъ воинскихъ упражненій... Развѣ это будутъ солдаты? Представьте себѣ Земское Собраніе, на которомъ земцы начали бы говорить, что всякое земское дѣло это только лишнія хлопоты и заботы,—лучше все дѣло отдать хоть уѣздной полиціи и при ея солѣйствіи продолжать безпечальное существованіе.. Можно ли строить какіе-нибудь выводы изъ такихъ рѣчей о ненужности земскаго дѣла и земскихъ учрежденій?

Совершенно по той же логикѣ нужно сказать, что если имѣются служители Церкви, которые не любятъ церковныхъ школъ, то это величайшее уродство, что такіе служители Церкви—абсолютно не возможны, они должны немедленно отойти въ сторону отъ церковнаго дѣла...

Но на мое счастье я убѣжденъ, что такого духовенства нѣтъ въ Уфимской епархіи. Найдутся такіе (наиболѣе живые духовно) батюшки, которые способны на критику нашихъ церковныхъ порядковъ; найдутся среди духовенства такіе труженики, которые въ бѣдности своей ищутъ лишняго заработка; но чтобы кто-нибудь изъ духовенства принципиально не любилъ церковной школы—этакого сумасшествія нельзя представить.

Эту невозможность косвенно подтвердилъ и самъ мой собесѣдникъ-земець, когда утверждалъ, что духовенство, „боится говорить“ о своей нелюбви къ церковной школѣ. Если „боится“, то значить и стыдится... А если стыдится, то — и славу Богу! Мало ли какіе мы имѣемъ скверные инстинкты, о которыхъ мы боимся, стыдимся говорить въ порядочномъ обществѣ... И очень ясно, что мы считаемъ эти инстинкты для своей природы унизительными, не нормальными. И если нѣкіе типы среди духовенства боятся своей нелюбви къ церковной школѣ, если мой земець (Б. В. П.—ковъ) встрѣчалъ такіе типы, то тутъ ничего страшнаго

нѣтъ,—такая боязнь говорить о своей не-духовности не страшна.

Перехожу ко второй мысли, что поддержка бѣдныхъ церковныхъ школъ это даже несправедливость во отношенію къ учащимся, что учащіеся церковныхъ школъ для себя носятъ дрова, а въ другихъ школахъ (земскихъ)—теплые завтраки...

Да,—разница въ удобствахъ огромная!—Но посмотрите же поглубже, господа, на дѣло. Обратите вниманіе: школы церковныя, несмотря на вопіющую нищету, всетаки существуютъ! И учащіеся находятся въ этихъ школахъ. Замѣчательныя явленія бывають еще вотъ какія,—это мнѣ приходилось наблюдать въ Сухумской епархіи:—стоятъ рядомъ двѣ школы, одна—каменный сельскій дворець, великолѣпное зданіе съ прекрасными наглядными пособіями; другая—наша церковная, маленькая, бѣдненькая—„безъ теплыхъ завтраковъ“. Между тѣмъ въ первой учащихся—25, во второй—72... Отчего это такъ?—Да оттого, что народъ чуетъ *тогда* въ земской школѣ что-то недоброе и боится ея и не довѣряетъ ей своихъ дѣтей. О, не подумайте, что я пристрастенъ къ земской школѣ и къ земскимъ учителямъ. Я предъ многими учителями земскими благоговѣю; я еще недавно получилъ трогательнѣйшее письмо отъ одного учителя земской школы, въ которомъ онъ пишетъ о своей преданности Церкви и готовности служить ей и лично мнѣ. „Не думайте, что вы одиноки,—пишетъ мнѣ этотъ незнакомый мнѣ учитель,—нѣтъ, много найдется сочувствующихъ вамъ душъ“... Такъ утѣшаетъ меня эта добрая душа.—Потомъ,—я никогда не забуду земскаго учителя въ селѣ Діашевѣ Белебеевскаго уѣзда; это истинный благодѣтель двухъ поколѣній. Но принципъ то земской школы, искусственно поставленной въ антагонизмъ со школою приходскою,—этотъ принципъ страшно опасенъ для міровоззрѣнія народнаго, и народъ это чуетъ.

Предъ мною сейчасъ любопытный приговоръ одного сельскаго общества. Это общество проситъ о сохраненіи въ

ихъ приходѣ церковной школы; оно пишетъ, что нѣкій земецъ (кажется, г. Горбаковъ?) прїѣзжалъ въ ихъ село, предлагалъ обществу земскую школу, описывая всѣ ея преимущества... И общество отказалось отъ всякихъ преимуществъ и удобствъ земской школы и просить оставить ему церковную.

Скажите же, зачѣмъ эти хлопоты нѣкоего земца?—Для чего производить въ народныхъ умахъ соблазнъ, для чего церковную школу нужно чернить въ глазахъ народныхъ? Какая явная цѣль этого? И какая тайная цѣль?

Скажите же, пожалуйста, справедливо ли *добивать* церковную школу тамъ, гдѣ ее цѣнятъ и любятъ, гдѣ просить оставить имъ эту школу и никакою другою церковную школу не замѣнять.

И всетаки находятся такіе люди, герои нашего безвременья, которые въ заботѣ о народѣ дѣлаютъ народу только больно и въ то же время отучая народъ отъ Церкви и тѣмъ развращая его.

А духовенство вообще и въ частности духовенство Уфимской епархіи дѣлаетъ свое огромное историческое дѣло, оберегая хотя бы и безъ теплыхъ завтраковъ свою бѣдную церковную школу. Это величайшая заслуга духовенства предъ святою Церковію и предъ родиною; жертвы и трудомъ и своими средствами (иногда въ ущербъ своимъ дѣтямъ) со стороны духовенства на церковныя школы неисчислимы, а награда одна—на судѣ Божіемъ, который, разумѣется, будетъ справедливѣе суда человѣческаго.

И это сознаніе для насъ, братіе, является великимъ утѣшеніемъ. Не обращайтесь же, не будемъ обращать вниманія на клеветы всякихъ татарсымаковъ (такъ татары называютъ людей, склонныхъ къ магометанству, дружныхъ съ татарами), будемъ дѣлать свое дѣло.

И повѣрьте: тѣ, кто сейчасъ воюетъ противъ церковныхъ школъ (всякіе друзья господина Халфина), потомъ, добившись ихъ закрытія, будутъ гнать Законъ Божій изъ зем-

скихъ школъ, и придется снова отърывать школы церковныя, но уже въ храмахъ. Вспоминаю слова архіепископа Парижскаго, который говорилъ въ тяжелое время закрытія церковныхъ школъ во Франціи, что „теперь церковныя школы нужныѣ церквей; будутъ школы,—будутъ и церкви; а если закроются школы, то заростетъ дорога и въ разрушающіеся храмы“ (Уф. Е. Вѣд.).

Епископъ Андрей.

Смерть на славномъ посту.

(Изъ разсказовъ о хорошихъ людяхъ).

(Окончаніе)¹).

Отходъ Петра Даніиловича изъ сего міра „скорбей“ въ загробную жизнь произошелъ въ знаменательный моментъ пасхальной ранней обѣдни. Читалъ Евангеліе. При двѣнадцатомъ ударѣ колокола въ соборной церкви, когда діаконъ возглашалъ заключительныя слова: „И отъ исполненія Его мы всѣ пріяхомъ благодать возблагодать, яко законъ Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Иисусъ Христомъ“ (Іоан. 1, 16—17), Петръ Даніиловичъ, уже давно глядѣвшій и тѣлесными, и душевными очами въ небесный міръ, испустилъ послѣдній вздохъ...

Да, если уже кто и сподобился сугубой благодати Христовой, то это онъ, нашъ добрый наставникъ Петръ Даніиловичъ, не зарывшій своихъ талантовъ въ землю, а умножившій ихъ и на канунѣ дня Св. Пасхи сподобившійся пріятія Пречистаго Тѣла и Крови Христовой въ жизнь вѣчную. Господь послалъ ему мирную кончину въ великій день Своего славнаго воскресенія, ободря вѣрнаго раба Своего, что и онъ воскреснетъ въ вѣчности для новой жизни въ высшихъ мірахъ.

¹) См. № 41.

На третій день Св. Пасхи состоялось погребеніе тѣла Петра Даніиловича. Всѣ слобожане сошлись на проводы на кладбище гроба любимца.

Стоялъ теплый весенній день середины апрѣля. Жизнь еще не проявилась во всей своей полнотѣ и красѣ, но все же уже заявляла о себѣ. Солнце своими яркими лучами, какъ ловкій и искусный красильщикъ, бѣлило глубокую синеву неба. Подъ его опытною рукою небо искрилось и сіяло, не скупясь изливать щедроты своего властелина на неуспѣвшую еще одѣться во весь весенній уборъ землю. Подъ воздействием ласкъ неба и земля сіяла, и искрилась, и свѣтилась молодою весеннею радостью, хотя деревья стояли еще обнаженными. Но почки уже набухли и готовы были раскрыться, а нѣжная блѣдно-зеленая травка уже покрыла луга и поляны. Кое-гдѣ синѣли и желтѣли, благоухая, первые весенніе цвѣты... Въ воздухѣ рѣяли и купались птички, чирикающая и щебечущая гимны веснѣ и жизни. Въ травкѣ и цвѣтахъ жужжали насѣкомыя, сверкая яркою окраскою своихъ тѣлецъ. Въ рѣкѣ, серебряной лентой обвившей городъ и его окрестности, плескалась рыбка, плыли жемчужныя облака, отраженные съ неба, и улыбалось само небо—тихое и кроткое... Жизнь сказывалась во всемъ. А мы, скорбные и обездоленные, шли опускать въ глубокую могилу другую жизнь, едва расцвѣтшую... Естественно, и праздникъ Св. Пасхи намъ былъ не въ праздникъ. Мы плакали и рыдали навзрыдъ надъ дорогою могилою. Но на наше благо законоучитель нашего училища указалъ намъ, что мы въ этотъ день явились «несмысленными и косными сердцемъ».

Въ своемъ надгробномъ словѣ этотъ рѣдкій гость нашего училища, напомнивъ намъ, что древніе христіане радостно встрѣчали исходъ душъ своихъ присныхъ въ небесную жизнь и облекались для сего въ свѣтлыя одежды, отмѣтилъ, что, по слову Апостола Павла, смерть тѣла есть не утрата для человѣка, а пріобрѣтеніе, ибо, собственно, чело-

вѣкъ только тогда и начинается жить, когда совлекается плоти. Плоть земная—это куколка, въ которую до времени заключена безсмертная душа. И когда тѣло прекращает свои движенія, изъ него, какъ бабочка изъ куколки, выпархиваетъ душа и рѣветъ въ небесномъ пространствѣ весело и радостно, какъ бабочка въ воздухѣ, въ надеждѣ взлетѣть въ высшіе міры. «Петръ Даніиловичъ сбросилъ съ себя тлѣнную земную оболочку, продолжалъ развивать свои мысли нашъ законоучитель, но сбросилъ на благо себѣ, вамъ и намъ, сбросилъ, чтобы развиваясь и совершенствуясь въ высшихъ Божіихъ мірахъ, получить лучшую жизнь на небѣ, а на землѣ теперь съ большею силою проявится его доброе вліяніе въ его замѣстителяхъ—Иванѣ Акимовичѣ и Исидорѣ Θεодоровичѣ (второмъ и третьемъ учителяхъ), ибо они достойные и вѣрные ученики и послѣдователи его. Вѣрьте сему и радуйтесь! Перестаньте рыдать; не смущайте рѣющаго надъ нами духа вашего учителя...

И мы повѣрили законоучителю... И убѣжденное слово служителя Божія исполнилось: Иванъ Акимовичъ и Исидоръ Θεодоровичъ оказались достойными замѣстителями Петра Даніиловича...

Свящ. В. Успенскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ изданіи журн. „Рук. для сельск. паст.“ въ 1916 г.

Въ 1916 году будетъ продолжаться изд. жур. „Руководство для сельскихъ пастырей“ на прежнихъ началахъ. Подписчики получаютъ 52 № журнала, 12 книжекъ „Проповѣди“ на всѣ воскресные и праздничные дни и частные случаи, 12 выпусковъ „Библиографическаго Листка“ и кромѣ всего этого бесплатное приложение.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 31-го октября 1915 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерин. с.

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цена годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 47

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 15-го ноября.

Содержаніе: I. Еще обязанность для пастыря Церкви. Семень Марченко.—
II. Во дни войны Прот. I. Восторговъ.—III. Чей долженъ быть Кон-
стантинополь? (окончаніе). А. Антоній.—IV. Изъ повременной пе-
чати Н. Г.—V. Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Б.—VI. Объявле-
ніе объ изд. „Р. д. с. п.“ въ 1916 г.

Еще обязанность для пастыря Церкви.

Тяжелое испытаніе, въ настоящее время постигшее наше дорогое отечество, выдвинуло для нашихъ пастырей Церкви особую миссію—быть ближайшими руководителями и утѣшителями тѣхъ семействъ, которыя потеряли на войнѣ своихъ близкихъ, въ особенности тѣхъ близкихъ, которые были воспитателями и руководителями оставленныхъ ими, ради защиты родины, семействъ—отцовъ и мужей. Какъ велико значеніе этихъ утѣшеній и руководствъ со стороны пастыря Церкви, объ этомъ можно судить по той глубочайшей скорби и печали, какая постигаетъ каждую семью при извѣстіи, что ея отецъ или мужъ убитъ дерзкимъ врагомъ на полѣ брани, каковую скорбь призывается смягчить и утолить пастыр-

Церкви. Если твердый и уравновѣшенный человѣкъ испыты-
ваетъ глубокое потрясеніе при извѣстіи, что его близкій че-
ловѣкъ, сражаясь въ рядахъ своей арміи, погибъ, и нуж-
дается въ духовномъ утѣшеніи, хотя и самъ знаетъ, что пав-
шій на полѣ брани воинъ умеръ славною смертью, сдѣлав-
шись, по любви къ отечеству, жертвою „за други своя“, то
слабые духомъ и не крѣпкіе волею люди сугубо нуждаются
въ духовной поддержкѣ, которую изобильно они могутъ по-
лучить изъ устъ опытнаго пастыря Церкви. Со стороны па-
стыря здѣсь требуются и всеобъемлющая любовь къ скор-
бящимъ, не щадящая, ради утѣшенія ближняго, ни своего
покою, ни матеріальнаго стяжанія; тутъ должна быть и муд-
рость, доказывающая промыслъ Божій во всѣхъ путяхъ че-
ловѣческой дѣятельности и ведущая всѣхъ и каждаго къ
одной опредѣленной цѣли—спасенію; здѣсь должна быть и
твердая воля пастыря, которою онъ энергично обязанъ бо-
роться съ уныніемъ и той печалью, которая „смерть содѣ-
лываетъ“, и ею же (твердостію) какъ-бы вливать новыя силы
для предстоящей впереди жизни и дѣлѣ уже вѣсколько
успокоившихся отъ страшныхъ испытаній скорбныхъ се-
мействъ. И благо, если пастырь, видя испытанія, которыя
выпали на долю ввѣренныхъ ему пасомыхъ, войдетъ въ ихъ
скорбь и подыметъ на свои плечи ихъ тяготы, или хотя
вникнетъ въ ихъ горе и оцѣнитъ, насколько его поддержка
и участіе въ положеніи его пасомыхъ важны и необходимы.
Мудрая дѣятельность пастыря вообще по отношенію къ по-
ложенію пострадавшихъ семействъ и его нравственное воз-
дѣйствіе на души скорбныхъ сколько-бъ осушили слезъ,
сколько смыли-бъ горя, накопившагося на сердцахъ, лишив-
шихся своихъ безцѣнныхъ близкихъ! Не нужно быть осо-
бенно дальнозоркимъ, чтобы сказать, что пастырское дѣя-
тельное участіе въ скорбныхъ обстоятельствахъ своихъ па-
сомыхъ возродило-бъ ихъ къ новой жизни съ надеждой и
твердой вѣрой въ лучшее будущее. Вѣдь много значить для
мятушагося духа человѣческаго мудрое, основанное на словѣ
Божіемъ воздѣйствіе.

Къ сожалѣнію, есть пастыри Церкви, которые не совсѣмъ поняли свою миссію по отношенію къ семьямъ, лишившимся своихъ родственниковъ въ войнѣ, вслѣдствіе чего и работа ихъ (пастырей) по руководству и воздѣйствію на скорбныхъ членовъ семействъ убитыхъ воиновъ не одинаково продуктивна.

Наше искреннее желаніе, чтобы пастыри возможно глубже поняли свои обязанности въ переживаемый историческій моментъ и приложили всѣ усилія для утѣшенія духовнаго и всякой поддержки своихъ пасомыхъ, въ особенности же осиротѣлыхъ скорбныхъ семействъ, на чисто евангельскихъ началахъ.

Семенъ Марченко.

Во дни войны.

Любовь къ родной землѣ ¹⁾.

Не найдется среди народовъ и государствъ міра подобнаго русскому народу и русскому государству въ отношеніи причинъ и побужденій любви къ родной землѣ, какъ ихъ указалъ и заповѣдалъ намъ Святой Князь Владиміръ, креститель и просвѣтитель Россіи, память котораго сегодня чтить русская земля.

Не одни русскіе, конечно, любятъ свой народъ, свое отечество. Мы знаемъ, что всѣ народы, пока они не начали духовно вырождаться, отличаются этимъ свойствомъ. Это—требованіе самой природы человѣка, подобно любви къ своей жизни. Но ни у кого не можетъ быть любовь къ отечеству столь духовною, чистою, возвышенною и святою, столь осмысленною и глубоко удовлетворяющей совѣсть, сердце, какъ именно у русскаго народа.

Почему такъ?

---

¹⁾ Ко дню 900-лѣтія со дня блаженной кончины Св. Равноапостольнаго Кн. Владиміра 15 іюля 1915 года.

Потому, что любовь къ своему народу естественная, безъ *духовной основы*, всегда есть любовь до нѣкоторой степени животная, себялюбивая, всегда имѣетъ цѣли корыстныя. Такова она, на примѣръ, у нѣмцевъ, воюющихъ теперь съ Россіей: австрійцы, мы видимъ, захотѣли взять земли у небольшого сосѣдняго имъ, намъ родственнаго по вѣрѣ и крови, народа сербскаго; германцы хотятъ взять земли Польши и земли русскія, сопредѣльныя съ Германіей, и обратить русскій многочисленный народъ въ данника, зависящаго въ отношеніи матеріальномъ и въ другихъ отношеніяхъ отъ нѣмцевъ. Такая животная любовь къ своему отечеству и заставляетъ нѣмцевъ идти на неслыханныя жестокости и преступленія во время теперешней войны.

Иная любовь къ отечеству у народа русскаго. Это—любовь христіанина,—совѣстливая любовь и одухотворенная. Святой Владиміръ Равноапостольный далъ русскому народу сразу два блага: и купель крещенія, и колыбель государственности. Русскій народъ, по волѣ Промысла, не успѣлъ до своего крещенія, до своего вхожденія въ Церковь Христову, создать государственную власть, законы, прочныя обычаи, укладъ общественной жизни. Поэтому русская государственность, такъ сказать, отъ дней своего изначальнаго дѣтства создавалась, росла, развивалась и жила подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ христіанской вѣры и Церкви. Наши государственные законы—это евангельскіе законы; наши обычаи—это христіанскіе обычаи; наши государственныя задачи совпадали и совпадаютъ съ церковными задачами; русскіе князья и цари дѣйствовали не вразрѣзъ, а въ полномъ согласіи со святителями Церкви Божіей, и оттого иногда и святители творили дѣло государственное, когда это было неизбежно, и святители не боялись этого дѣла, ибо русская христіанская государственность не требовала отъ святителей чего-либо противнаго ихъ христіанской и пастырской совѣсти. Для русскаго человѣка Русь была и остается донинѣ не только русскимъ отечествомъ, не только Русью русскою, своею,

близкою, родною, но и Русью Святою. Служить отечеству и Церкви стало для русскаго человѣка равнозначущимъ, ибо и государство искало Божьяго благословенія, государство желало видѣть своихъ подданныхъ святыми, благочестивыми, правовѣрующими и спасенными.

Вотъ почему русская государственность была и остается донинѣ христіанскою и совѣстливою. Русскій народъ трудно себѣ и представить такимъ, какимъ является, напримеръ, народъ нѣмецкій. Теперешній нѣмецкій императоръ въ день объявленія войны Россіи, собравши народъ передъ своимъ дворцомъ, сказалъ ему рѣчь, перепечатанную потомъ во всѣхъ газетахъ. Онъ говорилъ народу своему, что въ Россіи много земли, что многіе русскіе помѣщики живутъ богаче, чѣмъ нѣмецкіе князья, что нѣмцы, завладѣвши русскими землями, вытѣсняютъ русскихъ, а сами хорошо воздѣлаютъ нивы и будутъ жить сытно и богато. И нѣмцы потому, именно, что они не православные, а лютеране, охотно слушали такія рѣчи и со звѣринымъ ожесточеніемъ ринулись на войну. Подумайте, что бы на такую рѣчь отвѣтилъ человѣкъ русскій? Онъ бы сказалъ: А Богъ-то гдѣ? А Христосъ-то что заповѣдалъ? А Евангеліе-то что говорить? А совѣсть-то моя что скажетъ?

Русскій народъ сказалъ бы, что такую рѣчь пригоже слушать разбойнику съ большой дороги, вору и грабителю, а вовсе не христіанскому народу. И русскій народъ, конечно, теперь тоже пошелъ на войну. Но онъ пошелъ потому, что на это вызванъ; потому, что онъ защищаетъ свои святыни и вѣру; потому, что онъ защищаетъ ближнихъ своихъ и родственныя ему славянскія племена, задавленные и обиженные нѣмцами. На войну разбойничью русскій народъ никогда бы не пошелъ.

Мы любимъ больше жизни святуя Церковь, а народъ православный русскій входитъ въ Церковь, онъ есть народъ *воцерковленный*, народъ церковный, оттого служеніе народу и отечеству есть у него вмѣстѣ и служеніе Церкви; защита

народа и государства есть защита святынь Церкви; цѣли, задачи существованія и дѣятельности народа и государства есть продолженіе служенія Церкви и помощь ей въ святомъ и вѣчномъ ея дѣлѣ.

Любовь къ родному народу у насъ, у русскихъ православныхъ людей, есть не животный патріотизмъ, а одухотворенный, это не своекорыстное себялюбіе, а самоотреченіе и самоотверженіе евангельское, это не исканіе благъ земныхъ, а служеніе благамъ духовнымъ. Такую любовь къ родинѣ дало намъ Православіе, т-е., великое дѣло Святого Князя Владиміра.

И неудачи бывають и могутъ быть на войнѣ. Ихъ посылаетъ вѣрующему народу Премудрый Промыслъ ради Своихъ благихъ цѣлей. Но народъ-разбойникъ отъ неудачъ войны или приходитъ въ дикое озлобленіе, въ звѣриное озлобленіе, или впадаетъ въ страхъ, уныніе, а народъ-христіанинъ, народъ православный, смиренный въ торжествѣ и побѣдѣ, является смиреннымъ и въ неудачахъ. Съ покорностью волѣ Божіей принимаетъ онъ и нерадостныя вѣсти съ войны, молить Бога о помощи; не падаетъ духомъ, попрежнему готовъ на всѣ лишенія и жертвы, и ждетъ Божьяго благословенія правому оружію христолюбиваго воинства.

Въ великій день торжества во славу Святого Равноапостольнаго просвѣтителя Россіи, Князя Владиміра, укрѣпимъ, утвердимъ въ себѣ такую добрую, святую, чистую, христіанскую любовь къ родному народу и призовемъ съ высоты небесъ молитвенную помощь святого нашего просвѣтителя, Равноапостольнаго Князя Владиміра, — державы Россійскія начальникомъ, христолюбивому Императору и множеству владомыхъ! (Правосл. Благов.).

Чей долженъ быть Константинополь?

Но продолжимъ свой печальный перечень неблагоприятныхъ настроеній современности для вѣрнаго слѣдованія девятому члену символа вѣры. Посмотрите, какъ мало въ на-

стоящіе дни сознають эту задачу жизни и дѣятельности православныхъ народовъ ихъ неправославныя, а иногда и вовсе нерелигіозныя, правительства. Разумѣемъ румынскаго и болгарскаго королей—католиковъ и греческую королевскую фамилію—родича Вильгельма.

Болгары, какъ раскольники, прервавшіе уже 40 лѣтъ тому назадъ свое общеніе съ Церковью, естественно нашли въ себѣ довольно безстыдства, чтобы принудить свой народъ уже не впервые, поднять оружіе противъ родственной по крови Сербіи и своей избавительницы Россіи. Но особенно больно то, что православный народъ Румыніи и Греціи колеблется, съ кѣмъ ему войти въ союзъ, съ православными ли народами, борющимися противъ латинянъ, лютеранъ и магометанъ, или съ этими послѣдними, съ врагами Православія.

Колебаніе Греціи отчасти извинительно. Мечта ея возвратить себѣ свою священную столицу, составлявшую славу ея народа въ продолженіе одиннадцати вѣковъ и продолжавшую вѣщать ее даже подъ турецкимъ игомъ въ послѣдніе четыре—пять вѣковъ всемірной исторіи, эта мечта, вполне естественная и законная и столь близкая къ своему осуществленію три года тому назадъ, должна была разсѣяться при успѣхахъ русскаго оружія противъ нѣмцевъ и турокъ, разсѣяться навсегда. Конечно, болѣе церковное, менѣе племенное настроеніе народа должно бы удовлетвориться передачей своей исторической святыни сильнѣйшему единовѣрному братскому народу русскихъ, но требовать такой высоты настроенія отъ эллиновъ—значило бы требовать слишкомъ многого. Константинъ основалъ Царьградъ, другой Константинъ его по неволѣ отдалъ злымъ варварамъ; Константинъ же, по давнишнему преданію грековъ, долженъ его возвратить христіанству и эллинизму; ради этой идеи греческіе патріоты дерзнули даже на преступленіе цареубійства, чтобы ускорить ожидаемое событіе, но Господь не нуждается въ грѣхѣ для исполненія Своей воли (Сир. 15, 11—13), и мужественный

походъ балканскихъ христіанъ противъ агарянъ 3 года тому назадъ окончился братоубійственнымъ междуособіемъ, не достигнувъ своей конечной цѣли.

Видимо, Господь желаетъ смирить нетерпѣливыхъ грековъ тѣмъ, чтобы не по ихъ замыслу и не ихъ силою возвращена была имъ древняя столица, но, какъ Іаиль завершила побѣды Варака, такъ и увѣнчаніе вѣкового освободительнаго движенія христіанъ отъ турокъ, т. е.—*освобожденіе Константинополя и возвращеніе его эллинамъ въ качество великодушнаго дара, должно быть совершено Россіей.*—Скептики на это отвѣтятъ: „Ты теперь такъ говоришь потому, что Россіи теперь нужна помощь грековъ противъ болгаръ и турокъ, а она конечно немедленно будетъ дана первыми, если имъ обѣщать Царьградъ“.

Нѣтъ, я такъ говорю не теперь, но развивалъ эту мысль довольно подробно еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Петроградѣ, въ одномъ высокомъ собраніи, когда взятіе Константинополя почиталось дѣломъ нѣсколькихъ предстоящихъ дней, причемъ имѣлись свѣдѣнія, что союзники присудили его въ собственность Россіи. Я тогда еще доказывалъ, что градъ Константина долженъ быть отданъ своимъ историческимъ владѣльцамъ эллинамъ, а Россія должна только сохранить проливы, какъ Англія владѣетъ Гибралтаромъ. Доказывалъ я это не на основаніи политическихъ расчетовъ настоящей войны, ибо тогда господствовала полная увѣренность въ немедленномъ одолѣніи и Турціи и Германіи,—а на совсѣмъ другихъ основаніяхъ. Могу передать все это совершенно свободно, потому—что собраніе было не государственное, а церковное, и слово мое имѣло характеръ академическій, а не практическій, и было обращено не къ политическимъ мѣропріятіямъ, а къ убѣжденіямъ русскихъ людей,—какъ и въ настоящей статьѣ я излагаю его своимъ скромнымъ читателямъ, отъ которыхъ направленіе нашей государственной политики нисколько зависить не будетъ, и ко-

торые могутъ только молиться Богу, объ исполненіи сихъ благихъ пожеланій.

Не радуется меня девизъ: „изгнаніе турокъ изъ Европы“. Что такое Европа? Кому она нужна? Съ какими нравственными цѣнностями совпадаетъ это географическое понятіе? Изгнать турокъ изъ Европы и оставить имъ всю православную Анатолію? Съ землю? Антиохійскій патріархатъ?—Или даже предоставить Палестину евреямъ, какъ совѣтуютъ нѣкоторые глупые націоналисты, не понимая того, что русскому народу легче было бы отдать евреямъ Харьковскую губернію или Нижній Новгородъ, чѣмъ отечество отвергнутого ими Спасителя?

Не Европу только надо очистить отъ турокъ, а весь Православный Востокъ: Господень Гробъ, Голгоѳу, Вивеемъ, Дамаскъ, Бейрутъ и вообще всѣ православныя епархіи. Если въ настоящую войну удалось бы только очистить отъ нихъ Константинополь, то на это слѣдовало бы взирать лишь, какъ на первый этапъ освобожденія христіанства, и непременно обезпечить за собою сильный и постоянный натискъ на дальнѣйшія предѣлы турокъ, населенные православными греками и православными арабами.

Первое возможно лишь въ томъ случаѣ, если Россія возстановитъ Византійскую Имперію, объединивъ теперешнюю свободную Грецію съ Цереградомъ подъ мірскою властью Самодержавца-грека и подъ духовной властью Вселенскаго греческаго Патріарха, — и тѣмъ отблагодаритъ эллинскій народъ за то, что онъ нѣкогда освободилъ насъ отъ рабства діаволу и ввелъ въ свободу чадъ Божіихъ, содѣлавъ насъ христіанами. Патріархъ останется пастыремъ своихъ многочисленныхъ малоазійскихъ епархій и епархій Свободной Греціи, а Византійскій Императоръ со своимъ народомъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ этихъ епархій въ свое подданство, пока не объединитъ весь эллинскій народъ въ одномъ государствѣ. Тогда Россія получитъ себѣ надежнаго и преданнаго союзника въ исполне-

ніи другой своей задачи на ближнемъ Востокѣ. Она должна овладѣть широкой лентой земли отъ южнаго Кавказа до Дамаска и Яффы и овладѣть Сиріей и Палестиной, открывъ для себя берегъ Средиземнаго моря и соединивъ его съ Кавказомъ желѣзными дорогами. Безъ преданнаго и сильнаго своею энергіей союзника этого сдѣлать, а тѣмъ болѣе сохранить, невозможно, ибо при иныхъ условіяхъ греки будутъ самыми неукротимыми противниками такого движенія Россіи на Востокъ, да оно просто сдѣлается физически невозможнымъ.

Таковы соображенія политическія, внѣшнія. Какъ болѣе простыя, они изложены нами сначала; но обратимся къ болѣе глубокимъ и серіознымъ основаніямъ, имѣющимъ силу не только въ настоящей вѣкъ, но и для вѣковъ дальнѣйшихъ. Русское правительство, представительное и исполнительное, русское общество и русское земство оторвалось отъ русской исторіи, отъ нашей народной культуры. Въ нѣкоторой степенн то-же должно сказать и о нашей духовной школѣ и даже о нашемъ ученомъ духовенствѣ. Все это началось между французскимъ республиканствомъ и нѣмецкимъ социализмомъ, и въ этихъ увлеченіяхъ сдерживалось такими дѣятелями и мыслителями, какъ Катковъ, Побѣдоносцевъ, Грингмутъ, т. е., проповѣдниками полунѣмецкаго абсолютизма Николаевской эпохи, но никакъ не церковной культуры эпохи Алексѣя Михайловича, не послѣдователями Хомякова и Достоевскаго. Впрочемъ ни наши псевдолибералы, ни наши консерваторы полустолѣтія не печалились о своемъ разъединеніи съ народомъ, съ Церковью и съ нашими предками—до послѣдняго года. Но вотъ открылась война, „наста время все освѣщающее“, и искренніе мыслители изъ русскихъ людей уже органически не могутъ себя считать послѣдователями и проводниками европейской, т. е., нѣмецкой культуры, — культуры силы, борьбы за существованіе и только внѣшней техники при чисто животномъ себялюбіи и чувственности. Явилась страшно сильная потребность въ опознаніи своей, рус-

ской культуры; готовы даже признать и ненавистное имъ дотолѣ Православіе; пишутъ статьи и стихами и прозой о русской жизни, о русской общественности, объ ея глубокой противоположности жизни европейской, основанной на римскомъ правѣ, т. е., на язычествѣ; но дальше общихъ фразъ почти не идутъ и идти не могутъ. Почему? Потому, что не имѣютъ матеріала для опредѣленія самой основной разности между Россіей и Европой, той глубокой *разности въ пониманіи христіанства*, которую наши плохенькіе богословскіе курсы донинѣ опредѣляютъ по Окружному Пославію Фотія, т. е., по памятнику 9-го вѣка, когда разность заключалась въ нѣсколькихъ мелочахъ.

Такъ неужели намъ нужно грековъ, чтобы понять свое Православіе? Да, непременно нужно! Православіе многіе изъ насъ вмѣщаютъ въ своемъ сердцѣ лучше грековъ, но вмѣщаютъ его, какъ молитву, какъ подвиги смиренія и милосердія, какъ устроеніе благолѣпія церковнаго, а *православнаго сознанія*, выраженнаго въ ясныхъ опредѣленіяхъ въ противовѣсъ заблужденіямъ запада,—православной гражданственности, т. е., формъ общественной и школьной жизни, согласованныхъ съ неповрежденнымъ пониманіемъ христіанства, у насъ нѣтъ въ русскомъ обществѣ и почти нѣтъ въ русскихъ академіяхъ. Мы хорошіе христіане, но мы не философы, а чтобы противопоставить свое чужому, воровски вошедшему въ нашу жизнь, нужно не только тепло чувствовать, но и ясно мыслить и точно выражаться. Греки это умѣютъ дѣлать. Возьмите ихъ, даже современныя толкованія св. Писанія (П. Анѣима Цадоса и Анѣима Іерусалимскаго): вы здѣсь видите творчество религіозной мысли, какъ у древнихъ отцовъ, а въ толкованіяхъ русскихъ либо средневѣковую схоластику, либо плагіаты съ бездарныхъ, безъидейныхъ нѣмецкихъ диссертаций, гдѣ говорится о шрифтѣ, о различеніяхъ—и никогда о религіозномъ смыслѣ Божіихъ рѣчей.

„Но въдъ богословіе—это не то, что народная культура“, возразятъ намъ. Конечно, однимъ богословіемъ не

возродишь народную жизнь, да и самое—то богословское возрожденіе геній эллиновъ не можетъ намъ дать въ два года. Но намъ необходимо приложить всѣ усилія къ возсозданію Византійской Имперіи (а конечно не пакостной Аѳинской конституціи) для того, чтобы поставленный въ условія мирнаго процвѣтанія греческій геній и въ богословіи, и въ философіи, и въ правѣ, и въ гражданскихъ и общественныхъ обычаяхъ далъ бы всестороннее освѣщеніе жизни сознательно воспринятымъ Православіемъ, т. е., неповрежденнымъ христіанствомъ, а не тою смѣсью его съ римскимъ язычествомъ, какую содержатъ европейскіе народы со времени Ренессанса донинѣ, причемъ христіанскія начала у нихъ тускнѣютъ, а языческія крѣпнутъ.

Отъ языческаго Рима намъ вотъ чему надо поучиться. Это желѣзное государство, распространяясь все шире и шире по извѣстному тогда міру или вселенной, не спѣшило поглощать и уничтожать культуры и государства, а напротивъ, гдѣ встрѣчало здоровую и убѣжденную религію и культуру, тамъ даже усилія прилагало къ тому, чтобы даже пересадить къ себѣ тѣ идеи, обычаи, наконецъ тѣхъ людей, которые могли бы быть полезны всемірному городу и вселенной. Боги этихъ народностей находили себѣ мѣсто въ Римскомъ пантеонѣ, а геніальные люди допускались къ высшимъ чинамъ и даже къ сану императора, если могли принести государству великую пользу. Итакъ, въ интересахъ правды, въ интересахъ религіи и науки, наконецъ, въ интересахъ чисто русскихъ національныхъ Константинополь долженъ быть сдѣланъ столицей Византійской Имперіи и всѣ греческія провинціи Балканскаго и Малоазійскаго полуостровъ должны быть въ нее включены.

Иное дѣло Сирія и Палестина. Здѣсь православныхъ христіанъ въ двухъ патріархатахъ всего только 500 тысячъ, почти всѣ они арабы. Конечно, должно тоже оберегать и ихъ языкъ и ихъ приходскія общины, но не должно препятствовать поселенію тамъ русскихъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ,

очищая для нихъ и пустыни, и магометанскія поселенія, которыя впрочемъ и сами начнутъ быстро пустѣть подъ русскимъ владѣніемъ. Если это будетъ сдѣлано, то не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ вся Палестина и Сирія обратятся въ Владимірскую или Харьковскую губернію. Народъ нашъ такъ и ринется поселяться въ страну, гдѣ жилъ нашъ Спаситель, Его Пречистая Мать, Апостолы, пророки и мученики. Тамъ будетъ уже мѣсто для чисто русской культуры, для русской рѣчи, для русской торговли и промышленности; въ частности двѣ послѣднія отрасли обильною лавою польются по Волгѣ и Каспію чрезъ Кавказъ къ Средиземному морю и обратно. Пустынная мѣстность вновь процвѣтетъ, какъ „земля текущая медомъ и млекою», а всякій русскій христіанинъ сочтетъ долгомъ не разъ въ своей жизни отправиться на поклоненіе Живоносному Гробу; даже наши баре и барыни постепенно забудутъ о Карлсбадахъ и Парижахъ и будутъ знать Іерусалимъ, Виѣлеемъ, Назаретъ.

Вотъ тогда со всею силою проснется русское самосознаніе: наука и поэзія возвѣстятъ міру о чувствахъ и молитвахъ русской души, и исполнятся чаянія послѣднихъ Рюриковичей и первыхъ Романовыхъ о томъ, что Московскому царству суждено быть Третьимъ Римомъ, а четвертому Риму не бывать. (Пастырь и паства).

Архіепископъ Антоній.

Изъ повременной печати.

Миссіонерская полемика.

Полемика съ иномыслящими является однимъ изъ важныхъ средствъ миссіонерской дѣятельности. Однако противъ полемическихъ собесѣдованій высказываютъ много возраженій. Эти возраженія опровергаетъ извѣстный миссіонеръ—спеціалистъ И. Г. Айвазовъ въ „Голосѣ Церкви“ (№ 9—10). Противники полемики смотрятъ на нее, какъ на игру сло-

вами, пустое словопрение, которое запрещаетъ ап. Павелъ, предостерегая отъ „глупыхъ и невѣжественныхъ состязаній“. Но настоящая полемика должна быть не такова. Тотъ же апостоль поучаетъ Тимооея „съ кротостью наставлятъ противниковъ“, „обличать, запрещать, увѣщевать со всякимъ долготерпѣнiемъ и назиданiемъ“. Самъ ап. Павелъ имѣлъ „не малое состязанiе“ въ Антиохiи по вопросу о не необходимости обрѣзанiя для язычниковъ. Слѣдовательно, далеко не всякая полемика заслуживаетъ осужденiя, и уже отъ самаго полемиста зависитъ правильная постановка ея.

Указываютъ еще, что публичное обличенiе иномыслящихъ противорѣчитъ узаконенiямъ о вѣротерпимости. Но этими послѣдними не уничтожается первенствующее положенiе въ Русскомъ государствѣ Православной Церкви, ея право на публичную проповѣдь своего ученiя иномыслящимъ и право привлеченiя ихъ въ свое лоно. Мало основательно и то утвержденiе, что въ настоящее время необходимо сосредоточить всѣ силы Церкви на охранѣ православныхъ отъ соблазна, на внутренней организаціи церковной жизни. Наряду съ указанной задачей, Церкви дана также имѣющая постоянное значенiе заповѣдь „проповѣдывать всѣмъ народамъ“, а прежде всего привлекать, конечно, тѣхъ людей, которые раньше принадлежали къ Церкви, но отпали отъ нея.

Противъ публичныхъ бесѣдъ говорятъ также, что онѣ разжигаютъ страсти, вносятъ въ приходъ смуту и т. п. Но вѣдь смута и возбужденiе вовсе не есть неотъемлемая и неизбежная принадлежность полемическихъ собесѣдованiй; все дѣло—въ той или иной постановкѣ ихъ. Если же сектанты, желая уничтожить неблагоприятное для нихъ впечатлѣнiе отъ бесѣды, производятъ „печальные инциденты“, то и проповѣдь апостоловъ иногда вызвала возмущенiя (Дѣян. 19 гл.); враги апостоловъ называли ихъ „всесвѣтными возмутителями“ (Дѣян. 17, 6), что однако не вынуждало апостоловъ прекращать проповѣдь.

Главное возраженіе противъ публичныхъ бесѣдъ заключается въ томъ, что онѣ не достигаютъ своей цѣли, такъ какъ не даютъ массовыхъ обращеній. На это И. Г. Айвазовъ отвѣчаетъ, что трудно ожидать, чтобы сектанты тутъ же на бесѣдѣ сознались въ своемъ заблужденіи, тѣмъ болѣе, что перемѣна религіозныхъ убѣжденій большею частью совершается постепенно. Поэтому невозможно точно установить, какую долю вліянія нужно приписать именно публичнымъ бесѣдамъ въ случаяхъ возвращенія сектантовъ въ Православіе; а такого вліянія отрицать нельзя. Да и главная цѣль бесѣдъ заключается не въ томъ, чтобы сразу вызвать массовыя обращенія, а въ томъ, чтобы подорвать въ глазахъ слушателей, и православныхъ, и сектантовъ, авторитетъ сектантскихъ наставниковъ, показать истинность Православія и неправоту сектантства, дать образецъ православнымъ, какъ нужно защищать Православіе Словомъ Божиимъ, поднять въ нихъ колеблющійся духъ Православія и т. д.

Авторъ даетъ также рядъ совѣтовъ относительно предметовъ, мѣста, времени и вообще методики публичныхъ бесѣдъ съ сектантами. Изъ этихъ совѣтовъ, почерпнутыхъ авторомъ изъ собственной практики, между прочимъ, заслуживаетъ упоминанія указаніе на малую продуктивность такой постановки бесѣдъ, когда обѣ стороны произносятъ длинныя рѣчи. Отъ такихъ бесѣдъ у слушателей, особенно мало подготовленныхъ, часто остается лишь впечатлѣніе, что миссіонеръ много говоритъ, да и сектантъ не меньше. Лучше вести бесѣду путемъ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ и переходить къ слѣдующему положенію только тогда, когда предшествующее окончательно выяснено.

Война и монастыри.

Въ томъ же номерѣ „Голоса Церкви“ И. Правдолюбовъ отвергаетъ обвиненіе нѣкоторыми публицистами монастырей въ томъ, что послѣдніе будто бы безучастно относятся къ нуждамъ военнаго времени. Авторъ приводитъ свѣ-

дѣнія о дѣйствительныхъ жертвахъ монастырей, заимствованныя отчасти изъ письма, помѣщеннаго Антоніемъ, архіеп. Харьковскимъ, въ газетѣ „Южный Край“ по поводу такихъ обвиненій. (Замѣчательно, что газеты, нападавшія на монастыри, не захотѣли перепечатать этого письма!). Въ этомъ письмѣ указываются, главнымъ образомъ, жертвы монастырей Харьковской епархіи. Во многихъ изъ этихъ монастырей устроены лазареты; такъ, Святогорскій монастырь содержитъ лазаретъ на 60 кроватей, на что расходуетъ въ годъ около 21600 руб.—15% своего валового дохода. Монахи работаютъ на харьковскомъ вокзалѣ надъ переноской раненыхъ изъ вагоновъ на распредѣлительный пунктъ. Много іеромонаховъ пошло на войну въ качествѣ полковыхъ священниковъ (изъ нихъ нѣсколько убито), а послушниковъ—добровольцами. Монахини служатъ сестрами милосердія, а другія приготавливаютъ для воиновъ бѣлье и респираторы для защиты отъ душливыхъ газовъ. Не мало жертвуютъ монастыри и изъ своихъ запасовъ семействамъ призванныхъ на войну.

Не менѣе дѣлается для военныхъ нуждъ и въ монастыряхъ другихъ епархій. Кіево-Печерская лавра, напр., помѣстила въ своихъ гостинницахъ, которыя служатъ однимъ изъ главныхъ источниковъ ея доходовъ, около 300 раненыхъ. Почаевская лавра, по собственному почину, отдала въ пользу арміи половину всѣхъ своихъ запасовъ и половину изъ своихъ коровъ и лошадей. Троице-Сергіева лавра, кромѣ 300 раненыхъ, содержитъ въ своей страннопріимницѣ 1200 нѣжныхъ чиновъ, предоставила гостиницу и содержаніе бѣженцамъ, отдала свои мастерскія подѣ изготовленіе военныхъ снарядовъ, пожертвовала въ комитетъ Вел. Кн. Елизаветы Ѳеодоровны сто тысячъ рублей и на Красный Крестъ пятьдесятъ тысячъ, роздала воинамъ своихъ изданій на 1853 р. 65 к. и приготовила помѣщеніе для 50 увѣчныхъ воиновъ, гдѣ они будутъ жить на полномъ лаврскомъ содержаніи. Александро-Невская лавра, при 646 тысячахъ годового валового дохода, израсходовала на нужды войны 135 тысячъ,

содержа, между прочимъ, три лазарета, и устроила помещеніе для 50 инвалидовъ стоимостью свыше ста тысячъ рублей.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что православные монастыри жертвуютъ на военныя нужды, сравнительно съ своими доходами, не меньше, чѣмъ кто-либо другой, и ужъ, конечно, несравненно больше, чѣмъ обвиняющіе ихъ публицисты. Отсюда весьма правдоподобенъ дѣлаемый авторомъ разсматриваемой статьи выводъ, что большинство изъ подобныхъ обвиненій имѣютъ своею пѣлью не столько увеличить притокъ пожертвованій, сколько унизить и осмѣять православные монастыри, а вмѣстѣ съ ними и Православную Церковь и самую православную вѣру.

Н. Г.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Епархіальные сѣзды духовенства.

Въ „Пензенскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ находимъ довольно интересныя соображенія насчетъ характера, строя и функцій епархіальныхъ сѣздовъ духовенства. Соображенія эти высказаны въ небольшой статьѣ священникомъ о. Н. Быстровымъ, по поводу „проекта инструкціи для епархіальныхъ сѣздовъ Пензенской епархіи“. Инструкціи епархіальнымъ сѣздамъ въ общемъ одинаковы во всѣхъ епархіяхъ, и потому мысли о. Быстрова заслуживаютъ вниманія не въ одной лишь Пензенской епархіи.

Прежде всего авторъ находитъ ненормальнымъ, что инструкція предусматриваетъ лишь сѣзды *очередные*, не упоминая вовсе о сѣздахъ *экстренныхъ*, въ которыхъ можетъ случиться всегда неожиданная нужда, нужда при этомъ настоятельная, нетерпящая отлагательства до будущаго очереднаго сѣзда. Особенно это можетъ случиться въ настоящее время, когда Отечество переживаетъ великіе дни, когда жизнь бьетъ ключемъ и выдвигаетъ все новые и новые вопросы. Но инструкція какъ бы избѣгаетъ этихъ вопросовъ; она на первомъ мѣстѣ въ рубрикѣ занятій сѣзда ставитъ разсмо-

требіе нуждъ духовно-учебныхъ заведеній и разныхъ епархіальныхъ учрежденій, а вопросы пастырства, нужды церквей и паствы относить на второй планъ. Надо исправить эту ошибку, ибо, говоритъ авторъ, „духовенство и безъ того часто обвиняють въ томъ, что оно на своихъ сѣздахъ отлично щелкаетъ на счетахъ и очень мало говоритъ о своихъ непосредственныхъ обязанностяхъ по отношенію къ паствѣ“. Неудовлетворительно, по мнѣнію о. Быстрова, поставленъ въ инструкціи и вопросъ о составѣ сѣзда, рѣшающійся просто и категорически: сѣздъ состоитъ изъ депутатовъ и уполномоченныхъ отъ церковныхъ старостъ. Что же, остальное духовенство лишается права даже и присутствовать на сѣздѣ? Но это идетъ въ разрѣзъ, во-первыхъ, съ указомъ Св. Синода (кажется 1899 г.), разъясняющимъ, что въ занятіяхъ сѣзда могутъ участвовать съ правомъ совѣщательнаго голоса всѣ наличные священники. Во-вторыхъ, такое ограниченіе состава сѣзда едва ли полезно для интересовъ епархіи, тѣмъ болѣе, что далеко не всѣ части епархіи равномерно и одинаково бываютъ представлены на сѣздѣ; изъ каждаго округа посылается одинъ депутатъ, но въдѣлываются округа въ 50 церквей и, слѣдовательно, 50 причтовъ, и округа только въ 10 церквей. Наконецъ, ненормальнымъ является и тотъ выборный порядокъ, который священнику предоставляетъ три голоса, діакону два, а псаломщику только одинъ. Надо, говоритъ о. Быстровъ, уравниять всѣхъ членовъ причта въ правѣ голосованія, хотя бы потому, что діаконы и псаломщики наиболѣе могутъ способствовать безпристрастному избранію депутата.

Къ сужденіямъ о. Быстрова едва ли нужно что добавлять: ихъ справедливость слишкомъ бьетъ въ глаза, и указанные дефекты инструкціи нуждаются въ исправленіи. Особенно выдѣляется среди этихъ несообразностей $\frac{1}{4}$ голоса псаломщика. Послѣдній крестьянинъ—хлѣборобъ имѣетъ право на отдѣльный голосъ при выборахъ въ *Государственную Думу*, а этотъ забытый всѣми церковнослужитель распола-

таетъ лишь $\frac{1}{4}$ голоса при выборахъ всего лишь депутата въ Епархіальный Съездъ.

Ничто о епархіальной типографіи и епархіальной газетѣ.

„Воронежскія епарх. Вѣдомости“ подымаютъ вопросъ объ учрежденіи епархіальной типографіи и основаніи епархіальной газеты. Вопросъ этотъ имѣетъ, конечно, значеніе не для одной лишь Воронежской епархіи, а потому считаемъ не лишнимъ отмѣтить его и на страницахъ нашего органа.

Духовно—учебныя заведенія и разныя епархіальныя учрежденія не мало ежегодно затрачиваютъ средствъ на печатаніе разныхъ бланковъ, журналовъ и проч. и обогащаютъ такимъ путемъ частныя типографіи. Каждая епархіа при томъ же имѣетъ собственный печатный органъ, который печатается опять таки въ частной типографіи. За нѣсколько лѣтъ епархіа уплачиваетъ столько денегъ за печатаніе всего ей необходимаго, что на эти средства смѣло можно было бы оборудовать собственную типографію. Имѣя же таковую, можно сразнительно легко и основать собственную епархіальную газету, которая нужна для духовенства, чтобы объединить его, чтобы дать возможность ему проводить свободно въ жизни свои взгляды, идеи, обмѣняться мыслями, опытомъ, наблюденіями; чтобы, наконецъ, освѣдомить общество о культурно—просвѣтительной дѣятельности духовенства и особенно о роли и трудахъ его въ настоящее время, среди текущихъ событій. Болѣе всего, по мнѣнію, Воронежскихъ епарх. Вѣдомостей, важна послѣдняя цѣль. „Не пора ли, вопрошаетъ этотъ органъ, мобилизовать силы для самозащиты?“ Столичная и провинціальная пресса отводитъ свой столбецъ только статьямъ, направленнымъ противъ духовенства; насъ вышучиваютъ, говорятъ и пишутъ только объ отрицательныхъ явленіяхъ. Все хорошее и свѣтлое проходятъ молчаніемъ.“ Органъ увѣренъ, что затраченныя на газету деньги принесутъ „сторицею проценты.“

Таковы мысли „Воронежскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей“ насчетъ типографіи и газеты. Къ сожалѣнію, „Вѣдомости“ не даютъ намъ точныхъ данныхъ, за сколько лѣтъ типографія, такъ сказать, выкупила бы себя; сколько ежегодно епархія уплачиваетъ на печатаніе всего ей необходимаго; сколько стоило бы сразу обарудованіе типографіи. Этого всего мы не находимъ въ цитируемой статьѣ, а безъ данныхъ, безъ болѣе или менѣе точныхъ математическихъ выкладокъ, о пользѣ собственной типографіи можно говорить лишь проблематично, при всемъ интересѣ самаго вопроса. Тутъ можно много спорить, соглашаться съ мыслями этого органа и отвергать ихъ, пока точныя математическія данныя не рѣшатъ вопроса въ ту или другую сторону. Но зато сразу видно, что изданіе епархіальной газеты—дѣло не возможное. Ее неминуемо постигъ бы-проваль, просто вслѣдствіе матеріальныхъ затрудненій. Вѣдь сдѣлать подписку на эту газету обязательной было бы нельзя, потому что, во—первыхъ, это не официальный органъ, а во-вторыхъ, наши причты и храмы и безъ того уже обременены обязательной подпиской на „Церковныя“, „Епархіальныя“ вѣдомости. Вольныхъ же подписчиковъ едва ли могло бы оваааться достаточно для существованія газеты, тѣмъ болѣе, что за предѣлами своей епархія она врядъ ли имѣла бы ходъ. А между тѣмъ газетѣ понадобились бы громадныя средства хотя бы для того, чтобы обзавестись хорошими видными сотрудниками, заявившими уже себя въ печати и пользующимися въ обществѣ заслуженнымъ авторитетомъ. Не пытаются же, въ самомъ дѣлѣ, газетѣ перепечатками и вчерашними новостями, всѣмъ и каждому уже извѣстными. Вѣдь газету нужно сдѣлать интересной, живой и свѣжей, и тогда она будетъ съ охотой и читаться. Но если бы паче чаянія, епархіальная газета и могла бы себя обезпечить достаточнымъ числомъ подписчиковъ, то остается подъ большимъ вопросомъ: имѣла ли бы она возможность служить цѣлямъ самозащиты духовенства и освѣдомленія общества о культурно—просвѣтитель-

ной роли духовенства? Читали ли бы ее свѣтскіе люди, а особенно тѣ, кто считаетъ для себя пріятнымъ удовольствіемъ бросать грязью въ сторону духовенства? Нужна не *епархіальная* газета, а неофициальная общерусская церковная газета, какъ органъ и выразитель мыслей вообще русскаго духовенства. Такой органъ могъ бы рассчитывать на достаточное число подписчиковъ и, какъ выразитель мыслей цѣлаго служилаго сословія, несомнѣнно, создалъ бы себя извѣстность и среди свѣтской прессы и свѣтскаго общества. *Б.*

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1916 подписномъ году.

Въ 1916 году журналъ нашъ вступаетъ въ 57 годъ своего изданія. И въ этомъ году онъ будетъ руководиться своей всегдашней цѣлью—содѣйствовать православному духовенству въ разныхъ областяхъ его многотрудной пастырской дѣятельности.

Въ 1915 году наши подписчики получаютъ:

52 еженедѣльныхъ номера журнала, содержащихъ а) статьи по вопросамъ пастырской дѣятельности и приходской жизни; б) статьи по исторіи Церкви, апологетицѣ, обличенію сектантства, исторіи и изъясненію богослуженія и другимъ богословскимъ наукамъ; в) сообщенія о военныхъ событіяхъ и о дѣятельности духовенства на войнѣ; г) обзоръ церковно-общественной жизни; д) обзоръ епархіальной жизни по *Епархіальнымъ Вѣдомостямъ*; е) обзоръ периодической печати (главнымъ образомъ, духовной); ж) общепользныя свѣдѣнія по медицинѣ, сельскому хозяйству, садоводству. Въ 1916 году будетъ продолжаться печатаніе „БЕСѢДЪ ПО ПЧЕЛОВОДСТВУ“ (практическая часть). з) *Отвѣты на вопросы подписчикамъ*.—Въ виду невозможности своевременно предвидѣть всѣ возникающіе на мѣстахъ запросы, Редакція проситъ подписчиковъ дѣлиться съ нею своими наблюденіями, недоумѣніями и т. п.

12 книжекъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни. Наряду съ оригинальными проповѣдями будутъ помѣ-

щаться лучшіе печатные образцы проповѣдничества. Проповѣди высылаются раньше того времени, на которое онѣ назначаются для произнесенія.

12 выпусковъ „Вогословскаго Библиографическаго листа“.—Указаніе текущей церковно-богословской литературы и отзывы о ней.

Безплатное нотное приложеніе.

Кромѣ того: подписчикамъ дѣлается уступка при выпискѣ отъ редакціи „ТОЛКОВАГО ТИПИКОНА“: вып. 1-й за 2 р. вмѣсто 2 р. 50 к., вып. 2-й за 1 руб. 50 коп. вмѣсто 1 руб. 75 коп., вып. 3-й за 60 яоп., вмѣсто 75 коп., съ пересылкой.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи *шесть рублей*, за границу *8 руб.* Допускается разсрочка.

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать *25 к.*; можно марками.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Въ Редакціи имѣются для продажи экземпляры журнала и „Проповѣди“ за прежніе годы по удешевленной цѣнѣ.

И М Е Н Н О :

I) Полные экземпляры журнала за 1888, 1889, 1891, 1894 и 1895 годы съ приложеніями—по 3 руб. за 1892, 1896, 1897 и 1898 годы съ приложеніями по 4 руб.; за 1879, 1880, 1881; 1882, 1883, 1899, 1900, 1902, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913 и 1914 годы съ приложеніями—по 5 руб.

II) Приложенія къ журналу—„Проповѣди“ 1888, 1889, 1890, 1891, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 гг.—по 1 руб. 50 коп.; 1886, 1892, 1899, 1900, 1901, 1902, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913 и 1914 годы—по 2 руб. за каждый отд. вып.

III) Слѣдующія отдѣльныя изданія:

1) Избранныя слова и бесѣды высокопреосв. Платона, митр. Кіевскаго и Галицкаго; говоренныя въ равныя годы на дни воскр. и пр. Ц. 1 р. 20 к.

2) Сборникъ поученій по случаю неурожая. Цѣна 1 руб.

3) Катихизическія бесѣды къ сельскимъ прихожанамъ, или весь Православный Катихизисъ въ бесѣдахъ. Свящ. *І. Скарданшичко*. Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное. Цѣна 1 руб.

4) Краткая исторія и обличеніе новыхъ раціоналистическихъ сектъ. *Н. Гумилевскаго*. Ц. 1 р. 20 к.

5) Практическіе совѣты священникамъ при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно-и церковнослужителей. Ц. 60 к.

6) Практическія наставленія митрополита Григорія пастырямъ по предмету спасительнаго дѣйствія на раскольниковъ. Ц. 60 к.

7) Торжествуй, наша обитель. Гимнъ для хора при встрѣчѣ преосвященныхъ. Партитура и слова. Ц. для 2-хъ теноровъ и 2-хъ басовъ 75 коп., для 4-хъ женскихъ голосовъ. Ц. 60 к.

8) Руководство къ изяснительному чтенію Четвероевангелія и Дѣяній Апостольскихъ. Составилъ *А. Ивановъ*. Цѣна 2 руб.

9) О церковномъ пѣніи Православной Греко-Россійской Церкви. *И. В. Вознесенскаго*. Цѣна 1 руб. 50 коп.

10) Толковое Евангеліе отъ Іоанна. *Евфимія Зигабена*. Цѣна 1 руб. 50 к.

11) Толкованіе для пастырей пастырскихъ посланій ап. Павла къ Тимошею и Титу. Цѣна 1 руб.

12) Пастырскія посланія ап. Павла въ толкованіи *Икуменія*. Переводъ съ греческаго. Цѣна 50 коп.

13) Поученія, рѣчи. Арх. Іоанникія. Ц. 1 р. 50 к.

14) Изъ бесѣдъ о проповѣди американскаго проповѣдника Филиппа Брунка. Съ французскаго. Пересказъ *В. Г. Петрушевскаго*. Кіевъ, 1898 г. Цѣна 85 к.

15) Сборникъ главнѣйшихъ пѣснопѣній Божественной литургіи Кіевскаго распѣва. Перел. на три голоса *В. Г. Петрушевскаго*. Цѣна 60 к.

16) Главнѣйшія пѣснопѣнія Всенощнаго бдѣнія Кіевскаго распѣва въ общедоступномъ переложеніи на три голоса. *В. Г. Петрушевскій*. Ц. 60 к.

17) Сборникъ духовно-музыкальныхъ произведеній. Состав. *В. Г. Петрушевскій*. Цѣна 75 к.

18) Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики. Вып. I. Службы круга суточного, седмичнаго и годичнаго. Ц. 75 к.

- 19) Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики. Вып. II. Чинопослѣдованія по требнику. Ц. 75 к.
- 20) Божественная литургія св. Іоанна Златоуста (параллельно славянскій и русскій текстъ церковн. молитвослов. и пѣсноп. съ общедост. объяснен.). Цѣна 75 коп.
- 21) Церовныя пѣснѣидля Вып. I. хорового исполненія. Вып. Ц. 70 коп.
- 22) Церковныя пѣснопѣнія для хорового исполненія. Вып. II. Ц. 80 к.
- 23) Указатель къ ж. „Руковод. для с. п.“ съ 1860—1869 г. Ц. 30 к.
- 24) Проф. *Θ. И. Титовъ*. Русская Православная Церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв. т. II. Цѣна 3 р.
- 25) *Н. Маккавейскій*. Педагогика древнихъ Отцовъ и Учиелей Церкви. Ц. 50 к.
- 26) Откуда пошла Русская Земля, и какъ она стала православною. Ц. 15 коп.
- 27) Толковый Типиконъ. Вып. I-й. Ц. 2 р. 50 к. Вып. II-й. Цѣна 1 руб. 75 к.
- 28) Избранныя Духовно-музыкальныя сочиненія А. Л. Вдьяле. вып. I и II. Ц. 1 р. 50 коп.
- 28) Избранныя богословскія сочиненія. А. С. Хомякова. Ц. 1 р.
- 30) Д-ръ *Е. Деннертъ*. Умеръ ли Богъ? Пер. съ нѣм. *Ф. А. Гильберта*, подъ ред. свящ. *Ал. Введенскаго*. Ц. 1 р.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 7-го ноября 1915 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерин. 6

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣ-
отъ ПЯТЬ руб., съ пересылкою
ШЕСТЬ рублей.

№№ 48-49

Подписка принимается въ ре-
дакціи журнала, при Кіевои
духовной Семинаріи.

1915-го года 22-29-го ноября.

Содержаніе: I. † Митрополитъ Флавіанъ В. Садовничій.—II. Высокопре-
освященнѣйшій Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій. С. П.
П—овъ.—III. Война и православное духовенство. Кир, Тихоми-
ровъ.—IV. Во дни войны. Прот. І. Восторговъ.—V. Письма къ па-
стырямъ Уфимской епархіи. Е. Андрей.—VI. Запѣтки о ц.-обще-
ственной жизни. Свящ. Пл. Петровъ.—VII. Весѣды по пчеловод-
ству (продолженіе). Діаконъ Лисянскій.

Митрополитъ Флавіанъ.

Въ девятомъ часу вечера 4-го ноября, благословивъ
последнимъ прощальнымъ благословеніемъ свою паству на
землѣ, съ молитвою на устахъ мирно отошелъ ко Господу
Первосвятитель Кіевскій, Митрополитъ Флавіанъ.

Глубокою и неподдѣльною скорбію Кіевская церковь от-
вѣтила на эту печальную вѣсть, и скорбь эту, безъ сомнѣ-

нія, раздѣлить съ нею вся Православная Русь. Многолѣтняя и плодотворная дѣятельность Владыки, протекавшая въ разныхъ мѣстахъ Россіи и даже за предѣлами ея, снискала ему всеобщую искреннюю любовь и уваженіе. Изъ далекаго языческаго Китая, гдѣ онъ началъ свое скромное апостольское служеніе, съ окатоличенныхъ окраинъ нашего запада, гдѣ онъ ревностно боролся за св. Православіе, изъ многолѣтнихъ храмовъ сѣдой, но вѣчно-прекрасной Грузіи, сквозь холодные туманы нашего Петроградскаго сѣвера и изъ сердца матери русскихъ городовъ—благословеннаго Кіева несется къ престолу Божию единая, великая, народная молитва о почившемъ любимомъ свитителѣ, о „пастырѣ добромъ“, который зналъ своихъ овецъ, *глашалъ ихъ по имени*, и овцы любили его и слѣдовали за нимъ, такъ какъ вѣрили голосу его!

Къ стѣнамъ священной обители преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ въ серьезномъ молчаніи и съ благоговѣніемъ идутъ толпы народа. Осиротѣвшая Кіевская паства православная прощается со своимъ Архипастыремъ, стремится въ послѣдній разъ взглянуть на него, „послѣднимъ цѣлованіемъ“ и земнымъ поклономъ выразить ему свою любовь и преданность.

Медленно, въ полъ-голоса, какъ бы боясь нарушить мирный сонъ спящаго, читаетъ іеромонахъ Св. Евангеліе. Незабвенныя и святыя слова Спасителя нашего Иисуса Христа, раздающіяся надъ гробомъ вѣрнаго ученика Его, звучать особенно торжественно и властно; они захватываютъ душу, и мысль невольно уносится въ древнюю Палестину, гдѣ „Учитель изъ Назарета“, окруженный толпою народа, покорялъ сердца слушателей Своею Божественною любовію къ нимъ. И рядомъ съ этимъ невольно всплываютъ въ памяти другія, подобныя картины; вспоминаются далекіе дѣтскіе годы. Вотъ, за Варшавой, на станціи уѣзднаго города собралась небольшая мѣстная православная паства встрѣчать своего Архипастыря. Подошелъ поѣздъ. Съ привѣтливой улыбкой выхо-

дить изъ вагона тогда еще архіепископъ Флавіанъ. Всѣ на-перерывъ спѣшати получить отъ него благословеніе, кругомъ тѣснятъ его, а онъ, ласковый и величественный, просто бесѣдуетъ со всѣми, вспоминаетъ имена и фамиліи тѣхъ, кого раньше хоть разъ встрѣчалъ гдѣ либо, спрашиваетъ о жизни среди иновѣрцевъ, даетъ совѣты и наставленія. И все это дѣлается по—отечески, безъ всякой официальнойщины. Эти нѣсколько часовъ, проведенныхъ съ Владыкой, служили потомъ надолго источникомъ духовнаго утѣшенія и бодрости для заброшенной въ чуждую по вѣрѣ и національности страну небольшой горсточки православныхъ. Но любили и цѣнили его въ Польшѣ не только православные. Нерѣдко, когда онъ проѣзжалъ по улицамъ Варшавы, ему кланялись и католики, и другіе иновѣрцы. Это „свидѣтельство отъ внѣшнихъ“ краснорѣчиво говоритъ о величіи души покойнаго Владыки.

Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы (Ин. 15, 12), читаетъ священнослужитель слова Спасителя. Мечты о прошломъ прерываются, взглядъ падаетъ на неподвижно сложенные руки и знакомую фигуру Святителя въ полномъ облаченіи. Сколько разъ, бывало, тогда, во дни нашей школьной молодости, этотъ знакомый обликъ такъ могуче дѣйствовалъ на юныя души и влекъ ихъ къ небу, заставляя ихъ переживать тѣ восторженные минуты, которыя рѣдко выпадаютъ на долю смертнаго. Искренность, сила его молитвы и красота его души невольно дѣйствовали на тѣхъ, кто молился вмѣстѣ съ нимъ во время его служеній. Всплываетъ въ памяти тотъ день, когда Владыка Флавіанъ, уже будучи митрополитомъ, пріѣхалъ въ г. Холмъ на торжество открытія самостоятельной Холмской епархіи. Народъ холмскій, собравшійся въ количествѣ многихъ тысячъ на 8 сентября въ Холмъ и помнившій Владыку еще своимъ епископомъ, съ восторгомъ встрѣтилъ его. Громадный соборъ съ прилежавшей къ нему площадью и склоны горы были переполнены народомъ. Когда Владыка вышелъ на амвонъ, обращаясь съ словомъ къ присутствующимъ, въ

соборѣ воцарилась мертвая тишина. Его величественный патріархальный обликъ, звонкій голосъ, а самое главное—сила внутренней любви къ народу, которому онъ посвятилъ много лучшихъ лѣтъ жизни, все это неотразимо дѣйствовало на слушателей и говорило имъ, что они не ошиблись въ своемъ Архипастырѣ, въ своемъ уваженіи къ нему. Какимъ счастьемъ сіяло его лицо во время Божественной службы, когда онъ видѣлъ преданность собравшихся многихъ тысячъ народа св. Православію и чувствовалъ къ тому же свою близкую духовную связь съ этимъ народомъ!

Торжественно и пророчески звучать надъ гробомъ слова св. Евангелія: *Вы печаль имате убо нынѣ, но Азъ' паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ* (Ин. 16, 22). Да, печалью окутаны нынѣ сердца знавшихъ Владыку Флавіана, и эта печаль не позволяетъ хладнокровно говорить о немъ, производить объективную оцѣнку его жизни и дѣятельности, приводить даты, перечислять событія и факты. Это задача будущаго, когда сознание свыкнется съ мыслию объ его уходѣ отъ насъ въ горняя. Теперь еще слишкомъ живо стоитъ онъ предъ нашими глазами во всей своей духовной красотѣ и обаятельности. Въ памяти воскресаютъ лишь одинъ за другимъ отдѣльные отрывки прошлаго, гдѣ яркой звѣздой привѣтливо сіяетъ незабвенный образъ Владыки Флавіана на фонѣ сѣрой и неприглядной обыденщины.

Года два тому назадъ, во время Святокъ, въ Петроградъ, чрезъ Москву, отправилась экскурсія воспитанниковъ Кіевской духовной семинаріи въ количествѣ 18 человекъ. Въ Петроградъ, конечно, прежде всего пошли мы навѣстить своего Архипастыря, Митрополита Флавіана. Съ очеческою любовію, радушно принялъ онъ воспитанниковъ и не отпустилъ ихъ отъ себя до поздняго вечера. Просто и непринужденно бесѣдовалъ со всѣми, улыбкой своей ободрялъ стѣснявшихся, водилъ по комнатамъ, показывая свое помѣщеніе; подходилъ къ ученикамъ, разсматривавшимъ альбомы,

и подолгу разъяснялъ и знакомилъ ихъ съ картинами и портретами. За столомъ заботливо угощаль и лично распоряжался. Къ концу вечера воспитанники чувствовали себя въ домѣ любимаго Владыки, какъ въ домѣ близкаго, родного человѣка. Повидимому, онъ не испытываль усталости. Прощаясь съ семинаристами, онъ вышелъ въ вестибюль проводить ихъ, благославлялъ и напутствовалъ пожеланіями благополучно возвратиться въ родной Кіевъ. Участники экскурсіи никогда не забудутъ этого дня, не забудутъ сіяшаго кроткою любовію и ласковаго лица своего Первосвятителя. Да, въ немъ было что-то притягательное, что влекло къ нему! Начиная отъ Православнаго Русскаго Царя и кончая бездомнымъ странникомъ, всѣ чувствовали къ нему глубокое уваженіе и сыновне любили этого старца—патріарха. Были, есть и будутъ на землѣ люди достойные, великіе и славные, но почти всѣ они имѣютъ наряду съ толпами почитателей и враговъ. Владыка Флавіанъ былъ человѣкомъ другого рода: у него не было враговъ, предъ нимъ всѣ почтительно склоняли свои головы. Это былъ святитель, воплотившій и отобразившій въ своей жизни идеалы, завѣты и жизнь великаго апостола любви—св. Іоанна Богослова.

Въ годину тяжелыхъ испытаній и кровавыхъ потрясеній угодно было Господу отнять у Русской Церкви одного изъ лучшихъ ея Пастырей на землѣ. За время своего многолѣтняго служенія Церкви Христовой онъ многое сдѣлаль, много перенесъ и перестрадалъ, но никогда не жаловался на усталость и невзгоды и въ особенно тяжелыя минуты лишь повторялъ: „Да будетъ воля Божія!“ Эту глубокую вѣру въ Бога и въ спасительную благодать Божию онъ не только лично носилъ въ своемъ сердцѣ, но и умѣль зарождать ее въ сердцахъ всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, которые искали у него утѣшенія. И нынѣ, когда землю окутала скорбь велия, какова не была отъ начала міра (Мѡ.24, 21), когда человѣчество своимъ безумствомъ и неправдами навлекло на себя страшную кровавую грозу, разлука съ Пасты-

ремь—утѣшителемъ, съ „земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ,“ кажется особенно тяжелою и ощутительною. По человѣческому разумѣнію, онъ могъ бы еще долго послужить благу св. Церкви и русскаго народа, но Господь судилъ иначе. Первосвятитель нашъ, *благоугоденъ Богови бывъ, возлюбленъ бысть, и живый посредъ грѣшныхъ преставленъ бысть: угодна бо бѣ Господеви душа его, сего ради потщася отъ среды лукавствія* (Пр. Сол. 4, 10, 11, 14). Должно быть, мы оказались недостойными имѣть его въ своей средѣ, и потому Господь взялъ его отъ земли въ небесная, гдѣ онъ получить возможность отдохнуть послѣ многихъ лѣтъ тяжелаго труда на нивѣ Христовой, ибо *праведникъ, аще постигнетъ скончатися, въ покои будетъ* (Пр. Сол. 4, 7). И мы свято вѣримъ, что славно превознесенный надъ землею пучиною горя печали и слезъ, онъ предъ престоломъ Божиимъ не забудетъ духовныхъ чадъ своихъ и любовію своего молитвенно покроетъ и облегчитъ грѣховную тяжесть хотя и православной, но такъ часто и больно оскорбляющей своего Небеснаго Отца многострадальной Руси.

В. Садовничій.

Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

(Некрологъ).

Дни скорби, какіе переживаетъ наша дорогая Родина и наша православная русская Церковь, омрачились еще новой скорбью, вызванной смертью Кіевского архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана.

Нѣтъ уже въ живыхъ великаго святителя земли русской. Невозвратимая потеря рѣдкаго святителя, добраго, любящаго и любимаго, это потеря не для одной только Кіевской митрополіи, но и для всей Русской Церкви. Но вѣримъ, что почившій святитель „по своемъ отшествіи“ будетъ имѣть

дерзновеніе предъ престоломъ Божиимъ, будетъ сильнымъ и усерднымъ молитвенникомъ за нашу Родину и святую нашу Церковь. За это говоритъ вся жизнь почившаго отъ дней его юности до дня и часа его смерти, та жизнь, которая во многомъ и очень многомъ напоминаетъ намъ житія святыхъ.

Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ родился въ г. Орлѣ въ 1840 году и въ святомъ крещеніи названъ Николаемъ. Онъ потомокъ старой дворянской фамиліи Городецкихъ, фамиліи, давшей Россіи не мало славныхъ дѣятелей, какъ на военномъ, такъ и на другихъ поприщахъ. Отецъ его служилъ въ гусарахъ, былъ женатъ на дочери Орловскаго помѣщика Пушкарева и затѣмъ, по выходѣ въ отставку, поселился въ Орловской губерніи. Оставшись круглымъ сиротою на 7 году послѣ смерти отца и на 12 г. по кончинѣ матери, Николай Николаевичъ Городецкій воспитывался въ домѣ тетки, мужъ которой внесъ своего племянника въ дворянскія книги Орловской губерніи. Получивъ прекрасную домашнюю подготовку, Николай Николаевичъ поступилъ въ 1853 году прямо въ 4 классъ Орловской гимназіи. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе своими способностями, трудолюбіемъ, прекраснымъ поведеніемъ и въ особенности своею религіозностью. Окончивъ съ отличіемъ курсъ гимназіи, Н. Н. поступилъ затѣмъ въ Императорскій Московскій университетъ на юридическій факультетъ. Въ университетѣ, точно такъ же, какъ и въ гимназіи, Н. Н. заявилъ себя талантливымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ съ жаромъ принялся за изученіе наукъ избраннаго имъ факультета, съ искреннею любовью слушалъ лекціи профессоровъ и въ то же время съ искреннею вѣрою, смиреніемъ и глубокимъ чувствомъ исполнялъ всѣ христіанскія обязанности. Религіозная настроенность, особенно же возвышенное стремленіе къ возможному осуществленію чистаго идеала христіанской жизни, побуждали Н. Н. еще въ студенчествѣ, при мысли о своей будущности, отдать преимущество иночеству предъ мірской жизнью. На четвертомъ курсѣ университета совершился въ Н. Н. окончатель-

ный поворотъ въ сторону подвижничества, поста и молитвы. Наканунѣ блестящаго окончанія высшаго образованія, въ самомъ распвѣтѣ силъ, тѣлесныхъ и духовныхъ, словомъ, владея всѣмъ тѣмъ, что, казалось, давало юному Н. Н. полную возможность надѣяться на спокойную и счастливую жизнь, онъ не мечтаетъ о радостяхъ и удовольствіяхъ этого міра, а во имя вѣчныхъ идеаловъ и чистыхъ стремленій духа, ради непреходящихъ сокровищъ небесныхъ, отрекается отъ этого міра; вдохновляемый ревностью о высшемъ подвигѣ благочестія, онъ рѣшается принять на себя чинъ монашескій съ его трудными для силъ человѣка обѣтами. Мѣстомъ первоначальныхъ подвиговъ иноческихъ Н. Н. Городецкій избираетъ Николаевскій Пѣсношскій монастырь, Московской епархіи. Въ этомъ монастырѣ, отличающемся строгимъ уставомъ и суровою жизнью, Н. Н., несмотря на свое благородное происхожденіе, находился въ качествѣ простого послушника, несъ самыя суровыя иноческія послушанія, включительно до подметанія половъ и вымѣшиванія просфорнаго теста. Въ 1862 году Н. Н. Городецкій перевелся въ Московскій Симоновъ монастырь, но оставался здѣсь недолго, и, ища жизни болѣе суровой, онъ въ томъ же году перешелъ въ знаменитую Оптину пустынь. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ этой пустынѣ въ строгихъ подвигахъ, молодой инокъ Н. Н. въ 1863 году, по приглашенію настоятеля Московскаго Симонова монастыря архимандрита Порфирія (Попова), поступилъ вторично въ Симоновъ монастырь. Здѣсь онъ также, въ продолженіе трехъ лѣтъ, послѣдовательно проходилъ первоначальныя иноческія послушанія, начавъ съ должности церковника—пономаря, и съ этого времени до конца дней своихъ онъ сохранилъ особую любовь къ церковной утвари и облаченіямъ: ни одинъ пономарь не умѣлъ такъ аккуратно и такъ искусно сложить облаченія, какъ складывалъ ихъ почившій владыка. Въ 1864 году юный послушникъ Н. Н. былъ облаченъ въ рясофоръ и посвященъ Преосвященнымъ Леонидомъ, епископомъ Дмитровскимъ, въ

стихарь. Въ томъ же году Н. Н.—чу, какъ человѣку образованному, поручено было преподаваніе закона Божія въ только что открытомъ тогда первомъ исправительномъ пріютѣ—имени Рукавишникова—для малолѣтнихъ преступниковъ. Примѣрное исполненіе обязанностей, а равно и личные достоинства Н. Н. были причиною того, что архимандритъ Порфирій и его замѣститель, архимандритъ Гурій (Карповъ), бывшій передъ тѣмъ нѣкоторое время начальникомъ русской духовной миссіи въ Китаѣ, искренно полюбили его и относились къ нему съ особеннымъ довѣріемъ.

Съ 1866 года начинается новый періодъ въ жизни и дѣятельности инокъ Николая. Въ это время архимандритъ Гурій былъ назначенъ настоятелемъ русской посольской церкви въ Римѣ. Въ качествѣ частнаго секретаря поступилъ къ нему Н. Н. Тогда же, предъ отъѣздомъ въ Римъ, по особому ходатайству архимандрита Гурія предъ Св. Синодомъ, Н. Н., какъ достойнымъ образомъ приготовившій себя къ принятію иноческаго сана, былъ постриженъ 17 февраля 1866 г. въ монашество съ именемъ Флавіана, и 18 фев. рукоположенъ Митрополитомъ Исидоромъ въ санъ іеродіакона. Черезъ полтора мѣсяца своего служенія въ Римѣ, архимандритъ Гурій былъ вызванъ въ Россію и хиротонисанъ во епископа Чебоксарскаго, викарія Казанской епархіи. Преосвященный Гурій предложилъ отправиться съ нимъ въ Казань и іеродіакону Флавіану и, по пріѣздѣ въ Казань, опредѣлилъ его въ число братіи Казанскаго Спасскаго монастыря. 9 апрѣля т. г. іеродіаконъ Флавіанъ былъ рукоположенъ Преосвященнымъ Гуріемъ въ санъ іеромонаха. Затѣмъ, въ 1868 году, съ переходомъ Преосвященнаго Гурія на кафедру Симферопольскую, іеромонахъ Флавіанъ, по желанію владыки, былъ перемѣщенъ въ число братіи Таврическаго архіерейскаго дома, гдѣ исполнялъ обязанности сначала духовника, затѣмъ эконома. Между тѣмъ Господь готовилъ его на новое широкое и трудное поприще.

Въ 1873 году 6 іюня іеромонахъ Флавіанъ былъ назначенъ членомъ Пекинскій духовной миссіи. При назначе-

ніи на эту должность имѣли въ виду главнымъ образомъ даръ учительства о. Флавіана, его способность «наставлять въ здоровомъ ученіи», его энергію, знаніе иностранныхъ языковъ и беззавѣтную преданность православной Церкви и отечеству. Дѣятельность о. Флавіана въ Китаѣ была весьма плодотворна и смѣло можетъ быть названа дѣятельностью апостольской. Со всею ревностью предался онъ, по прибытіи въ Пекинъ, изученію Китайскаго языка. Довольно скоро онъ овладѣлъ основательно не только устною, но и письменной Китайской рѣчью. Послѣ этого онъ принялъ на себя, по порученію начальника миссіи, тяжелый трудъ перевода на Китайскій языкъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, исполняя въ то же время обязанности священнослужителя при миссіи. Не мало было составлено имъ и самостоятельныхъ сочиненій, цѣнныхъ по содержанію, полезныхъ въ дѣлѣ просвѣщенія и имѣющихъ благотворное значеніе для китайцевъ-христіанъ ¹⁾. Заслуживъ похвалы отъ высшаго начальства за свои труды по миссіи, іеромонахъ Флавіанъ въ 1879 году почтенъ былъ новымъ высокимъ назначеніемъ на должность начальника Пекинской духовной миссіи, съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита, а черезъ пять лѣтъ, т. е. въ 1884 году онъ былъ вызванъ на чреду священнослуженія и проповѣданія Слова Божія. Въ началѣ слѣдующаго года, 1885-го, состоялось назначеніе архимандрита Флавіана на кафедру Аксайскаго епископа, викарія Новочеркасской епархіи. Въ томъ же году 29 іюня послѣдовало Высочайшее соизволеніе на перемѣщеніе Преосвященнаго Флавіана на кафедру епископа Люблинскаго, викарія

---

¹⁾ Важнѣйшими памятниками литературныхъ трудовъ владыки Флавіана на Китайскомъ яз. являются слѣдующіе: Толкованіе на Четвероевангеліе; Объясненіе правосл. богослуженія; Краткія правила, какъ долженъ вести себя христіанинъ; Изложеніе литургіи для мірянъ; Указаніе пути въ царство Небесное, м. Москов. Иннокентія; Краткое изложеніе правосл. вѣры, свящ. Волобцева; Милитвословъ; Псалтирь; Часословъ, Октоихъ и нѣсколько отд. службъ. Первые четыре работы составлены самимъ владыкой Флавіаномъ.

Холмско-Варшавской епархіи. Здѣсь Преосвященный Флавіанъ былъ потомъ самостоятельнымъ архіереемъ, сначала въ санѣ епископа, а потомъ архіепископа.

Въ 1898 году 21 фев. послѣдовало назначеніе Владыки Флавіана архіепископомъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ съ званіемъ члена Св. Синода и экзарха Грузіи. Понесенные владыкой многочисленные труды на Холмско-Варшавской и Грузинской епархіяхъ, обширныхъ по своимъ размѣрамъ и требующихъ чрезвычайно напряженной дѣятельности, ослабили его силы и сдѣлали необходимымъ, хотя на время, переходъ его на епархію меньшую по своимъ размѣрамъ, сравнительно съ указанными. Съ кончиной приснопамятнаго святителя Амвросія, Высокопреосвященный Флавіанъ лично и добровольно изъявилъ готовность принять въ свое управленіе Харьковскую епархію. Желаніе его было исполнено Св. Синодомъ, и 10 ноября 1901 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи Высокопреосвященнаго Флавіана архіепископомъ Харьковскимъ съ оставленіемъ въ званіи члена Св. Синода. Но не долго владыка Флавіанъ оставался на Харьковской кафедрѣ. Въ 1903 году 1 фев. послѣдовало Высочайшее назначеніе его Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ.

Своими трудами на пользу Церкви, своею отзывчивостью на все доброе, своею доступностью, своимъ глубокимъ знаніемъ нуждъ паствы, своею опытностью и «умѣніемъ выслушивать тросителя», Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ снискалъ себѣ всеобщее уваженіе, любовь и почитаніе.

Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Флавіанъ получилъ всѣ награды, какихъ удостоивались высшіе іерархи. Послѣдняя награда—орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго—была пожалована ему 6 мая 1913 года. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, по этому случаю, такъ оцѣнено было многолѣтнее служеніе владыки: Многолѣтнее святительское служеніе ваше, неизмѣнно одухотворенное ревностью о славіи святой православной Церкви, отмѣчено особыми трудами по удовлетворенію духовныхъ нуждъ паствы вашей. Во всѣхъ,

преемственно ввѣрившихся вашему водительствоу, епархіяхъ вашей попечительностью воздвигнуты многочисленныя храмы Божіи, возвышено благолѣпіе церковныхъ службъ, умножены въ числѣ и упрочены въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи церковныя школы. Проявляя постоянную заботу о преуспѣяніи иноческихъ обителей и развитіи при оныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учреждений, вы приложили особое усердіе къ дѣлу благоустроенія древнѣйшей русской обители — Кіево-Печерскія Успенскія Лавры и состоящихъ при Кіевскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ бесплатной больницы и лечебницы для приходящихъ больныхъ Моего Имени. Подъ вашимъ почетнымъ предсѣдательствомъ въ 1908 году былъ созванъ въ Кіевѣ IV Всероссійскій Миссіонерскій съѣздъ, ознаменовавшій себя плодотворной работой по обсужденію и разрѣшенію неотложныхъ нуждъ и задачъ православной миссіи. Духомъ мира, истинно христіанской благожелательности къ паствѣ вашей и любви проникнуто все ваше святительское служеніе».

На кафедрѣ Кіевской митрополіи Владыка Флавіанъ прослужилъ болѣе 12 лѣтъ. Смерть Владыки явилась для всѣхъ, знавшихъ его, совершенно неожиданной, и даже послѣ того, какъ онъ въ началѣ октября заболѣлъ, никто не ожидалъ, что болѣзнь будетъ имѣть такой скорый печальный исходъ. Но самъ Владыка Флавіанъ увидѣлъ въ этой болѣзни предуказаніе на свой близкій исходъ изъ этой жизни и съ радостью и полной преданностью волѣ Божіей сталъ готовиться къ смерти. Въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти дней своей жизни Владыка двѣнадцать разъ причащался св. Тайнъ Христовыхъ и, кромѣ того, принималъ св. Тайнство Елеосвященія. Дня за три до смерти Владыка сдѣлалъ послѣднія распоряженія относительно принадлежавшихъ ему немногихъ вещей, сказавъ послѣ этого: ну, слава Богу, у меня теперь не осталось ни копѣйки. 4 ноября въ девятомъ часу пополудни чистая душа Владыки Флавіана оставила бременное тѣло его. Омытое по церковноу чину тѣло почившаго святителя было

перенесено викарными епископами и старшей монашествующей братіей изъ покоевъ въ митрополичью церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и послѣ облаченія во всѣ архіерейскія одежды было возложено на особый катафалкъ. Послѣ первой панихиды, совершенной всѣми викарными епископами въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, началось чтеніе Св. Евангелія.

Какъ только вѣсть о смерти Владыки митрополита распространилось въ городѣ, жители Кіева всѣхъ званій и состояній непрерывной волной потекли ко гробу почившаго, горячо любимаго архипастыря, чтобы въ усердной молитвѣ воздать ему послѣдній долгъ любви и глубокаго почитанія. Для участія въ погребеніи святителя Флавіана прибылъ цѣлый сонмъ архипастырей: Высокопреосвященные—Владиміръ, митрополитъ Петроградскій, Антоній, архіепископъ Харьковскій, Платонъ, Архіепископъ Кишиневскій, Евлогій, архіепископъ Волынскій, Михайль, архіепископъ Гродненскій, Преосвященные—Оеофанъ, епископъ Полтавскій и Агапиль, епископъ Екатеринославскій, Иннокентій, бывшій Витебскій.

8 ноября, въ 4 часа пополудни тѣло почившаго святителя было перенесено въ Великую лаврскую церковь, а 9 числа, послѣ божественной литургіи и чина погребенія—въ Кресто—Воздвиженскую церковь Ближнихъ пещеръ. Гробъ опущенъ былъ въ приготовленный уже два года тому назадъ склепъ, съ правой стороны, возлѣ клироса.

Не стало среди насъ, живыхъ, дивнаго старца—Владыки Флавіана, но свѣтлый образъ его, какъ архипастыря—отца, останется незабвеннымъ для всѣхъ, кто видѣлъ и зналъ его и особенно для тѣхъ, кто имѣлъ счастье служить при немъ и пользоваться его мудрымъ и благодостнымъ руководствомъ ¹⁾.

С. П. П—овъ.

---

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія, данныя въ некрологѣ, заимствованныя изъ церк. вѣдомостей, епарх. Орлов. и Хол.—Варш. вѣдомостей и газетъ—Кіевъ и Кіевлянинъ.

Война и православное духовенство.

Всѣ мы знаемъ, что наши стратотерпцы—сѣрые герои, ставшіе предметомъ восхищенія для нашихъ союзниковъ, отличаются поразительнымъ мужествомъ и презрѣніемъ къ смерти въ бою и истинно-евангельскимъ незлобіемъ послѣ боя.

Пытались-ли когда-либо интеллигентные люди задать себѣ вопросъ: да кто же воспитываетъ нашъ народъ въ такомъ духѣ, восхищающемъ весь міръ? Кто внушилъ этимъ сѣрымъ героямъ такую безпредѣльную любовь къ Россіи и къ своему Государю? Кто привилъ ему непоколебимую вѣру въ загробную жизнь и безусловную покорность Божьей волѣ?

Много подобныхъ вопросовъ возникаетъ въ умѣ всякій разъ, когда думаемъ о скромной долѣ, нерѣдко о вопіющей бѣдности нашего мужика въ мирное время и затѣмъ, въ грозный часъ испытаній, видишь этого же мужика въ ореолѣ героя, для котораго не страшны никакіе подвиги за спасеніе Родины.

Думаемъ, что на поставленные нами вопросы сможетъ отвѣтить только тотъ изъ русскихъ людей, кто самъ, имѣя глубокую вѣру въ Бога, понимаетъ и лично испытываетъ на себѣ всю неотразимую силу вліянія Церкви.

Кто живетъ нынѣ въ деревнѣ и присматривается къ бытовымъ условіямъ, въ которыхъ живутъ крестьяне, и сравниваетъ недавнее прошлое съ переживаемымъ настоящимъ, тотъ не можетъ не удивляться: слишкомъ все измѣнилось въ лучшую сторону! Еще недавно пресловутое „освободительное“ движеніе сильно понизило нравственный уровень сельскихъ крестьянъ, и слова: „невозможно жить въ деревнѣ“ почти ежедневно раздавались въ благонамѣренной печати. А теперь? Нѣтъ тѣхъ побоищъ между деревенскими жителями, что годъ тому назадъ каждый вечеръ повторялись въ любомъ селѣ; не слышно площадной брани, висѣвшей съ раннего утра въ воздухѣ; пало до минимума хулиганство, бо-

лѣе чѣмъ на три четверти уменьшилось число кражъ и проч. Объяснять такой переломъ въ психикѣ народной одной запретительной трезвостью нѣсколько односторонне. Запрещеніе продажи водки сыграло, безъ сомнѣнія, огромную роль, но едва-ли не большее значеніе оказали высокія христіанскія начала, заложенныя испоконъ вѣковъ въ русскомъ народномъ сердцѣ нашимъ православнымъ духовенствомъ. Эти благодатныя начала могли временно пріумолкнуть, заглушиться подъ давленіемъ освободительнаго движенія, нѣмецкаго міража, будь-то марксистская пропаганда, баптистская проповѣдь или мертвящая бюрократическая канцелярщина. Но такая апатія должна была исчезнуть сама собой, разъ внѣшній толчекъ далъ достаточную силу для возрожденія духа народа; толчокъ дала война, и кроткая, лучезарная красота русской души, воспитанная православнымъ духовенствомъ въ школахъ и храмахъ, развернулась въ своей необъятной широтѣ. Все, что было лучшаго въ міросозерцаніи нашего народа, въ его духовномъ складѣ, возрѣніяхъ, все это забило бурной струей, сметая на своемъ пути грязный осадокъ повседневной изнанки быта нашихъ низовъ.

Чуткость, сердечная теплота, смиреніе, пламенная вѣра въ Бога, въ высокую миссію Руси, ея силу и мощь, любовь къ близкому и недругу движутъ сейчасъ нашимъ народомъ. Спрашивается: кто могъ вложить эти высочія евангельскія начала въ душу народную помимо православнаго духовенства? Не „друзья“ ли народные—„освободители“?!

Наши „милые“ писатели, въ родѣ Лѣскова, Короленка и тѣмъ паче Горькаго, давно уже клеветаютъ на русское духовенство и на Православную Церковь, давно высмѣиваютъ и вышучиваютъ ихъ на всѣ лады.

Созданная этими и имъ подобными писателями атмосфера, конечно, заражаетъ своимъ ядомъ тѣхъ неосторожныхъ людей, которые имѣли несчастье безъ должной критики читать ихъ гнилое слово. Къ сожалѣнію, такихъ неосторожныхъ людей среди нашей интеллигенціи очень много. Къ

тому же на подмогу Горькимъ, въ ихъ сатанинской борьбѣ съ вліяніемъ Церкви, пришли цѣлыя легіоны сотрудниковъ еврейской и еврействующей печати. Съ какой любовью они копаются въ душахъ православныхъ священниковъ, выскивая на бѣлой одеждѣ русской учащей Церкви малѣйшія пятна! Читаль-ли кто въ еврейскихъ газетахъ истинную похвалу хотя бы одному уважаемому русскими людьми священнику? Нарисовали-ли Горькіе хоть одинъ привлекательный портретъ православнаго священника.

Пусть же знаютъ всѣ утратившіе тѣсную духовную связь съ Православной Церковью, что они лишили себя великой силы, той силы, которой такъ богаты нашъ православный народъ и наши солдаты—герои...

Не страшно ли, что темный русскій мужикъ оказался куда культурнѣе (въ лучшемъ смыслѣ) высоко образованныхъ нѣмцевъ? Выходитъ, что культура духа самостоятельна и независима отъ матеріальной культуры и что первая можетъ имѣть своимъ единственнымъ источникомъ чистую соборную вѣру, овладѣвающую всѣмъ существомъ чловѣка подъ вліяніемъ Церкви.

Что мы говоримъ истину, въ томъ порукой намъ психологія нашей арміи въ нынѣшнюю страшную войну. Скажите, что было-бы съ нашей арміей, 90 процентовъ которой состоитъ изъ темныхъ людей, если-бы наши сѣрые герои не вѣрили въ загробную жизнь, если-бы они не смотрѣли на жизнь и смерть съ точки зрѣнія Евангелія Іисуса Христа?

Да, наша Церковь, наше духовенство, такъ воспитавшіе милліоны сѣрыхъ героевъ, *заслуживаютъ самой глубокой благодарности отъ всей мыслящей Россіи.*

Мы имѣемъ возможность часто читать письма, получаемыя сельскими священниками отъ солдатъ съ боевыхъ позицій. Прочтите эти письма, и вы поймете, что дѣлается въ тайникахъ души нашего милаго солдата и откуда онъ черпаетъ ту выносливость, которая поражаетъ весь міръ.

Интересъ этихъ писемъ заключается именно въ томъ, что личность приходскаго батюшки является въ сознаниі солдатовъ, сидящихъ въ окопахъ, тѣмъ центромъ, вокругъ котораго вращаются всѣ мысли о своихъ дѣтяхъ и женахъ и объ ихъ будущей судьбѣ. Одинъ проситъ себѣ благословенія, другой— „фуру“ соломы для своей жены, третій утѣшаетъ себя тѣмъ, что добрый батюшка не забудетъ его дѣтокъ, четвертый шлетъ черезъ батюшку „низкій поклонъ до сырой земли“ всей деревнѣ.

Да, наше простое и болѣе чѣмъ скромное сельское духовенство дѣлало свое великое дѣло спокойно, довольствуясь очень малымъ, пробывая едва-ли не на задворкахъ российскихъ привилегированныхъ сословій. А между тѣмъ оно было, есть и долго еще будетъ *единственнымъ* свѣтелемъ культуры *духа* для всего простого русскаго народа.

И нынѣ духовенство не кричитъ о себѣ, а между тѣмъ его работа на мѣстахъ у всѣхъ на глазахъ. Духовенство создало въ народѣ могучую волну горячихъ симпатій къ нашимъ воинамъ и ихъ семьямъ. Сельскіе пастыри—это почитатели солдатскихъ семействъ, это учителя и вдохновители патріотизма для запасныхъ и новобранцевъ. А сколько сельскіе пастыри и ихъ жены дали арміи теплыхъ вещей, бѣлья и подарковъ?

Исторія скажетъ въ будущемъ свое правдивое слово о роли нашей Православной Церкви и православнаго духовенства въ моментъ тяжкихъ испытаній для государства.

Кир. Тихомировъ.

В О Д Н И В О Й Н Ы .*Внутренний миръ ¹⁾.*

Рцемъ вси, отъ всея души и отъ всего помышленія
нашего рцемъ: Господи, помилуй!

---

¹⁾ Сказано на еженедѣльномъ воскресномъ молебствіи въ соборѣ
св. Василія Блаженнаго по случаю годовщины войны и открытія занятій
Государственной Думы.

Сегодня годовщина тяжелой войны. Много препятствий дано было въ этотъ годъ нашему воинству и народу по пути къ торжеству, но препятствія для того и существуютъ для людей сильныхъ и спокойныхъ, чтобы ихъ побѣдить. Много тяжелыхъ минутъ мы пережили и переживаемъ, но у людей благоразумныхъ и духовно здоровыхъ опасности все болѣе и болѣе усиливаютъ желаніе того внутренняго мира и объединенія, о которыхъ мы въ послѣднее время такъ усиленно проповѣдуемъ, и безъ которыхъ невозможна сила народа и его побѣда надъ врагомъ.

Чѣмъ же нарушается обычно миръ внутренній? Кто и чѣмъ разрушаетъ единеніе народа?

Въ жизни государственной и общественной часто мѣшаютъ единенію и внутреннему миру различныя такъ-называемыя политическія партіи. Говорятъ, онѣ необходимы. Пусть такъ. Мы не о политическихъ вопросахъ говоримъ здѣсь. Не наше это дѣло. Но должна же быть мѣрка для суда о томъ, когда терпимы такія политическія партіи, а когда онѣ совершенно недопустимы и преступны, какъ грозящія благу народа и цѣлости государства. И эта мѣрка ясна: если политическая партія не видитъ опасности для государства, или эту-то опасностью она даже пользуется для своихъ партійныхъ цѣлей, чтобы бороться съ правительствомъ за власть, чтобы давить на правительство путемъ возбужденія народныхъ волненій; если партія поднимаетъ при этомъ совершенно неумѣстные вопросы, рѣшительно излишніе и неумѣстные во время войны; если партія преслѣдуетъ не цѣли объединенія и внутренняго мира, а наоборотъ, цѣли раздѣленія и смуты, достигая этого путемъ ли печати, путемъ ли скрытой пропаганды или открытыхъ выступленій даже въ законодательныхъ учрежденіяхъ, — все равно, такая партія должна быть уничтожена властью во время войны, она должна вызвать презрѣніе и негодованіе со стороны общества, осужденіе наше всеобщее и дружное, она одинаково вредная, какъ и внѣшній врагъ — нѣмецъ, если не вреднѣе, и полезна только внѣшнимъ

врагамъ, которые, какъ это зачастую бываетъ, и поддерживаютъ ее тайно своими средствами. Всѣ и всякія партіи политическія теперь должны умолкнуть, склониться и сплотиться предъ одной задачей,—задачей помощи народу во время войны.

Мы только что упомянули о такой дѣятельности враговъ, имѣющей цѣлью потрясти единство въ нашемъ народѣ. Для этой же цѣли служить шпионство многочисленныхъ нѣмцевъ, живущихъ въ Россіи, и своихъ продажныхъ русскихъ, которые, прикрываясь всякими высокими и громкими фразами, удачно скрываются отъ надзора и кары правительства. Больше всего эти пособники врага, тайные и продажные, стараются пускать въ народъ нашъ различные слухи, подрывающіе довѣріе къ лицамъ, облеченнымъ властью и высокимъ положеніемъ, сѣютъ недовольства съ цѣлью разъединить народъ и подорвать въ немъ общее воодушевленіе. Надобно намъ знать все это и быть твердыми въ противодѣйствіи враждебнымъ замысламъ; надобно остерегаться себя и другихъ, чтобы не впасть въ уныніе, чтобы не создать въ себѣ мрачнаго настроенія, которое все рисуетъ въ темныхъ краскахъ и вездѣ видитъ только зло и несчастье. Хорошій и опытный пловецъ иногда тонетъ отъ того, что у него во время пребыванія въ водѣ вдругъ являются судороги въ рукахъ и ногахъ. То же самое въ духовномъ отношеніи—уныніе: оно совершенно умерщвляетъ духъ и дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ какому бы то ни было дѣлу. Вотъ почему враги стараются прежде всего создать такое настроеніе унынія въ нашемъ народѣ, чтобы легко его покорить себѣ: унылый—это добыча перваго врага; мало того, унылые люди всегда начинаютъ заподозрѣвать всѣхъ окружающихъ въ какихъ-либо преступленіяхъ и производятъ соблазны, раздоры и раздѣленія въ народѣ. Война теперь переходитъ въ такъ-называемую ставку на терпѣніе, выдержку и крѣпость нервовъ. Въ полномъ смыслѣ слова—претерпѣвый до конца, той спасется. У врага нашего таютъ силы; ему нужны теперь какіе-либо быстрые, громкіе успѣхи, чтобы поскорѣе заставить насъ, въ припадкѣ

страха, нетерпѣливости и унынія, пойти на миръ. Надобно все вытерпѣть, и скоро-скоро временныя преимущества Германіи въ вооруженіи и снаряженіи не будутъ имѣть значенія, силы наши будутъ прибывать, а силы враговъ—убывать. Для насъ выгодна война долгая, и безумно приходитъ въ смятеніе отъ того, что война будетъ еще продолжительна. Намъ надо все это знать и проникнуться рѣшеніемъ все выдержать до конца.

Особенно это нужно сказать о лишеніяхъ, естественно и необходимо связанныхъ со всякою войной. Смерть и раненіе нашихъ близкихъ; отсутствіе рабочихъ рукъ; задержка въ передвиженіяхъ и доставкѣ всякаго рода провіанта; отсюда дороговизна жизни, недостатокъ топлива, пищи и другихъ предметовъ первой необходимости. И это все надобно вытерпѣть въ сознаніи, что гораздо хуже будетъ, если врагъ насъ побѣдитъ, отниметъ все, что мы имѣемъ, разрушитъ наши города, поработитъ насъ и лишитъ свободы, лишитъ многихъ и жизни, унизитъ и разоритъ святыни наши. Лучше всякія лишенія, страданія и смерть, чѣмъ позорное подчиненіе врагу насильнику.

И надъ всѣмъ симъ снова и снова мы твердимъ и будемъ твердить: надобно храниться всякаго рода раздѣленій—общественныхъ, сословныхъ, классовыхъ, семейныхъ, религиозныхъ, научныхъ и проч. Все подобное теперь должно быть прекращено, и иного выхода къ побѣдѣ, кромѣ полного единенія народа, быть не можетъ.

А выше всего—единеніе въ вѣрѣ, молитвѣ, единеніе въ Церкви.

Глубоко мы убѣждены, что ничто не помѣшало вамъ, возлюбленные, собраться и сегодня, въ этотъ необычный часъ молитвы въ нашемъ соборѣ, въ такую ненастную погоду; видимъ мы здѣсь многихъ, пришедшихъ даже издалека. Будемъ же всѣ, всѣми мѣрами и способами утверждать на Руси единеніе духа, единеніе всѣхъ, и хранить внутренній

міръ, который дастъ намъ чрезъ побѣды воинства нашего миръ и съ внѣшнимъ врагомъ, миръ прочный и славный.

Рцемъ вси, отъ всея души, и отъ всего помышленія нашего рцемъ: Господи, помилуй! Аминь. (Правосл. Благов.)

Прот. *І. Восторговъ.*

Письма къ пастырямъ Уфимской епархіи.

XVI.

Да видятъ ваши добрыя дѣла!

Наконецъ то, братіе, и мы можемъ сказать о себѣ, что мы почти воюемъ, что и насъ самихъ, а не только нашего кармана, коснулось военное время. Съ прибытіемъ бѣженцевъ намъ пришлось не кровь пролить (до этого еще далеко!), а только побезпокоиться, потѣсниться, дать этимъ несчастнымъ хотя бы теплый уголь, которымъ сами мы пользуемся и безбоязненно и съ полными удобствами.

Итакъ, братіе, приспѣло время для насъ всесторонне потрудиться въ дѣлѣ благотворительности.—Нашъ трудъ долженъ быть не для начальства, не для составленія рапортовъ, а только для Бога и для ближняго,—потрудимся только ради Христа!

Какое же, когда и гдѣ нужно благотвореніе наше?

На послѣдній вопросъ отвѣтить не трудно: вездѣ! Вездѣ теперь вопиющая нужда, вездѣ нужна помощь добраго пастыря.

Какая нужна помощь?—Отвѣтъ: и словомъ и дѣломъ! Да, помощь нужна самая разнообразная и напряженная, постоянная.—Я знаю, что у духовенства, если оно ревностно относится къ законоучительскимъ обязанностямъ, то мало

остаётся свободнаго времени. Но и это время, братіе, теперь необходимо пожертвовать на тѣхъ несчастныхъ, которые ждутъ нашей помощи.

Поэтому все время, до послѣдней минуты должно быть у насъ теперь употреблено на огромное дѣло попеченія о бѣженцахъ и о своихъ приходскихъ бѣднякахъ; двери домовъ духовенства для этихъ бѣдняковъ не должны запираются.

Я уже просилъ батюшекъ открыть приходскія попечительства о бѣженцахъ. Но можно „открыть“ эти попечительства и тѣмъ органичиться... Разумѣется, нужна теперь только и исключительно любовь христіанская всей нашей православной паствы; поэтому въ эти попечительства и должны быть собраны наиболѣе добрыя и отзывчивыя души. Такіе люди должны посѣщать бѣженцевъ, утѣшать ихъ въ нуждахъ и скорбяхъ. И въ тяжелыхъ затрудненіяхъ изыскивать возможность помогать имъ.

Пастыри должны только руководить этими добрыми людьми и одушевлять ихъ на ихъ добродѣланіе; это будетъ наша мобилизація добра, насколько мы къ ней способны.

Кромѣ того, духовенство должно проявить всю находчивость свою, всю инициативу для помощи безпомощнымъ людямъ. Нужны дрова, одежда, обувь; нужны пожертвованія на все это, нужны мастерскія для приготовленія новой одежды и обуви, для починки жертвованной, нѣужень матеріаль для всего этого... Вотъ и ищите, просите, настаивайте, „временнѣ и безвременнѣ“, но добивайтесь того, чтобы въ вашихъ приходахъ было сдѣлано все, что возможно.

Кромѣ того, кромѣ этой общей помощи, мы длжны еще оказывать и помощь свою—духовную. Для православныхъ бѣженцевъ нужно достать достаточно книжекъ религіозно-нравственнаго содержанія, нужно достать чтецовъ... Все это настоятельно нужно! Иначе мы будемъ для нашей паствы и не духовными отцами, и просто не отцами.

Вообще, братіе, ни одного часа покоя теперь у насъ не должно быть, и мы должны отдыхать только въ тѣ ми-

нуты, когда наша помощь никому не нужна—позднею ночью до утра, когда церковь зоветъ насъ на молитву.

Итакъ, братіе, да прославятъ люди Господа чрезъ насъ, хоть и грѣшныя всѣ мы; пусть люди увидятъ и наши добрыя дѣла и прославятъ имя Того, Кому мы служимъ и Чьимъ именемъ украшаемъ жизнь нашу.

Да святится имя Божіе!

Е. А

Р. С. Когда это письмо было уже написано, то мнѣ пришлось проѣзжать чрезъ нѣсколько селъ, гдѣ батюшки, нѣсколько превысивъ свои права, пріютили бѣженцевъ и обласкали ихъ.—За такое ихъ святое дѣло—искренне ихъ благодарю.

Еще о внѣшкольномъ образованіи.

Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ я говорилъ о внѣшкольномъ образованіи, предостерегая пастырей отъ большой опасности, которую заключаетъ въ себѣ антирелигіозная книга. „Внѣшкольная атеистическая обработка народа“,—вотъ, по моему мнѣнію, какая опасность можетъ грозить народу отъ такъ называемаго внѣшкольнаго образованія, лишеннаго надлежащаго умнаго и доброжелательнаго руководства.

Послѣ моего письма къ пастырямъ по этому поводу я получилъ упрекъ отъ одного земца, что я не справедливъ къ земству и что я напрасно возлагаю излишнія надежды на „правительство“, желая охранить народъ отъ вредныхъ вліяній...—Кромѣ того, одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей и серьезнѣйшій инспекторъ нар. училищъ (А. П. М—овъ) сообщилъ мнѣ свое возраженіе на мою статью, что если и существуетъ элементъ развращенія народа въ такъ называемомъ внѣшкольномъ образованіи, то не по винѣ тѣхъ, кто заботится объ этомъ образованіи, а по недостатку хорошаго матеріала для народнаго чтенія.

Вотъ по поводу этихъ возраженій я и хочу сказать нѣсколько словъ.

Несправедливъ ли я къ земству?—Не чувствую своей вины предъ нимъ!.. Земство—прекрасное учрежденіе, поскольку оно остается земствомъ; но земство составляютъ земцы, а среди нихъ имѣются люди не только очень не земскіе, а настоящіе самодуры, съ землею, съ голосомъ народа и съ народными симпатіями *нисколько* не считающіеся. Вообще самодурство у насъ доселѣ въ большомъ употребленіи. Вотъ съ поклонниками самодурства, съ людьми, которые презираютъ народъ, я и не могу ни въ чемъ быть согласнымъ. А я еще недавно слышалъ о собраніи завѣдующихъ народными библіотеками, не только зеленыхъ юношей, но и какъ будто почтенныхъ людей, претендующихъ на положеніе народныхъ учителей. Такъ вотъ эти господа рѣшали вопросъ, допускать ли религіозно-нравственныя книги въ народныя библіотеки?—И рѣшили: не допускать, потому что „кому же *теперь* нужны *эти* книги? Да наконецъ мы, выдавая такія книги, должны же народу говорить, что всю эту поповскую болтовню теперь уже не зачѣмъ читать“... Такъ пресерьезно говорили молодые и не очень молодые люди, которымъ довѣрено народное внѣшкольное образованіе.

И, разумѣется, съ такимъ положеніемъ этого великаго дѣла помириться нельзя, т. е., я не могу помириться; поэтому высказанное ранѣ мною слово моего убѣжденія, просьба моя къ пастырямъ быть на стражѣ св. Церкви и охраны народнаго здравія (т. е., души народной) остается въ полной силѣ...

Пастыри въ настоящій критическій моментъ народной жизни должны немолчно учить, протестовать, просить, запрещать,—однимъ словомъ всемѣрно служить св. Церкви, а не забиваться въ свои смиренныя норы и не прятаться отъ церковныхъ дѣлъ.

Далѣе мой собесѣдникъ—земець упрекнулъ меня въ томъ, что я напрасно идеализирую „правительственную“ помощь въ дѣлѣ охраненія народа отъ нравственнаго растлѣнія.

Каюсь; дѣйствительно, повидимому, вполне напрасно я надѣялся на сколько-нибудь толковое отношеніе предержавшихъ властей къ этому дѣлу.—Нѣтъ, вѣчно слово псалмопѣвца: „не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческія, въ нихже нѣсть спасенія“. *Да, намъ—церковнымъ дѣтелямъ—нужно надѣяться только на себя и на свои собственныя приходскія и церковныя силы и больше ни на кого,—вотъ аксіома, выдвигаемая жизнію!* Но я долженъ оговориться, что я лично ни на кого и ранѣе не надѣялся,—я только указывалъ на непорядокъ, предупреждалъ о возможныхъ тяжелыхъ послѣдствіяхъ этого непорядка, а къ пастырямъ обращался съ просьбою помнить, что народное внѣшкольное образованіе въ существѣ дѣла должно быть внѣшкольнымъ церковнымъ воспитаніемъ народа и ни въ какомъ случаѣ не должно итти мимо пастырскаго вниманія.

Перехожу къ послѣдней поправкѣ на мою статью о внѣшкольномъ образованіи (со стороны инспектора народ. училищъ),—о недостаткѣ полезныхъ книгъ для народнаго чтенія, которыми могли-бы быть замѣнены вредныя книги, уже находящіяся въ употребленіи.

Прежде всего, я спросилъ бы моего оппонента, что лучше: полное отсутствіе книги или вредная книга?—Я безбоязненно отвѣчаю, что лучше совсѣмъ ничего не читать, чѣмъ читать всевозможную мерзость... Недавно мнѣ прислали изъ одной народной бібліотеки книжку журнала „Бюллетени литературы“; въ ней напечатанъ „Романъ священника“. И что это за кощунственная выходка! Тутъ и все духовенство и таинства низведены до такой земной грязи и пошлости, что нельзя придумать! И это—народное чтеніе?! По моему мнѣнію, лучше обойтись безъ него...

Съ другой стороны, едва ли и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія такъ уже мало, что ихъ и указать нельзя. Нѣтъ, и книги и духовные журналы очень солидные имѣются хотя и не въ изобиліи. Но указать на эти журналы, просить ихъ выписки, заинтересовать ими народъ должны

опять-таки наши приходскіе пастыри. Они должны достать въ народныя бібліотеки хорошія книжки, они должны этими книжками заинтересовать народъ. Пастыри же должны всякими путями предохранить народъ отъ дурного чтенія.— Только, братіе, не будемъ отказываться отъ своего святаго дѣла,—а его очень и очень много во всѣхъ направленіяхъ... (Уф. Е. Вѣд.).

Епископъ Андрей.

Замѣтки о церковно-общественной жизни.

Трехсотлѣтній юбилей Кіевской Императорской духовной академіи. Война Болгаріи съ Сербіей. Новый оберъ-прокуроръ Св. Синода. Составъ зимней сессіи Св. Синода. Возобновленіе засѣданій Предсоборнаго совѣщанія.

Въ настоящемъ году 15 октября исполнилось трехсотлѣтіе существованія Кіевской Императорской духовной академіи. Трехсотлѣтній юбилей академіи является знаменательнымъ и исключительнымъ какъ по количеству лѣтъ ея существованія, такъ и потому значенію, какое она имѣла для всей Православной Церкви, русскаго государства, въ частности, для нашего юго-западнаго края и города Кіева.

Начало Кіевской духовной академіи относится къ тому времени, когда южно-русскій народъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ воинствующимъ католицизмомъ и полонизмомъ. Главными средствами въ этой борьбѣ были, какъ извѣстно: 1) братства, объединявшія православно-русскій народъ, 2) школы, дававшія русскому обществу образованныхъ и воспитанныхъ въ православномъ духѣ людей и 3) сочиненія, доказывавшія истину и чистоту Православія и разъяснявшія ложь и заблужденія католичества. Къ числу первыхъ по времени братствъ, во множествѣ возникшихъ въ 17 столѣтіи въ юго-западной Россіи, принадлежитъ Богоявленское братство въ Кіевѣ. Кіевское братство, получившее въ даръ отъ жены Мозырскаго повѣтоваго маршалка, Елизаветы Гулевичевой

Лозкиной, участокъ земли, устроило на немъ сначала Бого-явленскій монастырь, а при немъ въ 1615 году братскую школу.

Первые годы Кіевская братская школа не выдѣлялась изъ ряда обычныхъ братскихъ школъ, въ которыхъ учебный курсъ былъ самый простой, состоявшій въ изученіи закона Божія, славянскаго и греческаго языка. Въ тридцатыхъ годахъ 17 столѣтія, когда на кафедрѣ Кіевскаго митрополита вступилъ Петръ Могила, братская школа была преобразована по образцу іезуитскихъ коллегій и получила названіе Кіево-Могилянской коллегіи. Учебные курсы и внутренній порядокъ школьной жизни въ Могилянской коллегіи были введены тѣ же, что и въ іезуитскихъ школахъ. Коллегія дѣлилась на нѣсколько классовъ, которые, соотвѣтственно главнымъ предметамъ, изучавшимся въ этихъ классахъ, назывались: фара, инфима, граматика, риторика, философія и богословія; преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ. Въ это же время въ Кіево-Могилянской коллегіи получили свое начало и развитіе особые учебно-вспомогательныя учрежденія, извѣстныя подъ именемъ школьныхъ конгрегацій (школьныхъ содружествъ), задача которыхъ состояла въ томъ, чтобы воспитывать и укрѣплять въ школьникахъ духъ любви и преданности Православной вѣрѣ и Церкви.

Въ концѣ 17 в. Кіево-Могилянская коллегія, вмѣстѣ съ Кіевомъ, перешла подъ власть русскихъ Московскихъ царей. Въ 1701 году 26 сент., при Петрѣ Великомъ, коллегія получила названіе академіи. Съ 1819 году академія была преобразована по новому уставу и стала спеціальнымъ высшимъ духовно-учебнымъ заведеніемъ. Въ 1913 года академія получила наименованіе Императорской.

Главной особенностью Кіевской академіи за время съ 17 до 19 в. является то, что она, при внѣшнемъ сходствѣ съ школами западно-европейскими, іезуитскими коллегіями, оставалась неизмѣнно православною по духу, вѣрной своей задачѣ—служить защитѣ и утвержденію въ русскомъ народѣ

Православной вѣры; другой особенностью академіи было то, что она, до своего преобразованія въ 19 столѣтіи, являлась не столько школой специально духовной, пастырской, сколько, по своимъ учебнымъ курсамъ и по составу учащихъся, школой общеобразовательной.

Заслуги Кіевской академіи велики. Въ теченіе своего трехвѣковаго существованія академія вѣрно и неизмѣнно служила на пользу Православной вѣры и благочестія: здѣсь, въ академіи, было составлено Православное исповѣданіе вѣры, ставшее, затѣмъ, символической книгой нашей Церкви; здѣсь, въ академіи, воспитались почитаемые всею русской Церковью свѣтильники вѣры и благочестія: Димитрій Ростовскій, Иннокентій Иркутскій, Іоасафъ Бѣлгородскій и др. Вѣрно и честно несла Кіевская академія знамя богословскаго знанія и христіанскаго просвѣщенія: она дала широкое и разностороннее образованіе многимъ тысячамъ дѣтей русскаго народа, которые, затѣмъ, на различныхъ поприщахъ трудились на пользу Церкви и государства и при томъ не только въ юго-западной части Россіи, но и сѣверо-восточной; изъ Кіевской академіи распространялся свѣтъ христіанскаго просвѣщенія и для всѣхъ православныхъ народовъ ближняго и дальняго Востока: въ числѣ учениковъ академіи ежегодно въ теченіе всего 19 вѣка воспитывалось много представителей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ народностей—грековъ, румынъ, сербовъ, болгаръ, сирійцевъ, которые по окончаніи ученія возвращались на родину и тамъ становились распространителями тѣхъ научно-богословскихъ знаній, какія они получали въ академіи.

Если такъ велико было значеніе Кіевской академіи въ теченіе всей прошлой ея жизни, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и въ будущемъ ея значеніе не померкнетъ и не уменьшится.

Юбилейный день 15 октября былъ отпразднованъ въ академіи самымъ скромнымъ образомъ, такъ какъ юбилейныя

торжества по выработанной программѣ отложены на будущее, въ виду тѣхъ особыхъ обстоятельствъ настоящаго военнаго времени, какія переживаетъ наша родина.

То, что казалось невысказаннымъ, невозможнымъ и недопустимымъ, стало возможнымъ и действительнымъ. Болгарія, такъ много, или вѣрнѣе, безконечно обязанная Россіи, выступила въ числѣ враговъ своей освободительницы. Россія и ея союзницы исчерпали всѣ возможные средства, чтобы удержать Болгарію отъ гибельнаго для нея выступленія: увѣщанія, уступки, гарантіи въ достиженіи національныхъ ея идеаловъ, но все оказалось тщетнымъ.

Фактъ выступленія Болгаріи въ числѣ враговъ Россіи является выраженіемъ такой крайней неблагодарности, подлости и вмѣстѣ съ этимъ глупости, что самъ по себѣ этотъ фактъ былъ-бы совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ, если-бы онъ не являлся прямымъ и естественнымъ результатомъ той планомѣрной, сознательной, чисто дьявольской работы, какую нѣмцы вели среди славянъ въ теченіе многихъ вѣковъ и, въ частности, среди болгаръ въ теченіе многихъ лѣтъ. Какъ только окончилась освободительная русско-турецкая война 1877—78 г.г., берлинскіе мудрецы приложили всѣ усилія къ тому, чтобы извратить и обезцѣнить благія результаты войны; съ этой цѣлью на берлинскомъ конгрессѣ рѣшено было навязать болгарскому народу, едва вышедшему изъ дикаго состоянія, самую широкую конституцію, съ парламентомъ, съ либеральными партіями, изъ которыхъ особенно поощрялись и даже субсидировались деньгами партіи самыя радикальныя—напредняковъ, стамбуловцевъ и под.; въ довершеніе всего этого Болгарія явилась синекурою для обѣднѣвшихъ нѣмецкихъ принцевъ, управление которыхъ сводилось къ онѣмечиванію и развращенію болгарскаго народа. Плоды этой планомѣрной нѣмецкой работы сказались очень скоро—это страшная ненависть болгаръ къ сербамъ и недовѣріе и неблагодарность къ освободительницѣ—Россіи. Такимъ образомъ, выступленіе Болгаріи въ качествѣ союз-

ницы Германіи нельзя считать фактомъ неожиданнымъ и случайнымъ, и отвѣтственность за это выступленіе нельзя возлагать только на болгарское правительство. Болгаре не были лишены возможности такъ или иначе реагировать на антинаціональную политику своего правительства, а въ настоящее время они прекрасно понимаютъ истинный смыслъ общеевропейской войны, они знаютъ, что Россія ведетъ войну съ общимъ врагомъ славянства, что эта война можетъ быть послѣдней и рѣшительной въ судьбѣ славянства. Измѣнить славянству въ этотъ рѣшительный моментъ для всякаго славянскаго народа значитъ расписаться въ своемъ полномъ и окончательномъ отреченіи отъ всякъ братскихъ чувствъ и обязанностей, значитъ оплевать ту святѣйшую идею, какою жило и дышало славянство въ теченіе многихъ вѣковъ.

Мы не знаемъ и не предрѣшаемъ, чего достигнемъ, что получить Болгарія за свою измѣну славянству, но если она связала свою судьбу съ нашимъ врагомъ, пусть раздѣлитъ и его участь, когда придетъ часъ расплаты.

Изъ событій собственно церковной жизни за послѣдніе мѣсяцы можно отмѣтить, какъ болѣе важнымъ, слѣдующія: въ самое короткое время произошла смѣна слѣдующихъ оберъ-прокуроровъ Св. Синода: Саблера замѣнилъ Самаринъ, котораго, въ свою очередь, замѣнилъ Волжинъ. По своей предшествующей службѣ Волжинъ пользуется репутаціей, какъ человѣкъ церковнаго направленія и чисто русскихъ убѣжденій; можно надѣяться, что въ новой должности онъ будетъ полезнымъ, заботливымъ и внимательнымъ работникомъ, дѣйствующимъ не по расчетамъ матеріальнаго характера или личнымъ и партійнымъ симпатіямъ, а по указаніямъ истинныхъ нуждъ Церкви и церковнаго вѣдомства.

Нельзя не отмѣтить тѣхъ сообщеній изъ жизни церковно-административной, о которыхъ извѣстили газеты. Первое сообщеніе говоритъ о томъ, что въ составѣ зимней сессіи Св. Синода вошли лица изъ бѣлаго духовенства, а второе сообщеніе говоритъ о возобновленіи засѣданій Пред-

соборнаго совѣщанія. Хотя осязательныхъ результатовъ работъ Предсоборнаго совѣщанія мы до сихъ поръ не видѣли, но важно и то, что самая мысль объ улучшеніи нашей церковной жизни не забыта.

Свяще. *Платонъ Петровъ.*

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе).

Медосборъ.

Медосборъ-это жатва пчеловода промышленника. Къ медосбору пчеловодъ готовится съ ранней весны, стараясь ко времени его наступленія мобилизовать пчелиную рать до возможно большихъ предѣловъ, но какъ только пришелъ этотъ желанный періодъ пчеловодной практики, забота о расплодѣ и увеличеніи рабочей силы семей отходитъ на второй планъ, и даже больше скажемъ: излишняя ревность пчеловода объ усиленіи расплода въ эту пору является совершенно ненужнымъ бременемъ какъ для пчелъ, такъ и для прямой пользы его самого. Въ головѣ у пасѣчника въ это время роятся инныя мысли и заботы; онъ все помыслы долженъ направить къ тому, чтобы какъ можно шире использовать даръ природы, врученный ей Творцомъ, чтобы по возможности съ большимъ умѣніемъ примѣнить къ дѣлу рабочую силу, умноженную до максимума трудами его рукъ.

Въ чемъ состоитъ искусство пчеловода извлекать побольше выгоды для себя отъ щедротъ земныхъ, скажемъ послѣ, а теперь вкратцѣ поговоримъ съ читателемъ о пчеловодныхъ принадлежностяхъ, необходимыхъ при отборѣ медовыхъ запасовъ. Принадлежности эти немногочисленны: это—медогонка, разбрушевочный ножъ, щеточка для сметанія пчелъ, нѣсколько коробокъ или носилокъ для перенесенія рамокъ, металлическое

ситко для перещаживанія меда, сосудъ для установки на немъ рамокъ при разбрушеvkѣ и временнаго складыванія сръзванной печати, и, конечно, дымарь. Кусочекъ хорошо пишущаго мѣлу также играетъ немаловажную роль при отборкѣ меда.

Медогонка (она же—медоачка, центробѣжка, центрофуга) совершенно случайно изобрѣтена майоромъ Грушкой, который, вѣроятно, и не подозрѣвалъ вначалѣ, что его изобрѣтеніе совершитъ настоящій переворотъ въ пчеловодномъ дѣлѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ! Дать пчеламъ во время взятка готовые соты, это равносильно увеличенію прибыли пчеловода минимумъ въ пять разъ, а это именно и достигается примѣненіемъ медогонки, легко и быстро извлекающей жидкій медъ изъ сотовъ безъ всякой поломки и порчи ихъ. Но мы не будемъ здѣсь пѣть панегирикъ медогонкѣ и ея изобрѣтателю, не будемъ также говорить о ея устройствѣ и о различныхъ типахъ существующихъ медогонокъ; скажемъ лишь, что если у пчеловода нѣтъ этой полезной и сравнительно дешевой машины, его и пчеловодомъ назвать нельзя. Если бы у васъ былъ всего только одинъ пень, то и тогда вы должны приобрѣсти медогонку; она окупитъ себя въ первый же годъ хорошаго взятка. Всѣ конструкціи медогонокъ сравнительно хороши, но если бы вы спросили меня, какія слѣдуетъ покупать, я бы посоветовалъ купить медогонку простую и прочную и всячески избѣгать медогонокъ тяжелыхъ, сложнаго устройства; вотъ и все. Въ Кіевѣ, напр., мастеръ пчеловодныхъ принадлежностей Острианскій изготовляетъ медогонки весьма просто и прочно за 9—10 руб., но теперь, конечно, при общей дороговизнѣ всѣхъ строевыхъ матеріаловъ и металловъ, онѣ, вѣроятно, стоятъ значительно дороже.

Разбрушевоchnый ножъ съ изгибомъ у ручки тоже бываетъ различныхъ устройствъ, но мы пользуемся пожемъ Аббота (см. Т. 5 рис. 12) и находимъ его весьма удобнымъ, каковой только и рекомендуемъ покупать пчеловодамъ.

Щеточка для обметанія пчель, или перо большой птицы (гуся, индюка) обязательно должны быть у пчеловода въ достаточномъ (двѣ—три) количествѣ (см. Т. 5 рис. 20). Щеточку съ мягкой и короткой щетиной (не болѣе $1\frac{1}{2}$ вершка), но длинной ручкой можно считать самой лучшей. Такія именно щеточки въ послѣднее время и появились въ продажѣ; въ магазинѣ Кіевск. Централн. Общества Пчеловодства она стоитъ 25 коп.

Коробка изъ мягкаго дикта,¹⁾ точно устроенная по размѣру ширины принятаго на пасѣкѣ улья, во время медосбора весьма необходима. Въ коробкѣ такой должно свободно помѣститься 8 рамокъ. Такихъ коробокъ слѣдуетъ имѣть не менѣе трехъ. Соты можно еще переносить и на открытыхъ носилкахъ со стойками для навѣшиванія рамокъ, но употреблять ихъ можно только во время обильнаго взятка, въ противномъ же случаѣ откроется такой грабежъ, что вы и не рады будете. Коробка должна быть устроена съ плотно задвигающейся крышкой.

Ситко металлическое (см. Т. 5 рис. 24) или простая (густая) оконная сѣтка тоже должны быть подъ руками въ эту пору; онѣ нужны для очистки меда отъ кусочковъ воска и пчелиныхъ личинокъ.

Кромѣ этихъ главныхъ и необходимыхъ при отборкѣ меда пчеловодныхъ принадлежностей, долженъ быть еще и спеціально приспособленный сосудъ (предположимъ, изъ бѣлой жести) для установки на немъ рамки при разбрушеваніи (распечатываніи) и для собиранія въ немъ сръзанныхъ восковыхъ крышечекъ. Сосудъ этотъ я бы рекомендовалъ устроить двойной, наподобіе воскотопки (см. Т. 5. рис. 26), т.е. состоящей изъ двухъ половинокъ—верхней и нижней, причемъ верхняя, легко снимающаяся половина, должна имѣть рѣшетчатое (металлическое) дно, для свободнаго протока въ нижнее отдѣленіе стекающаго меда. На краяхъ верхней

¹⁾ Диктъ это втрое склеенный попережь слоевъ толстый фанеръ.

половины сосуда слѣдуетъ устроить двѣ стойки, чтобы поставленная на нихъ рамка не ѣздила по скользкимъ краямъ его. Въ самомъ низу нижней половины, почти на уровнѣ дна, устраивается ручка, свободно затыкающаяся конусной пробкой; какъ только здѣсь наберется достаточно меда, его легко выпустить черезъ ручку.

Нужны еще пчеловоду въ это время и боченки для меда. Боченки изъ мягкаго дерева (липы, осины, вербы) лучше всего держать медъ; дубовые не годятся: они всегда текутъ и этимъ своимъ безтактнымъ поведеніемъ досаждаютъ хозяину. Вымачивать боченки водой долго не слѣдуетъ; лучше всего попарить ихъ хорошенъко кипяткомъ, просушить и какъ можно лучше набить обручи (желѣзные). Водой можно налить только лишь для того, чтобы узнать, гдѣ есть щель. Медъ, какъ мы уже говорили раньше, чрезвычайно гигроскопиченъ и всю лишнюю воду высушить очень быстро и такъ тщательно осушить боченокъ, что обручи совершенно ослабнуть и свалятся прочь. Вотъ почему мы и совѣтуемъ только попарить, а главное набить крѣпко обручи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда боченки приходится почему-либо вымачивать очень долго, солнечная просушка обязательна; сушить слѣдуетъ до тѣхъ поръ (дня три—четыре), пока не ослабнуть обручи, послѣ чего остается только набить ихъ покрѣпче.

(продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лисянскій.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 18-го ноября 1915 г.

Цензоръ протоіерей Николай Гроссу.

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерин. с.

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 50

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 6-го декабря.

Содержаніе: I. Во дни войны. Прот. І. Восторговъ.—II. Нѣмецкій ядъ. Семень Марченко.—III. О приходскихъ кооперативахъ. Н. С.—IV. Изъ отвѣтовъ на анкету по обследованію народной жизни, въ связи съ потребленіемъ крѣпкихъ (алкогольныхъ) напитков.—V. Бесѣды по пчеловодству (продолженіе). Діакоинъ Г. Лисянскій.—VI. Унорствующій. А. Иларіонъ.—VII. Объявленіе объ изд. „Р. д. с. п.“ въ 1916 году.

В О Д Н И В О Й Н Ы.

„Знакъ храбрыхъ“¹⁾.

Поздравляемъ васъ, возлюбленные, съ полученіемъ этого рѣдкаго знака отличія военного ордена, который по справедливости можно и должно назвать „Знакомъ храбрыхъ“. Украшая вашу грудь, онъ будетъ внушать къ вамъ уваженіе всѣхъ окружающихъ. На всю жизнь вы будете имѣть заслуженное по

¹⁾ По случаю освященія и раздачи знаковъ Св. Георгія Побѣдоносца отличившимся воинамъ.

справедливости право на уваженіе за проявленное мужество. Кому Богъ далъ или дастъ удѣлъ имѣть семью и дѣтей, у того дѣти будутъ съ чувствомъ понятнаго и высокаго умиленія и достойной радости показывать на этотъ знакъ отличія на груди своихъ отцовъ и въ себѣ углублять и все болѣе возгрѣвать къ вамъ любовь и уваженіе.

Все это прекрасно, все это воспитываетъ окружающую насъ жизнь, ибо умѣнье и способность уважать чужія заслуги, преклоняться предъ ними, цѣнить ихъ—это признакъ духовно развитаго, достойнаго человѣческаго общества и народа.

Но вамъ самимъ, чтобы сохранить Богу и людямъ любезное смиреніе, чтобы не впасть въ гордыню и не убить въ себѣ ростковъ духовной жизни,—не слѣдуетъ увлекаться тѣмъ, какъ смотрять или смотрѣть должны на васъ другіе. Вамъ нужно себя самихъ воспитывать и назидать.

И прежде всего помните и вѣрьте,—какъ и видите сейчасъ,—что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадетъ. И пусть это исполнитъ васъ чувства удовлетворенія и расположить къ новымъ подвигамъ предъ Богомъ и къ новымъ, неустаннымъ трудамъ предъ царемъ и родиной.

Знайτε еще и то, что нѣтъ такого дѣла, добраго и славнаго, которое не могло бы быть еще лучше и славнѣе,—и посему располагайте себя снова къ служенію въ рядахъ арміи, какъ и святой апостоль говоритъ: прежнее забывая, впередъ я устремляюсь, съ усердіемъ ищу почести высшаго званія.

Знайτε, наконецъ, то, что кто остановился на пути духовнаго возрастанія, тотъ непремѣнно и неизбежно пошелъ назадъ. И посему снова и снова въ этомъ имѣйте побужденіе не останавливаться въ своей службѣ, не застывать въ самодовольствѣ, а искать случая новыхъ и новыхъ подвиговъ, выдающихся по трудности исполненія, случаевъ для новыхъ услугъ нашей родинѣ.

Блаженъ, кто зналъ и испыталъ и пережилъ хоть разъ высокое счастье самозабвенія, самоотреченія и самоотверженія, счастье духовнаго подъема, всезахватывающаго воодушевленія: у того есть способность повторять это счастье въ жизни безконечно, у того, несомнѣнно, высокая духовно-утонченная природа души. Блаженъ, кто умѣлъ безстрашно заглянуть въ лицо смерти: ему не учиться мужеству и стойкости; ему можно послѣ того довѣрить всякое дѣло.

Вы это счастье пережили и испытали. Хвала вамъ, храбрые и мужественные! И дай Богъ вамъ достойно и съ пользою душевною носить этотъ прекрасный „Знакъ храбрыхъ“ (Прав. Благ.).

Прот. *И. Восторговъ.*

Нѣмецкій ядъ.

Нѣмецкій ядъ лжеученій не перестаетъ отравлять души православныхъ. Подъ разными формами выливается онъ и подносится всѣмъ рѣшительно, чтобы окончательно смутить нашу совѣсть.

Вотъ и теперь, пользуясь настоящимъ положеніемъ военнаго времени, нѣмцы въ лицѣ своихъ вѣрныхъ защитниковъ осторожно проводятъ свой взглядъ на войну, которую, при всѣхъ обстоятельствахъ и всякихъ цѣляхъ, для которыхъ она ведется, называютъ «незаконнымъ, нарушающимъ Евангельскія заповѣди смертоубійствомъ». Конечно лживостью такого взгляда на войну нѣмцы стремятся ослабить наше теперешнее настроеніе и то твердое рѣшеніе, которое мы воспитали въ себѣ, желая вести войну до послѣдней возможности, до окончательнаго пораженія нѣмцевъ-варваровъ. Мы не допускаемъ мысли, чтобы данная продѣлка нѣмцевъ имѣла сколько-нибудь серьезное вліяніе на народъ, но все же она можетъ вліять на отдѣльныхъ лицѣ, съ слабымъ логическимъ мышленіемъ (которые легко поддается чужому вліянію), и производить извѣстное дѣйствіе.

Такъ какъ нѣмцы искусственно стремятся обособить свой взглядъ на войну Свящ. Писаніемъ, то нужно и намъ вооружиться тѣмъ же средствомъ и посрамить коварную нѣмецкую ложь въ самомъ ея основаніи. Священное Писаніе настолько богато текстами въ защиту войны, которая ведется въ силу необходимости, ради спасенія ближнихъ и нравственныхъ интересовъ человѣчества, что не устоитъ передъ ними никакое лжеученіе; достаточно привести одну тринадцатую главу посланія ап. Павла къ римлянамъ, чтобы посрамить всѣ ухищренія коварныхъ адептовъ нѣмецкой фальсификаціи. Нужно скатать, что со стороны пастырей Церкви не мало уже употреблено труда, чтобы ознакомить паству съ положеніемъ вещей на театрѣ военныхъ дѣйствій, но это знакомство, главнымъ образомъ, касается (по крайней мѣрѣ во многихъ приходахъ такъ дѣлается) картинъ бытовой жязни со всѣми радостями и печальми, которыя являются неизбѣжными спутниками всякой вообще войны. Что же касается вопроса самой войны, ея оправданія, или осужденія передъ судомъ Евангелія, то для насъ неизвѣстно, достаточно ли этотъ вопросъ разобранъ предъ лицомъ вѣрующаго народа, чтобы нѣмецкое лжеученіе не смущало совѣсть, по крайней мѣрѣ, лучшихъ православныхъ людей. Поэтому необходимо провести рядъ бесѣдъ, которыя касались бы существа войны съ точки зрѣнія Священнаго Писанія, дабы пресѣчь въ самомъ началѣ нѣмецко-сектантскую пропаганду противъ нашихъ военныхъ дѣйствій по отношенію къ нашимъ врагамъ. Бесѣды эти необходимы, потому что есть люди, которые весьма легко поддаются всякимъ бреднямъ лжеученій, якобы евангельской Истины, лишь бы эта «истина» подтверждалась ложнымъ толкованіемъ Евангелія. Есть и еще люди, у которыхъ засѣлъ и до сего времени сидитъ въ головѣ гвоздь Толстовскаго непротивленія, которыхъ смущаетъ совѣсть при мысли: кто правъ?—государство, защищающее интересы націй и самобытность народовъ, или Толстой, проповѣдывавшій непротивленіе при всѣхъ обстоятельствахъ,

достигающихъ какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя государства. Конечно, для всякаго здраваго ума видна несостоятельность толстовскаго ученія, которое непримѣнимо въ настоящей жизни, гдѣ болѣе сильные и алчные на чужую личность и матеріальное благо люди поглотили-бъ, при сопротивленіи, всѣхъ и все. Поэтому, въ силу самозащиты и защиты слабѣйшихъ и чтобы предотвратить поправіе всѣхъ нравственныхъ законовъ, государство беретъ за мечъ и тѣмъ восстанавливаетъ поправныя нравственныя права. Къ сожалѣнію, есть люди, которые этой простой истины не понимаютъ, и ихъ необходимо постоянно убѣждать и учить.

Семенъ Марченко.

О приходскихъ кооперативахъ.

Кредитныя товарищества стали у насъ, въ сельскихъ приходахъ, распространяться чрезвычайно быстро, а судя по цифрамъ, представляютъ наиболѣе процвѣтающій видъ коопераціи. Но цифры не даютъ живой картины учрежденія, и количественный ростъ можетъ иногда итти въ ущербъ прочному созданію на почвѣ основныхъ принциповъ коопераціи. И отчасти это уже замѣчается, и если не принять мѣръ своевременно, то тотъ путь, на который сворачиваютъ учрежденія мелкаго кредита, можетъ привести къ ихъ вырожденію въ чуждыя сельскимъ обывателямъ „лавочки“.

Быстрое распространеніе въ нашихъ сельскихъ приходахъ кредитныхъ товариществъ легко объясняется: для нихъ не требуется даже вносить членскіе пай или „вступную“ плату; процентъ по ссудамъ для деревни кажется низкимъ, — 12%, вмѣсто 20—30%, которые прежде взидали деревенскіе кулаки. Отвѣтственность пока была лишь на бумагѣ, потому что, при правильномъ веденіи дѣла, убытковъ быть не можетъ, рискъ сведенъ къ нулю, въ особенности, если надзоръ инспекціи Государственнаго Банка выполняется добросовѣстно, и принимаются мѣры противъ отсрочекъ и

просрочекъ долга; большинство товариществъ существуетъ еще слишкомъ недолго, чтобы успѣть накопить недоимку въ большихъ размѣрахъ. Поэтому процвѣтаніе товарищества въ первые годы обезпечено, а деньги изъ Государственнаго Банка легко получить. Вслѣдствіе этого, единственная трудность на первыхъ шагахъ—побѣдить косность „темныхъ“ прихожанъ, побороть страхъ предъ этимъ ничтожнымъ фактическимъ рискомъ—дополнительной отвѣтственностью. Труднѣе найти первые двадцать подписей, чѣмъ потомъ тысячу. И какъ только откроется, подъ предсѣдательствомъ, наприм., сельскаго священника, приходское товарищество, и дѣло вполне ясное и простое осуществится на глазахъ у нашихъ крестьянъ, члены-мужички начинаютъ валить толпой. Такъ какъ гораздо труднѣе открыть новое товарищество, чѣмъ увеличивать старое, то ростъ мелкаго кредита централизуется въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ раньше удалось открыть товарищество. Ростъ этотъ идетъ механически,—какъ лавина; для этого не нужно никакой агитаціи: сельскіе обыватели довольно быстро узнаютъ, гдѣ по округѣ раздаются деньги изъ дешеваго (для деревни) процента, и не требуютъ особыхъ приглашеній, чтобы за ними притти.

Однако изъ этого вытекаютъ два послѣдствія, весьма существенныя для дѣла. Во-первыхъ, многіе изъ членовъ деревенцевъ идутъ въ товарищество безъ всякаго пониманія его задачъ и принциповъ, своихъ въ немъ правъ и обязанностей; во-вторыхъ, приходскія товарищества растутъ количественно свыше всякой мѣры, набираютъ сотни членовъ (на Югѣ есть примѣры товариществъ, насчитывающихъ болѣе 10 тысячъ членовъ). И такія товарищества перестаютъ, кажется, быть кооперативными: члены не могутъ даже знать другъ друга, по имени и никакой «связи» съ товариществомъ не имѣютъ, кромѣ уплаты ссудъ и процентовъ. Даже тамъ, гдѣ число членовъ «перевалило» за 500, основной принципъ кредитной коопераціи обращается въ фикцію: никакой провѣрки кредитоспособности періодически, какъ того требуетъ Банкъ, дѣлать невоз-

можно, равно какъ не провѣряется и назначеніе ссудъ, заявленіе заемщика, на что онъ беретъ деньги, принимается на вѣру и обращается въ *пустую* «формальность», такъ какъ способъ расходванія ссуды тоже никогда не провѣряется. Такимъ образомъ, вся дѣятельность нашихъ приходскихъ товариществъ сводится къ «переливанію» денегъ изъ кассы Банка въ карманы заемщиковъ—и обратно, и вся забота правленія заключается въ томъ, чтобы этотъ денежный «пасосъ» дѣйствовалъ исправно въ обѣ стороны.

Вполнѣ понятно, что при такомъ положеніи дѣла не развивать въ нашихъ деревенцахъ кооперативный смыслъ, ни сплачивать прихожанъ, ни оживлять ихъ духомъ хозяйственного прогресса, предприимчивости такое товарищество, подобный кооперативъ, не можетъ. Въ деревнѣ прибавилось лишнее присутственное мѣсто, въ родѣ волостного Правленія, куда рядовой мужичекъ приходитъ кланяться и просить себѣ «поддержки». Обороты такого товарищества слишкомъ велики, и «дѣлопроизводство» слишкомъ сложно, чтобы съ нимъ справился рядовой сельскій житель. Поэтому, въ «Правленіе» идетъ теперь или интеллигентъ, если онъ имѣется на мѣстѣ, или деревенскій «кулакъ». Для послѣдняго дѣло захвата товарищества въ свои «лапы» облегчается темнотой, равнодушіемъ членовъ-мужичковъ «простыхъ»—и даже самою ихъ многочисленностью. И вотъ, огромное большинство «товарищей»—деревенцевъ никогда не заглядываетъ на общія собранія и отнюдь не интересуются ходомъ дѣлъ. Для дѣйствительности кредитнаго собранія достаточно небольшого числа членовъ. И деревенскому «кулаку» нетрудно на вербовать себѣ среди массы рядовыхъ членовъ кучку сторонниковъ, которые пойдутъ голосовать, какъ онъ прикажетъ, и галдѣть на собраніи противъ всякаго отстаивающаго интересы товарищества. Это уже замѣчается иногда. Приемы и порядки волостныхъ и сельскихъ сходовъ, къ сожалѣнію, начинаютъ—проникать и въ сферу кредитныхъ товариществъ. Да много трудно и ожидать. Масса все еще «темна» и инертна; нравы «глухихъ»

деревень испорчены долгой опекой, безправіемъ, господствомъ «кулаковъ». Не только въ «темной» русской деревнѣ шайка аферистовъ орудуеть общественнымъ достояніемъ, а въ деревнѣ это тѣмъ болѣе возможно.

Обширность товарищества содѣйствуетъ этому извращенію коопераціи, ибо деревенская касса представляетъ тѣмъ болѣе «лакомый» кусокъ для кулака, чѣмъ шире кругъ ея вліянія. Въ послѣднее время вообще замѣчается въ сельскихъ приходяхъ новая тенденція въ деревенской коопераціи: кулаки, прежде противодѣйствовашіе ей, теперь стараются завладѣть ею, чтобы не только побирать противника, но обратить его на службу себѣ. При дѣловой изворотливости и неразборчивости въ средствахъ кулаку не трудно захватить кооперативное учрежденіе и вести такъ, чтобы извлекать изъ него личную пользу: приходскій кооперативъ легко можетъ служить удобнымъ и прочнымъ фундаментомъ его власти, въ особенности, если сельскій батюшка не состоитъ предсѣдателемъ или счетоводомъ Правленія. Въ его руки попадаютъ десятки тысячъ казенныхъ денегъ и вкладовъ, распоряженіе надъ благосостояніемъ цѣлой волости. Предсѣдатель товарищества становится *олимпійцемъ*, котораго «сиволапый» мужичекъ дожидается смиренно на порогѣ, чтобы выпросить себѣ ссуду, какъ будто она дается изъ милости. Разумѣется, общественная сторона дѣла совсѣмъ затушевывается. Ссуды раздаются, дѣйствительно, по милости и произволу Правленія. Но на этомъ еще дѣло не останавливается. Такъ какъ основной мотивъ «заправиль» такого рода—кумовство и личный барышъ, то ссуды раздаются благопріятелямъ безъ соображенія съ ихъ кредитоспособностью. Многимъ *неудобнымъ* отвѣтъ коротокъ и безапелляціоненъ: «денегъ нѣтъ», или: «не признаемъ кредитоспособнымъ». Разъ ссуды даны кумовьямъ, то взыскивать ихъ строго не полагается, ибо требованіе исполненія обязательства было-бы равносильно обидѣ. Ссуды, такъ образомъ, пересрочиваются, дѣлаются «извороты», а то и нарушеніе Устава. И кто можетъ противодѣйствовать этому?

Общественный товарищ!—Но, во-первыхъ, въ Совѣтъ жаловаться бесполезно, ибо, если Правленіе въ рукахъ кулака, то и совѣтъ будетъ подобранъ соотвѣтствующій; во-вторыхъ, «простой» мужичекъ нашъ, вѣдь, не знаетъ организацій товарищества и не умѣетъ тамъ отстаивать свои интересы, не знаетъ даже и инстанцій, куда надо «подавать»... На общемъ собраніи «недовольные» члены-деревенцы иногда поднимаютъ голосъ, но, во 1-хъ, товарищество слишкомъ обширно, чтобы всѣ претензіи разбирать на общихъ собраніяхъ; во 2-хъ, собраніе некомпетентно опредѣлить кредитоспособность членовъ, а, въ 3-хъ, сторонники правленія и не дадутъ говорить на общемъ собраніи.

Выручить-ли, въ данномъ случаѣ, вмѣшательство, наприм., приходскаго духовенства? Но что можетъ сдѣлать сельскій батюшка или діаконъ—счетоводъ, хотя бы они и доподлинно знали о «грѣшкахъ»? Итти на борьбу, въ которой всѣ шансы на сторонѣ противниковъ, не гнушающихся ни клеветой, ни доносомъ? Убѣжденные люди пойдутъ на борьбу, но почти неизбежно они сломятся или утомятся и перейдутъ въ другое мѣсто, а временно оспоренное поле коопераціи останется за мѣстной силой кулаковъ. Возлагать ли всю надежду на надзоръ Государственнаго Банка? Оставимъ въ сторонѣ всѣ теоретическія соображенія о «благожелательной» опеѣ или о принципѣ независимости кооперативныхъ учреждений. Возьмемъ вещи, какъ онѣ есть. Инспекторъ мелкаго кредита, человѣкъ посторонній, въ лучшемъ случаѣ можетъ заглянуть въ товарищество раза три въ годъ, провѣрить счета и документы и посѣтить общее собраніе. Дальше документовъ онъ идти не можетъ, ибо не можетъ обходить 1000 дворовъ и оцѣнивать постройки, скоть, имущество. Поэтому заключеніе о ходѣ дѣлъ онъ выносить исключительно изъ документовъ. А документы, какъ сказано, нетрудно держать въ порядкѣ. Правда, на общемъ собраніи можетъ вкрасѣться кое-что новое, но, во первыхъ, нужно привыкнуть къ «деревенскимъ» нравамъ и порядкамъ, чтобы уловить истинное настроеніе

массы, отличить жалобы от клеветъ, понять скрытыя цѣли «кооператоровъ»; а во вторыхъ, если даже инспектору и станетъ все ясно, что можетъ онъ сдѣлать, чтобы распустить собраніе, закрыть кредитъ? До этого дойдетъ не сразу; въ первые годы все будетъ тихо-крыто до накопленія безнадежныхъ недоимокъ или крупной растраты. Вотъ почему нужно своевременно принять мѣры, пока еще приходскій кооперативъ не выродился въ кулацкій банкъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Н. С.

Изъ отвѣтовъ на анкету по обследованію народной жизни, въ связи съ потребленіемъ крѣпкихъ (алкогольныхъ) напитковъ.

Въ районѣ центральнаго прихода уѣзднаго города Орл. губ. съ населеніемъ въ 1200 человекъ обоого пола, занимающагося главнымъ образомъ торговлей, за немногими исключеніями грамотнаго, съ среднимъ достаткомъ, почти всѣ взрослые потребляли алкогольные напитки. Пьянство замѣчалось главнымъ образомъ въ средѣ неимущихъ, причемъ изъ 700 человекъ муж. пол. 3—5% было явныхъ алкоголиковъ, погибшихъ отъ пьянаго недуга. Распространенію пьянства способствовалъ наиболѣе окружающій соблазнъ алкоголизма и наследственное влеченіе къ потребленію алкоголя. Какъ исключеніе, всегда были въ приходѣ и совершенные трезвенники, какъ мужчины, такъ по преимуществу женщины, и изъ ихъ среды всегда были ежедневные богомольцы въ храмѣ. Вообще же свободный досугъ люди трезвые посвящали, кромѣ богослуженія, также чтенію, домашнему и семейному времяпрепровожденію, общенію съ знакомыми, и, въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, посѣщенію общественныхъ собраній.

Относительно алкоголиковъ примѣчательно, что изъ нихъ женщины всегда скрывали свой постыдный недугъ, до послѣдней возможности; явное же пьянство въ этой средѣ было равно-

сильно совершенному паденію. Изъ долгодѣтнихъ алкоголиковъ выздоравливали весьма немногіе, и такіе случаи трудно поддаются какому-либо иному объясненію, развѣ благодатной помощи Божіей.

Питейныя заведенія были въ изобиліи: 3—5 трактировъ, 2—3 казенныя винныя лавки, 2—3 клуба, желѣзнодорожный буфетъ. Конечно, здороваго и искренняго сочувствія къ такимъ мѣстамъ не было и не могло быть. Нормальные люди смотрѣли на нихъ, какъ на терпимое зло. Мѣста эти посѣщались, главнымъ образомъ, для выпивки, не исключая торговыхъ сдѣлокъ, сопровождавшихся здѣсь также выпивкой. Кромѣ вышеуказанныхъ, было мѣсть 10 тайной продажи водки, и къ нимъ все относилось съ негодованіемъ. Здѣсь торговали какъ неимущіе, такъ и съ среднимъ достаткомъ. Шинкарство это для бѣдняковъ служило средствомъ къ существованію, но не въ силу неизбѣжности, а ради легкаго промысла.

Все алкоголики рано или поздно погибали отъ алкоголя. Все они такъ или иначе хулиганили, въ широкомъ смыслѣ этого слова: публично сквернословили, при случаѣ нападали на прохожихъ, буянили на улицахъ, оскорбляли — начальствующіе подчиненныхъ, низшіе высшихъ, явно развратничали. Къ несчастію, такъ называемая интеллигенція въ этомъ отношеніи имѣла отрицательное вліяніе, и во всякомъ случаѣ не помогала алкоголикамъ ни нравственнымъ авторитетомъ, ни личнымъ примѣромъ воздержанія. Дѣятельность Уѣзднаго Попечительства о народной трезвости также была настолько незначительна, что широкіе круги населенія какъ-бы не замѣчали ея. Одинъ градскій священникъ устроилъ было общество трезвости, но оно желательнаго успѣха не имѣло. Въ немъ числилось 10—15 алкоголиковъ. Наличныя условія распространенія алкоголя и, пропитанная алкоголизмомъ, удушливая и гнетущая атмосфера, а также препятствія со всѣхъ сторонъ явныхъ и тайныхъ алкоголиковъ — все это настолько не благопріятствовало борьбѣ съ пьянствомъ, что для успѣха здѣсь требовались дарованія исключительныя,

ревность и энергія чрезвычайныя, дѣятельность незаурядная. Для всякаго, желающаго начать великое дѣло насажденія трезвости, страшно было окончить его печальнымъ и смѣшнымъ образомъ. Духовенство, по своему долгу, проповѣдывало о вредѣ пьянства, и эта проповѣдь несомнѣнно помогала имѣющимъ уши слышать въ дѣлѣ спасенія отъ алкогольной гибели, всякій разъ напоминая о страшномъ злѣ и вредѣ алкоголя.

Несчастныя дѣти алкоголиковъ, за рѣдкими исключеніями, также обнаруживали какъ-либо наклонность къ алкоголизму, и въ большинствѣ случаевъ мѣры увѣщанія по отношенію къ нимъ были мало дѣйствительны, — требовалось вліять на нихъ угрозой увольненія изъ школы. Въ числѣ школьныхъ мѣръ утвержденія трезвости очень полезными оказались лекціи извѣстнаго мѣстнаго лектора С. Н. Савинова, на тему „Правда о винѣ“; въ доступной и занимательной рѣчи онъ знакомитъ своихъ слушателей съ несомнѣннымъ вредомъ алкогольнаго яда, во всѣхъ его видахъ и названіяхъ, и убѣдительно раскрываетъ столь нелѣпныя и столь распространенныя заблужденія о „пользительности“ алкогольнаго питья. Польза подобныхъ лекцій несомнѣнна, и потому желательно, чтобы именно на такой способъ борьбы съ алкоголизмомъ было обращено вниманіе кого слѣдуетъ, наприм., Уѣздныхъ попечительствъ о трезвости. Такая живая дѣятельность не можетъ остаться безрезультатной для трезвости, если, конечно, эта дѣлтельность будетъ принадлежать убѣжденнымъ трезвенникамъ, а не людямъ, которые сами любятъ выпить при всякомъ случаѣ. Съ этой точки зрѣнія, не способствуютъ отвлеченію отъ пьянства и всевозможныя развлеченія, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы отъ нихъ можно было ожидать какихъ-либо значительныхъ результатовъ для насажденія трезвости въ настоящее время.

Единственною спасительной и вполне дѣйствительной мѣрой въ борьбѣ съ пьянствомъ оказалось запрещеніе продажи и производства всякихъ спиртныхъ напитковъ. Благо-

дареніе милосердію Божію! Многія лѣта Государю Императору нашему! Слава и честь борцамъ трезвенникамъ, уготовавшимъ путь всенародной трезвости! Это благодѣтельное распоряженіе всѣ встрѣтили и переживаютъ съ полнымъ и искреннимъ сочувствіемъ. Противнаго и постыднаго мнѣнія объ этой мѣрѣ отрезвленія народа—немногіе алкоголики, отставяющіе гибельную возможность удовлетворенія дурной привычки, да еще окаменѣлые сердцемъ торговцы алкогольнымъ питьемъ, защищающіе свой личный матеріальный прибутокъ. Но и такое мнѣніе, если и высказывается, то не искренне, а по ожесточенію и озлобленію, а въ глубинѣ души и сердца никто не рѣшится богохульно и кашунственно возроптать на чудесно ниспосланную милость Божію, благодаря которой Россія стала вся трезвой. И такое принудительное воздержаніе, въ физическомъ отношеніи, конечно, можетъ дѣйствовать и имѣнно дѣйствуетъ только благотворно, не говоря уже здѣсь о добрыхъ и прекрасныхъ плодахъ трезвости въ отношеніи духовномъ и нравственномъ. Вотъ „конкретные“ примѣры изъ даннаго приходскаго района. 1. Алкоголикъ 48 лѣтъ, должностной человѣкъ, изобилуетъ силой и здоровьемъ. Пилъ запоемъ, вслѣдствіе котораго не разъ уже рисковалъ потерять и мѣсто и жену, которую пьяный буянъ самъ выгонялъ изъ дому. Теперь онъ благоденствуетъ, если не считать нѣкоторой болѣзненной нервности—остатка отъ выпитаго алкоголя. 2. Торговецъ, бывшій накануне прогрессивнаго паралича или чего-либо подобнаго отъ постоянной выпивки. Теперь имѣетъ видъ здороваго человѣка. 3. Домохозяинъ, наполовину пропившій изъ того, что имѣлъ, поступилъ прикащикомъ, но за пьянство постоянно мѣнявшій мѣста. Теперь возстановилъ довѣріе къ себѣ и всюду можетъ имѣть мѣсто. 4. Молодой алкоголикъ, за котораго всетаки рискнула выйти жена изъ хорошей семьи, и ее не безъ основанія считали несчастной. Теперь, повидимому, горя убавилось наполовину, такъ какъ всетаки еще можно по временамъ разжиться и одеколону, и „ханжи“, и „по рецепту“

а то и какъ слѣдуетъ выпить у „хорошихъ знакомыхъ“, но все это—уже полгоря. 5. Извощикъ. Но этотъ отрезвился еще до запрета виноторговли. Однако соблазнъ для него, конечно, былъ великъ и страшенъ и спасался онъ „молитвою и постомъ“. Теперь для него и подобныхъ ему—непрерывный праздникъ свѣтлой радости и мира. 6. Рабочій, изъ за пьянства потерявшій было способность къ работѣ и перешедшій на содержаніе заработкомъ жены, теперь работаетъ. 7. Безнадежный пьяница, крестъ семьи, городской хулиганъ. Теперь его не видно: гдѣ—нибудь пристроился къ дѣлу. 8. Подобный же буянъ, хотя въ трезвомъ видѣ способенъ къ работѣ. Теперь будетъ работать. 9. Сапожникъ вслѣдствіе пьянства еле-еле могъ кормить семью. Теперь имѣетъ прекрасный заработокъ. 10. Пьяница, въ рѣдкіе промежутки протрезвленія всетаки работавшій по прасольскому дѣлу; обыкновенно имѣлъ видъ босяка, а семья нищенствовала, пока дѣти сами не стали способными къ работѣ. Теперь служить прикащикомъ на хорошемъ мѣстѣ, и, если не будетъ дозволено пьянство, останется навсегда хорошимъ работникомъ и семьяниномъ. 11. Домохозяинъ, любилъ выпить, и черезчуръ, что видимо грозило его здоровью, и навѣрное въ близкомъ будущемъ не миновать-бы ему бѣды. Теперь онъ—внѣ опасности. 12. Холостой, почти непрерывно страдавшій запоемъ, до бѣлой горячки, не занимавшійся потому никакимъ дѣломъ. Теперь предполагаетъ открыть торговлю, „если не будетъ винополья“, и т. д.

Таковы въ краткихъ чертахъ послѣдствія недавняго отрезвленія. Это признается и отмѣчается всѣми. Духовенство въ проповѣди также обращаетъ должное вниманіе на добрые плоды отрезвленія и на насущную необходимость безусловной трезвости навсегда. Въ это благопріятное время проповѣдь трезвости должна раздаваться всюду и особенно въ печати, столь рѣспространенной и удобной для „сѣянія вѣчнаго, разумнаго“. Непростительное заблужденіе думать, что такая проповѣдь будто-бы излишня, такъ какъ—де и безъ того

всѣ стали трезвы. Только когда всѣ, дѣйствительно, будутъ обезпечены отъ соблазна самоодурманиванія алкоголемъ, въ его безчисленныхъ видахъ и названіяхъ, только тогда будутъ дѣйствительно плодотворны такія мѣропріятія, какъ распространеніе всесторонняго народнаго образованія, открытіе при школахъ и самостоятельно библиотекъ—читаленъ, чтенія и лекцій съ хорошими картинами, эстетическое и непротивное нравственности развлеченіе пѣніемъ и музыкой. Впрочемъ, все это „приложится“, лишь—бы процвѣла и твердо окрѣпла благословенная трезвость. Привлекайте къ великому дѣлу отрезвленія искреннихъ трезвенниковъ и не ожидайте плодотворной трезвой работы оттуда, гдѣ сами дѣятели любятъ выпить. Созывайте изъ трезвенниковъ порайонные съѣзды, гдѣ, между прочимъ, могли-бы разрабатываться отвѣты на подобныя анкеты, очень удачно и своевременно предпринимаемая. Пусть трезвенники благословляются устраивать торжественныя празднества трезвости, по примѣру хотя бы праздника Казанскаго Общества Трезвости: это лучшая мѣра для борьбы съ пьянствомъ и для утвержденія трезвости. Только бы и такіе праздники устраивались не по приказу только, а „съ радостію и не воздыхающе“ („Дѣятель“).

Членъ Казанскаго Общества Трезвости.

Бесѣды по пчеловодству:

(Продолженіе).

Главный взятокъ.

Время главнаго взятка для разныхъ мѣстностей различно. Въ нашей Кіевской губерніи оно начинается обыкновенно въ первой половинѣ іюня, а въ первой половинѣ іюля заканчивается; значить, продолжается всего одинъ мѣсяць, но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сѣютъ позднюю гречу, или какія-нибудь другія медоносныя травы, взятокъ возобновля-

ется и бывает иногда очень обильный. Такъ или иначе, но всякомъ случаѣ взятокъ въ одной и той же мѣстности повторяется почти точно въ одни и тѣ же числа, о чемъ вамъ повѣдаетъ таблица цвѣтенія медоносовъ, но намъ въ данномъ случаѣ вовсе не интересно устанавливать числа зацвѣтанія ихъ, намъ болѣе интересно послѣдовательно прослѣдить тѣ работы, какія бываютъ у пчеловода въ продолженіе всего медосборнаго періода.

Какъ только зацвѣли медоносныя растенія, будетъ-ли то липа, греча, эспарцетъ или какія-либо иныя породы отъ *злаковъ сельныхъ*-безразлично, пчеловодъ уже замѣчаетъ на пасѣкѣ перемѣну.., пчелки засуетились, торопливо несутъ типичную ¹⁾ обножку и, наполнивъ слегка свои зобики сладкимъ нектаромъ, толпами стремятся къ леткамъ. Однако ноша очень тяжела.., не легко попасть тяжелой пчелкѣ съ разлета въ узкую дверь своего жилья. Коляхнулась пчелка въ воздухѣ разъ другой, да промахнулась леткомъ и свалилась наземь; свалилась, бѣдняжка, и подаетъ брюшкомъ ускоренно такъ, желая поскорѣй отдышаться и сдѣлать новую попытку попасть домой, что ей въ большинствѣ случаевъ и удается со второго раза... Какъ замѣтилъ пчеловодъ падающихъ у летковъ пчелокъ, такъ ужъ и знаетъ, что взятокъ начался; заглянулъ въ улей, вѣрно!—напрыскъ такъ и блеститъ въ ячейкахъ, а какъ замѣтилъ пасѣчникъ сіе, то ужъ и знаетъ, что пропустилъ денекъ установки контрольнаго улья. Пропустилъ.., да! Но лучше поздно, чѣмъ никогда! Контрольный улей въ тотъ же день устанавливается на вѣсы.., можетъ быть, онъ къ вечеру что-нибудь еще и покажетъ.

Установка контрольнаго улья не головоломная штука, для этого нужно выбрать на пасѣкѣ пень средней трудоспособности, да и поставить его на доску десятичныхъ вѣсовъ. Вѣсы устанавливаются (по ватерпасу) на столбикахъ

---

¹⁾ По обножкѣ всегда можно узнать, съ какихъ цвѣтовъ пчелы берутъ медъ.

пня, предназначеннаго для контроля, уравниваются, послѣ постановки на нихъ пня, какимъ-нибудь тяжелымъ балластомъ (камешками), закрываются рычажкомъ и конецъ дѣлу; остается только прикрыть контрольный улей вмѣстѣ съ вѣсами листомъ кровельнаго, покрашеннаго желѣза, чтобъ не затекала на вѣсы дождевая вода и не путала размѣровъ въ прибыли и убыли меда. Если пчеловодъ не ошибся въ началѣ взятка, то уже вечеромъ контрольный улей дастъ прибыль. Показательная чашка вѣсовъ подымется, и гиря на рейкѣ передвинется до равновѣсія вправо, не автоматически, конечно, а рукой пчеловода. Вотъ вамъ и будетъ первая дата для изломанной линіи діаграммы взятка или для *кривой*, какъ упрощенно ее называетъ нашъ *пчеловый дидъ* Василій Федотовичъ.

Контроль взятка производится слѣдующимъ образомъ. Спустя нѣкоторое время послѣ захода солнца, когда лѣтняя пчела окончательно соберется въ ульѣ, пчеловодъ снимаетъ желѣзо и откидываетъ рычажокъ вѣсовъ. Если вѣсовая (меньшая) чашка поднялась вверхъ, значитъ, перетянули запасы, принесенные пчелками въ продолженіе дня. Передвигая вправо вѣсовую гирю, пасѣчникъ опредѣляетъ количество дневнаго приноса и отмѣчаетъ его въ особой тетрадкѣ, пришитой къ журналу или прямо въ діаграммной таблицѣ, гдѣ есть полевая линія, поверхъ которой отмѣчается въ клѣткахъ прибыль, а ниже убыль. Горизонтальныя линіи діаграммнаго листа означаютъ прибыль или убыль, а вертикальныя—число дней. Когда клѣтка означаетъ фунтъ, если же мы ее раздѣлимъ тонкими графками на четыре горизонтальныя части, будемъ отмѣчать и четверти фунта.

Зная, сколько пчела принесла за день меду, пчеловодъ можетъ спокойно дожидаться дня отборки лишнихъ запасовъ и подставлять рамки суши для наполненія, или искусств. вощину для отдѣлки. Если по записямъ пчелки принесли около 30 фунтовъ меду, можно съ увѣренностью сказать, что запасы уже отложены и запечатаны на верхахъ гнѣздовыхъ рамокъ, крайнія же рамки почти сплошь имъ занесены

и кой гдѣ даже запечатаны. Чтобы не пропустить поры отборки и не рисковать излишнимъ заполненіемъ выводного гнѣзда, рекомендуемъ поставить внѣ гнѣзда по ту и другую сторону заставныхъ досокъ по одной рамѣ суши. Сюда можно и трутневую сушь поставить, такъ какъ рѣдко случается, чтобы матка перешла червить за заставныя доски. Какъ только будетъ замѣчено, что пчелы стали печатать крайнія рамки, или выносить лишніе запасы за заставныя доски, можно приступить и къ отборкѣ меда себѣ на пользу.

Отборка запасовъ хотя и пріятное занятіе, но довольно утомительное, да и вниманія требуетъ не мало со стороны пчеловода; производится же она такъ: послѣ 8 часовъ утра назначеннаго дня, когда большая половина летныхъ пчелъ уйдетъ въ поле, пчеловодъ, захвативъ дымарь, щеточку, кусокъ мѣлу и коробку, идетъ къ улью предположимъ, № 1. Установивъ коробку около себя съ лѣвой стороны, пасѣчникъ открываетъ крышку улья и усмиряетъ дымомъ тѣхъ пчелъ, что сидятъ внѣ гнѣзда. Если рамка суши, вставленная съ внѣшней стороны заставныхъ досокъ, наполнена медомъ, ее нужно брать на медогонку первой, помѣтивъ соотвѣтствующимъ образомъ условными знаками. Взявъ щеточку, пчеловодъ обметаетъ эту рамку онъ пчелъ спача съ наружной стороны, а затѣмъ, отодвинувъ ее нѣсколько влѣво отъ гнѣзда, обметаетъ и съ другой стороны, послѣ чего уже можно приподнять рамку со всѣмъ и смести съ нея пчелъ окончательно. И здѣсь, какъ и прежде повторяю, что пчелъ лучше сметать горизонтальными взмахами щеточки, не вынимая рамки съ улья. При такомъ пріемѣ обметанія, пчелы спокойно падаютъ внизъ и уходятъ прямо подъ гнѣздо. Очистивъ рамку отъ пчелъ, пчеловодъ переноситъ ее въ коробку:

Отодвинувъ заставную доску, пасѣчникъ осматриваетъ первую, гнѣздовую рамку, и если она окажется достойной, т. е., хорошо наполненной медомъ, причѣмъ верхняя часть сота будетъ даже запечатана, поступаетъ съ ней точно такъ же, какъ и съ прежней, т. е., намѣчаетъ мѣломъ, обметаетъ

и переносить въ коробку. Вторую и третью рамки, въ случаѣ бы и онѣ оказались наполненными медомъ подобно предыдущимъ, пчеловодъ тоже беретъ на медогонку, даже въ томъ случаѣ, если бы на нихъ оказалась въ незначительномъ количествѣ запечатанная черва, рамку же съ незапечатанной червой брать пока не слѣдуетъ, ибо большая часть ея на медогонкѣ вывалится.

Взявъ на медогонку двѣ-три рамки около заставной доски съ лѣвой стороны гнѣзда, пчеловодъ можетъ взять столько же рамокъ и съ правой стороны, причемъ долженъ наблюдать, чтобы 5—6 средне гнѣздовыхъ рамокъ остались не тронутыми. Все гнѣздо почти никогда сплошную не перефуговывается¹⁾. Бываютъ иногда случаи, что пчелы заносятъ медомъ все гнѣздо сплошную, о каковыхъ случаяхъ мы еще поговоримъ, но тогда отборка производится въ два приема и одновременно (на другой день или на третій). Какъ бы тамъ ни было, но всѣ взятыя рамки записываются въ журнальной графѣ соответствующаго номера, когда же окончится очередная отборка меда со всей пасѣки, и количество отобраннаго меда будетъ извѣстно, считаются (по журналу) всѣ отфугованныя рамки, общее количество взятаго меда дѣлится на количество рамокъ и выводится средній вѣсъ одной рамки.

При наличіи хорошаго, обильнаго взятка, поступаемъ такъ, какъ мы только что указали, въ тѣхъ же случаяхъ, когда взятокъ и погода сомнительны и есть опасеніе, что пчелы могутъ не успѣть запастись кормомъ на зиму, одну-двѣ хорошо наполненныхъ рамки слѣдуетъ оставлять въ ульѣ про запасъ, но вообще нужно сказать, что въ началѣ взятка такая предосторожность можетъ считаться излишней, въ концѣ же взятка—другое дѣло.

Въ продолженіе всего лѣта пень хорошей силы и трудоспособности беретъ на медогонку раза три-четыре, а иногда и больше; лучшія семьи даютъ по два, по три пуда меду, не считая фондовыхъ запасовъ на зиму, но бываютъ и такія

¹⁾ Фуговать медъ означаетъ производить отборку на медогонкѣ.

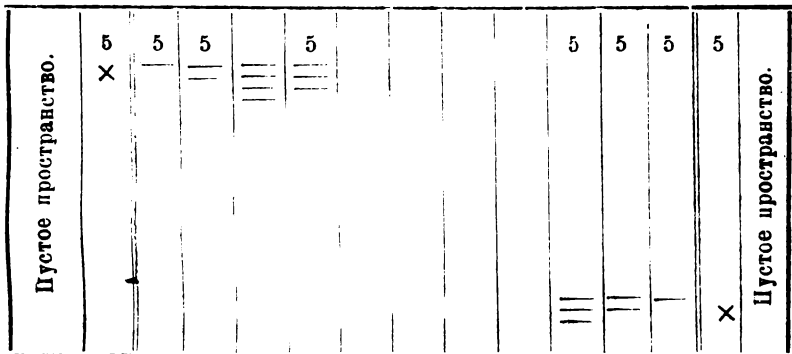
Несчастныя сѣмьи, что въ то самое время, когда ихъ сильныя товарищи сплошь заливаютъ медомъ всѣ подставленныя имъ рамки, онѣ едва наполняютъ и то незначительное количество рамокъ, какое пчеловодъ нашель возможнымъ имъ подставить; это тѣ самыя малыши, о которыхъ мы говорили при разсмотрѣннй весеннихъ работъ на пчельникѣ и держать которыхъ мы отнюдь не совѣтовали. Отъ такихъ пней не жди, пчеловодъ, пользы! Если получишь отъ нихъ 10 фунтовъ въ хорошее лѣто, то и за то спасибо! Но мы прервали прямую нить работы, вернемся теперь къ ней снова.

Итакъ, вынуты всѣ предназначенныя для отборки рамки и перенесены въ коробку, улей на время закрытъ, но коробка еще, предположимъ, не наполнена; тогда слѣдуетъ начать просмотръ со второго номера и, наполнивъ коробку вынутыми оттуда рамками, отослать ее въ комнату (или временно устроенное для этой цѣли помѣщеніе) на медогонку. Какъ производится отфуговка меда, мы сейчасъ поговоримъ, теперь же скажемъ нѣсколько словъ о помѣткахъ взятыхъ рамокъ, о чемъ мы лишь вскользь упомянули.

Нѣкоторые пчеловоды вовсе не замѣчаютъ, изъ какого улья рамка вынута, не замѣчаютъ также и того мѣста, на которомъ она въ гнѣздѣ стояла, замѣчаютъ только (и то не всегда), сколько рамокъ взято изъ какого номера, съ тѣмъ, чтобы послѣ отфуговки ихъ возвратить по принадлежности, но я на этотъ счетъ другого мнѣнія; по моему, каждая рамка должна быть возвращена тому улью, изъ котораго и вынута и стать на то мѣсто, гдѣ она тамъ стояла. Вѣдь соты не всегда выводятся ровно; въ то время какъ одинъ изъ нихъ дотянуть точно къ положенному для него уровню, другой тянется извилисто, а то и совсѣмъ и горбато, и если мы приложимъ ихъ одинъ къ другому, они обопрутся другъ о дружку и защемятъ сидящихъ тамъ пчелъ; при разбрушевкѣ, правда, соты ровняются, но все же не настолько, чтобы междурамочныя пространства были вездѣ одинаковы. Вотъ почему мы и совѣтуемъ намѣчать рамки условными знаками

и цифрами. Всякій пчеловодъ можетъ мѣтить рамки по своему, но я расскажу читателю, какъ это дѣлается у меня.

Прежде всего я отмѣчаю (мѣломъ) на верхней планкѣ рамокъ номеръ улья; отмѣчаю, конечно, цифрой; затѣмъ отмѣчаю поперечными черточками мѣсто ихъ расположенія; первую рамку (отъ заставной доски) отмѣчаю одной черточкой, вторую двумя и т. д., причемъ лѣвыя рамки отмѣчаю тсячерточками непосредственно подъ цифрой, а правыя—черточками въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ цифръ, почти совсѣмъ внизу планки Рамки, стоящія внѣ заставныхъ досокъ, отмѣчаются номеромъ улья и крестиками. Для ясности мы здѣсь на рисункѣ покажемъ способъ нашихъ отмѣтокъ въ ульѣ № 5.

Передъ нами открытый пень № 5. Съ лѣвой стороны нѣкоторое пространство оказалось не занятымъ. Первой стоитъ рамка за заставной доской, затѣмъ—заст. доска Далѣе начинается гнѣздо,—первая, вторая рамки, но третья оказалась неподходящей, и мы ее пропустили, взявъ на медогонку четвертую, которую, послѣ отфуговки, поставимъ на мѣсто третьей. Такъ какъ третья рамка на медогонку не идетъ, то мы ее номеромъ улья не помѣчаемъ, а только лишь указываемъ четыремя черточками ея будущее мѣсто въ гнѣздѣ. Затѣмъ идутъ нетронутыя гнѣздовыя рамки и три правыхъ, отмѣченныхъ черточками внизу. За заставной доской тоже оказалась одна рамка, отмѣченная внизу крестомъ. Этотъ свой способъ помѣтокъ я и предлагаю на усмотрѣніе читателя. Оставимъ же пасѣчника на пасѣкѣ, а сами пойдемъ вслѣдъ за его помощникомъ въ комнату, гдѣ урчитъ уже медогонка,

и гдѣ опытная женская рука ловко разбрушевываетъ запечатанные соты и ставить ¹⁾ ихъ на это простое и преполезное изобрѣтеніе майора Грушки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ *Г. Лисянскій.*

Упорствующій.

Г. Б. Царевскій упорно не желаетъ согласиться съ тою истиной, что монаховъ-начальниковъ духовныхъ школъ очень мало, а потому и не на нихъ падаетъ вся вина въ недостаткахъ этихъ школъ. Напечатанная мною статистика имъ названа («Новое Время» № 14213) «неразборчивымъ средствомъ защиты ученыхъ монаховъ», потому что въ ней къ ректорамъ прибавлены инспектора и къ смотрителямъ ихъ помощники. По мнѣнію г. Царевскаго, и инспектора и помощники смотрителей—«рядовые служащіе», а не руководители школъ. Какъ это для инспекторовъ и помощниковъ смотрителей ни обидно,--согласимся и сосчитаемъ только ректоровъ и смотрителей. Получается—монаховъ 34 (23 ректора, 11 смотрителей), блага духовенства 98 (35 ректоровъ и 63 смотрителя), свѣтскихъ 106 смотрителей. Среди ректоровъ и смотрителей—монаховъ, слѣдовательно, около 14⁰/₀!

Далѣе г. Царевскій голословно утверждаетъ, что приведенная мною и ему непріятная статистика ничего не доказываетъ, потому что система назначенія монаховъ два года назадъ быза пресѣчена насильственнымъ вторженіемъ Государственной Думы, установившей 10 ти-лѣтній «стажъ» для ректоровъ и смотрителей. А какъ раньше было, г. Царевскій? Вы бы цифры привели! А если вамъ это не угодно, я приведу ихъ вамъ и всѣмъ прочимъ, взявъ изъ офіціального именного списка за 1912 годъ, когда стажа не было.

1) „Ставить“ или (или „братъ“) на медогонку соты—техническое выраженіе, означающее отборку на медогонкѣ меда.

Ректоровъ семинаріи:	
архимандритовъ .	23
протоіереевъ	34
Смотрителей училищъ:	
монаховъ	11
бѣлаго духовенства	42
свѣтскихъ	129

Будто на зло г. Царевскому монаховъ оказывается ровно столько же—34! Значить, вторженіе Государственной Думы не сократило монаховъ. Ихъ и нечего сокращать; и безъ того слишкомъ мало!

Интересно бы мнѣ знать, куда *теперь* поведетъ г. Царевского его упорное нежеланіе согласиться съ истиной, къ какимъ «добросовѣстнымъ» и «разборчивымъ» заявленіямъ! (Прих. Лист.).

Архим. *Иларіонъ*.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о продолженіи изданія при Кіевской дѣховной семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1916 подписномъ году.

Въ 1916 году журналъ нашъ вступаетъ въ 57 годъ своего изданія. И въ этомъ году онъ будетъ руководиться своей всегдашней цѣлью — содѣйствовать православному духовенству въ разныхъ областяхъ его многотрудной пастырской дѣятельности.

Въ 1916 году наши подписчики получаютъ:

52 еженедѣльныхъ номера журнала, содержащихъ а) статьи по вопросамъ пастырской дѣятельности и приходской жизни; б) статьи по исторіи Церкви, апологетицѣ, обличенію сектантства, исторіи и изъясненію богослуженія и другимъ богословскимъ наукамъ; в) сообщенія о военныхъ событіяхъ и о дѣятельности духовенства на войнѣ; г) *обзоры церковно-общественной жизни*; д) *обзоръ епархіальной жизни*

по Епархіальнымъ Вѣдомостямъ; в) обзоръ періодической печати (главнымъ образомъ, духовной); ж) общепользныя свѣдѣнія по медицинѣ, сельскому хозяйству, садоводству. Въ 1916 году будетъ продолжаться печатаніе „БЕСѢДЪ ПО ПЧЕЛОВОДСТВУ“ (практическая часть); з) *Отвѣты на вопросы подписчикамъ.*—Въ виду невозможности своевременно предвидѣть всѣ возникающіе на мѣстахъ запросы, Редакція проситъ подписчиковъ дѣлиться съ нею своими наблюденіями, недоумѣніями и т. п.

12 книжекъ поучоній на всѣ воскресныя и праздничныя дни. Наряду съ оригинальными проповѣдями будутъ помѣ-

19) Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской прантики Вып. II. Чинопослѣдованія по требнику. Ц. 75 к.

20) Божественная литургія св. Іоанна Златоуста (параллельно славянскій и русскій текстъ церковн. молитвослов. и пѣсноп. съ общедост. объяснен.). Цѣна 75 коп.

21) Церковныя пѣснопѣнія для хорowego исполненія. Цѣна 70 коп.

22) Церковныя пѣснопѣнія для хорowego исполненія. Вып. II. Ц. 80 к.

23) Указатель къ ж. „Руковод. для с. п.“ съ 1860—1869 г. Ц. 30 к.

24) Проф. *Θ. И. Титовъ*. Русская Православная Церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв. т. II. Цѣна 3 р.

25) *Н. Маккавейскій*. Педагогика древнихъ Отцовъ и Учителей Церкви. Ц. 50 к.

26) Откуда пошла Русская Земля, и какъ она стала православною. Ц. 15 коп.

27) Толковый Типиконъ. Вып. I-й. Ц. 2 р. 50 к. Вып. II-й. Цѣна 1 руб. 75 к. Вып. III-й. Ц. 75 к.

28) Избранныя Духовно-музыкальныя сочиненія А. Л. Веделя. Вып I и II. Ц. 1 р. 50 коп.

29) Избранныя богословскія сочиненія А. С. Хомякова. Ц. 1 р.

30) Д-ръ *Е. Денмертъ*. Умеръ ли Богъ? Пер. съ нѣм. Ф. А. Гильберта, подъ ред. свящ. *Ал. Введенскаго*. Ц. 1 р.

31) *Н. Гумилевскій*. Разборъ основныхъ положеній хлыстовства. Ц. 60 коп.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 24-го ноября 1915 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерин. 6.

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣоть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 51

Подписка принимается въ редак-
цію журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 13-го декабря.

Содержаніе: I. Во дни войны. Прот. I. Восторговъ.—II. О развитіи про-
изводства отечественнаго воска и способахъ покупки его Епар-
хіальными Свѣчными Заводами. Свѣц. I. Алабовскій.—III. Изъ по-
временной печати. П. Г.—IV. О приходскихъ кооперативахъ (окон-
чаніе). П. С.—V. Бесѣды по пчеловодству (продолженіе). Діаконъ
Г. Лисяпскій.—VI. Разсказъ раненаго солдата. Семенъ Марченко.

Во дни войны.

Въ праздникъ св. Василія Блаженнаго.

Миръ.

*Гъмъ Христа Бога моли, да
избавитъ насъ отъ варварскаго плѣ-
ненія и междоусобныя брани, и
миръ мірови подаетъ и душамъ на-
шимъ велию милость (Троп. св.
Василія Блаж.).*

Молитва ко святому и блаженному Василію напоминаетъ
намъ о самомъ желанномъ благѣ для людей: миръ мірови и
душамъ нашимъ спасенія и велией милости,—вотъ чего просимъ

мы себѣ, вотъ о чемъ просимъ молитвеннаго ходатайства блаженнаго Василия. Одновременно просимъ и объ устраненіи того, что мѣшаетъ этому единственному и самому великому благу: избавленія отъ варварскаго плѣненія и отъ междоусобныя брани.

Если когда, то теперь, въ переживаемые дни напряженной борьбы съ врагомъ-насилъникомъ, особенно умиритель-но и назидательно звучитъ это моленіе къ блаженному Василию.

Какого блага искали блаженные-юродивые? Изъ-за чего они отреклсь и отъ своего ума, съ его гордыней, и отъ внѣшняго уважаемаго положенія въ средѣ окружающихъ людей, и отъ всѣхъ даже дозволительныхъ законныхъ удобствъ жизни? Чего они искали больше всего на свѣтѣ?

Искали того, что заповѣдалъ искать Спаситель въ евангеліи: какая польза,—говоритъ Онъ,—какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ, или что дастъ человѣкъ взамѣнъ души своей? Этого-то спасенія души искали блаженные-юродивые, искали особыми, рѣдкими путями, которые совершенно недоступны для всѣхъ людей, а открыты только рѣдкимъ и избраннымъ. Но цѣль ихъ стремленій была та же, какая должна воодушевлять и всѣхъ насъ, всѣхъ христіанъ, членовъ Церкви Христовой. И мы превыше всего должны ставить спасеніе души своей, и мы, каждый своимъ особымъ жизненнымъ путемъ, исполнять должны заповѣдь апостола: со страхомъ спасеніе свое содѣвайте.

Значитъ ли это, что Евангеліе отрицаетъ и отвергаетъ всякое земное устроеніе, всякое государственное бытіе и общественное устройство? Значитъ ли это, что юродивые были, по нынѣшнему принятому выраженію,—анархистами?

Нисколько! Святой апостоль на всѣ вѣка съ удивительною силою и вмѣстѣ съ кротостью опредѣляетъ цѣли, съ одной стороны, условія и средства для этой цѣли—съ другой, для всякаго христіанина. Молю,—говоритъ онъ,— прежде всѣхъ творить молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, за Царя и за вся, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ

благочестія и чистотѣ, сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ, нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити...

Итакъ, познаніе истины и спасеніе—наша цѣль; тихое и безмолвное житіе земли—это необходимое условіе для достиженія цѣли, а государственное устройство, правленіе Царя и тѣхъ, иже во власти суть,—это средство для того, чтобы намъ обезпечить необходимыя условія въ земной жизни для достиженія общей и вѣчной цѣли христіанина—спасенія души.

Не ясно ли теперь, почему мы просимъ молитвеннаго предстательства и ходатайства святыхъ предъ Богомъ о томъ, чтобы намъ избавиться отъ варварскаго нашествія и плѣненія,—т. е., имѣть миръ внѣшній, и отъ междоусобной брани,—т. е., имѣть миръ внутренній,—тихое и безмолвное житіе? Не ясно ли, что прошеніе это есть въ сущности прошеніе о спасеніи душевномъ? Не ясно ли, что молитва ко святому и блаженному Василию объ этомъ благѣ вовсе не стоитъ въ противорѣчій съ его подвигомъ юродства, что юродивые въ согласіи съ Евангеліемъ не отвергали всего внѣшняго быта и устройства жизни людей, а только учили словомъ, а главное, примѣромъ и жизнью, которая была сплошною своего рода притчею и образомъ,—учили тому, чтобы средство—устройство жизни—не обращать въ цѣль, и изъ-за средства не забывать цѣли, т. е., вѣчнаго душевнаго спасенія.

Итакъ, миръ внѣшній и миръ внутренній,—наше единеніе, взаимное согласіе,—вотъ что намъ нужнѣе всего, чтобы имѣть тихое и безмолвное житіе, дающее среду, путь, условія для безпрепятственнаго служенія вѣчному спасенію.

И вотъ, какъ ни странно, этотъ миръ достигается иногда только войною, какъ мы и теперь можемъ видѣть и наблюдать. Не русскій народъ началъ войну съ Германіей, не русскій народъ сорокъ лѣтъ готовился для войны; не

русскій народъ, а народъ нѣмецкій предупредительно накапливалъ невообразимые по количеству запасы и склады всякихъ военныхъ снарядовъ, храня все это въ тайнѣ отъ сосѣдей. Русскій народъ вынужденъ былъ выйти на войну, и русское воинство обязано было идти противъ варварскаго нашествія, чтобы избавить ближнихъ, т.-е., родину, отъ варварскаго плѣненія, дать ей миръ, столь необходимый для духовно-нравственнаго преуспѣянія и спасенія душъ нашихъ, ибо не всякій миръ есть дѣйствительно миръ. Уступить врагу, предоставить злу торжествовать, отойти въ сторону предъ насильникомъ, какъ поучаетъ Толстой,—это значить не миръ блюсти, а себя самого, только себя возлюбить, свой покой, притомъ мнимый, охранить и показать не миролюбіе, а простую трусость, дряблость духа и уступчивость предъ зломъ. Огдаты города на разграбленіе, церкви на погубаніе, населеніе на безправіе и насилія, лишить всѣхъ мирнаго и безмолвнаго житія, обратить всѣхъ въ бѣженцевъ, которыми теперь переполнились наши города, это не подвигъ миролюбія, заповѣдуемаго христіанствомъ, а измѣна дѣлу христіанства. Миръ не есть позорная сдача предъ зломъ, и не есть лукавое прикрытіе собственнаго себялюбія, не есть сдѣлка совѣсти.

И посему пусть усердною и воодушевленною звучить наша молитва о православномъ нашемъ воинствѣ, на брани подвизающемся, пусть не будетъ и помысла о возможности для Россіи мира позорнаго,—и пусть пылъ до глубины души насъ трогаетъ и волнуетъ и изъ глубины сердца изливается молитва ко святому и блаженному Василию: тѣмъ Христа Бога моли, да избавитъ насъ отъ варварскаго плѣненія и междоусобныя брани, и миръ мірови подастъ и душамъ нашимъ велию милость. Аминь (Правослв. Благов.).

Прот. І. Восторговъ.

О развитіи производства отечественнаго воска и способахъ покупки его Епархіальными Свѣчными Заводами.

Недавно св. Синодъ преподаль руководственныя указанія свѣчнымъ заводамъ о наилучшей постановкѣ дѣла по приобрѣтенію русскаго воска. Послѣ начала войны наши свѣчные заводы стали испытывать нужду и даже острую пужду въ воскѣ. Это произошло отъ того, что на выдѣлку свѣчей не хватало обычно своего, русскаго воска, а покупавшееся всегда недостающее количество воска за границей, по преимуществу въ Германіи, или по крайней мѣрѣ черезъ Германію, не могло быть приобрѣтено по обстоятельствамъ военнаго времени ¹⁾. Своего, русскаго воска всѣми заводами обычно расходовалось немного менѣе 50%, а всеостальное количество привозилось изъ заграницы.

Зависимость свѣчныхъ заводовъ отъ заграницы (по преимуществу—Германіи) въ такомъ существенномъ и необходимомъ матеріалѣ, какъ воскъ, всегда казалось ненормальнымъ явленіемъ, а теперь тѣмъ болѣе, когда во всѣхъ отрасляхъ промышленности начались усиленныя стремленія освободиться отъ нѣмецкаго вліянія и засилія. Необходимо освободиться отъ подобнаго же вліянія и нашимъ свѣчнымъ заводамъ. А для этого необходимо усилить и расширить отечественное производство воска, необходимо улучшить способы и средства по приобрѣтенію этого воска свѣчными заводами.

На эту послѣднюю сторону дѣла раньше мало обращалось вниманія, по крайне мѣрѣ не вездѣ одинаково. А чрезъ это происходило то, что нашъ же русскій воскъ, при посредствѣ особыхъ агентовъ, отправлялся за границу, гдѣ воскъ

¹⁾ Правда, потомъ изъ создавашагося затруднительнаго положенія свѣчные заводы вышли благодаря покупкѣ воска въ Англіи Главнымъ Синодальнымъ Управленіемъ Свѣчныхъ заводовъ.

очищали, бѣлили, и, часто съ примѣсью разныхъ негодныхъ веществъ, снова ввозили къ намъ въ Россію, перебирая за это съ насъ громадныя деньги.

Явно, что такое положеніе дѣла ненормально и крайне для насъ невыгодно.

Епархіальнымъ свѣчнымъ заводамъ нужно поставить себѣ и добросовѣстно выполнить двѣ главныя задачи: 1) сумѣть непремѣнно скупать русскій воскъ для своихъ цѣлей и надобностей, и 2) широко, рационально поставить производство пчелинаго воска на мѣстахъ.

Въ настоящее время воскъ мѣстнаго производства попадаетъ на заводы совершенно случайно и въ самомъ незначительномъ количествѣ. Обычно въ селахъ пчеловоды приносятъ воскъ церковному старостѣ и обмѣниваютъ его на свѣчи. Церковный же староста отвозитъ воскъ въ уѣздную свѣчную лавку или складъ, тамъ его принимаютъ по вѣсу и существующей цѣнѣ. Но при этомъ часто воскъ бракуется, какъ нечистый и имѣющій стороннія примѣси, отчего нѣкоторые старосты на такомъ воскѣ несутъ матеріальный убытокъ. Въ силу указаннаго обстоятельства многіе старосты отказываются принимать воскъ отъ пчеловодовъ, и эти послѣдніе, по необходимости, продаютъ его въ первыя попавшіяся руки, случайнымъ покупателямъ.

А такими покупателями являются никто иные, какъ особые агенты, посылаемые частными заводами и отправителями воска за границу; эти агенты развѣзжаютъ по деревнямъ и скупаютъ медъ и воскъ у пчеловодовъ, а такъ какъ пчеловоды сосредоточиваютъ свое преимущественное вниманіе на медъ, а не на воскъ, почему и производятъ его мало, то обычно отдаютъ воскъ по весьма выгодной для покупателей цѣнѣ.

Вотъ какимъ путемъ нашъ русскій воскъ, минуя наши свѣчные епарх. заводы, уплываетъ въ громадномъ количествѣ за границу.

Выводъ изъ сказаннаго тотъ, что епархіальнымъ свѣчнымъ заводамъ слѣдуетъ предпринять рядъ мѣръ къ тому,

чтобы отечественный воскъ не уходилъ за границу, а оставался-бы въ Россіи и попадалъ-бы только на епарх. заводы.

Но какъ это сдѣлать?

Чтобы свѣчные заводы могли успѣшно выполнить указанную задачу, имъ необходимо привлечь къ этому дѣлу все епархіальное духовенство и церковныхъ старость. Духовенство по селамъ, въ сознаниіи важности такой миссіи, въ интересахъ завода, а вмѣстѣ и въ интересахъ своихъ собственныхъ¹⁾, должно настойчиво и постоянно внушать прихожанамъ-пчеловодамъ о необходимости продавать воскъ только въ свои епархіальныя свѣчныя лавки или непосредственно, самими, или черезъ церковныхъ старость. Должна быть установлена *безобидная для пчеловодовъ цѣна на воскъ* соответственно качеству его. Кромѣ того, и въ пользу церковныхъ старость за ихъ труды по покупкѣ и доставкѣ въ лавки воска долженъ поступать извѣстный процентъ, иначе многіе старосты не будутъ производить подобныхъ операцій, будутъ считать для себя этотъ трудъ необязательнымъ. Собранный съ извѣстнаго района указаннымъ путемъ воскъ уѣздныя лавки пересылаютъ уже на Епарх. заводъ.

Далѣе, свѣчные заводы, не ограничиваясь такими покупателями воска, какъ церковныя старосты, должны имѣть отъ себя особыхъ скупщиковъ воска, которые въ извѣстные періоды года будутъ разѣзжать по селамъ и деревнямъ и покупать воскъ. На опредѣленный районъ будетъ имѣться отлѣльный скупщикъ.

Въ данномъ случаѣ наши заводы воспользуются только тѣмъ способомъ покупки воска, какимъ обычно пользовались заводскіе конкуренты, т. е., частныя заводы и отправители воска за границу. Можно даже извѣстнымъ, болѣе или менѣе крупнымъ, пчеловодамъ давать задатки на воскъ и такимъ путемъ не упускать его въ чужія руки. Такой способъ практикуется, между прочимъ, при скупкѣ льна, хлопка и вѣкторыхъ другихъ предметовъ.

¹⁾ Свѣчные заводы оказываютъ громадную матеріальную помощь духовно-учебнымъ заведеніямъ.

Благодаря всѣмъ указаннымъ мѣрамъ, если не весь отечественный воскъ, то громадный процентъ его безусловно падеть на Епарх. свѣчн. заводы, а не за границу. Не долженъ смущать администрацію заводовъ указанный способъ покупки и доставки воска на заводы, ибо во всякомъ случаѣ этотъ воскъ обойдется гораздо дешевле, чѣмъ закупленный за границей, со всѣми затратами на его очистку и побѣлку. Пужно только заводамъ какъ можно шире поставить это дѣло и не чинить препятствій и не стѣснять агентовъ при скупкѣ воска и при пріемкѣ на заводахъ. Данное дѣло—коммерческое дѣло, а въ такихъ дѣлахъ должна быть широкая инициатива и предприимчивость; безъ затраты извѣстнаго капитала не обойтись, но за то онъ возвратится съ процентами. По главное то, что будетъ скупленъ воскъ непременно, и заводы не будутъ переплачивать сотни тысячъ рублей разнымъ иностраннымъ фирмамъ, какъ это было всегда раньше. Для скупщиковъ же воска должны быть установлены опредѣленные условія, которыя главнымъ образомъ должны касаться—качества воска, цѣны на него со стороны завода, способовъ доставки и пріемки воска на заводахъ и т. п. Можно съ увѣренностію сказать, что найдутся предприниматели, которые пожелаютъ войти въ соглашеніе съ заводами и будутъ скупать воскъ на свои наличныя деньги, что для заводовъ будетъ еще лучше.

Въ задачу дѣятельности заводовъ должна входить также и идея самаго производства воска, т. е., заводы должны употребить всѣ способы, чтобы увеличить и улучшить это производство. Для этой цѣли заводамъ необходимо войти въ соглашеніе съ разнаго рода пчеловодными обществами, оказывать имъ субсидіи, широко распространять литературу по пчеловодству, устраивать лекціи, курсы для уясненія наилучшихъ способовъ ухода за пчелами и добыванія воска и т. п.

Главнымъ же образомъ, по нашему мнѣнію, Епархіальнымъ свѣчнымъ заводамъ слѣдуетъ открыть въ нѣсколькихъ мѣстахъ епархіи школы по пчеловодству и при нихъ образцовыя пасѣки. Въдѣ есть же школы садоводства, цвѣтоводства,

огородничества и т. п.? Почему же не быть и школъ пчеловодства, если въ этомъ ощущается существенная необходимость и надобность? Есть среди духовенства оч. много любителей-пчеловодовъ, которые во всякомъ случаѣ не откажутся стать во главѣ такихъ школъ и такихъ пасѣкъ. И какъ всякая школа, школа по пчеловодству потребуеть извѣстныхъ затратъ, извѣстнаго расхода на оборудованіе и содержаніе ея, но все это искупается высокой цѣлью и необходимію въ существованіи такого рода школы. Кромѣ того, несомнѣнно, что школа со своей пасѣкой возвратятъ затраченный капиталъ съ процентами. Вѣдь отъ каждой школы отойдетъ множество отдѣльныхъ любителей пчеловодства, которые разсѣятся по разнымъ мѣстамъ и будутъ трудиться для своего же епархіального завода.

Необходимо только широко пропагандировать ту идею, что каждый пчеловодъ, какъ истинный православный христіанинъ, долженъ плоды трудовъ своихъ—воскъ—сбывать на епархіальный заводъ, гдѣ выдѣлывается исключительно только чистая восковая свѣча, каковую только и должно затепливать въ храмахъ предъ св. иконами; что на частныхъ заводахъ свѣчи выдѣлываютъ не изъ чисто пчелинаго воска, а съ примѣсью всякихъ негодныхъ веществъ, — парафина, дрянныхъ жировъ, и т. п., а что такую свѣчу собственно грѣховно приносить въ храмъ Божій. Нечистый даръ (нечистая свѣча) не можетъ быть угоднымъ, пріятнымъ Богу... Такимъ образомъ, каждый пчеловодъ, продавая воскъ епарх. заводамъ для производства чисто-пчелинаго-воска свѣчи, будетъ способствовать употребленію въ св. храмахъ только хорошаго, чистаго приношенія, пріятнаго Богу дара. И слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ будетъ совершать богоугодное дѣло.

Духовенство, повторяемъ, должно приложить всѣ усилія къ распространенію и впѣдренію въ сознаніи прихожанъ вышеизложенныхъ идей. Слѣдуетъ и самому ему заняться пчеловодствомъ въ большомъ размѣрѣ и съ большимъ усердіемъ, чтобы показать примѣръ прихожанамъ и вмѣстѣ спо-

собствовать увеличенію производства воска, тѣмъ болѣе, что, труды по пчеловодству хорошо вознаграждаются. Это можетъ подтвердить каждый пчеловодъ-любитель. Мы уже не говоримъ о томъ, что занятія на пасѣкѣ въ высшей степени интересны, занимательны и благородны, онѣ заставляютъ надъ многимъ задумываться и размышлять.

Въ заключеніе замѣтимъ, что администраціямъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ непременно нужно проявлять какъ можно больше *живой* дѣятельности, предприимчивости, энергій, и всѣми способами поддерживать тѣхъ лицъ, которые такъ или иначе будутъ помогать имъ въ этомъ важномъ и сложномъ дѣлѣ, что не всегда наблюдалось въ дѣятельности нѣкоторыхъ заводовъ.

Свящ. *И. Алабовскій.*

Изъ повременной печати.

Харьковскій създъ по устройству разумныхъ развлеченій для народа.

Интересныя свѣдѣнія о създѣ по устройству разумныхъ развлеченій для народа, происходившемъ въ іюнѣ 1915 г. въ Харьковѣ, излагаетъ свящ. М. Слуцкій въ журн. „Вѣра и Разумъ“ (№ 12—14 въ отдѣлѣ „Извѣстій по Харьков. епархіи“). Занятія этого създа даютъ матеріаль для характеристики современныхъ настроеній.

На създѣ былъ предложенъ цѣлый рядъ болѣе или мене основательныхъ докладовъ: о народныхъ домахъ, устройствѣ въ селахъ читаленъ, деревенскихъ музеевъ, передвижныхъ выставокъ, концертовъ, лекцій, литературныхъ вечеровъ, о чтеніяхъ для народа и дѣтей, о театрѣ и кинематографѣ въ селахъ и т. д. Во всѣхъ этихъ докладахъ, какъ отмѣчаетъ о. Слуцкій, игнорировалось привлеченіе Церкви и духовенства къ участию въ дѣлѣ просвѣщенія народа. Поэтому поводу о. Слуцкій весьма основательно доказываетъ,

что игнорированіе церковно-религіознаго элемента въ развитіи народа неминуемо приведетъ къ нравственному разложению послѣдняго, и что пастырямъ Церкви необходимо заблаговременно взять дѣло разумнаго заполненія народнаго досуга въ свои руки, пока его не захватили иные руководители, желающіе вести народъ по пагубному пути удаленія отъ вѣры и Церкви. Дѣйствительно, такія средства развлеченія народнаго, какъ читальни, кинематографы, концерты, чтенія и т. п., представляютъ могучую силу для вліянія на народъ въ ту или другую сторону, и духовенству необходимо привлечь эту силу на служеніе своему дѣлу. Между тѣмъ, у нѣкоторыхъ ревнителѣй просвѣщенія народнаго замѣтно стремленіе совершенно отстранить духовенство отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Такое отношеніе проявились и на сѣздѣ. О. Слудскій, участвовавшій на сѣздѣ въ качествѣ члена, замѣтивъ, что въ докладахъ религіозно-нравственный элементъ замалчивается, внесъ въ одну изъ секцій предложеніе о желательности устройства въ селахъ также и религіозно-нравственныхъ бесѣдъ и чтеній. Предложеніе это въ секціи было принято, но на общемъ собраніи всѣхъ членовъ сѣзда оно не было доложено (къ-мъ-то было изъято), такъ что о. Слудскому пришлось снова выступить со своимъ предложеніемъ, каковое и было одобрено значительнымъ большинствомъ членовъ сѣзда.

Были на сѣздѣ представлены и доклады объ алкоголизмѣ, изъ которыхъ авторъ разсматриваемой статьи особенно отмѣчаетъ, какъ выдающійся по своимъ научнымъ достоинствамъ, докладъ д-ра Флерова. Основная мысль доклада та, что лучшимъ средствомъ для борьбы съ пьянствомъ является возрожденіе духовной личности человѣка. При обсужденіи этого доклада произошелъ любопытный инцидентъ. Представители социаль-демократіи выступили со своими трафаретными рѣчами о томъ, что пьянство исключительно зависитъ отъ политическаго режима и отъ бѣдности народной, но д-ръ Флеровъ научно доказалъ, что въ такихъ свободныхъ

странахъ, какъ Америка, Англія, Франція, пьянство развито сильнѣе, чѣмъ въ Россіи, и что богатые пьютъ не меньше, чѣмъ бѣдные. Вообще о. Слудскій отмѣчаетъ, что на сѣздѣ выступленія соціалъ-демократовъ, мазепинцевъ и толстевцевъ большого успѣха не имѣли, несмотря на то, что сѣздъ въ большинствѣ своемъ состоялъ вовсе не изъ черносотенцевъ. По мнѣнію автора, это свидѣтельствуеть, что даже наша прогрессивная интеллигенція начинаетъ сознавать, что отъ безпочвенныхъ, отрѣшенныхъ отъ жизни мечтаній, необходимо перейти къ дѣлу.

Обсуждался на сѣздѣ и вопросъ объ агрономической помощи крестьянству. Между прочимъ, было внесено предложеніе, чтобы агрономамъ, вмѣсто жалованья, были даны участки земли, на которыхъ агрономы самымъ дѣломъ учили бы крестьянъ, какъ вести обработку земли. Такое предложеніе въ высшей степени разумно и цѣлесообразно, такъ какъ при современномъ положеніи дѣла агрономы большей частью, вмѣсто практическаго примѣненія своихъ наставленій къ дѣлу ограничиваются однѣми теоретическими лекціями, которыя къ тому же иногда и съ агрономіей имѣютъ очень мало общаго. Но присутствовавшимъ на сѣздѣ агрономамъ указанное предложеніе пришлось на столько не по нутру, что они даже встрѣтили его шиканьемъ. Видно, такіе агрономы мало надѣются на то, что ихъ наука обезпечитъ имъ достаточные доходы съ предлагаемой имъ земли!

Н. Г.

О приходскихъ кооперативахъ.

Правленію и совѣту, желающему упрочить положеніе товарищества, необходимо зорко слѣдить за членами, не выдавать чрезмѣрныхъ ссудъ, которыя только обременяютъ хозяйство заемщика, и не допускать пересрочекъ безъ особой и настоящей надобности. Нужно близкое знакомство съ народною жизнью, мѣстными условіями, пужень громаднѣйшій тактъ, а при случаѣ, и твердость правленія, чтобы не усту-

пить напору и не отдать дѣло на волю теченія. При массѣ товарищей—невозможно знать достоинства каждаго члена, невозможно провѣрить состояніе хозяйства, или контролировать употребленіе ссудъ. А вѣдь, въ этомъ-то и заключается смыслъ и гарантія всей мелкой кредитной коопераціи.

Казалось бы, сами члены-мужички являются естественными хранителями товарищескаго добра и „сторожами“ другъ-за-другомъ; вѣдь, каждый отвѣчаетъ имуществомъ своимъ за общіе убытки. Но въ большемъ товариществѣ и это сознаніе ослабляется. Во-первыхъ, когда много „сторожей“—каждый надѣется на другихъ и старается остаться въ сторонѣ, во-вторыхъ, первые убытки, обыкновенно небольшіе, покрываются прибылью, т. е., процентами, уплаченными всей массой товарищей и, слѣдоват., нечувствительны для каждаго члена, а потому и не вызываютъ безпокойства; течь оставляютъ открытой, пока она не прорветъ плотину. Боязнь вмѣшиваться въ общественныя дѣла, нежеланіе ссориться съ сосѣдомъ, непониманіе отдаленныхъ послѣдствій небрежнаго веденія дѣлъ—все это дѣлаетъ членовъ пассивными зрителями того, какъ ихъ сотоварищи подрываютъ общее дѣло.

Въ нѣкоторыхъ товариществахъ пробовали примѣнять особую мѣру—выбирать особыхъ „досмотрщиковъ“ и ставить ихъ надъ каждымъ „десяткомъ“ членовъ, какъ контролирующую инстанцію. Но съ этимъ открывается широкой путь злоупотребленіямъ, потому что рядовой членъ „заслоняется“ и отдѣляется отъ правленія своимъ „десятскимъ“. Найти же дѣлюю сотню хорошихъ десятскихъ (при 1000 членовъ т-ва)—вещь весьма трудная. Это, такъ сказать, разслоеніе кооператоровъ на два разряда—опекающихъ и опекаемыхъ—совершенно противно духу коопераціи и допустимо лишь временно и при очень тщательномъ подборѣ лицъ.

Что же дѣлать однако, чтобы не допустить товарищества пойти ложнымъ путемъ? Усиливать внѣшій надзоръ?—Онъ и теперь великъ и не можетъ продолжаться вѣчно: кооперація должна, въ концѣ концовъ, ходить на своихъ ногахъ.

Есть двѣ взаимно связанныя мѣры, при помощи которыхъ можно удержать приходскіе кооперативы отъ вырожденія.

Первая мѣра—сокращеніе районовъ товариществъ, или, правильнѣе сказать, круга его членовъ,—ограничимся хотя бы 200—300 членами, которые будутъ сосредоточены на небольшомъ районѣ съ радіусомъ въ 2—3 версты. Тогда возможно будетъ, полагаемъ, и близкое знакомство членовъ, и провѣрка заявленій, и способы расходованія ссудъ; ощутительнѣе будетъ взаимная отвѣтственность.

Но противъ мелкихъ приходскихъ кооперативовъ возражаютъ, во-первыхъ, что они не привлекутъ вкладовъ, во-вторыхъ, не дадутъ прибыли. Первое возраженіе основано на недоразумѣніи. Напрасно думаютъ, что довѣріе населенія завоевывається числомъ членовъ или грузнымъ багажомъ. Этого рядовой нашъ деревенецъ не разбираетъ. Для него важно, что кредитъ находится тутъ же, подъ бокомъ, что во главѣ стоятъ знакомые и надежные люди (надежность требуется самая элементарная,—только чтобы не присваивали себѣ общественныхъ денегъ)... Ходъ „дѣлъ“ въ товариществѣ у всѣхъ на глазахъ въ маленькомъ кооперативѣ, и тѣ мелкія сбереженія, которыя теперь туда идутъ, пойдутъ и впредь.

Вопросъ о прибыли не можетъ быть руководящимъ для приходскаго кооператива; однако и онъ рѣшается довольно просто: прибыль товарищества не зависитъ отъ размѣра оборота, ибо отъ раздачи денегъ оптомъ или въ розницу оно ничего не выигрываетъ; измѣняется валовая прибыль, а не процентъ ея. Ясно, что получить прибыль въ 1000 руб. на тысячу членовъ—то же, что 200 р.—на двѣсти.

Вознагражденіе Правленію, стоимость постройки зданія и т. п. Но первое, конечно, сообразуется съ количествомъ дѣлъ, и въ мелкихъ товариществахъ должно уменьшаться. Оно вообще у насъ высоко, ибо, наприм., священнику—счетоводу приходится затрачивать много труда и быть достаточно подготовленнымъ, чтобы справиться съ сложными формами, введенными Государственнымъ Банкомъ; упрощеніе

ихъ разрѣшило-бы вопросъ. Притомъ въ малыхъ товариществахъ времени требуется на веденіе дѣла гораздо меньше (при тысячномъ составѣ выдача ссудъ затягивается до глубокой ночи, при 100 членахъ она будетъ окончена въ 2 часа).

Наиболѣе острый вопросъ о лицахъ, о руководителяхъ ибо ихъ трудно найти и теперь. Мы полагаемъ, что съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, съ призывомъ на войну ратниковъ-ополченцевъ, много выбыло дѣльныхъ людей изъ кооперативовъ; и думаемъ, что приходская жизнь, уже вышедшая теперь изъ *мертваго* „застоя“, болѣе не замретъ, будетъ развиваться, и что потребности коопераціи привлекутъ больше служителей интеллигенціи—въ лицѣ, наприм., приходскихъ священниковъ и народныхъ учителей. Необходимо, поэтому, всѣми силами содѣйствовать не только общему образованію, но и распространенію спеціально кооперативныхъ знаній, и нужно *создавать* людей; въ этомъ кажется, очередная задача всего кооперативнаго движенія.

И вотъ, раздробляя товарищество, мы должны дополнить это другою мѣрою—образованіемъ союзовъ товариществъ по районамъ, уѣздамъ и округамъ; губернской союзъ былъ бы слишкомъ далекъ отъ сельскихъ приходскихъ кооперативовъ и, вообще, преждевременнымъ до укрѣпленія уѣздныхъ союзовъ. Союзы будутъ служить, во 1-хъ, общей ревизіонной кассой: тѣ вкладчики, которые колебались бы довѣрить свои деньги мелкому товариществу, отдають ихъ въ союзную кассу. Во 2-хъ, союзъ долженъ взять на себя руководство товариществами—производить періодическую обязательную ревизію дѣлъ своихъ сочленовъ, безъ чего послѣднихъ нельзя и приманить въ союзъ, который будетъ, вѣдь, нести извѣстную матеріальную отвѣтственность за всѣхъ. И только при такомъ близкомъ участіи заинтересованнаго учрежденія, контроль можетъ быть правильно поставленъ, не ограничится бумажной повѣркой. Наконецъ, союзъ можетъ оказывать своимъ членамъ разнообразную поддержку и посредничество. Въ частности, вопросъ о постройкѣ въ приходсахъ собствен-

ныхъ помѣщеній для приходскихъ кооперативовъ правильнѣе всего разрѣшается путемъ сооруженія народныхъ домовъ совмѣстно съ другими кооперативными и просвѣтительными организаціями деревни.

Боевое время, теперешніе „трудные годы“ застають еще приходскіе наши кооперативы слабыми, какъ-то разрозненными, и они слабы, полагаемъ, потому, что до сихъ поръ, не по своей волѣ, не объединены въ помянутые союзы.

Дождаться „Уставныхъ“ союзовъ некогда. Нужно объединиться скорѣе въ союзы по договорамъ; нужно устранять хотя бы временныя объединенія для поставокъ и сбыта, наприм., овса для кавалеріи; благо,—теперь при большихъ станціяхъ, при вокзалахъ построены элеваторы, а урожай овса во многихъ деревняхъ хорошій.

Нужно повторять ходатайства о разрѣшеніи „Уставныхъ“ союзовъ, входить членами въ тѣ крупныя общества деревенскаго нашего хозяйства, въ которыхъ живетъ кооперативный духъ. Напримѣръ, полезно объединиться приходскимъ кооперативамъ около Московскаго Народнаго Банка,—вступить „пайщиками“, заводить съ Банкомъ дѣловыя сношенія. Въ однопочку, вѣдь, нельзя многого сдѣлать, когда событія охватываютъ всю Россію. Недостаточно созывать общія собранія отдѣльныхъ кооперативовъ. Для обсужденія, для согласованія дѣйствій, для выработки общаго плана необходимы съѣзды, совѣщанія.

Во многихъ хозяйствахъ сельскихъ нашихъ приходовъ остались почти только женщины; нужно приглашать и ихъ на собранія приходскихъ кредитныхъ товариществъ, записывать ихъ членами. Гдѣ найдутся подходящія, хорошо грамотныя,—выбирать ихъ въ управленіе. Такъ, доходить вѣсти объ уныніи въ нѣкоторыхъ товариществахъ, о прекращеніи дѣятельности (закрытія, наприм., „общественныхъ лавокъ“). Это было бы опасной ошибкой. Именно теперь, въ боевое время, особенно нужна поддержка. Нужно облегчать погашенія ссудъ, выдачныхъ солдатамъ и ратникамъ, когда они,

живя еще въ приходахъ, брали „кредитъ“ на нужды свои. Необходимо, кажется, привлекать усиленно вклады, разъясняя весь вредъ ихъ „выборки“,—возбуждать ходатайства о выдачѣ долгосрочныхъ ссудъ. Необходимо, полагаемъ, организовать залоговыя операціи подъ трудно сбываемые продукты и употреблять всѣ усилія сбывать, помимо скупщиковъ, провизію и провіанты, подходящіе для арміи и Краснаго Креста въ уѣздныя, наприм., земскія управы. Земство должно бы приходскимъ кооперативамъ отдавать предпочтеніе предъ „скупщиками“ деревенскими.

Но всего на армію, на наше „христолюбивое воинство“ не сбудешь. Нужно разузнавать, чрезъ посредство, наприм., Московскаго Банка, въ какія бы мѣста внутри Россіи можно сбыть то, что до сихъ поръ шло за-границу, и въ какомъ видѣ: въ сыромъ или переработанномъ,—необходимо, слѣдоват., узнавать (чрезъ посредство областныхъ союзовъ, земскихъ кассъ и крупныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ) способы сохранять скоро портящіеся продукты. Нужно поддерживать приходской „товарищеской“ помощью ослабѣвшія въ *общей бѣдѣ* хозяйства. Такъ, Москов. Народный Банкъ образовалъ фондъ помощи жертвамъ войны, преимущественно кооператорамъ; поддержать надо это благородное дѣло, пополая фондъ добротными по приходу сборами. Необходимо бы и собирать пожертвованія для помощи, наприм., „бѣженцамъ“—этимъ *униженнымъ и оскорбленнымъ* людямъ.

Н. С.

Бесѣды по пчеловодству.

(Продолженіе).

Разбрушевеа и отфуговеа сотовъ на медогонѣ дѣло хотя и не трудное, но требуетъ нѣкотораго навыка. Эта операція производится такъ. Вынувъ изъ коробки сотъ, ставимъ его на стойку извѣстнаго уже читателю сосуда въ

чуть наклоненное положеніе къ лѣвой рукѣ, а затѣмъ острымъ, разбрушевочнымъ ножемъ начинаемъ осторожно снимать печать сотовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соты правильны, т. е. не имѣютъ бугровъ и выступовъ, утолщающихъ ихъ за предѣлы допустимой толщины, снимается слой печати; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ имѣются бугры, или гдѣ соты слишкомъ утолщены, ножемъ снимаются всѣ неровности до полной правильности пластовъ. Чтобы лезвіе разбрушевочнаго ножа не теряло своей остроты и не заклеивалось свѣжимъ воскомъ, послѣ каждаго срѣза слѣдуетъ почистить его о края сосуда; въ тѣ же антракты, когда вы заняты вращеніемъ медогонки, ножъ кладется въ кувшинъ съ кипяткомъ. Воскъ въ кипяткѣ мигомъ растаетъ, и лезвіе получитъ свою первоначальную остроту. Разбрушевавъ сотъ, вкладываемъ его въ медогонку. Точно такъ же поступаемъ и со вторымъ сотомъ, и третьимъ, и четвертымъ, если медогонка устроена на четыре рамки. Теперь только остается намъ повертѣть ручку медогонки разъ 10 и не особенно быстро (чтобъ отъ чрезмѣрно развившейся центробѣжной силы не обрушились соты), какъ все содержимое ячеекъ наружной стороны сотовъ выпрыснется на стѣнки центробѣжки. Перевернувъ рамки въ медогонкѣ другой стороной, вертимъ ручку опять разъ 10, и медъ выпрыснется съ пластовъ окончательно. Вынимая изъ медокачки опростанныя рамки, мы должны осмотрѣть ихъ, не погнулись ли гдѣ соты и не изломалась ли гдѣ постройка. Прогнутые соты выправляются немедленно, исправляются также и всѣ обнаруженные дефекты. Опроставъ всѣ принесенныя рамки, складываемъ ихъ въ коробку и отсылаемъ на пасѣку, гдѣ онѣ и водворяются на своихъ мѣстахъ рукою пчеловода или его помощника.

Процѣживаясь на ситкѣ, медъ изъ медогонки льется въ ведро, а изъ ведерка переливается въ сухую кадушку для отстоя или прямо въ боченокъ, если онъ (медъ) достаточно густъ. Молодой, жидкій медъ (сырецъ — какъ его еще называютъ), если бы таковой вдругъ пчеловодъ выкачалъ,

нельзя сливать прямо въ закрытый боченокъ; такой медъ ставятъ, обыкновенно, на болѣе или менѣе продолжительное время въ открытой посудѣ и непремѣнно въ безусловно сухомъ мѣстѣ, ибо въ противномъ случаѣ, т. е., если вы его поставите въ мѣсто сырое, онъ еще болѣе разжижится. Очень молодой медъ можетъ забродить и прокиснуть. Бродить и закисаетъ медъ еще и въ томъ случаѣ, когда бываетъ слить въ грязный и влажный боченокъ.

Не будемъ болѣе распространяться о техникаѣ медосбора; былъ бы только взятокъ, а съ медомъ пасѣчникъ и безъ посторонней помощи управится. Скажемъ лишь, что въ хорошее взяточное лѣто пень можетъ пойти на медогонку отъ 3 до 5 и болѣе разъ. Разумѣется, что не всѣ рамки ставятъ на медогонку въ одинъ приемъ, но съ осторожнымъ и разумнымъ выборомъ. Всегда нужно имѣть въ виду неблагоприятный поворотъ въ состояніи погоды,—этотъ пчелиный черный день.

Умѣстно будетъ здѣсь сказать пчеловодамъ еще и о томъ, что въ медосборный періодъ слѣдуетъ озаботиться обь отстройкѣ искусственной вошины. Въ каждомъ пнѣ обязательно должна быть хотя-бы только одна рамка искусственнаго пласта. Пласть такой необходимо держать въ семьѣ для того, чтобы пчелы имѣли возможность употребить въ дѣло избытокъ восковыхъ шелушинокъ, выдѣляемыхъ ими вольно и не вольно. Какъ только оттяжка искусственной вошины будетъ вполне закончена, и пчелы начнутъ складывать въ ней медъ или выводить черву, слѣдуетъ подставить имъ еще такую же. Бываютъ случаи усиленнаго выдѣленія воска; пчелы на дѣлѣпливаютъ восковые запасы то на стѣнкахъ, то на боковыхъ планкахъ рамокъ, то усиленно свариваютъ имъ утолщенные пласты, то начинаютъ тянуть постройку подъ крышкой или въ пустомъ пространствѣ за заставными досками и даже снаружи улья—подъ днищемъ ¹⁾). Явленія подобнаго рода сви-

¹⁾ Случай подобнаго рода имѣлъ мѣсто на пасѣкѣ моего родственника и ученика Г. П. Зуб..го

дѣлствуютъ объ избыткѣ выдѣляемаго воска и настоятельно говорятъ пчеловоду о предоставленіи пчеламъ возможности использовать свои лишки для его же пользы, и пчеловодъ долженъ немедленно предоставить пчеламъ мѣсто для работы, онъ долженъ вставить искусственные пласти во внутрь гнѣзда, а за заставныя доски поставить рамки съ налѣпочками. Не бѣда, если такія рамки будутъ вплось затынуты трутневкой, и трутневая постройка нужна пчеловоду, матка же сюда рѣдко заползаетъ.

Въ заключеніе бесѣды о медосборѣ хочу познакомить читателя съ нѣсколькими приѣмами „пустить пчелъ на медъ“, о чемъ вскользь и раньше упоминалось.

Способы пустить пчелъ на медъ.

Пустить пчелъ на медъ, какъ мы ужъ и раньше говорили, означаетъ искусственно поставить пчелиную семью въ такія условія, при которыхъ она соберетъ наибольше запасовъ. Способовъ такихъ есть не мало, но мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что они намъ уже отчасти извѣстны.

1. *Первый способъ* и самый простой въ томъ состоитъ, что пчеловодъ отдѣляетъ матку отъ большей половины гнѣзда перегораживающей (ганнемановской или американской) рѣшеткой и тѣмъ, ограничивъ ея червленіе, даетъ возможность семьѣ собрать побольше запасовъ. Объ этомъ способѣ, если помнить читатель, мы говорили въ статьѣ объ ограниченіи и недопущеніи роенія, такъ что здѣсь остается лишь повторить вкратцѣ кой-какіе совѣты.

Рѣшетка, прежде всего, вставляется только тогда, когда пчеловодъ не думаетъ взять роя отъ данной семьи; вставляется она, затѣмъ, только въ томъ случаѣ, когда семья достигла полного развитія. Далѣе, отгораживать матку слѣдуетъ не раньше начала главнаго взятка, но и не позже, ибо весь тотъ засѣвъ, который матка произведетъ послѣ начала взятка, выростетъ въ роевую силу не раньше 21-го дня, т. е., почти

послѣ окончанія взятка и потому не используетъ своей трудо- способности въ этомъ году. Исключеніе въ данномъ случаѣ составляютъ мѣстности, изобилующія поздними взятками (поздняя греча, верескъ и пр.). Кто хочетъ использовать силу пчелъ на позднихъ взяткахъ, тотъ, изъ опасенія уменьшить силу, не долженъ запираить матки на маломъ количествѣ рамокъ. Матку и въ этомъ случаѣ отгородить можно, но только нужно давать ей отъ времени до времени свободную, рабочую сушь или пласты искусственной вошины.

Матка отгораживается къ глухой стѣнѣ на 4-6 рамкахъ. Слѣдуетъ дня черезъ три—четыре послѣ отдѣленія матки посмотреть, не перешла-ли она какъ-нибудь черезъ рѣшетку въ другую половину гнѣзда, а то, вѣдь, вся наша забота теряетъ значеніе и смыслъ. Матка мигомъ зачервитъ всю сушь и трутневку, каковая здѣсь перво-наперво должна быть, и будетъ *послѣдняя лествица горшка первыя*.

2. *Второй способъ*—это есть способъ отройки семьи въ одномъ и томъ же ульѣ, о которомъ мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ. Половина семьи, выгрѣвающая себѣ молодую повелительницу, соберетъ много запасовъ себѣ и пчеловоду на пользу и утѣшеніе. Чтобы получше использовать рабочую силу данного пня, нужно произвести раздѣлъ за недѣлю до начала главнаго взятка; сіе дѣлается въ тѣхъ интересахъ, чтобы періодъ тоски по исчезнувшей маткѣ и уменьшеніе трудоспособности пчелъ палъ на безвзяточное время. Но если бы раздѣлъ почему-либо совпалъ съ началомъ взятка, семья раздѣляется не наглухо, а сѣткой, чтобы пчелы могли находить утѣшеніе въ близости своей прежней царицы и не впадали въ безработицу.

3. *Третій способъ*—это способъ автора, когда матка, съ началомъ взятка, запирается въ клѣтку и кладется тутъ же въ центрѣ гнѣзда или поверхъ чуть раздвинутыхъ рамокъ. Пока пчелы выведутъ себѣ новую матку, все гнѣздо будетъ залито принесенными запасами, и цѣль будетъ достигнута. Только успѣвай качать!

Какъ видите, читатель, обо всѣхъ этихъ способахъ мы уже говорили, теперь лишь приводимъ ихъ на память и просимъ заглянуть въ соответствующее мѣсто нашихъ „бесѣдъ.“ Остается еще упомянуть о приѣмѣ использованія рабочей силы двухъ неразборныхъ пней, рекомендованномъ проф. Цесельскимъ.

Приѣмъ использованія рабочей силы двухъ неразборныхъ пней проф. Цесельскаго.

Два неразборныхъ пня устанавливаются рядомъ въ день выставки пчель на точекъ или послѣ перевозки пчель на новое мѣсто. По мѣрѣ увеличенія силъ пни постепенно сдвигаются до сплошнаго рядомъ—стоянія и даже покрываются одной общей крышкой. Какъ только пни коснулись другъ о дружку, начинается поворотъ ихъ на мѣстѣ съ цѣлью сближенія летковъ между собою. Въ то время какъ правый улей поворачивается направо, лѣвый—налево. Поворотъ этотъ совершается постепенно, не болѣе 1 вершка въ сутки. Но вотъ, наконецъ, летки совсѣмъ ужь близко, пчелы постепенно привыкаютъ къ непрошенному сосѣдству, а пчеловодъ въ этомъ направленіи идетъ еще дальше: онъ снимаетъ подлетки и вмѣсто двухъ придѣлываетъ одинъ. Что за нахальство?! удивляются пчелы..., но привыкаютъ и къ этому. Пчеловодъ однако не утомоненъ, онъ идетъ еще дальше... Какъ только начался взятокъ, онъ возьми да и поставь на мѣсто этихъ двухъ сіамскихъ близнецовъ одинъ рамочный улей, близнецовъ же растащи по разнымъ мѣстамъ въ отдѣльныхъ углахъ пчельника. Объ одномъ только и старается пчеловодъ,—чтобы летокъ рамочнаго улья точно пришелся на мѣсто летковъ неразборныхъ пней; хорошо еще сдѣлаетъ пчеловодъ, если общій подлетокъ близнецовъ приладить какъ-нибудь къ рамочному улью. Что же получится? А получится въ результатѣ то, что вся летная муха разъединенныхъ близнецовъ соберется въ рамочномъ ульѣ и съ большой энергіей примется за дѣло въ приготовленномъ изъ свобод-

ной суши, просторномъ гнѣздѣ новаго помѣщенія. Чтобы пчелы не скучали на первыхъ порахъ, имъ слѣдуетъ вставить одну рамку свѣжаго засѣва и врѣзать зрѣлый маточникъ. Соединенныя силы двухъ неразборныхъ пней могутъ дать въ хорошее лѣто до трехъ пудовъ меду чистой пользы. Разъединенные же близнецы хотя и потеряютъ летную муху, но на зиму все же уснѣютъ устроиться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Діаконъ Г. Лислянский.

Разсказъ раненаго солдата.

Этo было въ самомъ разгарѣ отступленія нашихъ войскъ изъ Галиціи,—такъ началъ свой разсказъ раненый солдатъ, Исаія Таракъ. Ночь. Врагъ напиралъ невѣроятно сильно. Казалось, что этой ночью, во что бы ни стало врагъ стремился поглотить наши части, весьма немногочисленныя и при томъ съ большимъ недостаткомъ боевого снаряженія. Наши части шли стойко, въ порядкѣ, долго не задерживаясь даже и тамъ, гдѣ нужно было ударить пулеметомъ, а то и штыкомъ, во флангъ врага, чтобы дать возможность слѣдовать за нами задерживающей непріятеля части, которая, сдерживая разъяреннаго врага, рисковала быть отрѣзанной. Впереди показалось село К. По какой-то несчастной случайности жители села, несмотря на сообщеніе о приближеніи врага, не успѣли собраться со своими пожитками и выѣхать за линію огня. Когда наши части приблизились къ селу, то нельзя было безъ ужаса смотрѣть на эту картину отчаянія, какую мы встрѣтили въ селѣ. Нѣмецкіе снаряды падали въ село и, разрываясь, убивали метавшихся изъ стороны въ сторону обезумѣвшихъ отъ ужаса жителей. Начался громадный пожаръ села. По улицамъ, кромѣ людей, метались лошади и другой скотъ, ища спасенія. Крикъ, шумъ, гамъ, вопль и ревъ скота еще больше увеличивали ужасное положеніе несчастныхъ жителей. Къ довершенію невѣроятнаго ужаса, многіе отцы и матери не знали, куда поразбѣжались ихъ дѣти, дѣти не могли найти своихъ родителей, мужья женъ и жены мужей; словомъ, воцарился полный беспорядокъ. Солдаты наши дѣлали все возможное, чтобы облегчить положеніе несчастныхъ и, установивъ въ общей суматохѣ нѣчто въ родѣ порядка, направили нѣсколько опомнившихся мужчинъ и женщинъ бѣжать въ ту сторону, гдѣ, повидимому, не грозила серьезная опасность.

Но врагъ напиралъ и не давалъ возможности всѣмъ жителямъ выполнить благоразумный совѣтъ нашего начальства, которое умоляло жителей не суетиться, а скорѣе забирать свои семейства и уходить, куда имъ указываютъ. Наша часть сдѣлала нечеловѣческой ударъ во фронтъ насѣдавшаго врага, чтобы дать возможность выбраться всѣмъ жителямъ..... Но есть и для русскаго солдата невозможное. Численность войскъ, превосходящая въ нѣсколько разъ наши порѣдѣвшія части, и ураганный огонь вражеской артиллеріи, которой мы не могли отвѣчать по недостатку у насъ снарядовъ, заставили насъ уйти изъ села, въ которомъ не мало еще осталось жителей, по большей части стариковъ и дѣтей. Всѣ они столпились въ одну кучу, и только безнадежными воплями выражали свое отчаяніе. Прорвавшійся въ село врагъ, направилъ въ дѣтей и прочихъ жителей ураганный огонь изъ пулеметовъ. Черезъ какіе-нибудь пятьдесятъ минутъ отъ бывшихъ крестьянъ, взрослыхъ и дѣтей, остались только груды человѣческаго изуродованнаго мяса, которое корчилось въ предсмертной агоніи. Солдаты наши, чуть не поголовно плакали, что не смогли спасти оставшихся безпомощныхъ жителей, которые погибли отъ злобнаго врага, но послѣ всего того, что они сдѣлали, не могли уже ничего больше сдѣлать, чтобы предотвратить гибель ни въ чемъ неповинныхъ обитателей села К. Съ глубокою горечью отошли мы отъ села К., но съ твердой надеждой наказать озвѣрѣлыхъ варваровъ, которые, забывъ я Божескіе и человѣческіе законы, стремятся лишь къ одной цѣли: всѣми средствами, какъ дозволенными, такъ и запрещенными, добиться европейскаго господства, чтобы затѣмъ посредствомъ грубой физической силы заправлять всѣмъ міромъ. Но до этого, надѣмся, Богъ нѣмцевъ не допуститъ. Варвары-нѣмцы должны понести заслуженное наказаніе. Да будетъ на нихъ рука Господня.

Семенъ Марченко.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 5-го декабря 1915 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Мерин. 6.

ГОДЪ

LVI.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 52

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевоиой духов-
ной Семинаріи.

1915-го года 20-го декабря.

Содержаніе: I. Звѣзда Незаходимаго Свѣта. В. Садовничій.—II. И на зем-
лѣ миръ. К. Тихомировъ.—III. Въ вопросу о современномъ по-
ложеніи русской женщины. Свящ. Вл. Успенскій.—IV. Изъ повре-
менной печати. Н. Г.—V. Аптечки въ сельскихъ приходахъ Н. С.—
IV. Объявленіе объ изд. „Р. д. с. п.“ въ 1916 г.

Звѣзда Незаходимаго Свѣта.

Въ святую, великую, рождественскую ночь, когда Спа-
ситель міра воплотился въ Виѣлеемѣ, въ безбрежномъ про-
сторѣ неба вспыхнула яркая, чудесная звѣзда. Ея таинственно-
нѣжные лучи серебристымъ свѣтомъ озарили землю. Они
стремились благоговѣнно проникнуть подъ земляной покровъ
вертепа къ скромнымъ яслямъ Младенца Христа, они сколь-
зили по башнямъ и зданіямъ древняго города Давидова, они
заглянули въ далекія пустыни, въ непроходимыя пропасти,
и въ царскіе чертоги, и въ хижину бѣдняка. И всюду за-
рождали они ощущеніе безконечнаго счастья и блаженства.
Радостно трепетала вся природа; пораженные красотой и чу-
десами благословенной ночи, молчали пастухи Виѣлеемскіе,

внимая небесной пѣснѣ Херувимовъ и Серафимовъ; мирно покоилось человѣчество подъ мягкій свѣтъ чудной небесной звѣзды.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе девятнадцати вѣковъ, и мы опять встрѣчаемъ святую рождественскую ночь. Мы жадно ждемъ, что Звѣзда Незаходимаго Свѣта опять чудесно возсіяетъ надъ міромъ и прольетъ въ наши души хоть крупицу того блаженства, какое принесъ на землю воплотившійся Христосъ Богъ, хотъ на мгновенье заставитъ забыть страшную дѣйствительность нашихъ дней!..

Печально отразится свѣтъ Виелеемской звѣзды на душахъ нѣмецкихъ пушекъ, которыя, по сообщеніямъ газетъ, въ изобиліи размѣщены теперь на холмахъ Палестины. Этотъ чудный свѣтъ, лишь только наступилъ первый день послѣ его появленія, сталъ попираемъ и кощунственно оскверняемъ отвергшимъ небесный миръ и Божіе благоволеніе человѣствомъ, но никогда еще не составлялъ онъ такого контраста съ тѣмъ, что освѣтитъ онъ въ нынѣшнюю рождественскую ночь. Горы труповъ, рѣки крови и слезъ, безконечные ряды свѣжихъ могильныхъ крестовъ, наведенныя людьми другъ на друга во множествѣ орудія смерти и уничтоженія, звѣрскія жестокости, обманы, насилія, предательства и т. д. Безчеловѣчный поступокъ Ирода, умертвившаго нѣсколько тысячъ младенцевъ въ Виелеемѣ и его окрестностяхъ, блекнетъ передъ дѣяніями нѣмецкаго Ирода нашихъ дней. Тогда плакала „Рахиль о дѣтяхъ своихъ“, теперь же плачутъ многіе миліоны матерей. Тогда лишь „въ Рамѣ“ слышенъ былъ стонъ и рыданіе и вопль великій, теперь же эти проявленія горя и безутѣшной скорби чернымъ траурнымъ покрываломъ окутали почти все лице земли; отъ нихъ не скроетесь никуда!..

Чаша скорби и страданій человѣческихъ переполнена; тѣма грѣховная все сгущается надъ міромъ! А тамъ, высоко въ небесной дали сверкаетъ возженная для насъ любовію Создателя звѣзда Незаходимаго Свѣта. Ея лучи незримо проникаютъ въ глубину сердецъ человѣческихъ, зовутъ и вле-

кутъ насъ· склонить свои усталыя головы предъ Тѣмъ, Кто не возгнушался убогихъ яслей ради насъ и нашего спасенія. И чѣмъ чище сердце человѣка, тѣмъ прекраснѣе отражаются въ немъ эти чудныя лучи. Вспомните дни дѣтства, когда бремя міра сего еще не успѣло пригнуть насъ къ землѣ, когда мы еще ясными глазами могли смотрѣть на небо. Какимъ тихимъ счастьемъ ограждался тогда свѣтъ Христовой звѣзды въ нашихъ сердцахъ! Мы чувствовали его, мы видѣли его своими духовными очами, какъ видѣли его древніе волхвы, первыми откликнувшіеся на зовъ свѣта чудесной звѣзды и послѣдовавшіе за нимъ; и свѣтъ этотъ не обманулъ ихъ: онъ привелъ ихъ ко Христу, Единственному Источнику мира и счастья. Скрежетъ злобы, грохотъ пушекъ и стоны умирающихъ могутъ на время заглушить проповѣдь любви Евангельской, но никогда не погаситъ имъ сіянія звѣзды Незаходимаго Свѣта. Она всегда была и будетъ ангеломъ радости и блаженства для тѣхъ, кто изберетъ ее свѣточемъ и проводникомъ въ своей жизни, ибо это есть тотъ Свѣтъ, который во тьмѣ свѣтитъ и котораго тьма не въ силахъ объять (Ин. 1, 5).

Какъ капля воды не можетъ спасти стогъ объятаго пламенемъ сѣна, такъ и каждый изъ насъ безсиленъ въ борьбѣ съ охватившимъ большую часть народовъ земли кровавымъ пожаромъ, и отъ этого скорбитъ и сокрушается сердце христіанское. Но сквозь гнетущій наше сознаніе кошмаръ, мы ясно сознаемъ лишь одно, что только Господь властенъ положить конецъ ужасной пляскѣ пирующей смерти, только Побѣдителю своему подчинится она и опять скроется въ адскія бездны, откуда вызвало ее своими беззаконіями челоуѣчество. Поэтому, прославляя въ эти святыя дни небо, вертепъ, престолъ херувимскій, Дѣву, ясли — вмѣстилище Невмѣстимаго, присоединимъ къ небесней цѣснѣ ангеловъ я свою грѣшную молитву воплотившемуся Христу Спасителю о томъ, чтобы Его свѣтъ возсіялъ въ сердцахъ не только тѣхъ, которые ищутъ его и стремятся къ нему, — чтобы свѣтъ этотъ

озарилъ также враговъ мира и любви Евангельской подобно тому, какъ озарилъ и переродилъ онъ премного гнавшаго Церковь Христову Савла. *Христе, Свѣте Истинный, просвѣщай и освѣщай всякаго чловѣка, грядущаго въ мѣръ! Да знаменуется на насъ свѣтъ лица Твоего, да въ немъ узримъ, Свѣтъ Непреступный!*

В. Садовничій.

И на землѣ миръ...

Гдѣ же этотъ миръ, который въ радостный день Рождества Спасителя міра возвѣстили ангелы въ Вифлеемѣ? Видимо ли, ощутимо ли человѣческому сердцу его благодатное вліяніе за тѣ 19 вѣковъ, которые истекли съ того времени, когда засіяла яркая Вифлеемская звѣзда?

Есть скептики, которые отрицаютъ всякое значеніе мира на землѣ, воспѣтаго ангелами въ рождественскую ночь, и говорятъ: посмотрите, что творится вокругъ, во всей Европѣ беспощадно льется человѣческая кровь, возстало царство на царство, и цѣлыя области нашей родины подверглись жестокому вражескому разоренію? Такъ-то оно такъ, но безпристрастная исторія даетъ намъ самый опредѣленный отраднѣйшій отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о мирѣ. Исторія говоритъ намъ о томъ, что „миръ“ человѣческой совѣсти и умиротвореніе земли, о которомъ пѣли въ ночь Рождества ангелы,—не пустая мечта о золотомъ вѣкѣ, а нѣчто постепенно осуществляющееся въ міровой исторіи.

Темная южная ночь. Яркая, разгоняющая мракъ, звѣзда на востокѣ; пастухи у горныхъ скалъ... И вдругъ чудный свѣтъ и пѣніе ангеловъ предъ этими скромными слушателями,—вѣтъ о томъ, что состоялось примиреніе неба и земли и на людяхъ почіеть благоволеніе. Кто бы повѣрилъ этой благой вѣсти въ шумномъ Іерусалимѣ, который, исполняя велѣніе Кесарево, готовился къ переписи? Что сказали бы хранившіе ключи отъ разумнѣйшаго закона и пророковъ фарисеи, если бы

скромные пастыри имѣли смѣлость придти къ нимъ и разсказать о случившемся?— „Приди и виждь, яко отъ Галилеи пророкъ не приходитъ“.

Но не такой ли, въ сущности, отвѣтъ давали и Нероны, Діоклетіаны и другіе язычники, гонители христіанства, съ презрѣніемъ смотрѣвшіе на Іудею, полагая, что оттуда, кромѣ жалкаго изувѣрства, ничего выйти не можетъ. Достигнувъ апогея земной власти, они, конечно, не могли и на минуту усумниться въ своей силѣ положить конецъ упорству жалкой кучкѣ неучей. И лилась, лилась потокомъ христіанская кровь, но каждая ея капля являлась плодоносной.

Протекли вѣка, отъ гонителей осталось только позорное имя злодѣевъ, а жалкая секта христіанъ выросла въ могучее дерево, охватившее своими вѣтвями весь цивилизованный міръ. Уже въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х., лишь только языческая культура успѣла присмотрѣться къ христіанамъ, замѣтить и отличить ихъ отъ всѣми ненавидимыхъ всюду іудеевъ, язычество начинаетъ невольнo, еще враждуя и понося христіанъ, привлекаться въ сторону христіанства. Цѣлый рядъ сродныхъ христіанству мистическихъ и моральныхъ теченій, которыя обнаружались въ греко-римской имперіи съ особенною силою въ вѣкѣ Северовъ, начиная съ культа Митры и кончая своеобразнымъ культомъ святыхъ,—былъ только завершеніемъ этого процесса постепеннаго приближенія къ христіанству язычества. Это было невольное отраженіе язычествомъ сіявшаго на весь міръ свѣта евангельскаго.

Уже съ тѣхъ поръ язычество стало приближаться къ тому, что могло дать отраду, истомленной царствомъ жестокости и зла человѣческой душѣ,—къ твердой вѣрѣ въ единаго Бога, стоявшаго выше міра и всѣхъ человѣческихъ страстей, но готоваго снизойти отечески къ павшему и томящемуся подъ ярмомъ грѣха человечеству. Эта вѣра, когда къ ней присоединилось благовѣстіе о современномъ спасеніи человечества Сыномъ Божиимъ, только и могла создать дѣйствительный и прочный міръ человечеству, которому не стала страшна ни горестъ жизни, ни самая мука смерти.

Ангелы пѣли о мирѣ и благоволеніи. И кто пытливымъ взоромъ окинетъ жизнь, это вѣчное поле борьбы добра и зла, глубже заглянетъ въ душу человѣка, гдѣ вѣчно, какъ два лютыхъ звѣря, грызутся тѣ же два врага, тотъ пойметъ, о какомъ мирѣ и какомъ благоволеніи пѣли ангелы.

На землю явился Богъ, чтобы влить въ зараженное грѣхомъ человѣчество, безсильное сбросить съ себя позорную печать паденія, новый источникъ силъ; явился Онъ, чтобы землю приблизить къ небу, чтобы направить къ добру волю человѣка, чтобы успокоить мятущуюся душу, открыть ему разумъ и смыслъ міровой трагедіи. И предъ взоромъ удивленнаго человѣчества, дѣйствительно, открылась безконечная ширь духовнаго горизонта: идея безсмертія и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечнаго прогресса, духовнаго совершенствованія, представленіе о всеблагомъ Богѣ, какъ милостивомъ Отцѣ человѣчества, пославшемъ Своего Сына для спасенія міра, идея внутренней свободы и человѣческой личности, всеобщаго братства, безразлично какого племени и состоянія, заповѣдь любви ко врагу и служеніе брату, даже до самоотверженія...

Пусть мы теперь переживаемъ время всѣхъ ужасовъ войны, разрушенія, разоренія, и нынѣшній „культурный“ нашъ врагъ думаетъ построить свое могущество и рай на землѣ. Пусть сердце этого врага дѣйствительно всѣ духовныя, въ особенности религіозныя потребности считаетъ чѣмъ-то малозначущимъ и излишнимъ въ жизни. Забыта великая, вѣчная истина: „познай самого себя“; забыты лучшіе запросы души! Но надолго ли это?

Мы видимъ, что не даетъ это состояніе ни счастья и довольства, ни истиннаго культурнаго прогресса. Наоборотъ, культурное вырожденіе идетъ по пятамъ за жалкимъ вѣкомъ, водрузившимъ знамя невѣрія и матеріализма. Ужасъ охватываетъ душу, когда смотришь на то, что совершается вокругъ... И стонетъ, и воетъ въ мукахъ и страданіяхъ несчастный міръ, не зная, гдѣ искать исхода отъ ужасовъ жизни! Но мы глубоко вѣримъ, что скоро онъ, усталый отъ мукъ,

вновь обратить лице свое къ востоку, откуда уже около двухъ тысячъ лѣтъ ярко сіяетъ рождественская звѣзда.

Что-бы кто ни говорилъ, стараясь себѣ и своимъ родоначальникамъ приписать все великое въ исторіи, но вѣдь только съ того великаго дня, когда засіяла Виѳлеемская звѣзда, проснулась совѣсть человѣчества, заговорило съ необычайною силою все высокое, святое: любовь къ Богу, какъ Отцу, и людямъ, какъ, братьямъ,—вѣра во Христа, въ Его благодатную миссію. И лично каждый изъ насъ въ вѣрѣ въ Сына Божія можетъ найти миръ и радость душѣ, независимо отъ внѣшнихъ благъ, несмотря ни на какія горести и лишеныя. Но это будутъ все же избранники,—когда же наступитъ миръ для всѣхъ?

Это зависитъ отъ самихъ людей, отъ ихъ воли. Свободный только путемъ свободнаго развитія можетъ достигнуть своего блаженства, и пока въ сердцѣ его не загорится огонь живой любви Христовой, даже всемогущество и благодать Божія не могутъ сдѣлать его участникомъ той радости, въ которой состоитъ возвѣщенное ангелами наступленіе царствія Божія. Но призываемое благодатию Божіею человѣство все же идетъ къ этому миру.

Царство Божіе, предупредялъ Спаситель, не наступитъ примѣтнымъ образомъ,—оно будетъ расти, какъ зерно, посѣянное въ землю. И вотъ, дѣйствительно, на нашихъ глазахъ это зерно растетъ, закваска вскисаетъ и подымаетъ все тѣсто.

Нынче среди нашей интеллигенціи христіанство не въ модѣ; она всѣми силами стремится оттолкнуться отъ христіанства и несмотря на это, какъ древнее язычество въ эпоху Северовъ, всецѣло дышетъ атмосферой христіанскихъ идей, ими только живетъ и движется впередъ. Всѣ языческія движенія, всѣ противорелигіозныя тенденціи и всѣ эти ужасы нынѣшней всемірной войны—только наносныя тучи на ясномъ горизонтѣ христіанской культуры, которая теперь свѣтитъ на весь міръ. Это облачко—оно пройдетъ; а святое

зерно, посеянное на грѣшной землѣ въ ту ночь, когда ангелы возвѣстили «миръ» землѣ, будетъ расти, пока земля не насладится этимъ миромъ. Мы вѣримъ, вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ, что наступить время, когда зло и вражда исчезнутъ, и Богъ будетъ всяческая и во всемъ.

К. Тихомировъ

Къ вопросу о современномъ положеніи русской женщины.

По поводу статьи свящ. Г. Мельницкаго „Наши сельскія матушки“).

Въ № 44 „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1915 г. въ статьѣ „Наши сельскія матушки“, свящ. Г. Мельницкій затрагиваетъ вопросъ, который по существу касается не только состоянія женъ сельскаго духовенства, но и состоянія современной русской женщины вообще, и надъ которымъ слѣдуетъ подумать.

Описывая то положеніе, въ какомъ находится сельская матушка, свящ. Мельницкій говоритъ: «Для нея съ раннихъ лѣтъ отъ замужества создана своеобразная жизнь въ глухихъ медвѣжьихъ углахъ» и видитъ это „своеобразіе“ въ томъ, что сельской матушкѣ приходится погружаться въ хозяйственныя заботы и какія еще (fi done!): „бѣгать съ утра до вечера въ холодъ и дождь отъ кухни къ скотинѣ, испытывая рѣзкій переходъ отъ тепла къ холоду, возиться со всѣми этими свиньями, коровами, курами, телятами, часто простужаясь, увядая прежде времени и такую горькую жизнь свою проводить къ тому же въ темной, грубой средѣ, гдѣ нужны желѣзное здоровье и канатные нервы и гдѣ, среди невзгодъ безкультурной жизни, тупѣютъ и глохнутъ вдали отъ свѣта ея лучшія силы и запросы души“.

Въ такомъ положеніи женъ духовенства свящ. Мельницкій видитъ перемѣну роли крестьянки съ интеллигентной женщиной и не упускаетъ случая припомнить слова

пѣвца „униженныхъ и обиженныхъ“ поэта Некрасова: „Доля ты, доля, долюшка женская, врядъ ли труднѣе сыскать“, хотя этотъ некрасовскій вопль относится собственно къ положенію крестьянской женщины патриархально-безправнаго состоянія ея въ давно минувшее крѣпостное время.

Правъ ли свящ. Мельницкій? Дѣйствительно ли сельскія матушки въ наше время перемѣнились ролью съ крестьянскими женщинами? Говорить такъ, значить совершенно не знать и не слышать про жизнь не только крестьянокъ или сельскихъ матушекъ, но и женщинъ вообще. Нигдѣ, за исключеніемъ высшихъ круговъ общества, и никогда женщина не была свободна отъ домашняго хозяйства. Дѣтская, кухня, скотина и пр. всегда были ея ближайшей сферой—въ широкомъ или узкомъ масштабѣ, смотря по тому, гдѣ вела и ведетъ жизнь женщина—въ городѣ или деревнѣ и при какихъ недостаткахъ семьи. Въ частности, домашнія хозяйства русскаго духовенства въ прежнія времена, при сравнительной дешевизнѣ тогда скота, птицы, инвентаря и кормовъ, были гораздо обширнѣе и значительнѣе теперешнихъ и, слѣдовательно, обязанности сельской матушки сложнѣе и труднѣе. И эти обязанности всегда, конечно, требовали чернаго труда и пренебреженія къ стихійнымъ невздамъ, какъ вообще требуетъ того же веденіе хозяйства отъ всякаго человѣка, кто бы онъ не былъ: горожанинъ или сельчанинъ, мужчина или женщина. Отъ чернаго труда избавлены только люди благородныхъ профессій да родовая и денежная аристократія. Но это особая среда, касаться жизни которой намъ нѣтъ надобности.

Почему же жизнь сельской матушки раньше, при болѣе широкихъ и сложныхъ хозяйствахъ духовенства, не казалась такой тяжелой, по мысли свящ. Мельницкаго, даже не выносимой, какъ теперь? Только ли потому, что „нынѣшняя прислуга стала дороже денегъ, и подчасъ трудно отыскать ее, такъ что вся грязная и тяжелая хозяйственная работа лежитъ на плечахъ однѣхъ только матушекъ“? Но вѣдь ту же тя-

готу и по тѣмъ же причинамъ несутъ русскія женщины и другихъ сословій, не только въ деревнѣ, но и въ городахъ (въ городахъ даже чаще и замѣтнѣе всего) и однако свящ. Мельницкій ихъ обошелъ... Да не только обошелъ, а имъ даже позавидовалъ: „Женщины другихъ сословій, видите, въ изобиліи могутъ пользоваться культурными благами: лекціями, современной литературой и наукой, избраннымъ обществомъ просвѣщенныхъ людей, гдѣ душа можетъ отдохнуть,—даже городскія кухарки, горничныя и жены мелкихъ служащихъ, а интеллигентная сельская матушка въ кои то вѣки заглянетъ въ какой-нибудь захудалый городишко и то, поглощенная цѣлодневной сутолокой да устройствомъ своихъ дѣлъ, ни чѣмъ не воспользуется изъ этихъ культурныхъ благъ. А между тѣмъ когда то и она, многострадальная, въ душныхъ стѣнахъ училищъ, гимназій, а то и институтовъ слушала лекціи (?!), изучала языки, науки, музыку. Оттуда она вышла съ чуткой душой, идеальными порывами и вѣрой въ добро, а потомъ сразу попала въ темную, грубую среду“.

Зависть свящ. Мельницкаго къ городскимъ кухаркамъ, горничнымъ и женамъ мелкихъ служащихъ основана, надо полагать, на излишнемъ довѣрїи его къ грошевымъ сатирическимъ журнальчикамъ и газеткамъ. Мы сами жили въ столицѣ и большихъ городахъ, имѣли кухарокъ и горничныхъ и водили знакомство съ женами мелкихъ служащихъ, но намъ не приходилось наблюдать, чтобы онѣ посѣщали лекціи (если только подъ этимъ словомъ не разумѣть элементарныхъ общеобразовательныхъ курсовъ для рабочихъ, гдѣ сельскимъ матушкамъ дѣлать, конечно, было бы нечего), и чтобы онѣ отдыхали въ избранномъ обществѣ, отдаваясь литературѣ, наукѣ, музыкѣ и пр. интеллигентнымъ занятіямъ (если подъ избраннымъ обществомъ не разумѣть дворниковъ, лакеевъ, военныхъ, писателей, подъ литературою и наукою ихъ „словесность“ низкаго пошиба, а подъ музыкаю игру на гармошкѣ или балалайкѣ). Лекціи, наука, литература, музыка—увы! даже и въ городахъ достояніе, только избран-

ныхъ натуръ русскаго общества, преимущественно учащейся молодежи, и этимъ ли заниматься кухаркамъ, горничнымъ, женамъ мелкихъ служащихъ, когда жены и болѣе обеспеченнаго круга, слѣдовательно, болѣе свободныя отъ хозяйственныхъ обязанностей, предпочитаютъ серьезнымъ развлеченіямъ что-либо болѣе легкое. Но вообще то, неужели только въ городѣ можно заниматься наукой, литературой, музыкой и пр., что составляетъ потребность интеллигентнаго человѣка?

Какъ справедливо говоритъ редація «Руководства для сельскихъ пастырей», «книги, журналы съ многоразличными научными и ненаучными приложеніями доступны и деревнѣ; посредствомъ газеты матушка можетъ бесѣдовать со всѣмъ міромъ. Только бы она не погружалась до забвенія всего въ хозяйство, только бы не потеряла духовныхъ интересовъ». Ну, а рояль, піанино, граммофонъ, прибавимъ мы отъ себя, есть почти въ каждомъ священническомъ домѣ. Вотъ и музыка! Найдется въ селахъ и подходящее для сельскихъ матушекъ общество: ихъ мужья, дѣти, семьи сосѣднихъ причтовъ, помѣщики, уѣздные чиновники и т. д. Кто же и что же мѣшаетъ сельскимъ матушкамъ отдыхать въ своей сферѣ въ интеллигентныхъ занятіяхъ и възгрѣвать въ себѣ идеальные порывы, вѣру въ добро и пр.?

А между тѣмъ, что мы видимъ? Сельское духовенство вообще и сельскія матушки въ частности мало интересуются серьезнымъ чтеніемъ; въ домахъ духовенства чаще всего встрѣчаешь легкіе журнальчики въ родѣ „Нивы“, „Родины“, „Всемирной Иллюстраціи“, да мѣстныя газеты. Про наиболѣе необходимыя для духовенства отрасли знанія: богословіе и философію и говорить не приходится: ими духовенство мало интересуется; часто не разрѣзаетъ даже своихъ синодальныхъ и епархіальныхъ органовъ. Если въ домѣ священника соберется общество, — разговоры на научныя или литературныя темы вы не услышите; сядетъ матушка за музыкальный инструментъ, серьезной музыки изъ подъ ея

перстовъ не польется. Что же касается духовной музыки то она, кажется, совершенно изгнана изъ жилищъ духовенства.

Кто же виновать въ томъ, что лучшія духовныя силы и запросы нашихъ матушекъ глхнуть, не находя себѣ отклика въ нихъ же самихъ, и помогали ли бы развиваться этимъ силамъ и запросамъ лекціи, литературные вечера, избранное общество, если все это могло бы завестись въ деревнѣ?

Мы держимся на это мрачнаго, почти безнадежнаго взгляда. Изъ наблюдений надъ городской жизнью намъ извѣстно, что эти блага современной культуры мало помогаютъ развитію и городскихъ женщинъ (если не касаться учащейся женской молодежи и женщинъ, всецѣло преданныхъ наукѣ). А между тѣмъ городскія женщины получаютъ свое образованіе въ тѣхъ же гимназіяхъ, институтахъ, епарх. и др. училищахъ, какъ и сельскія матушки, и одинаково могутъ причислять себя къ интеллигенціи. Какое же основаніе рассчитывать, что сельскія матушки явились бы счастливымъ исключеніемъ изъ общаго правила? А общее правило гласитъ, что пресловутая русская женская эмансипація очень мало подвинула впередъ духовное развитіе нашихъ женщинъ. Да и какъ она могла бы подвинуть это развитіе при томъ поверхностномъ и весьма недостаточномъ образованіи, которое получаетъ большая часть русскихъ людей вообще и нашихъ женщинъ въ частности? Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ назвать образованіемъ краткіе курсы: Св. исторіи Ветхаго и Новаго Заветовъ, Катихизиса, Богослуженія, церковной и гражданской исторіи, географіи и пр. по сухимъ, малосодержательнымъ, иногда даже и малопонятнымъ учебникамъ всѣхъ этихъ Соколовыхъ, Смирновыхъ, Иловайскихъ, Виноградовыхъ и др. устарѣлыхъ педагоговъ — схоластиковъ. Это только начатки образованія. И потому слова Пушкина: „Мы всѣ учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь“ остаются по прежнему характеристикой рус-

скаго образованія. Ну, а разъ это такъ, что стала бы дѣлать русская женщина на лекціяхъ или научно—литературныхъ вечерахъ? Съ какимъ запасомъ знаній она туда явилась бы и что могла бы воспринять тамъ при недостаточности своего образованія? И если она всетаки туда кое-когда является, то лишь для того, чтобы увидать новыя лица, поболтать съ знакомыми, показать свои наряды и т. д. Для того же, конечно, являлась бы туда и сельская матушка.

А избранное общество просвѣщенныхъ людей—гдѣ оно у насъ есть, гдѣ и когда собирается? Тутъ ужъ приходится вспомнить слова поэта—шестидесятника Полонскаго изъ его стихотворенія „Въ гостяхъ“.

Много есть честныхъ, хорошихъ людей,
Свѣтлыхъ умомъ и вполнѣ благородныхъ,
Но и они вродѣ блѣдныхъ тѣней
Никнуть душею въ гостинныхъ холодныхъ.
Есть у насъ такъ называемый свѣтъ,
Есть даже люди, но общества нѣтъ.—
Русская мысль въ одиночку созрѣла,
Да и гуляетъ безъ дѣла!

Выдѣлать только однѣхъ сельскихъ матушекъ, какъ какихъ то особыхъ мученицъ, заѣдаемыхъ дѣтской, кухней, хозяйствомъ и „темной средой“ слишкомъ тенденціозно. Большая часть русскихъ женщинъ находится въ томъ же или подобномъ положеніи, и это во многомъ зависитъ отъ недостаточности русскаго образованія вообще и образованія нашихъ женщинъ въ частности. Улучшите матеріальное положеніе нашихъ семей и черезъ то облегчите тяготу женскихъ обязанностей; при чемъ останутся наши женщины въ часы досуга? При тѣхъ же грошовенькихъ журнальчикахъ: „Нивѣ“, „Родинѣ“ и пр. съ ихъ развращающими приложеніями сочиненій: Горькаго, Андреева, Куприна, Арцыбашева, бряцаніи на клавикордахъ, романсиковъ, примѣриваніи нарядовъ, да пересудахъ ближнихъ. Иного ничего не выйдетъ. Въ этомъ ли культура, въ этомъ ли желанное содержаніе интеллигентности?

Ну, а вѣру въ добро и идеальныя порывы никто и никогда не отнималъ у женщинъ, если онѣ успѣли развить въ себѣ все это въ годы своего ученія и для примѣненія этой вѣры и этихъ порывовъ къ дѣлу въ деревнѣ, пожалуй, еще больше простора, чѣмъ въ городѣ. Была бы охота. Взять хотя, напр., поднятiе до себя той грубой темной среды, о которой такъ пренебрежительно отзывается свящ. Мельницкiй и которая, право, заслуживаетъ вниманiя къ себѣ хотя-бы потому уже, что свободна отъ многихъ отрицательныхъ сторонъ „культурнаго“ общества, которое, какъ извѣстно, въ своей жизни идетъ кое въ чемъ въ разрѣзъ съ христіанскими принципами и завѣтами. Но что-то наши сельскія матушки мало о семъ стараются.

Въ томъ то и горе наше, что мы слишкомъ высоко ставимъ себя, если кое какое воспитанiе и образованiе дало намъ поводъ причислять себя къ культурнымъ людямъ, и слишкомъ низко другихъ, этого повода лишенныхъ. Духа, духа не угашайте.

Священникъ *Владиміръ Успенскiй.*

Изъ повременной печати.

Современныя религіозныя теченія.

Для пастырей Церкви, которые призваны быть духовными руководителями общества, должны представлять значительный интерес возникающія въ послѣднемъ религіозныя теченія, хотя бы эти теченія и далеко отстояли отъ церковнаго пути. Краткой характеристикѣ современныхъ интеллигентскихъ религіозныхъ направленій посвящена статья свящ. Г. Мельницкаго въ журн. „Вѣра и Жизнь“ (№ 19—20). Главными изъ такихъ направленій являются богостроительство и богоискательство. Первое, имѣющее своими представителями М. Горькаго, Луначарскаго, Базарова, Юшкевича и

другихъ послѣдователей неомарксизма и социализма, стремится построить религію коллективной личности, или человѣчества вообще.

Ближе къ христіанству стоятъ „богоискатели“, какъ Мережковскій, Минскій, А. Бѣлый, Вяч. Ивановъ, Эрнъ и др. Воззрѣніе этихъ „неохристіанъ“, мистиковъ, символистовъ, христіанскихъ социалистовъ и т. д. довольно разнообразно. Нѣсколько подробнѣе авторъ разсматриваемой статьи останавливается на религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ Мережковского. Въ основѣ этихъ послѣднихъ лежитъ мысль о трехъ моментахъ религіознаго развитія человѣчества. Первый моментъ—царство Бога Отца, ветхій завѣтъ, имѣлъ „предѣльной символизацией объективности для человѣческаго сознанія осязаемую виѣшнюю плотность, какъ плоть человѣка—тѣло его, такъ и космическую плоть—матерію“. Второй моментъ—царство Сына Божія, христіанство, утвердило духъ (будто-бы) въ ущербъ плоти: „вся метафизика христіанской святости сводится къ утвержденію безплотной духовности“. Оба эти момента должны получить свой синтезъ въ третьемъ грядущемъ царствѣ—Духа Святаго. Такимъ образомъ, христіанство, по этому представленію, выполнило свое назначеніе и должно быть замѣнено третьимъ завѣтомъ, который будетъ такъ же превосходить христіанство, какъ оно само превосходитъ ветхій завѣтъ. Здѣсь ясно видна оторванность интеллигентской мысли отъ Христа и непониманіе Его испушительнаго дѣла. Противъ такого представленія авторъ разсматриваемой статьи указываетъ, что царство Святого Духа уже настало, такъ какъ Духъ Святой царствуетъ въ основанной Христомъ Церкви, и потому никакого новаго откровенія Духа Святаго въ „третьемъ завѣтѣ“ ожидать нельзя.

Слѣдуетъ добавить, что указанная религіозная теченія распространялись до войны. Нужно надѣяться, что послѣ войны, вызвавшей во многихъ сильный религіозный подъемъ религіозныя исканія примутъ болѣе здравое направленіе.

Объ избраній духовенства.

М. О. Меньшиковъ, „въ Голосѣ Руси“ излагаетъ заслуживающія вниманія сужденія по вопросу объ избраніи приходскаго духовенства. Въ противоположность распространяющемуся въ послѣднее время взгляду, что право избранія священно-служителей должно быть предоставлено самимъ прихожанамъ, М. О. настаиваетъ, что право это должно принадлежать епископу. Епископъ въ этомъ дѣлѣ свѣдущѣе прихожанъ. Онъ долженъ быть увѣренъ, что рукополагаемый дѣйствительно достоинъ сана: вѣдъ таинство, какъ выражается М. О.,—„не простой штемпель нотаріуса“. Правда, и вся Церковь свидѣтельствуетъ о достоинствѣ посвящаемаго своимъ возглашеніемъ „аксіосъ“; но въ данномъ случаѣ достаточно предоставить прихожанамъ только право отвода нежелательнаго для нихъ священно-служителя. Рѣшать же вопросъ, кто годится быть священникомъ, они не могутъ, такъ какъ, кромѣ благочестія, для священническаго и діаконскаго сана требуются особыя познанія и другія условія. Религія имѣетъ своею цѣлью нравственное совершенствованіе. При избраніи пастыря прихожанами очень легко можетъ случиться, что избраннымъ окажется „свой братъ“. Но для пастыря нуженъ не „свой братъ“, а „отецъ“, духовно превышающій своихъ дѣтей. Оцѣнить наличность такихъ высшихъ качествъ „можетъ только высшій изъ іереевъ, т. е., архіерей“.

Изложенныя разсужденія особенно знаменательны въ томъ отношеніи, что они принадлежатъ публицисту, который болѣе всего настаиваетъ на необходимости для пастырской близости къ народу, апостольской простоты, умаляя и даже чуть ли не уничтожая значеніе для нихъ научнаго образованія.

Н. Г.

Аптѣчки въ сельскихъ приходахъ.

Всѣмъ, кажется, извѣстно, что наши деревенцы живутъ въ плохихъ санитарно-гигіеническихъ условіяхъ, и помѣщенія ихъ, по большей части, состоятъ изъ 7—9 аршинной избы. И здѣсь живетъ семья изъ 6—12 душъ; вентиляціи, конечно, въ этомъ „домѣ“—никакой, несмотря на то, что тутъ же находится зимою и мелкій скотъ: ягнята, телята. Въ такомъ-то тѣсномъ, грязномъ и вонючемъ помѣщеніи, гдѣ постоянно бываетъ спертый воздухъ, и проводятъ крестьяне зимнее время.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что *такое* помѣщеніе, *такой* воздухъ губельно дѣйствуетъ на здоровье и жизнь какъ самихъ деревенцевъ—отцовъ, такъ и ихъ дѣтей.

Извѣстно и то, что „глухіе“ сельскіе наши приходы страдаютъ недостаткомъ медицинской помощи, и въ особенности—въ нынѣшнее боевое время, когда всѣ почти участковые земскіе врачи или на позиціяхъ, въ полевыхъ лазаретахъ или въ Красномъ Крестѣ. Да и обычно число городскихъ и земскихъ врачей, равно и фельдшеровъ-школьниковъ настолько ничтожно, что они, при всемъ примѣрномъ усердіи и стараніи, не всегда могутъ подать помощь больнымъ, страждущимъ и въ особенности—бѣженцамъ.

Большую нужду въ медицинской помощи испытываютъ и наши начальныя народныя школы, находящіяся на дальнемъ разстояніи отъ земскихъ больницъ и фельдшерскихъ пунктовъ. Между тѣмъ каждая народная школа,—будь она ц.-приходская или земская,—могла бы оказать великую услугу подачей первоначальной медицинской помощи всѣмъ, живущимъ въ приходѣ. Въ каждомъ почти селѣ, въ деревушкѣ есть—прибыли изъ „комиссій“—наши богатыри-инвалиды, масса раненыхъ, немало хворыхъ бѣженцевъ—въ особенности—старыхъ и дѣтей; всѣмъ надо лѣкарство, всѣхъ надо лѣчить, а больница далеко.

Святое было-бы дѣло, если бы при школахъ, въ сельскихъ нашихъ приходахъ, устроить аптечки съ самыми необходимыми лекарствами, сюда же выписать и серію картинъ (подъ общимъ заглавіемъ: „первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача“). Цѣль этого изданія—способствовать искорененію ложныхъ понятій и предрасудковъ въ дѣлѣ оказанія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ посредствомъ наглядныхъ рисунковъ, съ общепонятнымъ объяснительнымъ текстомъ, на которыхъ отчетливо изображены всѣ приемы поданія первой помощи. Картины, въ размѣрѣ 15×10 вершковъ, исполнены хромолитографіей въ картографическомъ заведеніи Ильина. На поляхъ каждой картины помѣщенъ объяснительный текстъ, въ которомъ вполне вразумительно и въ полномъ соотвѣтствіи съ картинами изложены наставленія, что и какъ дѣлать. Исполнены картины не только вполне отчетливо, но и изящно. Польза такого изданія несомнѣнна. Руководясь картиною и наставленіями, въ коихъ указаны въ надлежащей постепенности всѣ приемы поданія первой помощи, каждый приходскій священникъ и народный учитель могутъ принести несомнѣнную пользу страждущему до прибытія врача, а въ нѣкоторыхъ несчастныхъ случаяхъ, какъ при угарѣ, утопленіи, укушеніи ядовитыми животными,—и возвратитъ несчастному жизнь.

Завѣдывать этими приходскими аптечками могутъ народные учителя или батюшки. У послѣднихъ водятся „домашнія“ свои аптечки;—священники, вообще, большіе любители медицины, съ медицинскими свѣдѣніями они ознакомлены были въ духовной еще семинаріи. И счастливы тѣ сельскіе приходы, въ которыхъ живутъ пастыри-врачи не только душою и тѣлесью. И въ самомъ дѣлѣ: представимъ какое-нибудь „захолустное“ село, находящееся въ 30—40 верстахъ отъ больницы (тамъ и квартира врача), немного ближе и пунктный фельдшеръ. Въ такомъ „глухомъ“ приходѣ заболѣваетъ человекъ тяжкою болѣзнию. Больного и съ мѣста нельзя тронуть, да и на дворѣ—или трескучіе морозы, или грязь невы-

лазная. Значить, къ доктору вести больного нѣтъ и физической возможности. Бываетъ и такъ, что одинъ изъ семейныхъ и попадетъ по близости къ фельдшеру, просить его къ умирающему; но фельдшеръ можетъ быть и въ отлучкѣ, да въ военное теперешнее время фельдшеровъ и не найдешь: они лѣчатъ, перевязываютъ раны христоробивымъ воинамъ. Если и при больницѣ и есть фельдшеръ, онъ можетъ и не ѣхать къ мужичку: скажетъ, что „подъ руками“ у меня лежать двое-трое раненыхъ, прибывшихъ только-что съ позиціи солдатъ; отъ нихъ—никуда... На разпросы же фельдшера не развитый нашъ деревенецъ скажетъ только, что его человекъ *весь* хворый. Какое дать лекарство?.. И какъ фельдшеръ или акушерка-фельдшерица „заочно“ можетъ дать лекарство“?

Впрочемъ, и то сказать, что при всемъ—говоримъ—желаніи нашего медицинскаго персонала оказывать помощь, нѣтъ никакой возможности выполнить это дѣло какъ-бы нужно. И удивительный нашъ—народъ, если у кого заболѣетъ ребенокъ или дитя-школьникъ, то его сразу не повезутъ въ больницу, а подождутъ: „не—пройдетъ-ли“?, „не—попритчалось-ли ему“? И когда придетъ базарный день, тогда больного „кстати“ и повезутъ къ доктору, и такихъ пациентовъ наберется въ приѣмной до 50—100 человекъ. Тутъ, конечно, нелегко разобраться въ нѣдрахъ, какъ слѣдуетъ, и подать помощь въ запоздалой „болѣсти“.

Чтожъ дѣлать? Чѣмъ и какъ деревенскому *горю* пособить? Помочь этому можно только тѣмъ, что открытъ приходскую небольшую аптечку при сельскомъ училищѣ: приходскій священникъ и народный учитель—близкія къ люду деревенскому лица, пользующіяся со стороны крестьянъ и довѣріемъ и уваженіемъ. Притомъ же, священникъ и учитель, бол. частью, единственная въ приходѣ личность интеллигентная, обязанная служить *народной* пользѣ. А пользование лѣкарствами изъ—этой „сельской“ аптеки для учениковъ народныхъ нашихъ школъ—большое благодѣяніе.

Средства для открытія аптечки легко, какъ намъ думается, найти, ихъ, вѣдь, и немного надо; была бы только

любовь и охота помочь страждующему люду деревенскому, тѣмъ болѣе теперь, когда въ наши приходы стали селиться бѣженцы. И какъ этимъ „несчастливымъ“ не помочь?.. Какъ не полѣчить ихъ—*больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ*; бѣженцы, вѣдь всѣ прибыли къ намъ въ приходы разслабленные. Св. Синодъ отправилъ уже Архіереямъ телеграммы съ предложеніемъ немедленно принимать *всѣ мѣры* для оказанія пріюта бѣженцамъ въ церковно-приходскихъ школьныхъ зданіяхъ. Волна бѣженцевъ изъ захваченныхъ врагомъ мѣстностей разлилась по лицу земли Русской. Эта волна людей обездоленныхъ, достойныхъ не только состраданія, но и уваженія приковываетъ къ себѣ горячее вниманія. Необходимо озаботиться ихъ участіемъ, необходимо создать имъ сносная условія существованія. Среди бѣженцевъ мало здоровыхъ. Да и откуда можетъ быть у нихъ здоровье? Все больше—дѣти разутыя, раздѣтыя, и женщины, а мужчины или на войнѣ, или на работахъ. Въ своемъ углу они кое-какъ кормились, а теперь у этихъ несчастныхъ нѣтъ ничего, кромѣ участія добрыхъ, сердобольныхъ русскихъ людей.

Средства на открытіе въ приходѣ аптечки можно найти, по крайнему нашему разумѣнію, слѣдующими путями.

Предъ очереднымъ земскимъ собраніемъ приходскому священнику не составитъ труда подать (можно приложить и мірскій приговоръ) прошеніе съ ходатайствомъ, по данному вопросу и изясненіемъ мотивовъ открытія въ селѣ, при школѣ, аптечки. Народное здравіе—первое дѣло земства. И крестьянскія общества, во главѣ со старостой, убѣдить можно въ полезности открытія у нихъ, въ деревнѣ аптечки; для этого, они-бы, прихожане, положили предъ Новымъ годомъ въ окладъ мірской годовой „раскладки“ смѣту на такую аптечку.

На святое это дѣло можно и „подписной“ листь сдѣлать: все пожертвуютъ, все дадутъ, въ особенности, солдатики, получающія сразу за три мѣсяца, на дѣтей и на себя солидныя суммы. Не откажутся пожертвовать и проживающія въ приходѣ интеллигенція. Можно и сельскому священнику,

или кому онъ поручить (діакону или ц. старостѣ), пройтись по селу *по-сбору*: въ урожайный этотъ годъ сердобольный прохожанинъ никогда не откажется дать лотокъ—другой, сборъ этотъ дастъ немалую цифру, если продать хлѣбъ. Вѣдь, ходять же члены ц. причта (и просфорни) „по-сбору“, осенью, за *новью*. Наконецъ и приходская церковь, вѣроятно, не откажетъ пожертвовать сколько-нибудь (жертвуютъ же храмы ежемѣсячно на Красный Крестъ и на бѣженцевъ) изъ „кошельковыхъ“ суммъ на этотъ предметъ—на организацію медицинской помощи въ селѣ.

Н. С.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1916 подписномъ году.

Въ 1916 году журналъ нашъ вступаетъ въ 57 годъ своего изданія. И въ этомъ году онъ будетъ руководиться своей всегдашней цѣлью — содѣйствовать православному духовенству въ разныхъ областяхъ его многотрудной пастырской дѣятельности.

Въ 1916 году наши подписчики получаютъ:

52 еженедѣльныхъ номера журнала, содержащихъ а) статьи по вопросамъ пастырской дѣятельности и приходской жизни; б) статьи по исторіи Церкви, апологетикѣ, обличенію сектантства, исторіи и изъясненію богослуженія и другимъ богословскимъ наукамъ; в) сообщенія о военныхъ событіяхъ и о дѣятельности духовенства на войнѣ; г) *обзоръ церковно-общественной жизни*; д) *обзоръ епархіальной жизни по Епархіальнымъ Вѣдомостямъ*; е) *обзоръ периодической печати* (главнымъ образомъ, духовной); ж) общепользныя свѣдѣнія по медицинѣ, сельскому хозяйству, садоводству. Въ

1916 году будетъ продолжаться печатаніе „БЕСѢДЪ ПО ПЧЕЛОВОДСТВУ“ (практическая часть); 3) *Отвѣты на вопросы подписчикамъ.*—Въ виду невозможности своевременно предвидѣть всѣ возникающіе на мѣстахъ запросы, Редакція просить подписчиковъ дѣлиться съ нею своими наблюденіями, недоумѣніями и т. п.

12 книжекъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни. Наряду съ оригинальными проповѣдями будутъ помѣщаться лучшіе печатные образцы проповѣдничества. Проповѣди высылаются раньше того времени, на которое онѣ назначаются для произнесенія.

12 выпусковъ „Богословскаго Библиографическаго листа“.—Указаніе текущей церковно-богословской литературы и отзывы о ней.

Возплатное нотное приложеніе.

Кромѣ того: подписчикамъ дѣлается уступка при выпискѣ отъ редакціи „ТОЛКОВАГО ТИПИКОНА“: вып. 1-й за 2 р. вмѣсто 2 р. 50 к., вып. 2-й за 1 руб. 50 коп. вмѣсто 1 руб. 75 коп., вып. 3-й за 60 коп., вмѣсто 75 коп., съ пересылкой.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи *шесть рублей*, за границу *8 руб.* Допускается **разсрочка.**

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчики благоволятъ присылать *25 к.*; можно марками.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Въ Редакціи имѣются для продажи экземпляры журнала и „Проповѣди“ за прежніе годы по удешевленной цѣнѣ.

И М Е Н Н О:

1) Полные экземпляры журнала за 1888, 1889, 1891, 1894 и 1895 годы съ приложеніями—по 3 руб.; за 1892, 1896, 1897 и 1898 годы съ приложеніями по 4 руб.; за

1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1899, 1900, 1902, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913 и 1914 годы съ приложеніями—по 5 руб.

II) Приложенія къ журналу—„Проповѣди“ 1888, 1889, 1890, 1891, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 гг.— по 1 руб. 50 коп.; 1886, 1892, 1899, 1900, 1901, 1902, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913 и 1914 годы—по 2 руб. за каждый отд. вып.

III) Слѣдующія отдѣльныя изданія:

1) **Избранныя слова и бесѣды** высокопреосв. Платона, митр. Кіевскаго и Галицкаго, говоренныя въ разные годы на дни воскр. и пр. Ц. 1 р. 20 к.

2) **Сборникъ поученій по случаю неурожая.** Цѣна 1 руб.

3) **Катихизическія бесѣды** къ сельскимъ прихожанамъ, или весь Православный Катихизисъ въ бесѣдахъ. Свящ. *И. Скарданцикаго*. Изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное. Цѣна 1 руб.

4) **Краткая исторія и обличеніе новыхъ рационалистическихъ сектъ.** *Н. Гумилевскаго*. Ц. 1 р. 20 к.

5) **Практическіе совѣты священникамъ** при производствѣ слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно-и церковнослужителей. Ц. 60 к.

6) **Практическія наставленія митрополита Григорія пастырямъ** по предмету спасительнаго дѣйствія на раскольниковъ. Ц. 60 к.

7) **Торжествуй, наша обитель.** Гимнъ для хора при встрѣчѣ преосвященныхъ. Партитура и слова. Ц. для 2-хъ теноровъ и 2-хъ басовъ 75 коп., для 4-хъ женскихъ голосовъ ц. 60 к.

8) **Руководство къ изъяснительному чтенію Четвероевангелія и Дѣяній Апостольскихъ.** Составилъ *А. Ивановъ*. Цѣна 2 руб.

9) **О церковномъ пѣніи Православной Греко-Россійской Церкви.** *И. В. Вознесенскаго*. Цѣна 1 руб. 50 коп.

10) **Толковое Евангеліе отъ Іоанна.** *Евфимія Зшабена*. Цѣна 1 руб. 50 к.

11) **Толкованіе для пастырей пастырскихъ посланій ап. Павла къ Тимоюю и Титу.** Цѣна 1 руб.

12) **Пастырскія посланія ап. Павла въ толкованіи Икуменія.** Переводъ съ греческаго. Цѣна 50 коп.

13) **Почуенія, рѣчи.** Арх. Іоанникія. Ц. 1 р. 50 к.

14) **Изъ бесѣдъ о проповѣди американскаго проповѣдника Филиппа Брукса.** Съ французскаго. Пересказъ *В. Г. Петрушевскаго*. Кіевъ, 1898 г. Цѣна 85 к.

15) **Сборникъ главнѣйшихъ пѣснопѣній Божественной литургіи Кіевскаго распѣва.** Перел. на три голоса *В. Г. Петрушевскаго* Цѣна 60 к.

16) Главнѣйшія пѣснопѣнія Всенощнаго бдѣнія Кіевскаго распѣва въ общедоступномъ переложеніи на три голоса. В. Г. Петрушевскій. Ц. 60 к.

17) Сборникъ духовно-музыкальныхъ произведеній. Состав. В. Г. Петрушевскій. Цѣна 75 к.

18) Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики. Вып. I. Службы круга суточнаго, седмичнаго и годичнаго. Ц. 75 к.

19) Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики Вып. II. Чинопоследованія по требнику. Ц. 75 к.

20) Божественная литургія св. Іоанна Златоуста (параллельно славянскій и русскій текстъ церковн. молитвослов. и пѣсноп. съ общедост. объяснен.). Цѣна 75 коп.

21) Церковныя пѣснопѣнія для хорового исполненія. Цѣна 70 коп.

22) Церковныя пѣснопѣнія для хорового исполненія. Вып. II. Ц. 80 к.

23) Указатель къ ж. „Руковод. для с. п.“ съ 1860—1869 г. Ц. 30 к.

24) Проф. *Θ. И. Титовъ*. Русская Православная Церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII вв. т. II. Цѣна 3 р.

25) *Н. Маккавейскій*. Педагогика древнихъ Отцовъ и Учителей Церкви. Ц. 50 к.

26) Откуда пошла Русская Земля, и какъ она стала православною. Ц. 15 коп.

27) Толковый Типиконъ. Вып. I-й. Ц. 2 р. 50 к. Вып. II-й. Цѣна 1 руб. 75 к. Вып. III-й. Ц. 75 к.

28) Избранныя Духовно-музыкальныя сочиненія А. Л. Веделя. Вып. I и II. Ц. 1 р. 50 коп.

29) Избранныя богословскія сочиненія А. С. Хомякова. Ц. 1 р.

30) Д-ръ *Е. Деннертъ*. Умеръ ли Богъ? Пер. съ нѣм. Ф. А. Гильберта, подъ ред. свящ. *Ал. Введенскаго*. Ц. 1 р.

31) *Н. Гумилевскій*. Разборъ основныхъ положеній хлыстовства Ц. 60 коп.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 11-го декабря 1915 г.

Цензоръ протоіерей *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акц. Общ. печ. и изд. дѣла *Н. Т. Корчакъ-Новицкаго* Мерин. 6.